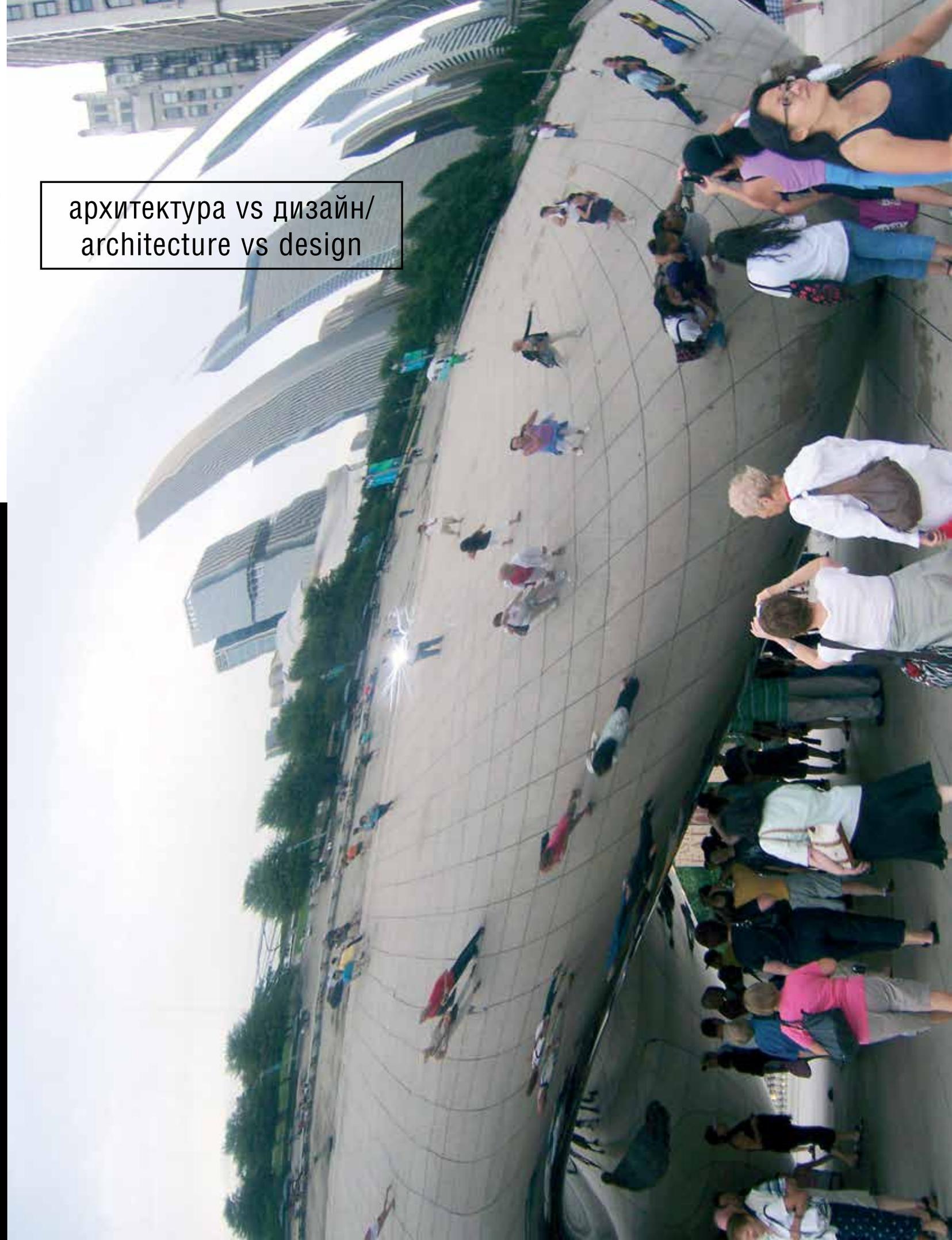

проект байкал/проект байкал

архитектура vs дизайн/
architecture vs design

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**18 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Лицензия: Д 730489 от 15.05.2006, выдана Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

22 архитектура vs дизайн / architecture vs design

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

события	XVII Международный фестиваль «Зодчество-2009»	2
	Детское архитектурно-художественное «Зодчество»	8
	Назад в будущее: сохранение и популяризация объектов культурного наследия	13
	Professional Practice Commission – 2009	14
	Международный студенческий конкурс	15
	Свежий взгляд на архитектурное наследие XX века	15
	Признание первого проекта Тойо Ито в Латинской Америке	15
	Ио Минг Пей – Золотая медаль RIBA	15
	«Большой Париж» – стратегия развития	16
	WAA!	19
	Семинар государственных органов охраны объектов культурного наследия в Иркутске	20
	Особенности учета, документационного обеспечения объектов археологического наследия. Система работы Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области с факторами угрозы сохранности объектов археологического наследия	20
образование	VI конференция ИРО САР	21
	Защита дипломов в ТГАСУ: впечатления и размышления	22
	Дипломное проектирование (кафедра дизайна ИрГТУ)	24
	Программа «Социальная устойчивость исторических районов» в Сеуле	32
	Шестидесятник третьего тысячелетия	34
мастера дайджест мастерская	Уютный двадцать первый век. К 20-летию архитектурного бюро «Остоженка»	38
	Проектное предложение по строительству жилого микрорайона	40
	Архитектурная концепция застройки территории завода ОАО «ЯЗТА»	42
ландшафт	Создание Совета по ландшафтной архитектуре Союза архитекторов России и Ассоциации ландшафтных архитекторов России	44
	Архитектурный конкурс в Красноярске	46
	«Ергаки-2009»: резюме куратора конкурса	46
новостройки квартирный вопрос градостроительство	Строительство Концертного зала Мариинского театра в Санкт-Петербурге	50
	Таунхаусы. Часть 1. Экскурс в историю	54
	Континуум городского пространства	58
	Рецензия на книгу А.Н. Клевакина «Сибирский город в эпоху перемен»	62
	Государственное регулирование градостроительной деятельности в России	63
	Территориально-промышленное развитие СССР	64
регион	Моногорода России: проблемы и пути реформирования	69
	Глумление над Байкалом продолжается	72
	Конец БЦБК?	75
монитор конкурс конкурсы /к юбилею Иркутска	Конверсия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината	78
	Связь континентов. Берингов пролив	80
	Два конкурса к юбилею города	82
	Памятники Первопроходцу и Декабристам в контексте подготовки к 350-летию Иркутска	84
наследие /к юбилею Иркутска	Продолжающаяся жизнь деревянного города	90
	Принципы разработки и реализации проекта комплексной регенерации исторического квартала Иркутска в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова	96
	Международный Байкальский зимний градостроительный университет – 2010	98
наследие	Есть все права на регламент	99
	Этнографические музеи под открытым небом: перспективы Прибайкалья	104
	Музей деревянного зодчества под открытым небом «Ленская деревня»: первый шаг – курсовой проект	108
	Благовещенск: дальневосточная эклектика начала XX века	114
русский восток дайджест наследие XX книга	Гостиница «Сибирь»: возвращение к теме	122
	«Феликс Новиков»	126
	Свобода, которую мы потеряли	128

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проект россия Барту Голдхоорну и издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева
выпускающий редактор,
корректор
Инесса Бражникова
литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева
редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов
редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич

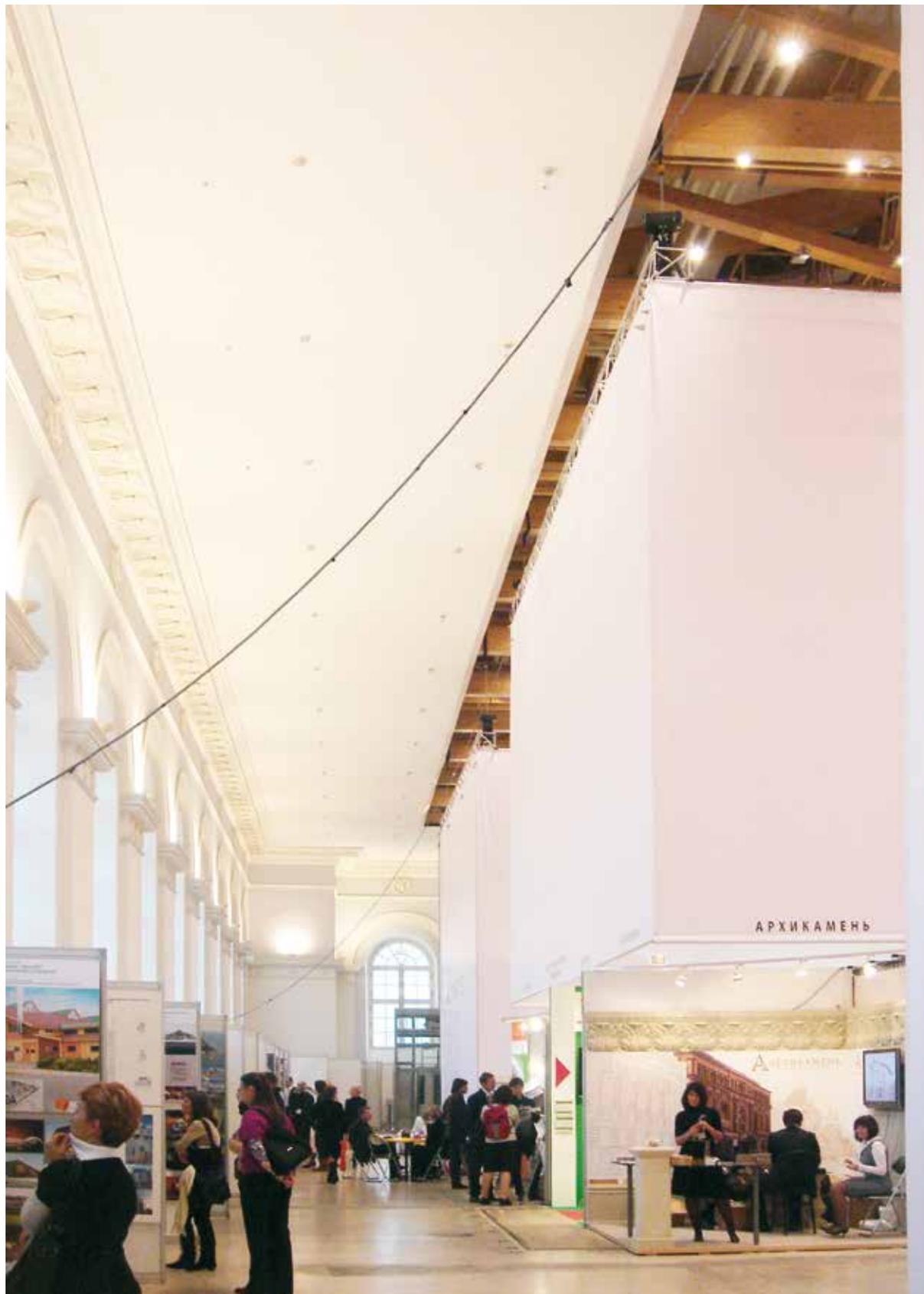
редактор раздела
«Ландшафт»
Андрей Ляпин
ведущий рубрики
«Русский Восток»
Николай Крадин
арт-директор
Жанна Измайлова
Выражаем благодарность
за участие в подготовке
номера Алексею Мякоте,
Евгению Зыкову, Ольге
Смирновой (Красноярск),

Чун Гу Шину (Сеул), Айвие
Барде (Рига)
печать
ООО «Репроцентр А1»,
адрес Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 8.12.09
периодичность
4 раза в год
Использование текстовых
и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем
издании, допускается только
с письменного разрешения
редакции. За содержание

рекламной информации
редакция ответственности
не несет. Мнение редакции
не всегда совпадает с
мнением авторов
фото на обложке
Чикаго, автор фото
– Анатолий Якобсон
адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

XVII Международный фестиваль «Зодчество-2009»

Главный ежегодный творческий форум архитекторов России прошел в Москве 15–18 октября. Тема фестиваля – «Индекс устойчивости»

Открытие Фестиваля вызвало почти ажиотажный интерес, очередь из неосчастливленых пригласительными билетами зрителей по своим габаритам напоминала очередь в Мавзолей в советские времена и простиралась на всю Манежную площадь. Состав очереди был преимущественно молодежным, что и замечательно. Как потом оказалось, за 4 дня работы фестиваля Центральный выставочный зал «Манеж» посетило более 25 тысяч человек.

Дизайном выставок занимался Юрий Аввакумов. Он вышел за традиционные рамки и представил проект, необычный для Центрального выставочного зала. Мы увидели кубы 12x12 м из белой материи, и внутри кубов размещались экспозиции. Возможно, такой модуль был выбран по аналогии с биеналле в Венеции. Почему бы не обкатать возможности модуля в Москве?

Тема фестиваля, «Индекс устойчивости», предложенная куратором фестиваля архитектором Юрием

Аввакумовым, была призвана выявить индикатор успеха и перспектив современной архитектуры на будущее. Эта многоплановая тема, по словам президента Союза архитекторов России Андрея Бокова, «вбирает в себя и противостояние кризису, и надёжность того, что мы строим, и постоянное совершенствование среды обитания, в том числе сохранение природы, окружающей среды, памятников истории и культуры». Главными площадками фестиваля стали Центральный выставочный зал «Манеж», где размещалась основная конкурсная и выставочная программы фестиваля, и Центральный Дом архитектора, в котором прошли мероприятия деловой и специальной программы.

Нехватка подиума в пересмысленном пространстве Манежа, увы, не компенсировалось двухсторонним экраном: большинство, находящееся вне VIP и медиа-круга, чувствовало себя скорее телезрителями, чем непосредственными участни-

ками церемонии открытия. Впрочем, парадные речи редко открывают что-либо новое для архитекторов. Хотя присутствие заместителя председателя правительства РФ Дмитрия Козака, председателя Комитета Госдумы РФ по строительству и земельным отношениям Мартина Шакума и первого заместителя мэра Москвы, руководителя столичного строительного комплекса Владимира Ресина хочется трактовать как символ некоего контакта архитектурного сообщества с исполнительной и законодательной властью. Участие в церемонии деятелей международных архитектурных организаций – Международного союза архитекторов в лице президента Луизы Кокс (Австралия) и вице-президента по региону 2 Элизабет Сиолы (Греция) и Международной академии архитектуры в лице президента Георги Стоилова (Болгария) – уже давно стало традицией фестиваля «Зодчество».

Как всегда, в первый день участники и посетители наслаждались роскошью общения, и у участников из Восточной Сибири встречи со старыми друзьями и знакомства с новыми тоже следовали сплошным потоком.

После пресс-конференции состоялось одно интересное мероприятие, на котором Ирина Коробьина (Центр современной архитектуры) и Сергей Ситар (журнал «Проект Россия») представили новую модель развития стратегических проектов для России. Это любопытный приём хорошо зарекомендовал себя в Европе и, думается, будет интересен и полезен нашей стране. Это серия градостроительных и архитектурных акций, которые одновременно или по цепочке проходят в нескольких городах. Это может быть новый фестиваль или мероприятия в рамках уже существующего градостроительного фестиваля. Здесь видится большой простор для поисков формы проведения. Кроме профессиональной составляющей, мероприятия включают в

себя контакты с жителями и властью. Таким образом, перед архитекторами, дизайнерами и градостроителями открывается выход на широкую аудиторию. Название проекта «ЭРА ГОРОДОВ» расширяется как «Эстетическое развитие городов». Для начала проекта будут выбраны пять городов. На предложение о месте проведения мероприятий в рамках этого проекта сразу откликнулись архитекторы из Самары и Иркутска. По словам Сергея Ситара, естественный город должен иметь некий

очаг, объект выдающихся архитектурных качеств, являющийся ценностью для городского сообщества. Ещё лучше несколько объектов с общественным пространством. Это то, чем горожане могут гордиться и на что равняться. С более подробной информацией читатели могут знакомиться по мере развития проекта на сайтах САР и Ц:СА.

Смотр-форум «Градостроительство», организованный СА России совместно с РААСН проходил 16 октября

в Центральном Доме архитектора. Он занял полный рабочий день, открывшись выступлениями президента Союза архитекторов России Андрея Бокова, президента Российской академии архитектуры и строительных наук Александра Кудрявцева и президента Союза строителей России Владимира Яковлева.

С основными докладами выступили Юрий Сдобнов, вице-президент РААСН по отделению градостроительства, и Александр

Высоковский, возглавляющий с этого года Совет по градостроительству САР.

Александр Высоковский, знакомый, кстати, архитекторам Восточной Сибири по яркому выступлению на круглом столе ЗВС-02 в Иркутске, обратил особое внимание на необходимость добавления инструментария социального действия, участие населения в принятии решений. В докладе было убедительно продемонстрировано соотношение качества архитектуры и качества среды на примере четырех российских городов. В отличие от большинства московских докладчиков, Высоковский не ограничился столицей и окрестностями. Совершенно корректно были приведены города, расположенные в самых разных районах огромной страны:

Анадырь, заигравший яркими красками панельной застройки, некогда серой, и даже отдельными примерами современной архитектуры после того, как олигарх-губернатор зарегистрировался там как физическое лицо и наполнил бюджет северного субъекта Федерации своим подходящим налогом;

Ангарск, вернее его центр постройки 50-х годов, как образец гармоничной среды и качественного благоустройства;

Ханты-Мансийск, с его странной, иногда китчевой архитектурой и почти европейским уровнем благоустройства;

Анапа, как положительный пример практически одноэтажного (до сих пор!) города, пропускающего ежегодно 4,5 миллиона туристов (сопоставимо с островом Крит или Лазурным берегом). Анапа может гордиться своим променадом, тоже сопоставимым с Лазурным берегом, кстати, после благоустройства общественных пространств сильно подтянулся и частный сектор.

В завершение докладчик обратил-таки внимание присутствовавших и на столицу. Москва, как пример сочетания высокой, как правило, архитектуры с некачественной средой, пострадала от интенсивной автомобилизации, оказавшись не готовой ни пропустить поток, ни цивилизованно разместить автомобили на стоянках.

Леонид Коган, доктор архитектуры (ЦННИИЭПГрад), в своем развернутом докладе сделал акцент на то, что идеология городской цивилизации вырастает из городской среды и противостоит этнической разобщенности.

Элеонора Шевченко сосредоточилась на проблемах исторических городов, указав на важность употребления такого объекта охраны, как «достопримечательное место». Это актуально и для нашего Иркутска, где проектом зон охраны весь исторический центр в границах Ангары – Ушаковка – улица Советская обозначен

как достопримечательное место, однако требуется конкретизация этого статуса.

Директор НИИТАГа Игорь Бондаренко полемизировал со статьей новосибирского автора «Нужна ли нам малоэтажная Россия» и выводами автора статьи о том, что эта идея мешанская, немасштабная.

Одним из гвоздей программы был, несомненно, мастер-класс Бориса Левянта в Большом зале Центрального Дома архитекторов. Статью об одном из сибирских объектов его мастерской – свободной экономической зоне в Томске ПБ22 публикует в разделе «Проекты».

Центр правовой поддержки провел встречу в Белой гостиной ЦДА. Он был создан в структуре Союза архитекторов России по решению президиума правления САР от 19 марта этого года. От правления Союза работу Центра курирует Сергей Викторович Гнедовский. Юридическая помощь архитекторам необходима, потому что российское законодательство отличается противоречивостью и нечёткостью, много вопросов возникает из-за правового нигилизма чиновников и застройщиков. К основным задачам Центра относится осуществление правовой поддержки не только деятельности Союза в целом, но и членов Союза – практикующих архитекторов, различных творческих мастерских и иных профессиональных объединений. В правовой центр войдут Совет по право-

вой поддержке и Агентство по правовой защите. В несовершенстве правового регулирования вопросов архитектуры и градостроительства кроется целый ряд проблем – от соблюдения авторских прав и подмены профессиональных конкурсов тендерами до определения статуса главных архитекторов городов, участия архитектурного сообщества в территориальном и градостроительном планировании, охране историко-культурного наследия. Координатором правового центра утверждён заслуженный юрист России Н.А. Хованский. Под его руководством центр осуществляет мониторинг принятия федеральных законов – отслеживает планы Государственной Думы, проводит экспертную работу по законопроектам и внутренним документам. Сотрудники

правового центра начали готовить актуальные редакции основных законодательных актов в области архитектуры и градостроительства для размещения их на сайте Союза и в печатных изданиях. Совет уже наметил ряд конкретных законодательных актов, требующих модернизации: это федеральные законы об архитектурной деятельности, саморегулируемых организациях, охране памятников истории и культуры, Градостроительный кодекс Российской Федерации. Также Совет по правовой поддержке разослал новый законопроект о творческой деятельности во все союзы страны с предложением принять участие в его доработке.

Как показывает опыт, большинство архитекторов мало знакомы с юридической стороной своей деятельности, плохо осведомлены о своих правах. Безусловно, через какое-то время допуски на проектирование будут выдаваться саморегулируемыми организациями только тем, кто владеет определённым юридическим минимумом. В него войдёт знание действующих федеральных законов: Градостроительного кодекса, в том числе его четвёртой части, в которой говорится об авторских правах, ФЗ об архитектурной деятельности и др. Необходимо будет всем ознакомиться со сборником по ценообразованию в проектировании, изданным в прошлом году В.Н. Логвиновым. Должен вот-вот появиться Закон о защите конкуренции, он тоже

имеет к нам отношение. По словам Хованского, 57 законопроектов запланировано к обсуждению Государственной Думой на ближайшее время, а 400 собираются принять без согласования со специалистами. Это приводит к тому, что профессионалы не знают, что готовится на их голову.

Члены Союза архитекторов два дня в неделю имеют возможность задать по телефону интересующие их вопросы и получить либо консультацию, либо разъяснение о том, как выйти на соответствующего специалиста, составить подробный письменный запрос и т.д. Для этого установлено дежурство консультантов. Правда, дозваниваться сложно, у консультантов нет выделенной телефонной линии, поэтому лучше отправлять вопросы по электронной почте.

Поскольку столица определенно идет в авангарде не только собственно архитектуры и градостроительства в нашей стране, но и первой сталкивается с проблемами в этих областях деятельности, а иногда и первая их решает, День Москвы на фестивале привлекает традиционно большое внимание.

В этом году общественные организации Москвы благодаря своей активности добились того, что в Интернете выложе-

ны Правила землепользования и застройки, и теперь москвичи получили возможность участвовать в принятии решений по строительству новых объектов в городе.

Актуализированный Генплан стал в истории Москвы первым документом, обсуждать который было предложено всем жителям столицы. Всего в ходе слушаний было внесено около 22 тысяч замечаний и предложений по проектам представленных документов. Как сказал главный архитектор Москвы Александр Кузьмин, «встречи с москвичами, ответы на их вопросы оказались одним из самых трудных этапов работы. Вопросов будет ещё много, но мы ответим на все, сколько бы их не поступило». Хотя в Иркутске менее организованное гражданское сообщество, но мы движемся в этом направлении. В нашем городе много активных обществ, проявивших себя в борьбе с точечной застройкой – в Солнечном, на Синюшиной горе. Активность граждан заметна, когда очередной градостроительный документ выставляется в вестибюле института «Гражданпроект» для ознакомления жителей города. Возле планшетов всё время стоят люди, что-то рассматривают, записывают. Многие, покупая квартиру, хотят знать, что в этом районе предусмотрено по Генплану. И это тоже примета грамотного цивилизованного подхода.

Часто возмущение жителей становится следствием их неинформированности. При покупке квартиры риелторская компания или застройщики знакомят будущего жильца только с планировкой квартиры, а на словах обещают красивые виды из окна. Но «забывают» сообщить о том, что, согласно Генплану, в ближайшей перспективе напротив их дома появятся ещё несколько высотных блок-секций.

На центральной площадке в Манеже Эдуард Кубенский (Екатеринбург, «Татлин») и Владимир Белоголовский (Нью-Йорк) представили новую книгу «Феликс Новиков». Издатель и один из авторов абсолют точно определили фестиваль

«Зодчество» местом презентации: в свое время именно Ф. Новиков инициировал проведение Российского архитектурного фестиваля. На презентации выступили друзья и соавторы Феликса Новикова Виктор Егерев, Владимир Кубасов, Лия Павлова. Статья Владимира Белоголовского, представляющая книгу читателям ПБ22, опубликована в рубрике «Наследие XX»

Международный статус фестиваля подтвердило серьезное представительство из 13 зарубежных стран: Германии, США, Австралии, Греции, Голландии, Швейцарии, Австрии, Болгарии, Японии, Великобритании, Армении, Белоруссии, Канады. Гвоздём международной программы был Шигеру Бан, представивший в Манеже великолепный по содержанию мастер-класс. Жаль, что организаторы не сочли нужным сопроводить его выступление переводом.

Фестиваль, конечно, международный, но английский не был объявлен его рабочим языком, и отсутствие перевода здесь неуместно: картинки картинками, а выступлению японца никак не откажешь в содержательности, и без вербального сопровождения многие оказались обделенными. А ведь выступление этого японского архитектора, победителя многих профессиональных конкурсов, звучало особенно актуально. Сейчас, когда проектировщики многих стран мира испытывают жуткий дефицит работы, он представлял объекты, которые сам инициировал, разрабатывал и внедрял. В своём творчестве он большое внимание уделяет решению социальных проблем, доказывая на собствен-

ном примере, что архитектура – это искусство не только для богатых. Шигеру Бан выезжает на места разрушений и предлагает свои проекты людям, потерявшим крышу над головой в результате наводнений, землетрясений, цунами. Одно из его изобретений буквально «бумажная архитектура». Это дома, сделанные из труб, полученных в результате переработки макулатуры и пропитанных водоотталкивающим составом. Для лучшего сохранения тепла трубы можно заполнить утеплителем, тоже из переработанной бумаги. Из этих труб он делает стены и крыши домов. Очень дешёвый материал, лёгкий для перевозки, и на удивление долговечный. Все жилые комплексы возводятся силами самих пострадавших в очень короткие сроки. Еще одно очень остроумное решение Шигеру Бана – создавать объекты из подручных материалов. Он показал проект музея современного искус-

ства, собранный из грузовых контейнеров на бывших портовых территориях в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Основой контейнера служит металлический каркас, поэтому, поставленные друг на друга в шахматном порядке, они создают прочную конструкцию выставочных пространств большой площади. Контейнеры сами по себе разноцветные, поэтому конструкция из них получается очень яркая и выразительная. Такие сооружения можно собирать в любом портовом городе, при этом материал подручный и обходится бесплатно.

Другим не менее запоминающимся событием стало открытие выставки «Архитектура – показатель

очередь формообразования. Райт создавал, как правило, маломасштабные по своему объёму объекты, форма которых связывалась с природой и органически вписывалась в окружающий рельеф, и, судя по реакции, для некоторых представителей молодого поколения это было откровением и открытием.

Главный приз фестиваля – национальную архитектурную премию «Хрустальный Дедал»

– получили авторы здания московской школы №1414 архитекторы К.М. Коновальцев, О.К. Коновальцев, О.Н. Тищенко, конструктор А.А. Рубинштейн, ЗАО «АРСТ» (Москва), строительная организация ООО «Новые строительные технологии». Это социальный проект, а они малобюджетные во всех отношениях. И то, что именно такой проект, благодаря своим архитектурным достоинствам выдержавший конкуренцию с богатыми офисными зданиями с неограниченным бюджетом, признан лучшим, очень правильно, созвучно лозунгу фестиваля «Индекс устойчивости» и должно вдохновить многочисленных архитекторов, занимающихся не крупными и удивительно малобюджетными социальными объектами по всей стране.

ПБ счел необходимым представить своим читателям книгу «Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования» И.А. Казуса (Москва),

получившую Золотой диплом (см. рубрику «Книга» раздела «Наследие XX»).

Представителей Сибири и Дальнего Востока в списках лауреатов почти нет. Тем приятнее поздравить лауреатов конкурса регионов Хабаровский край (Серебряный диплом) и Томскую область (Бронзовый диплом), получивших награды за комплексное представление достижений в градостроительстве и архитектуре (золото у Липицкой области).

Сергей Иванович Бычков и авторский коллектив ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «ГИПРОГОР» (Москва) получили Серебряный диплом за проект планировки территории полуострова Саперный острова Русский для строительства саммита АТЭС-2012 и Дальневосточного федерального университета.

Член КМА Евгений Золотухин, работающий сейчас в Москве, в соста-

ве авторского коллектива получил награду в конкурсе молодых архитекторов за концептуальные проекты по освоению водной стихии «ОСТРОВА».

Никита Явейн, недавний гость IX фестиваля ЗВС в Иркутске, стал лауреатом смотра-конкурса архитектурных произведений 2007–2009 годов в Москве и получил бронзовый диплом в разделе «Постройки» за офисные помещения для своей мастерской «Студия 44» в Манежном переулке в Санкт-Петербурге. У этого здания необычная крыша. Закруглённая конфигурация мансарды обернулась острым архитектурным решением, которое и было оценено по достоинству.

Жаль, что несомненная находка двух прошлых фестивалей – украшение церемонии награждения звездами с «архитектурным прошлым» (Алексей Козлов (саксофон), Андрей Макаревич и Петр Налич) – не получила своего развития в этом году. Вероятно, и здесь кризис помешал устойчивому развитию традиции. Однако архитекторы могут продолжать гордиться своей профессией и своими фестивалями и надеяться, что экономическая ситуация не приведет к массовому оттоку из архитектуры талантливой молодежи, а если и приведет, то мы будем гордиться их успехами в музыке, кинематографии и дизайне.

Фестиваль же продолжает покорять новые высоты и глубины, индексируя подлинную устойчивость.

Елена Григорьева,
Светлана Тимохова
Фото Елена Григорьева,
Виктория Астраханцева,
Елизавета Буйнова

стабильности» в выставочном зале Союза архитекторов России в переулке Гранатном. Зрители получили возможность познакомиться с работами более 130 американских и канадских архитекторов, которые, не являясь всемирно известными звёздами, тем не менее проектируют в своей стране на очень высоком уровне. В основном на выставке был представлен современный архитектурный язык, но были и исторические памятники. Например, проекты самого Брайана Спенсера, организатора выставки, большую часть своей жизнь посвятившего исследованию и реставрации наследия Фрэнка Ллойда Райта. В конференц-зале Манежа Брайан Спенсер прочитал лекцию по органической архитектуре; и лекция, и архитектура имели оглушительный успех среди молодёжи. Это направление, проповедником которого был как раз Фрэнк Ллойд Райт, касается в первую

Детское архитектурно-художественное «Зодчество»

Почти полвека назад в Союзе архитекторов зародилось новое направление по работе не только с молодыми архитекторами, но и с детьми. Замечательный архитектор и педагог Елена Борисовна Новикова со своими молодыми коллегами, среди которых особой душевностью и беззаветной преданностью детям отличалась дивная Марина Александровна Сычева, были у истоков этой инициативы. И совсем не обязательно, чтобы охваченные архитектурным влиянием дети все стали архитекторами. Они получали широкое культурное образова-

ние, и, кем бы ни стали, эта база в любом выбранном ими виде деятельности не пропадала даром.

С тех пор исток не пересох, а превратился в разветвленную сеть. Не только в больших городах, но и практически повсеместно, где есть, пусть небольшая организация Союза архитекторов, детям уделяется внимание. Причем в большинстве случаев такой работой с огромным энтузиазмом занимаются люди, бесконечно увлеченные своим делом и получающие, как правило, больше моральное, чем какое-либо другое удовлетворение или поощрение. Сегодня в

России активно функционирует около девяноста студий, школ, лицеев, классов, групп (даже детсадовских) детского архитектурно-художественного творчества. Ежегодно на фестивале «Зодчество» представляются свои работы около пятидесяти студий более чем из сорока населенных пунктов страны.

На смотре-конкурсе детского архитектурно-художественного творчества в рамках XVII Международного фестиваля «Зодчество», проходившего 15–18 октября в Москве, были представлены 47 студий, школ, лицеев, классов и групп из Москвы и Московской области (Мытищи), Пензы, Набережных Челнов, Тюмени, Тобольска, Казани, Тольятти, Твери, Перми, Магнитогорска, Екатеринбург и Свердловской области (Верхняя Пышма), Хабаровска, Ростова-на-Дону, Белгорода, Ижевска, Красноярского края (Железнодорожск), Якутска, поселка Стрежевой Томской области и деревни Старая Колтушской волости Ленинградской области.

Согласно программе фестиваля, конкурс проходил в трех номинациях:

- «Лучшая студия, гимназия, школа»,
- «Культурное наследие в руках молодых»,
- «Будущее создается сегодня».

Тематика номинаций была традиционно обсуждена и принята участниками на прошлогоднем смотре-конкурсе

фестиваля «Зодчество». Номинация «Культурное наследие в руках молодых», тесно связанная с приоритетными направлениями деятельности ЮНЕСКО в этой сфере, уже не первый год отличается интересными результатами, на основе которых можно создать своеобразную «библиотеку». Возможность участвовать еще в одной номинации – «Самый красивый дом с кирпичным фасадом» – впервые была любезно предоставлена инвестором – фирмой «КИРИЛЛ».

Победители и лауреаты дипломов Союза архитекторов России представлены здесь подробно. Поздравим их с успешным выступлением на смотре-конкурсе и пожелаем дальнейших успехов! При этом не забудем об олимпийском принципе важности участия и поблагодарим всех участников смотра!

Ведущими в сфере детского архитектурно-художественного творчества по праву являются детская школа искусств № 13 «СТАРТ» (Москва), муниципальный лицей архитектуры и дизайна № 3 (Пенза), детская школа архитектуры и дизайна «ДА-ДА!» (Набережные Челны), архитектурные классы Центра архитектурной подготовки и переподготовки Тюменского государственного архитектурно-строительного университета (Тюмень), архитектурные отделения «Колорит» при районной общеобразовательной школе № 12 и

«Тоби*К» при детской школе искусств №1 (Тобольск), школа № 120 Уральской государственной архитектурно-художественной академии (Екатеринбург), студии «Я» (Воронеж) и «ПРОУН» (Саратов), гимназия искусств при президенте Республики Коми (Сыктывкар). Эти коллективы, служащие идее архитектурно-художественного воспитания детей, имеют стабильные успехи, отмечены специальными призами, золотыми и серебряными дипломами смотров и конкурсов (включая международные), грамотами и дипломами Союза архитекторов России.

Все, кто причастен к детскому архитектурно-художественному творчеству, отмечают общепризнанное первенство московской детской школы искусств № 13 «СТАРТ». Здесь выполняется многообразная педагогическая и методическая работа, осуществляются формирование и реализация программ обучения, ведется активная общественная деятельность. Вокруг руководителя школы Инги Михайловны Абаевой сложился прекрасный творческий коллектив, по праву получивший не только российский, но и международное признание. Это по существу своеобразный локомотив, ведущий за собой российский «поезд» архитектурно-художественного воспитания детей. Детскую школу искусств № 13 «СТАРТ» жюри XVII Международного фестиваля «Зодчество» единодушно решило отметить в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа» золотым дипломом.

Золотой диплом в номинации «Культурное наследие в руках молодых» заслуженно вручен муниципальному лицу архитектуры и дизайна № 3 (Пенза). На фоне материалов, достаточно цельно представленных лицом в этой номинации, обращает на себя внимание работа «Архитекторы старой Пензы». В ней авторы познакомили зрителей с малоизвестными даже в кругу профессионалов именами и творениями архитекторов Вениамина Павловича Семечкина, Александра Гавриловича Старжинского,

Алексея Егоровича Эренберга. Хорошим дополнением к этой тематике служит прекрасно выполненная работа «Страницы истории».

По инициативе директора лицея Татьяны Викторовны Вукович в Пензе вот уже шестой год подряд при поддержке Союза архитекторов России, городских властей и руководства Пензенского государственного университета архитектуры и строительства регулярно проводится Всероссийский конкурс-олимпиада детского архитектурно-художественного творчества имени талантливого пензенца Владимира Евграфовича Татлина. Наряду с представлением работ на конкурс участники соревнуются в олимпиадах по рисунку, черчению, живописи, дизайнерской и архитектурной композициям. Эти конкурсы-олимпиады являются существенным дополнением Международного фестиваля «Зодчество». Пензенский Муниципальный лицей архитектуры и дизайна № 3 в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа» на XVII Международном фестивале «Зодчество» представил также свои методические разработки и был по праву отмечен в этой номинации серебряным дипломом.

Золотым дипломом в номинации «Будущее создается сегодня» награждена школа архитектуры и дизайна «ДА-ДА!» (Республика Татарстан, Набережные Челны). У этой школы, возглавляемой неутомимой Татьяной Александровной Хайман, есть свое профессиональное лицо. В течение последнего десятилетия школа имеет стабильно высокие результаты в сфере детского архитектурно-художественного творчества. В 2010 году она отметит свое двадцатилетие, с чем ее и следует поздравить!

Методически интересно строится работа в архитектурных классах Центра архитектурной подготовки и переподготовки Тюменского государственного архитектурно-строительного университета (руководитель Светлана Борисовна Капелева). Центр регулярно и качественно представляет на международных фести-

валях «Зодчество» развитие методически последовательности и итоги своей работы. Присуждение на XVII Международном фестивале «Зодчество» в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа» Серебряного диплома – достойная награда архитектурным классам Тюмени!

Интереснейшую коллективную работу в номинации «Культурное наследие в руках молодых», которую жюри представило к награждению Серебряным дипломом, привезла Детская художественная школа имени В.А. Серова (Тверь) – «Пушкинское кольцо Верхневолжья. К 210-летию поэта». Тверь, Грузины, Торжок, Малинники, Берново, Прутня, Павловское, Чукавино, Курово-Покровское, Старица – 27 учеников под руководством своих преподавателей готовили материалы по объектам этого кольца. Руководители проекта И.Ф. Лельчицкая, Е.Н. Милинчук, И.В. Кузнецова, Е.В. Копенкина, директор школы Л.Н. Ишиев.

Серебряный диплом в номинации «Будущее создается сегодня» присужден Ксении Ашитко за работу «Мост железнодорожный обитаемый» (преподаватель О.А. Бармаш, ДШИ «СТАРТ», Москва). Ксения самостоятельно нашла этот малоиспользуемый, с ее точки зрения, мост в Москве и с профессиональной заинте-

ресованностью предложила сделать его обитаемым. А вот детская архитектурно-дизайнерская школа «Дашка» Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Республика Татарстан, Казань) завоевала два Серебряных диплома. В номинации «Культурное наследие в руках молодых» – за коллективную работу «В гости к болгарскому хану» (руководитель Д.Р. Галиакберова, директор М.Ю. Забрускова) и в номинации «Будущее создается сегодня» – тоже за коллективную работу учеников и преподавателей «Артобъект “Крылья Дедала”» (автор композиции Адель Хакимулин). В первой работе активно используется игровая методика на рабочем макете местечка Булгар с его многочисленными памятниками истории и культуры, во втором – около здания университета реализована в натуре современная дизайнерская композиция.

Своеобразным открытием смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества стала экспозиция студии «Авангард-Дизайн» московского Института радиозлектроники и автоматики (руководитель Е.Г. Трибельская). На прошлогоднем фестивале «Зодчество» студия дебютировала, а в этом году добилась Бронзового диплома в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа». Работу

в студии начинают с младших (до 8 лет) возрастных групп «От графики к объему». Дети рисуют сначала абстрактные графические композиции с использованием локальных цветов, затем по мотивам графического рисунка создают объемные композиции из цветной бумаги с передачей в основном характера и ритма рисунка. Средняя возрастная группа детей (от 9 до 12 лет) работает над заданием «От графики к рельефу». Наконец, старшая возрастная группа (от 13 лет и старше) выполняет в два этапа композицию «От объема к рельефу»: на первом этапе – объемно-пространственную, а на втором – графическое изображение этой композиции на плоскости.

С большой заинтересованностью разглядывали посетители выставки «Муравейник», представленный архитектурным бюро «Мураш» архитектурно-художественной мастерской «АБРИС» московской гимназии № 1530 «Школа Ломоносова» (педагоги О.Б. и Е.Б. Пискуновы). Вместе с другими ее рабо-

тами мастерская отмечена Бронзовым дипломом в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа».

Уже не первый год выступает на смотре-конкурсе авторская дизайн-студия Игоря Ключкина «Яблоко+» из деревни Старая, Колтушской волости Ленинградской области. Ей тоже вручен Бронзовый диплом в номинации «Лучшая студия, гимназия, школа». Руководитель студии каждый раз ставит перед своими учениками своеобразные задачи. В этом году в одной из промышленных зон Петербуржья ими была найдена выстроенная и пока еще сохранившаяся башня Якова Чернихова. Ее сфотографировали, зафиксировали основные параметры и привезли деревянный макет этой башни в Москву на «Зодчество».

В номинации «Самый красивый дом с кирпичным фасадом» было представлено множество различных по стилю работ. Фирма-инвестор «КИРИЛЛ», инициатор организации этой номинации, в первую очередь

отметила работу одиннадцатилетней Полины Дабижа студии «Архивоот» детско-юношеского центра «Элегия» из Тольятти (педагог Г.Н. Киселева). Полине и другим победителям этой номинации были вручены ценные подарки. Кроме того, в специально отведенное на фестивале «детское» время мальчишки и девчонки складывали из привезенного фирмой в Манеж небольшого количества кирпича разные фигуры.

Как всегда, Фонд Якова Чернихова не оставил без прекрасных дипломов и ценных подарков тех, кто, с точки зрения Фонда, был их достоин.

Имея возможность с самого первого Международного фестиваля «Зодчество» наблюдать динамику качественного уровня выставок на смотрах-конкурсах детского архитектурно-художественного творчества, могу утверждать, что в этом году выставка, с точки зрения качества, удалась. За последние три-четыре года она была лучшей.

Правда, по эмоциональному восприятию до сих пор не могу забыть смотр-конкурс, одной из номинаций на котором была тема «Корабль архитектуры». Как бы то ни было, раздел детского архитектурно-художественного творчества всегда является ярким цветком в букете фестивального смотра.

Выступая на одном из фестивалей «Зодчество», президент Международной академии архитектуры Георги Стоилов высоко оценил раздел выставки, посвященный детскому архитектурно-художественному творчеству: «Страна, у которой такие творчески одаренные дети, может быть спокойна за свое будущее!» И это далеко не единичное мнение. Так оценивали детский раздел выставки многие гости и участники фестиваля.

Низкий поклон и глубокая благодарность всем педагогам, беззаветно работающим на ниве детского архитектурно-художественного творчества!

Эдуард Товмасьян

Смотр-конкурс
детского архитектурно-художественного творчества
XVII Международный фестиваль
«Зодчество-2009»
Москва, 15-18 октября 2009 г.

ЗОЛОТЫЕ ДИПЛОМЫ
«Лучшая студия, гимназия, школа»
Детская школа искусств «СТАРТ»
(Москва)
Директор И.М. Абаева

«Культурное наследие
в руках молодых»
Лицей архитектуры и дизайна №3
(Пенза)
Директор Т.В. Вукович

«Будущее создается сегодня»
Школа архитектуры и дизайна
«ДА-ДА!» (Республика Татарстан,
Набережные Челны)
Директор Т.А. Хайман

СЕРЕБРЯНЫЕ ДИПЛОМЫ
«Лучшая студия, гимназия, школа»
Архитектурные классы ЦАПП
ТюмГАСУ (Тюмень)
Руководитель С.Б. Капелева

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Лицей архитектуры и дизайна №3
(Пенза)
Директор Т.В. Вукович

«Культурное наследие в руках
молодых»
Детская архитектурно-дизайнерская
школа «Дашка» КГАСУ (Республика
Татарстан, Казань) за коллективную
работу «В гости к болгарскому хану»
Руководитель Д.Р. Галиакберова
Директор М.Ю. Забрускова

«Культурное наследие в руках
молодых»
Детская художественная школа
им. В.А. Серова (Тверь) за коллек-
тивную работу «Пушкинское кольцо
Верхневолжья»
Руководители проекта
И.Ф. Лельчицкая, Е.Н. Милинчук,
И.В. Кузнецова, Е.В. Копенкина
Директор Л.Н. Ишиев

«Будущее создается сегодня»
Ашитко Ксения за работу «Мост
железнодорожный обитаемый»,
ДШИ «СТАРТ» (Москва)
Руководитель О. А. Бармаш

«Будущее создается сегодня»
Детская архитектурно-дизайнерская
школа «Дашка» КГАСУ (Республика
Татарстан, Казань) за коллективную
работу учеников и преподавателей
«Артобъект “Крылья Дедала”»
Автор композиции Адель Хакимуллин
Директор М.Ю. Забрускова

БРОНЗОВЫЕ ДИПЛОМЫ
«Лучшая студия, гимназия, школа»
Студия «Авангард-Дизайн» (МИРЭА,
Москва)
Руководитель Е.Г. Трибельская

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Детская архитектурная студия
«АРХИboom» (Тольятти)
Руководитель Г.Н. Киселева

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Архитектурно-художественная мас-
терская «АБРИС» гимназии № 1530
«Школа Ломо-носова» (Москва)
Педагоги О.Б. Пискунова,
Е.Б. Пискунова

«Культурное наследие в руках
молодых»
Авторская дизайн-студия «Яблоко+»
(Ленинградская область, дер.
Старая) за коллективную работу
«Башня Якова Чернихова»
Руководитель И.В. Ключкин

«Культурное наследие в руках
молодых»
Изостудия «Зебра» МДК «Химво-
локно» (Тверь) за коллективную
работу «Деревянное кружево Твери»
Руководитель И.В. Арзамасцева

«Культурное наследие в руках
молодых»
Детско-юношеский центр «Планета»

и гимназия №89 (Тольятти) за
коллективную работу «Ставрополь
– город, которого больше нет»
Руководитель Е.А. Михайлова

«Будущее создается сегодня»
Детский сад № 143 «Бусинка»
(Тольятти) за работу «Проекты, воп-
лощенные в жизнь»
Педагог Е.А. Михайлова

«Будущее создается сегодня»
Александрова Екатерина, Алехина
Ксения, Зарецкий Дмитрий, Рачич
Милана за работу «Магазин игру-
шек», ГОУ СОШ «Школа здоровья»
№578 (Москва)
Руководитель И.Н. Тыртычная
Директор О.П. Ковалева

«Будущее создается сегодня»
Детская художественная школа
города Белгорода за коллективную
работу «Проекты шляп “Мой город”
и “Экология”»
Педагог Э. А. Цыбулькинова
Директор Е.И. Турченко

**ДИПЛОМЫ
СОЮЗА АРХИТЕКТОРОВ РОССИИ**
«Лучшая студия, гимназия, школа»
Прогимназия № 208 «Веста»
(Тольятти)

Педагог И.М. Жучая
Директор К.С. Юрченко

«Лучшая студия, гимназия, школа»
МОУ «Гимназия № 35 Ленинского
района» (г. Ростов-на-Дону) за
успешный дебют на фестивале

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Архитектурно-художественная студия
«Дом» ЦДТ «Радуга талантов»
(Хабаровск)
Руководитель И.Ю. Кривошекова

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Детская школа-студия при СА
Республики Саха (Якутия) (Якутск)
Руководитель Н.С. Исмацова

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Архитектурно-художественная студия
«Архия» (Москва)
Руководитель Л.С. Малышева

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Детская школа искусств
(Ярославская обл., г. Данилов)
за дебют на фестивале
Педагоги И.Н. Савинова,
Т.Б. Белякова, Е.Г. Тычинина,
Е.С. Бартенева

«Лучшая студия, гимназия, школа»
Детская художественная школа города
Верхняя Пышма (Свердловская
обл.) за дебют на фестивале
Михайлов Андрей

«Культурное наследие в руках
молодых»
За работы «Зимний пейзаж»,
детская школа искусств «Гармония»
(Тольятти)

Педагог С.Я. Чувилина

«Культурное наследие в руках
молодых»
Детская архитектурно-художественная
школа Архимед» (Московская
обл., г. Мытищи) за коллективную
работу «Уходящая Перловка»
Директор Л.В. Симонова

«Будущее создается сегодня»
Пелепелина Алена за работу «Мое
жизненное пространство», Детская
школа искусств «СТАРТ» (г. Москва)

Педагог Е.А. Дурново

«Будущее создается сегодня»
Студия «Синяя птица», гимназия
№42 (г. Пенза)
Руководитель М.А. Мереняшева
Директор Т.И. Деркач

«Будущее создается сегодня»
Изостудия «Эскиз» при Центре образования
№1239 (Москва)
Руководитель И.О. Лепарская
Директор Т.Д. Щербакова

«Будущее создается сегодня»
Архитектурно-художественная студия

«Модулар» (Москва)
Руководитель А.Б. Лебедева

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Мовсесян Артем, детская школа
искусств «СТАРТ» (Москва)

Педагог И.М. Абаева

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Землянская Анастасия, детская
школа искусств «СТАРТ» (Москва)

Педагог И.М. Абаева

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Чопалавов Вася за работу
«Драконозавр», детская школа
искусств «СТАРТ» (Москва)

Педагог О.А. Бармаш

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Дабижа Полина за работу «Мелодии
кирпичного дома», детская архитектурная
студия «АРХИboom»
(г. Тольятти)

Педагог Г.Н. Киселева

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Маркова Полина за работы «Зима на
кирпичной улице» и «От земного к космическому»,
гимназия № 89 (Тольятти)

Педагог Е.А. Михайлова

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Сорокина Таня за работу «Дом-мечта
из кирпича», гимназия № 89
(Тольятти)

Педагог Е.А. Михайлова

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Жеребцов Григорий за работу
«Король-дом», школа архитектуры
и дизайна «ДА-ДА!» (Республика
Татарстан, Набережные Челны)

Педагог Т.В. Васильева

Директор Т.А. Хайман

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Григорьева Анастасия за работу
«Туманный замок», детская школа
искусств «Арт-перспектива», архитектурное
отделение «Тоби*К»
(Тобольск)

Педагог А.Л. Щеголькова

«Самый красивый дом с кирпичным
фасадом»
Детская школа искусств № 7
(Пермь) за коллективную работу
«Кирпичный дом и мы все в нем»

Педагог Т.Е. Николаева

Назад в будущее: сохранение и популяризация объектов культурного наследия

Под таким лозунгом 17 октября в Красноярске в рамках V Красноярского городского форума прошли презентации и обсуждения нескольких инициативных проектов.

Главным стало представление проекта концепции красноярской городской целевой программы «Сохранение объектов культурного наследия и (памятников истории и культуры) на 2010–2015 годы». Разработчиком проекта концепции программы выступило главное управление культуры администрации города Красноярска (на форуме проект представила главный специалист главного управления культуры города Красноярска Мария Петровна Ужгеренас). Для работы над проектом была создана рабочая группа, в которую вошли представители департамента городского хозяйства, департамента муниципального имущества и земельных отношений администрации города Красноярска. Цель программы – обеспечение сохранности объектов культурного наследия для создания условий их полноценного и рационального использования. В рамках Программы определены задачи по сохранению и популяризации объектов культурного наследия. Это – выполнение научно-исследовательской, изыскательской и проектной документации по реставрации объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности; проведение ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности на основании проектной документации; установка информационных надписей на объектах культурного наследия, находя-

щихся в муниципальной собственности; формирование единого информационного и культурного пространства, создания условий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям и информационным ресурсам путем создания сайта «Культурное наследие города Красноярска»; выявление объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия местного (муниципального) значения для включения их в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

В городскую целевую программу вошли 18 объектов, что составляет 25% от общего числа объектов культурного наследия, находящихся в муниципальной собственности из них 13 – объекты, используемые жилым фондом. Мероприятия программы сформированы с учетом сроков подготовки комплексной проектной документации для проведения ремонтно-реставрационных работ. Общий объем финансирования программы из бюджета города составит около 500 млн рублей.

В первый трехлетний этап должны реставрироваться памятники деревянного зодчества. Во второй трехлетний этап – каменные здания.

Ожидаемые конечные результаты реализации первого этапа программы, рассчитанного на 2010–2012 годы, заключаются в следующем: для одиннадцати объектов культурного наследия

будут разработаны комплексные проекты реставрации; на восьми объектах культурного наследия будут проведены ремонтно-реставрационные работы; на двух объектах – установлены информационные надписи; подготовлена документация для выявления четырех зданий (городских дворцов культуры), обладающих признаками объектов культурного наследия местного (муниципального) значения; создан сайт «Культурное наследие города Красноярска».

При реализации второго этапа программы, рассчитанного на 2013–2015 годы, для шести объектов культурного наследия будут разработаны проекты реставрации; на десяти объектах культурного наследия будут проведены ремонтно-реставрационные работы.

Представленный проект концепции программы поддержки охраны культурного наследия в Красноярске не оставил равнодушными пришедших на встречу с городской властью горожан, обеспокоенных проблемами сохранения архитектурного наследия в Красноярске, членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, студентов. В общем чиновники и общественность города были единодушны: наследие в Красноярске нуждается в безотлагательной защите.

Среди других идей и проектов на форуме были обсуждены острые проблемы, представлены авторские идеи и проекты: «Методы

популяризации памятников истории и культуры города Красноярска» (доложил главный специалист главного управления культуры Алексей Высоцкий), «Проект «Молодежная карта Красноярска» с включением объектов культурного наследия в карту культурных маршрутов» (представила Олеся Ушакова, пресс-секретарь муниципального учреждения «Молодежный центр» Ленинского района Красноярска); «Объекты культурного наследия в тематике экскурсионных маршрутов по городу Красноярску – сохранение суриковских мест» (представила Ирина Кондратьева, директор туристической фирмы «Красноярск»); «Проект благоустройства парка 400-летия Красноярска» (представили Елена Гивеская, директор архитектурной проектной мастерской ООО «СтиМэкс-Дизайн», Людмила Мякота, главный архитектор ООО «СтиМэкс-Дизайн»).

Оказалось, что представленные проекты лишь небольшая часть тех инициатив, которые имеются и у городской власти, и у активной части городской общественности. В ходе обсуждения было высказано немало интересных идей и для реализации предложенных проектов, и будущих. Пришедшие на встречу договорились, что через год начальные результаты задуманного будут обсуждены на следующем городском форуме.

Александр Слабуха

Professional Practice Commission – 2009

С 23 по 26 сентября 2009 года в Нью-Дели (Индия) состоялось очередное заседание Комиссии Международного союза архитекторов по профессиональной практике. Работу Комиссии возглавляли действительный член Американского института архитекторов Дуглас Стейдл и профессор Джоан Веймин (Китай). Организацию работы Комиссии взял на себя Индийский институт архитекторов. В работе Комиссии приняли участие представители национальных архитектурных организаций из Австралии, Бангладеш, Великобритании, Германии, Индии, Канады, Китая, Кореи, Кот-д'Ивуар, Малайзии, Марокко, России, Румынии, Сингапура, США, Филиппин, Франции, Южной Африки, Японии, представитель Европейского архитектурного совета и президент МСА Луиза Кокс.

Комиссия по профессиональной практике – одна из двух главных комиссий МСА (вторая – это Комиссия по образованию, в работе которой принимает участие президент РААСН А.П. Кудрявцев). Существует КПП уже 18 лет. Собирается раз в год и работает над основными документами МСА. Раз в три года на очередном Конгрессе МСА Комиссия делает отчет-презентацию и планирует свою работу на следующие три года. Наиболее активны постоянные члены комиссии из Австралии, Великобритании, Германии, США, Японии и Франции. Все более заметную позицию начинают занимать представители стран Азии – Кореи, Малайзии, Индии. Союзу архитекто-

ров России еще предстоит проделать большую работу по созданию своих национальных стандартов профессиональной деятельности, и нетрадиционная с позиций международной практики ситуация с саморегулированием юридических лиц эту задачу отнюдь не упрощает.

В тот период, когда Союз архитекторов России в КПП представлял Юрий Петрович Гнедовский, Комиссией был разработан сборник базовых документов – «Соглашение МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике». В его составе основные вопросы политики МСА по 17 позициям и Рекомендуемые руководства по 13 позициям, в том числе один из важнейших документов – Кодекс этики Международного

союза архитекторов. В 2007 году «Соглашение...» было издано в твердой копии. Англоязычное издание профинансировал Американский институт архитекторов. Следом Союзом архитекторов России было выпущено русское издание и презентовано архитекторам России и русскоговорящих стран на Конгрессе МСА в Турине и затем на 7-м съезде СА России (октябрь, 2008).

На 18-м собрании Комиссии в Нью-Дели кроме уточнений и небольших дополнений к основным документам, включенным в «Аккорд...», поднимались и предварительно прорабатывались новые темы, рассматривались возможность и необходимость разработки новых руководств.

Например, сейчас идет речь об обобщении инфор-

мации по архитектурным гонорарам, методам подсчета их в разных странах и юрисдикциях. Поднимается вопрос и о необходимости изучения в архитектурных вузах вопросов ценообразования в проектировании, искусства ведения переговоров с заказчиком.

Одна из новых тем, которую поднял Институт архитекторов Южной Африки, – усовершенствование сборника «Практические руководства (Хэндбук, настольная книга архитектора)», актуальна и для России. Была приведена статистика по наличию в странах пособия типа «Справочник архитектора».

После многолетних попыток сближения МСА с ВТО с целью сделать стандарты Международного союза архитекторов обязательными для

стран-членов Всемирной торговой организации диалог, наконец, установлен. С этого года Рассел Кони, много лет возглавлявший Комиссию по профессиональной практике, приглашен в ВТО в качестве постоянного представителя МСА.

Грин-архитектура, устойчивое развитие не просто модные темы. Установочные манифесты, рабочие документы и стандарты по этому поводу принимают отдельные страны и их архитектурные организации. АРКАЗИЯ, Азиатский союз архитекторов, проводит форум в Малайзии, свои документы по поводу грин-архитектуры принял Архитектурный совет Европы. Представителем Палаты архитекторов Германии Тильманом Принцем была проработана тема «Грин лейблз» (знаки качества, присваиваемые не

только различным товарам, но и объектам проектирования и строительства). Эти знаки введены уже более чем в 10 странах, и возникает необходимость некоей координации критериев на международном уровне.

В дискуссии при рассмотрении уточнений по Коду этики неоднократно упоминалась коллизия с башней Газпрома в Санкт-Петербурге, классическим примером плачевного для исторической городской среды результата нелегитимного конкурса.

Поскольку в работе КПП-2009 участвовали представители 20 национальных союзов архитекторов, прояснилась и картина влияния мирового финансового кризиса на состояние дел в профессии. К наиболее подверженным негативному влиянию относятся

Северная Америка и Европа, Азия ощущает кризис в значительно меньшей степени, почти не заметен для архитекторов кризис в Южной Америке. Архитекторы стран Африки обращают внимание МСА на участвовавшие случаи некорректного вторжения северных проектов, не учи-

тывающих климата и специфики Юга.

Комиссией рассматривались вопросы подготовки к очередному конгрессу МСА в Токио в 2011 году.

Фото Чун Гу Шин, Луиза Кокс, Елена Григорьева

Международный студенческий конкурс. Свежий взгляд на архитектурное наследие XX века

До 26 марта 2010 года проходит регистрация желающих принять участие в конкурсе фотографий и моделей значимых архитектурных сооружений, построенных в

XX веке. Студенты по выбору могут создать либо архитектурное описание, основанное на панорамных изображениях, либо завершённую трехмерную модель сооруже-

ния, как знаменитого, так и неизвестного, построенного в период с 1901 по 2000 год.

Дополнительная информация: www.uia-architectes.org/texte/england/Autodesk2009/2-annonce.html

Регистрация: www.3d20th.archi.fr

Признание первого проекта Тойо Ито в Латинской Америке

30 сентября Коллегия архитекторов Чили присудила Награду Джованни Тозска японскому архитектору Тойо Ито за дом «White O», недав-

но построенный в Марабелле (Чили). Сам архитектор характеризует свою первую постройку в Латинской Америке как поворотный

пункт в его концепции домов для одной семьи.

Коллегия архитекторов Чили: www.colegioarquitectos.com/ca_aldia_toyoito.html

Подробнее о работах Тойо Ито: www.toyo-ito.com

Ио Минг Пей – Золотая медаль RIBA

В этом году комитет по наградам Королевского института британских архитекторов (RIBA) выбрал китайско-американского архитектора Ио Минг Пей в качестве лауреата Золотой медали института. Пей родился в Кантоне в 1917 году, переехал в США в 1935 году и получил образование

архитектора в Гарварде, где его наставниками были Вальтер Гропиус и Марсель Бруер. Пей пользуется всемирным уважением за огромное количество проектов и зданий в разных концах света. В число самых новых из них входят Музей современного искусства великого князя Жана в Люксембурге

и Музей исламского искусства в городе Доха, Катар. Лауреат Притцкерской премии 1983 года, он следом за Алваро Сиза (2008) пополнил престижный список архитекторов, награжденных Золотой медалью RIBA, учрежденной королевой Викторией в 1848 году. Среди других получателей

награды – Фрэнк Ллойд Райт, Ле Карбюзье, Алвар Аалто, Луис Кан, Кензо Танге, Рем Коолхаас и Норман Фостер.

Королевский институт британских архитекторов www.architecture.com
Подробнее о работах И.М. Пей: www.pcfandp.com

«Большой Париж» – стратегия развития

Осенью 2007 года, вскоре после своего избрания на пост президента Франции, Николя Саркози впервые упомянул о «Большом Париже» по примеру Лондона или Лос-Анджелеса. Уже 5 марта 2008 года было объявлено о проведении мероприятий,

направленных на разработку этого грандиозного проекта – семинаров, научных конференций, встреч представителей провинций и администраций с участниками проекта.

В июне 2008 года после длительных консультаций с ведущими французскими и зарубежными архи-

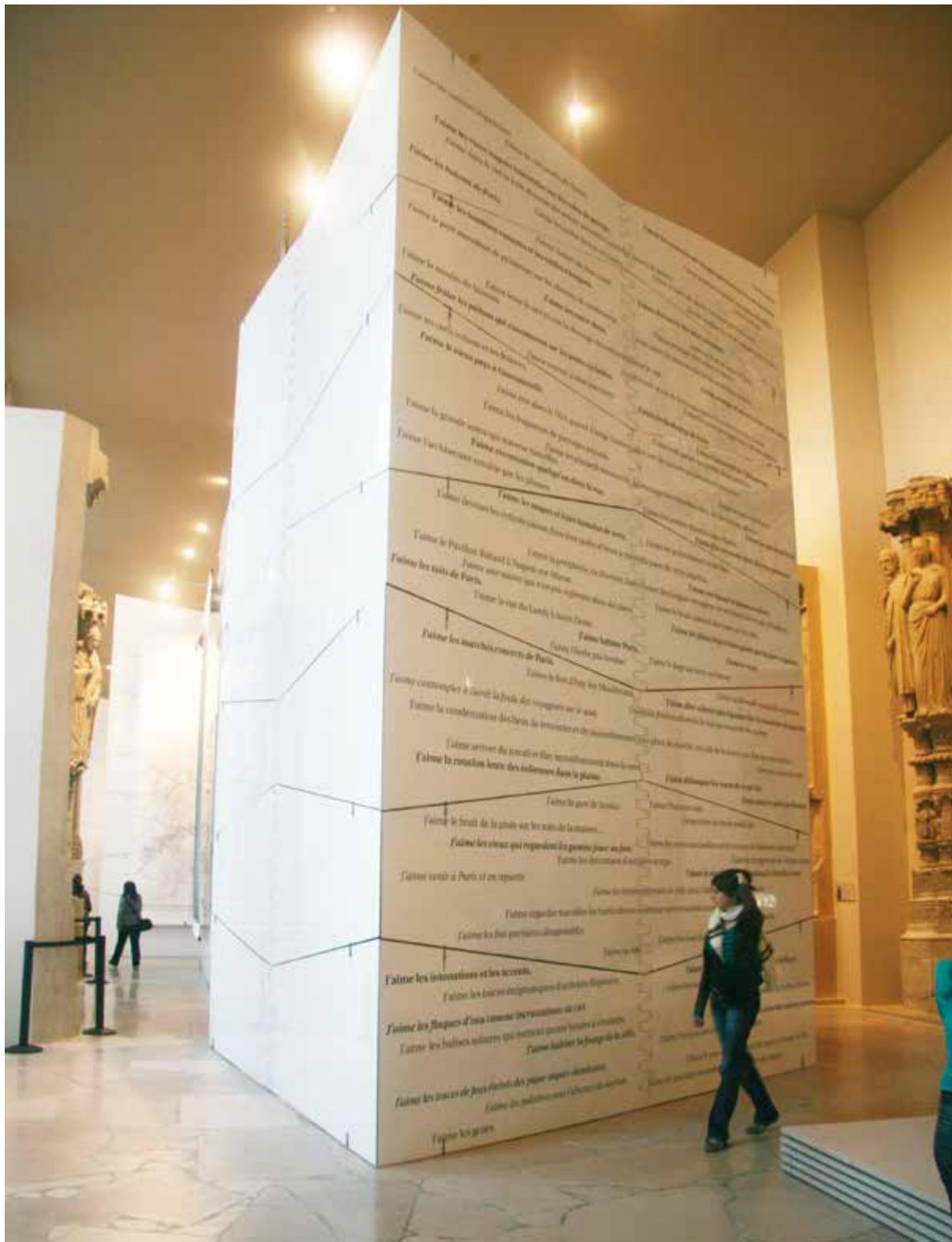
текторами, социологами, географами, экономистами и другими исследователями, разработчиками были выбраны 10 архитекторов и архитектурных бюро: Ричард Роджерс (Richard Rogers), Ив Лион (Yves Lion), Дамель Клоше (Djamel Klouche), Кристиан де Портзампарк (Christian de Portzamparc),

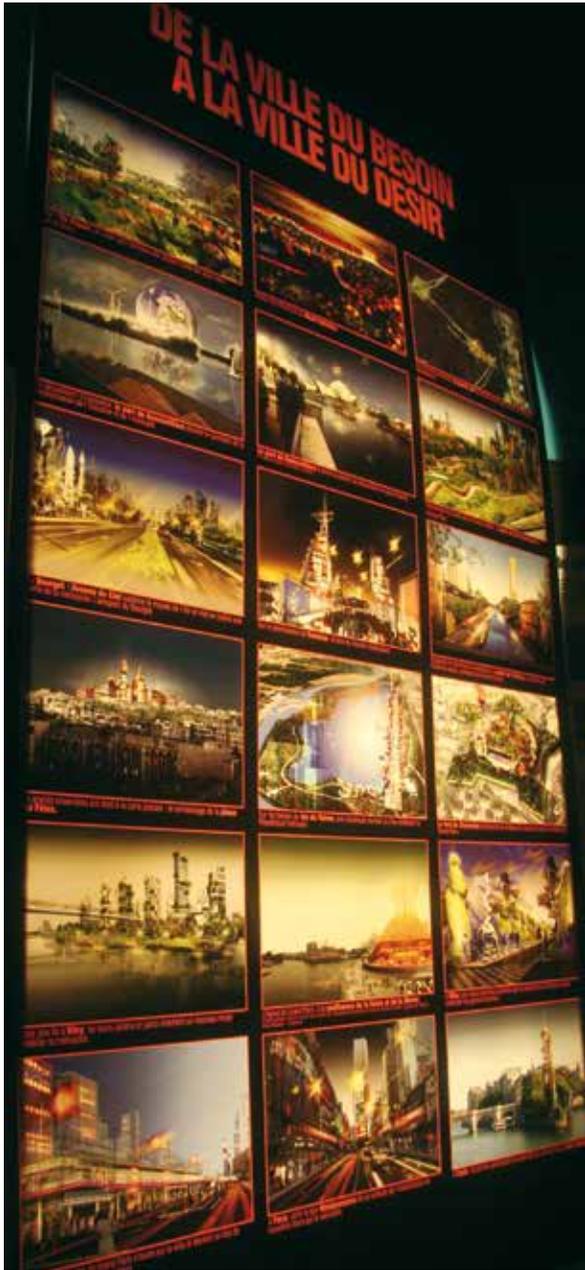
Антуан Грюмбаш (Antoine Grumbach), Жан Нувель (Jean Nouvel) и Мишель Девинь (Michel Cantal-Dupart), Бернардо Секки (Bernardo Secchi) и Паола Вигано (Paola Vigano), Фин Гейпель (Finn Geipel) и Джулиа Анди (Giulia Andy), Ролан Кастро (Roland Castro), MVRDV.

Цель проекта – формирование из собственно города (2 млн жителей) и его пригородов (6 млн) единого целого, что будет способствовать более равномерному прогрессивному развитию всех районов, регенерации депрессивных территорий, переходу к «устойчивому развитию» в масштабе мегаполиса. Пока же Париж отделен от своих «банлье» кольцевой автодорогой, а также сложной административной системой: пригороды, поделенные на 7 частей, и город, разделенный на 20 округов, равно подчиняются руководству региона Иль-де-Франс. Это препятствует их слаженному взаимодействию и проведению общих программ реконструкции. Поэтому наравне существуют пригороды «аристократические» (Венсан или Версаль) и пригороды запущенные и небезопасные (Ла Курнёв и Клиши-су-буа, где происходили недавние беспорядки).

Цель Саркози – сделать качественную городскую жизнь доступной для всех жителей «Большого Парижа»: «Мы должны переосмотреть город... для этого приглашены десять больших архитекторов, архитекторов-градостроителей, выбранных среди наиболее значительных мастеров нашей эпохи... Пора будить мысль городов, чтобы наши современные пейзажи не были больше простым остатком деятельности человека, но серьезным результатом политики, направленной на удовлетворение потребностей каждого.

Это прогнозирование крупного масштаба, а не классический конкурс градостроительства, коллективное изучение способов развития города... Усилие, которое предполагает рассматривать городской вопрос под всеми

архитекторов, чтобы ответить на эти вопросы...»
 «Большой Париж» — это не конкурс, а программа «мозгового штурма», цель которого — разработка вариантов развития Парижа к 2030 году. Программа не ограничивается разработкой 10 вариантов сценариев, предложенных современными мастерами архитектуры, в нее включены общественные слушания, выставки, воркшопы архитектурных школ. В конце периода 2009–2010 годов состоятся коллоквиумы, организованные высшими национальными школами архитектуры в рамках «Встреч Большого Парижа». Этот ход «научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ», по мнению организаторов, позволит скрестить теорию и практику, перспективное и ближайшее будущее.

Уже 17 марта 2009 года было открыто общественное обсуждение «Grand Paris», на котором было представлено 10 сценариев. Проекты разработаны в рекордно короткие сроки, благодаря энтузиазму участников, быстрой мобилизации всех экспертов и хорошей организации программы.

С 29 апреля по 22 ноября 2009 года всем горожанам и гостям города была дана возможность лично ознакомиться с результатами проекта: выставка «Большой Париж» проходила в галерее Carlu, внутри историческом музея (вход свободный).

В начале экспозиции на экранах были представлены

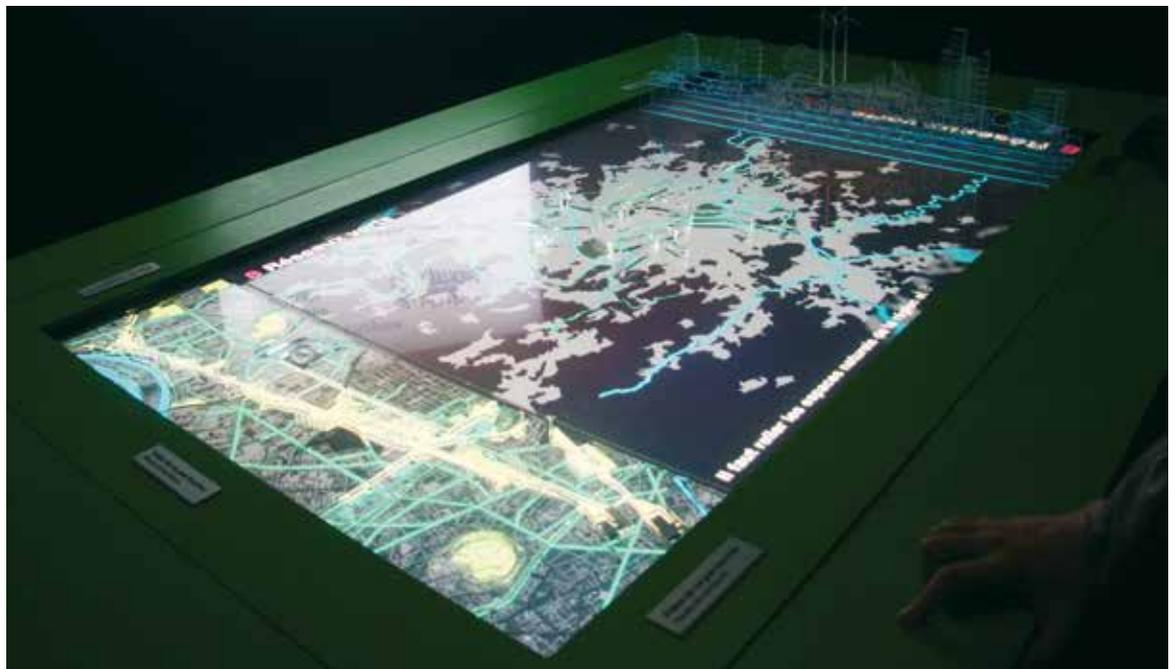
этапы развития Парижа, дана некая летопись важнейших событий становления города. Дальше 10 павильонов одинаковой формы, снаружи окно с видеороликами презентации, внутри графическое наполнение и раскрытие концепта. Представленные проекты разнятся: от сверхамбициозных и радикальных до чисто утилитарных и вносящих незначительные изменения в существующую ситуацию. Результат — большое разнообразие подходов и стратегий.

На воплощение некоторых из представленных работ государство предоставит в общей сложности 35 млрд евро. Эти средства будут направлены на реконструкцию Парижа уже осенью этого года. Одной из главных статей расходов станет строительство новых веток метро протяженностью 130 км и других транспортных сетей, которые свяжут пригороды Парижа в одну линию. Еще одной, но не менее важной частью реновации города влюбленных станет его масштабное озеленение: при строительстве новых районов и городов-спутников (предполагается возведение 70 тыс. объектов жилой недвижимости) значительные территории застройки будут отведены под общественные парки и зоны отдыха. Работы над проектом планируются начать в 2012 году и завершить в течение 10 лет.

Ричард Роджерс видит главную проблему города

углами, географическими, социальными, экологическими, экономическими, политическими и даже философскими: какие возможности города открывает новый век интернет-технологий и большой скорости? Стираются ли при этом границы города и даже страны? Что означает «жить в городе»? Какова роль транспортных коммуникаций? Быстрое развитие способствует освоению и улучшению городских пространств, или лучше идти путем «длительного развития», дающего возможность замедлить разрушительность действий человека?

Мы даем полную свободу в выборе тем и предложений

в разобщенности его административных структур. Также он предлагает развить его транспортную систему, спрятав ее под землю, а освободившиеся пространства и крыши домов следует превратить в зеленые рекреационные зоны. Это уберет существующие барьеры между центром города и пригородами – магистрали и железнодорожные пути. Роджерс считает необходимым превращение «банлье» в полноценные городские районы с жителями разных национальностей и социальных слоев, с жилыми домами, офисами, разнообразными магазинами и досуговыми центрами. После воплощения его проекта в жизнь время в пути на работу и обратно рядового парижанина должно составлять не более 30 минут в день.

Ив Лион вводит в состав «Большого Парижа» леса и сельскохозяйственные угодья, что должно понизить среднюю температуру в городе на два градуса к 2100 году.

Согласно замыслу Кристиана де Портзампарка, кольцевую дорогу надо снабдить эстакадой для линии скоростного поезда, а все вокзалы Парижа упразднить, использовав

освободившиеся пространства для уплотнения городской ткани. Их заменит центральная станция «Европа – Север» в Обервилье. Также вокруг Парижа появятся четыре новых деловых района.

Антуан Грюмбаш, прислушавшись к словам Наполеона, развивает Париж вдоль Сены к морю – по оси Париж – Руан – Гавр, которую Бонапарт назвал единым городом. Планируется провести по этой линии

скоростную железную дорогу и всесторонне развивать экологический и экономический потенциал реки.

Жан Нувель совместно с Мишелем Девинем предлагают включить в существующую ткань города новые постройки, экологичные, функциональные и привлекательные, которые должны улучшить качество жизни горожан. Также предполагается создавать зоны меньшей плотности застройки, разнообразные зеленые пространства, компенсированные высотными зданиями, также озелененными.

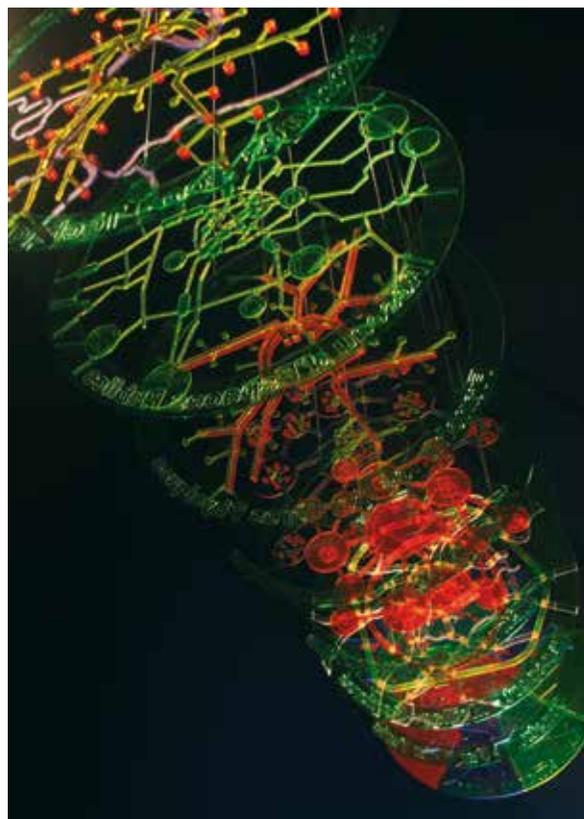
Венецианские архитекторы Бернардо Секки и Паола Вигано предлагают развивать Париж по принципу «губки», сочетая застройку разной плотности и развивая сеть водных путей.

Ролан Кастро предлагает рассеять зеленые пространства, знаковые культурные и административные учреждения по всему «Большому Парижу»: Елисейский дворец – резиденция президента – переместится в депрессивный северо-восточный пригород, в проблемном Ла Курнёв разработать Центральный парк по типу нью-йоркского, в других районах появятся новый оперный театр и «национальный бульвар» по образцу расположенного в Вашингтоне.

В бюро MVRDV считают необходимым развивать транспортную систему, спрятав ее под землю, а на освободившихся пространствах создавать жилые районы и рекреационные зоны.

«...Пусть город будущего будет компактным или диффузным, плотным или разряженным, его структура прежде всего должна быть открытой и гибкой. Мы должны считать город не техническим пространством, а органической системой, тканью, которая должна оставаться достаточно пластичной, чтобы приспосабливаться к нашим потребностям и в то же время не нарушать экологию. Сделав это, мы сможем встретить лицом к лицу все вызовы нового времени...» (Николя Саркози).

Александра Козак
Использованы материалы портала archi.ru и книжного издания «Le Grand Pari(s)»

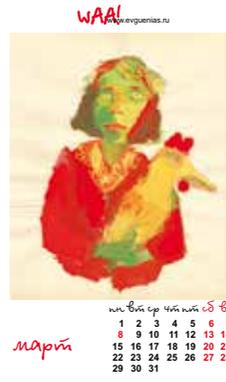
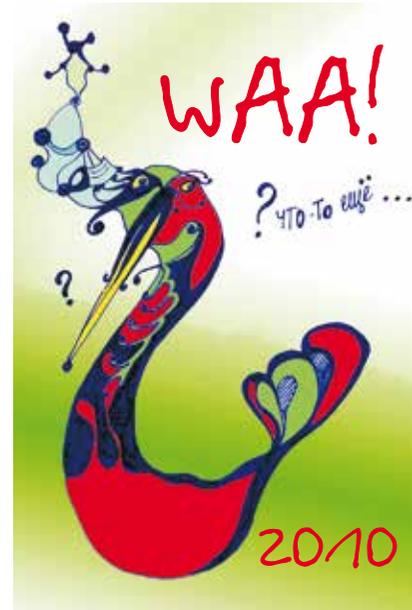
WAA!

В рамках X специализированной выставки «Уютный дом: Мебель, Интерьер, Комфорт», проведенной 25-29 ноября 2009 года в Выставочном комплексе «Сибэкспоцентр», представлен очередной, предназначенный для свободного распространения, календарь WAA!

В конце 2007 года в Иркутске посредством системы FlyCards впервые распространен перекидной календарь WAA! Календарь

размером с почтовую открытку оформлен рисунками молодого дизайнера и архитектора Евгении Сержант. Ироничными рисунками, сделанными между делом, просто так, для себя. «Зверюшки» для второго, на 2009 год, календаря «WAA!» выбраны гостями и участниками фестиваля рекламы и дизайна «Байкал-АРДИ 2008» из числа рисунков, присланных в Службу дизайна «Сибэкспоцентра» в течение года.

Календарь «WAA!-2010» подготовлен на основе работ нескольких авторов: Хиддекель Анны, Поляницы Андрея, Довнич Натальи, Долгополовой Юлии, Ермолаева Юрия, Маторкиной Елены, Петрас Элизы, Сержант Евгении. На сайте www.evgenias.ru можно ознакомиться не только с информацией об авторах, но и с другими их рисунками.

Семинар государственных органов охраны объектов культурного наследия в Иркутске

27 ноября этого года в Иркутске прошел рабочий семинар государственных органов охраны объектов культурного наследия Прибайкалья и Забайкалья (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область), организованный Восточно-Сибирским территориальным управлением Федеральной службы Росохранкультуры. Государственные служащие, специалисты обменялись опытом, обсудили насущные проблемы. Были подняты вопросы несовершенства законодательства, что не позволяет эффективно выполнять функции контроля и надзора, оперативно принимать

меры против нарушителей. Заслушан отчет об исполнении органами охраны объектов культурного наследия субъектов Федерации переданной им части федеральных полномочий в отношении памятников федеральной категории охраны.

Руководитель Республиканской службы государственной охраны объектов культурного наследия Республики Бурятия Н.А. Петрова сообщила о созданном первом в Восточной Сибири судебном прецеденте сноса незаконно (без согласования с органами охраны наследия) построенного здания на территории памятника феде-

рального значения «Гостинный Двор» в городе Улан-Удэ.

Говоря о цели семинара, руководитель Восточно-Сибирского территориального управления Росохранкультуры А.Н. Войтович заметила: «Мы хотим, чтобы на территории нашего региона, куда входят Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, был единый подход ко всем нормативно-правовым актам, как в части федерального законодательства, так и в части законодательства субъектов РФ. Чтобы у нас был единый подход к охране объектов культурного наследия, к наказанию нарушителей законода-

тельства об охране объектов культурного наследия, к способам и методам работы. Надеемся, что в будущем эти совещания будут ежегодными. Подобные мероприятия проходят в европейской части России, в Сибири же такой семинар состоялся впервые».

Ниже публикуется сообщение о работе с объектами археологического наследия, сделанное в рамках семинара М.Я. Складневским, начальником отдела археологии Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

Марина Абдуллина
Алексей Чертилов

Особенности учета, документационного обеспечения объектов археологического наследия. Система работы Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области с факторами угрозы сохранности объектов археологического наследия

Мы выработали концептуальные подходы к охране археологического наследия. Человек – существо уникальное. Если отойти от сегодняшнего нашего пребывания в той или иной должности, то мы, прежде всего, представляем собой вид homo sapiens. Причем во Вселенной этот вид представлен только на одной планете. Его возникновение и развитие на сегодняшний день неизвестно. И расчет дальнейшей жизни планеты и человека туманный и непонятный. Есть такое понятие – «стратегия выживания общества». Оно включает в себя информацию о том, как общество зародилось, развивалось, оно дает возможность анализировать те или иные движения жизнедеятельности этого общества и делать прогноз его развития.

Археология – одна из наук, которая дает информацию для прогнозирования и анализа дальнейшего движения самого общества. В этом отношении государственный орган охраны памятников (Госорган) осуществляет следующие

действия: обеспечивает охрану источников информации, позволяющих обществу анализировать свои дальнейшие действия, строить стратегию собственного выживания. То есть наша задача – обеспечить охрану объектов, содержащих информацию о зарождении и развитии культуры. Исходя из этого, мы и строим свою работу.

Госорган, для того чтобы обеспечить охрану объектов культурного наследия, должен знать, что он охраняет. Для этого он собирает информацию, во-первых, о том, что в законодательстве называется «предметом охраны» объекта, то есть выявляется его историко-культурная ценность, во-вторых, о фактическом положении объекта в пространстве (географическая привязка).

Следующая задача Госоргана – обеспечить систему отношений в обществе, позволяющих увести от данного объекта факторы угрозы. Факторы различные, например время. К счастью, оно уже сделало свой отбор объектов. То, что уже пережило несколько

тысячелетий, резким угрозам со стороны времени не подвергается. Все основные разрушающие действия исходят от человека. Будь то устройство водохранилищ, различные стройки, какая-то хозяйственная деятельность или что-то еще. Это есть система угроз, возникающих от жизнедеятельности общества. Наша задача – помочь отрегулировать жизнь общества таким образом, чтобы исключить конфликт между его развитием и сохранением культурного наследия.

После определения объекта охраны мы должны предоставить информацию о нем в те органы, которые способны «отрегулировать» строительные и прочие угрозы, возникающие в связи с развитием. В российском законодательстве на сегодняшний день это показано следующим образом. Логика закона о культурном наследии, который был принят в 2002 году, исходила из всего этого. Статья 3 говорила о том, что объект культурного наследия является источником информации о зарождении

и развитии культуры, чего раньше у нас никогда не было. В этом законе понятия, что памятник становится памятником после придания ему такого статуса госорганами, нет. Если в старом законе говорилось, что объект становится на государственную охрану на основании решения власти, то на сегодняшний день говорится, что решением органа власти объект включается в Государственный реестр объектов культурного наследия. А объектом культурного наследия его делает заключение историко-культурной экспертизы. Органы власти и самоуправления своим решением сегодня не могут отнести объект ни к памятникам, ни к ансамблям, ни к достопримечательным местам. Это делается на основании заключения экспертизы, подтверждающего его историко-культурную ценность. Это именно то важное изменение, которое было внесено в законодательный акт.

С учетом того, что объекты археологии очень ранимы и легко уничтожаемы, то в пункте 6 статьи 18 говорится, что

объект культурного наследия получает статус выявленного со дня обнаружения. Пункт 8 той же статьи говорит, что охраняются выявленные объекты культурного наследия наравне с включенными в реестр. Для того чтобы отрегулировать систему взаимоотношений в обществе для проведения тех или иных работ, в статью 30 (об объектах экспертизы) был заложен такой объект как земельный участок, а в статье 36 (о мероприятиях, производимых при строительных и прочих работах) было указано, что такие работы могут производиться при отсутствии на участке объектов культурного наследия. Таким образом, была создана система, замыкающая принятие решений на эксперте и Госоргане охраны памятников, а не на органе власти.

Статья 39 Закона № 73-ФЗ говорит: объекты археологического наследия являются исключительно государственной собственностью. Был предусмотрен пункт о раздельном обороте земельного участка и объекта наследия. В статье 46 говорится о том, что пользователь земельного участка, в случае

обнаружения объекта археологического наследия, может пользоваться участком только в соответствии с правилами, которые для данного объекта установлены. Это статья связана со статьей 42 Земельного кодекса, где говорится о том, что землепользователь использует земельный участок в соответствии с федеральным законом. А в статье 52 Федерального закона о культурном наследии конкретно сказано, что земельный участок, на котором есть объект культурного наследия, используется с учетом соответствующих требований.

Была схема, которая позволяла выявлять объект культурного наследия, вносить его в определенную базу данных, при этом уходить от влияния хозяйствующих структур, замыкать эту ситуацию на специалистах, экспертах, которые должны определять ценность и принимать дальнейшее решение. Схема работала на двух уровнях – науки и Госоргана.

Сегодня в Законе № 73-ФЗ, в статье 17, перечислены документы, которые должны быть представлены для включения в реестр объектов

культурного наследия. В статусе выявленного объект может быть не более года. Для объекта археологии – по-другому: год отсчитывается с момента поступления документов в Госорган. Это сделано для того, чтобы объект после выявления прошел обязательную историко-культурную экспертизу. До получения ее результатов, объект может «висеть» выявленным до бесконечности.

Вот такая схема охраны и сохранения археологического наследия предусмотрена действующим российским законодательством.

Дополнительно мне бы хотелось обратить внимание на следующее: есть общемировая практика, где объекты культурного наследия должны быть выявлены до начала строительных работ, и есть такая же российская практика.

Что представляет собой экспертиза земельных участков? На практике это совсем необязательно обследование территории. Специалист, эксперт должен обосновать выделение территории, перспективной для обнаружения археологических объектов.

Затем проверяется, было ли обследование этого участка раньше. Устанавливается наличие объектов культурного наследия на этой территории. Если заключения были вынесены ранее, то они и представляют собой экспертизу земельного участка. Причем неважно, для чего было составлено это заключение – для схемы территориального планирования, для проекта зон охраны или другого. Когда мы привлекаем специалиста, он либо обосновывает невозможность обнаружения на нем археологического объекта, либо настаивает на выезде. По результатам осмотра обычно из дальнейшего детального обследования исключается большая часть участков.

Обследование территории нового строительства в 30% случаев позволяет нам выявить ранее неизвестные объекты археологии и обеспечить их сохранность. Эта практика всего цивилизованного мира, она является важной составной частью политики Всемирного банка реконструкции и развития.

Михаил Складневский

VI конференция ИРО САР

5 октября состоялась VI конференция ИРО САР, приуроченная к Международному дню архитектуры.

Конференция началась с открытия восстановленной доски памяти В.П. Шматкова. Напомним, что несколько лет назад авторская работа художника Б.Т. Бычкова исчезла со стены дома, где жил и работал архитектор Виктор Петрович Шматков. Поиски утраченной доски не увенчались успехом, и правлением ИРО САР было принято решение о ее восстановлении. Новая мемориальная доска, выполненная на этот раз в камне скульптором Е.И. Скачковым по эскизам Б.Т. Бычкова, заняла свое место. Особенно приятным было присутствие на празднике наших ветеранов.

В официальной части конференции прозвучали слова поздравлений председателя ИРО САР И.В. Козака и областного архитектора

В.В. Распутина. В работе конференции приняли участие 35 делегатов из 53 по списку. На конференции было принято решение о сохранении без изменений размера членских взносов (сегодня он составляет 2 500 руб.). Состоялись внеочередные выборы в состав правления ИРО САР (в связи с переездом А.Н. Буйнова в Москву), с небольшим перевесом голосов новым членом правления был избран Р.А. Хотулев.

В программу конференции традиционно вошло выступление Б.Т. Литвинова с информацией о летней сессии градостроительного университета в Сержи-Понтуаз, отчет Клуба молодых архитекторов об очередном фестивале «Города» на Алтае. С информацией о новых технологиях в области строительных изысканий познакомил архитекторов В.А. Карташов.

В праздничной обстановке поздравили вновь

вступивших 17 членов ИРО САР и вручили им значки. Ряды Иркутской организации активными представителями активной молодежи, преподаватели и состоявшиеся практикующие архитекторы.

За высокий профессионализм, общественную активность и в связи с юбилеем Н.Л. Жуковскому была вручена медаль Союза архитекторов России «За верность содружеству Зодчих».

Хочется верить, что интересные, полезные встречи в Доме архитектора и яркие успехи наших иркутских архитекторов не иссякнут и будут служить на благо региона, профессии, Ее величеству Архитектуре!

Инна Дружинина

Защита дипломов в ТГАСУ: впечатления и размышления

19–20 июня на архитектурном факультете (декан В.Г. Залесов) Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) проходила защита дипломных проектов по специальности «Дизайн архитектурной среды» (зав. кафедрой И.И. Колосова). Этот крохотный срок (на фоне десятидневной защи-

ты проектов в ИрГТУ) объясняется тем, что защищалось всего 15 дипломников. Первое впечатление – ощущение праздника: большая аудитория, каждый день плотно заполненная слушателями – студентами старших курсов, которые внимают, как следует выступать, впитывают нюансы детального разбора проек-

тов членами ГАК, учатся на чужих ошибках. Второе – высокий уровень «профессионального представительства» ГАК, который состоит из 13 человек, включая первого вице-мэра, главного архитектора города, главного художника города, главного дендролога, декана факультета, всех заведующих

выпускающими кафедрами, представителей кафедр конструкций, экономики, руководителей ведущих частных проектных фирм и главных архитекторов крупных проектных институтов. Защиты дипломных проектов на разных кафедрах разнесены по времени (на одной заканчиваются, на другой начинаются), что

позволяет заведующим кафедрами присутствовать на защитах друг друга и невольно соотносить и координировать уровень требований к проектам (чтобы не получалось, что на разных защитах одинаковые по проработанности и качеству проекты получают разные оценки, только потому, что в одной из комиссий уровень требований в этом году строже).

Третье – требовательная оценка и детальный разбор: дипломный проект оценивается с разных позиций: в отношении концептуальности, с точки зрения реализуемости, в отношении соответствия предлагаемых решений реалиям места и времени (наличие соответствующих технологий, сравнительная стоимость тех или иных решений и т.п.), функциональных требований, которые на стадии разработки задания на проектирование формулируют сами дипломники, художественно-образных характеристик и т.д.

Не допускаются множественные повторения одной и той же трехмерки в разных поворотах. Тематика проектов предельно нацелена на собственно дизайнерские проблемы города и региона (обустройство рекреационных зон, в которых город испытывает острую нужду; благоустройство улиц и площадей города; интерьеры значимых и совсем обычных объектов, решение вопросов обеспечения доступности среды людьми с ограниченными возможностями и т.п.).

Четвертое – четкая и ответственная организация работы над дипломным проектом. Работа над темой дипломного проекта начинается в весеннем семестре пятого курса: студенты размышляют над общим списком предложенных им тем и определяют с выбором собственной темы. На летнюю практику они уходят с заданием сбора материала по теме и к завершению имеют законченный реферат. В котором, помимо собранных за лето исходных данных и обобщения опыта проектирования аналогич-

ных объектов, сформулирована актуальность темы для данного места и определено задание на проектирование. Поэтому с первого дня осеннего семестра студенты осмысленно и целенаправленно берутся за дипломный проект и к окончанию семестра имеют серьезно проработанный проект.

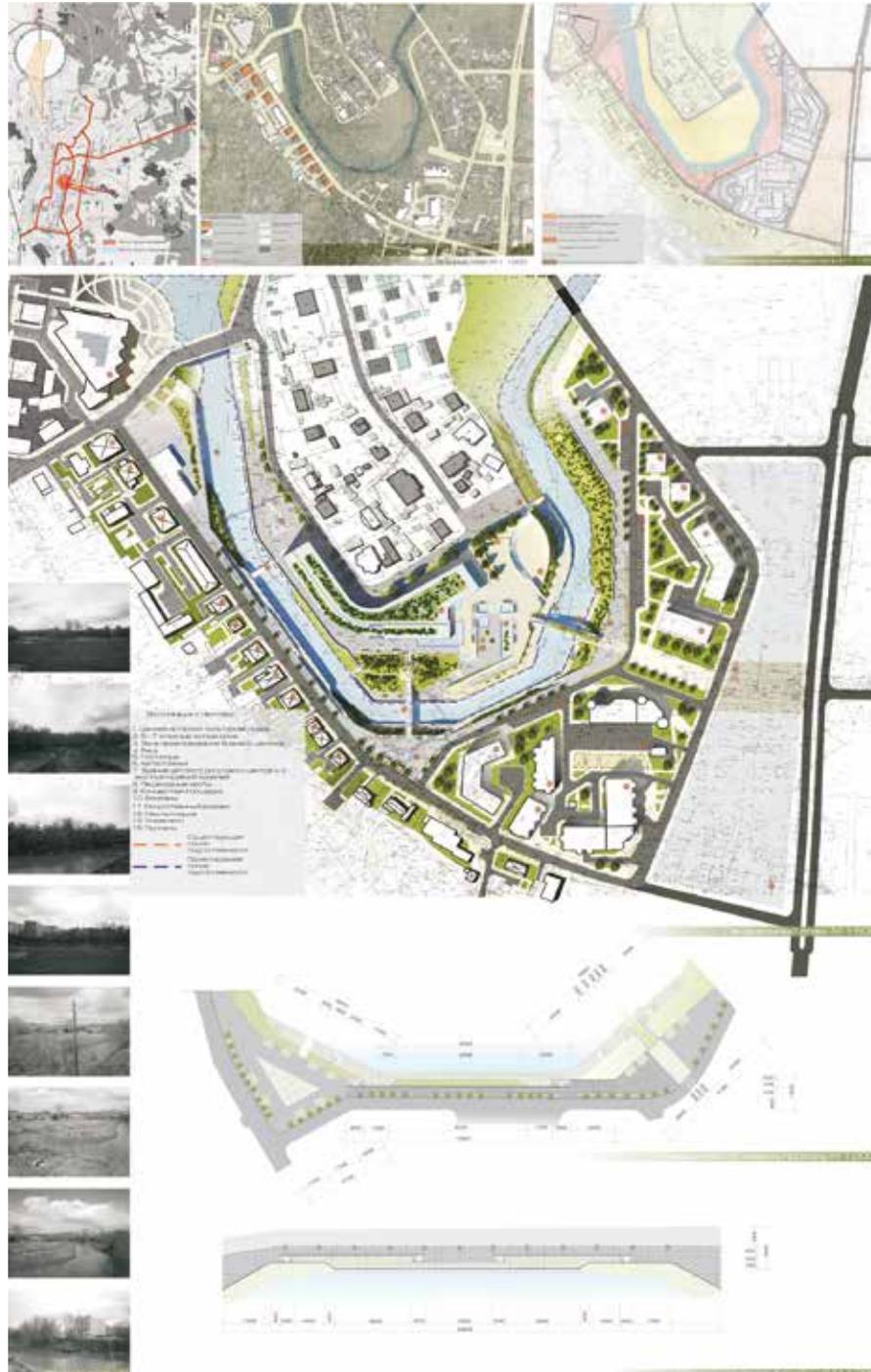
Каждая работа сопровождается очень обстоятельно и критически непредвзято написанной рецензией.

Пятое – высокое качество проектов, реферативного материала и пояснительных записок. Пояснительная записка подготовлена старательно и вдумчиво. Серьезно проработаны разделы конструкций и экономики (например, подсчитана сметная стоимость проекта, что является одним из критериев оценки эффективности принятого дипломником решения). Реферативный материал представлен в систематизированном и

упорядоченном виде с собственными выводами, которые затем кладутся в основу принятия самостоятельного решения (и оценки его правильности).

Проект разработан в соответствии с существующими нормами и рекомендациями по проектированию соответствующего типа объектов и доведен до вида завершенных архитектурных чертежей.

Марк Меерович

Дипломное проектирование (кафедра дизайна ИрГТУ)

1. Дизайн-проект дендропарка «Каменушка» в посёлке Листвянка. Дипломник А.А. Байкалова, руководители: профессор О.Е. Железняк, доцент А.Н. Прокудин, доцент В.М. Акулов, работа награждена дипломом II степени Международного смотря-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом I степени Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ, Серебряным дипломом Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» и др.)

Дипломная работа студентов специальностей «Дизайн» и «Декоративно-прикладное искусство» на кафедре дизайна ИрГТУ, будучи завершающей разработкой, играет значимую роль в становлении художественно-проектного мышления будущих профессионалов и формировании их как специалистов.

При этом дипломное проектирование – это не только последний этап учебного процесса, направленный на воспитание проектной культуры, но и во многом – «работа на город», ориентированная на создание систем идентичности города, фрагментов его среды, корпоративного имиджа фирм и муниципальных предприятий в самом широком диапазоне от дизайна городской среды до дизайна костюма, так как большинство работ выполняется по заказу муниципальных и коммерческих предприятий города и области, в частности отделения «Социально-психологические последствия землетрясений» Института земной коры СО РАН (ИЗК СО РАН), музея Лимнологического института, ИрГТУ, Департамента образования г. Иркутска, администрации города и др.

Выполняемые на кафедре работы служат важной

ступенью на пути осознания культурной многогранности региона, представляют собой один из первых шагов к выявлению пространства идентификации и задают идеологию будущих исследований, которые позволят выявить ресурсы культурной самобытности региона и выстроить траекторию развития территории в современном транснациональном культурном пространстве.

Существование современной цивилизации и собственной Байкальской региона, специфика его биоценоза все в большей степени актуализируют проблемы экологии. Обращение к этому проблемному пространству через раскрытие природной идентичности региона не случайно выбирается в качестве основного сюжета при создании проекта дендропарка «Каменушка» в посёлке Листвянка¹. Диплом выполнен по заказу администрации Байкальского музея ИНЦ СО РАН и является одним из этапов развития музея на уникальной территории побережья озера Байкал. Проект призван сохранить редкие, исчезающие виды растений, занесенные в Красную книгу Байкальского региона.

Общая идеология проекта ориентирована на формирование культурного ландшафта, организованного таким образом, чтобы обеспечить максимальную сохранность естественных байкальских ландшафтов, и в то же время приспособить их к использованию для отдыха и экологического воспитания, при этом сделав устойчивыми к рекреационным нагрузкам. Также, помимо учебного и культурно-просветительского значения, за дендропарком закрепляется и статус своеобразного научного центра: на территории дендропарка создается коллекция растений основных природных комплексов Прибайкалья; формируются живые экспозиции; основываются коллекции исчезающих, эндемичных и перспективных для хозяйственного использования видов растений Прибайкалья и пр.

Сам участок в долине речки Каменушки площадью в 2 га, прилегающий к Лимнологическому музею (на берегу Байкала) и предназначенный для создания парка, состоит из трёх основных частей: долины речки, участка береговой солпки и озёрной террасы, в соответствии с которыми площадь

парка также делится на три зоны – зону «города», зону леса и зону Байкала.

Первая зона, прилегающая к зданию музея и жилым домам и испытывающая наибольшую рекреационную нагрузку, вытянута вдоль речки и расположена практически перпендикулярно к озеру. Рельеф здесь организован в виде четырёх террас, представляющих собой модели ландшафтов с характерным для Байкала рельефом. На нижней террасе создается модель лугового ландшафта с родником, на второй – болотного ландшафта, на третьей – модель леса, на верхней террасе – модель гольцового ландшафта – альпийская горка.

Предложенный метод террасирования не только делит ландшафты на группы, образуя своего рода биоценозы, но и позволяет сформировать систему водопадов на речке Каменушке; кроме того, для поддержания постоянного уровня воды в речке и обеспечения необходимым водоснабжением растений дендропарка проектируется акведук, питаемый из озера и проходящий вдоль речки. Такое решение дает возможность поддерживать постоянный уровень воды в

КОЛЛЕКЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ НАРЯДНОЙ ОДЕЖДЫ НА ОСНОВЕ МУЖСКОГО КОСТЮМА КОНЦА XVIII ВЕКА

реке, создать водопады, пруд и зафиксировать форму русла реки. На второй террасе расположен пруд, питаемый проточной водой из речки; на последней, самой высокой террасе, планируется разместить теплицу, в которой будут выращиваться ценные виды растений интродуцентов.

Вторая зона представлена лесным массивом, расположенным на холме. Она находится между двумя другими зонами и образует своего рода «полуостров» спускающейся с соседних холмов тайги. Именно эта зона оста-

ется в своем первозданном состоянии, лишь экологические тропы пролегают между деревьями и для остановок экскурсий спроектированы три площадки.

В прибрежной части парка над существующей дорогой устраивается прогулочная терраса и береговой пляж. Эта зона обращена к Байкалу, ее образует склон холма, спускающийся к дороге и «задерненный» почвопокровными растениями и цветами. Здесь размещается смотровая площадка, имитирующая набережную. с кото-

рой открывается прекрасная круговая панорама Байкала. Конструкция и форма площадки образована округлой монолитной плитой-консолью, на которой размещаются скамьи для отдыха, создающие комфортную среду для прогулок, в конструкцию ограждения включены фонари, освещающие площадку.

Расположение дендропарка в непосредственной близости с берегом Байкала актуализирует необходимость использования берега, что и предопределяет включение

в состав проекта предложений по организации среды береговой зоны. Монолитная конструкция набережной с пирсом, поднимающаяся над озером (с учетом изменений уровня воды в течение года), выполняет функцию как рекреационной прогулочной зоны, так и функцию причала для лодок и катеров.

Связующим элементов всех зон является здание павильона. В нем располагается кафе быстрого питания, лавка сувенирной продукции, просторное фойе для отдыха, санузлы и прочее. через него же

осуществляется главный вход в дендропарк. Он символически расположен над рекой, течение воды которой можно наблюдать сквозь прозрачное покрытие пола. Особенностью конструкции павильона является эксплуатируемая крыша с крытой светопрозрачной галереей, по которой осуществляется переход из одной зоны парка в другую, при этом посетитель сам может выбрать маршрут.

Над дорогой проходит виадук, ограждение которого представляет собой легкую по форме конструкцию из металла и поликарбоната с встроенными фонарями, также встроенными автором.

В целом проект всех фрагментов парка выполнен с учетом геоботанического, геоморфологического содержания байкальских ландшафтов, а решение традиционно сложной задачи встраивания артифицированных объектов (коиими являются въездной павильон, прогулочная эспланада и беседки) в природный ландшафт находит завершение в изящных, рафинированных объектах, сознательно противопоставленных естественности ландшафта и всей окружающей природы (без искусственного заигрывания с ней в формах и материалах). Планировочная организация территории и

ее оборудование достаточно корректно решают и проблеме функционирования парка с различными режимами и программами, допускающими свободное, неконтролируемое пребывание отдыхающих на территории, наряду с регламентированным, «обучающим» и «погружающим» перемещением по дендропарку во главе с экскурсоводом.

Работа с городской средой, системами ее идентификации может быть рассмотрена на примере проекта М. Корелиной², основной целью которого является реорганизация территории Студгородка как средового объекта, позволяющая решить проблемы функционирования ИрГТУ в качестве университетского комплекса, увеличить рекреационный ресурс территории и преобразовать существующую транспортную систему.

Проектом предлагается логичное и функционально-оправданное решение: незначительно заглубляя проезжую часть и расширяя ее, увеличивается пропускная способность магистрали; наряду с этим появляется возможность устроить двухуровневую стоянку на месте существующего перехода и предусмотреть дополнительную автостоянку под проектируемой площадью, чем снимается проблема парковок ИрГТУ.

Проблема создания университетской площади как знакового и одновременно жестко функционального пространства решается через формирование амфитеатра, обращенного «лицом» к главному фасаду и входу в ИрГТУ. Такая система позволяет осуществить своеобразную защиту рекреационно-презентационного пространства от проезжей части и, в то же время, увеличить размер площади, придавая ей соответствующую статусу университета масштабность. Фрагменты площади детально проработаны; трансформирующаяся конструкция при входе в университет, при необходимости может служить сценой, местом для рекламных акций и/или праздничным оформлением.

Проблема безопасной коммуникации решается

через комплекс надземных переходов, составляющих единую структуру с амфитеатром и новым зданием автостоянки, которые гармонично встраиваются в среду, одновременно становясь новыми активными композиционными осями района, «связующими нитями» между отдельными фрагментами среды и различными корпусами ИрГТУ.

Амфитеатр, система надземных переходов и автостоянок образуют органичную, цельную и современную структуру с «оттенком хайтек», что, на наш взгляд, отражает образ технического университета. Для создания оптимальных условий эксплуатации, защиты пешеходов от неблагоприятных атмосферных и техногенных воздействий предложены металлические конструк-

2. Концепция реорганизации территории ИрГТУ (ул. Лермонтова). Дипломник М.В. Корелина, руководители О.Е. Железняк, А. Ю. Ладейщиков, работа награждена дипломом I степени Международного конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, грамотой Международной ассоциации союзов архитекторов, дипломом I степени Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ и др.)

ции со светопрозрачными материалами перекрытий и ограждений; для маломобильных групп населения (инвалидов-колясочников, родителей с детьми и др.) предусмотрены пологие спуски и пандусы. При этом надземные переходы служат не только для безопасного преодоления ул. Лермонтова, но расположенные в их центре площадки могут использоваться как обзорные.

Кроме того, предлагаемая концепция реорганизации территории повышает значение бульвара, возродив его функционирование как рекреационно-досугового пространства, с одной стороны, и используя его в качестве системы комфортной и безопасной связи между различными структурными подразделениями ИрГТУ, разделенными территориально, – с другой. Что также представляет немалый интерес и увеличивает рекреационный ресурс Студгородка.

Сочетание острого авангардного прочтения темы с пietetом к чувству места, сложившимся правилам и «ритуалам» предназначено передать многогранность и внутреннюю экспрессию авторского решения.

В отличие от существовавших ранее проектов, проведенное комплексное исследование функционирования проектируемой территории как средового объекта, выявив «средовой потенциал» и специфику его проживания в конкретном место-пространстве, позволило сформулировать проектное предложение, задающее новое масштабное и образное видение ситуации и при этом решающее весь сложный комплекс проблем территории.

Обращение к идеалам неповторимости и своеобразия городской среды через выявление цветовой идентичности территории, использование цвета/света как образно-информационного средства и способа индивидуализации составляет еще одну актуальную часть проблематики дипломного проектирования и заключается в попытке соединить воедино культурные традиции и реалии проживания городской среды. Так, стремление придать

самобытность динамично-меняющейся среде, апеллируя к тщательному обследованию «жизни» конкретного место-пространства, проведению специального тестирования для выявления цветовых предпочтений жителей микрорайона, с одной стороны, и погружению в современный опыт и актуальные вопросы проектирования – с другой, служат исходной позицией для разработки цветовой среды микрорайона Университетский³; концепция формирования цветовой целостности пространства положена в основу проектного решения колористики ул. Лермонтова⁴.

Проблемы идентификации среды в процессе создания интерьеров и их предметного наполнения интерпретируются как системы приспособления пространственной среды; как форма отождествления, узнавания и проявления личности, места и имиджевых характеристик корпораций; как способ нахождения компромисса между универсализацией

(и/или унификацией) и персонализацией среды.

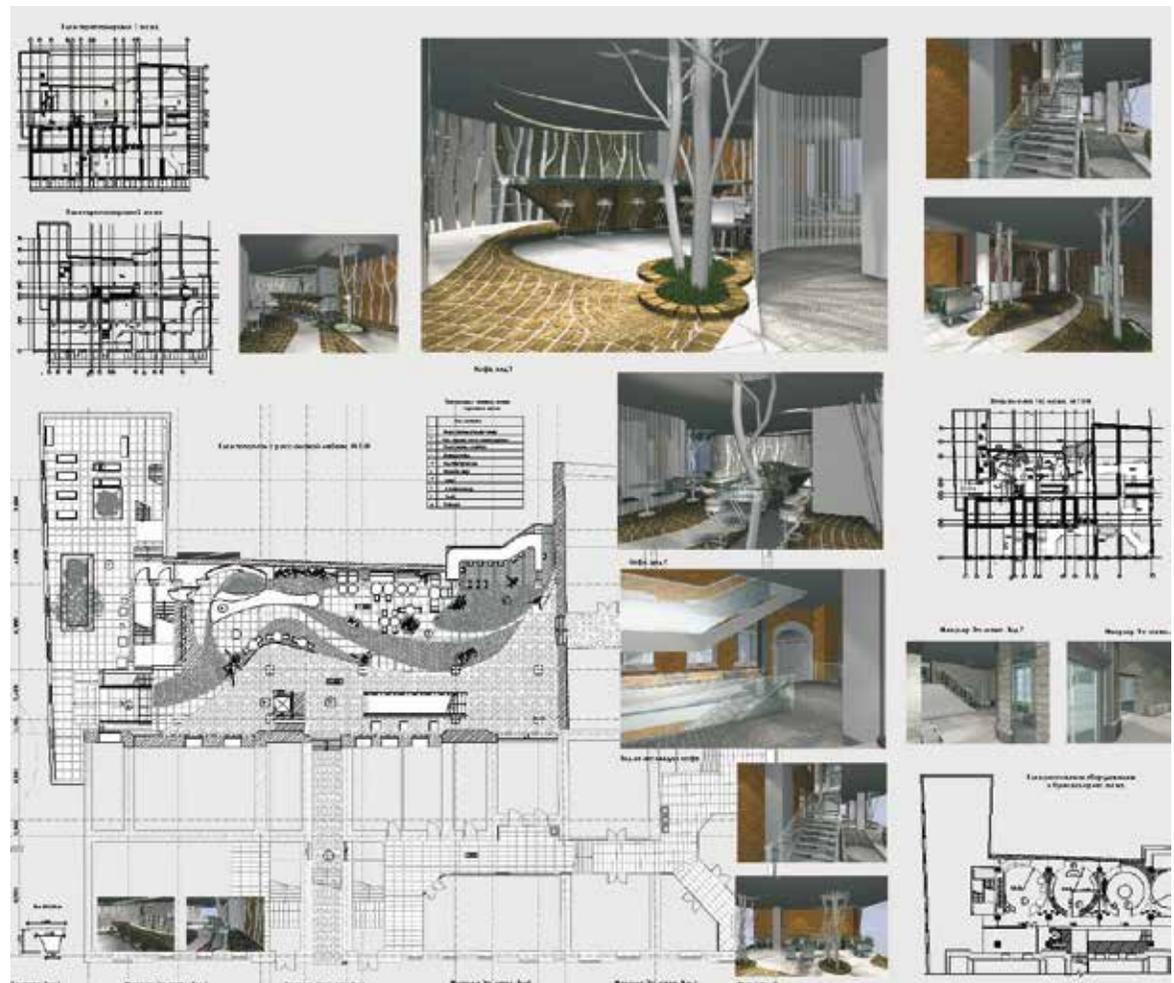
Диалектика универсального и индивидуального в решении интерьера, комплексная реализация требований стилового соответствия и органичного единства внешнего и внутреннего облика здания определяют идеологию создания интерьеров предприятий «Фортуны», фирмы «РорBook», жилья, интерьеров учебных и административных помещений ИрГТУ и др.

В частности, идея интеграции внутреннего и внешнего пространств задумана как основа проектной концепции интерьеров торгового дома «Фортуна-Плаза»⁵, получившая развитие в разработке авторского оборудования. Кроме того, концепция единого пространства строится и на разыгрывании образов взаимодействия разных исторических стилей и эпох, исторических реминисценций в интерьере современного блока и в организации рекреационного пространства, «природо-

сообразность» которого также отвечает авторской концепции. Стилизованные металлические деревья рекреационного пространства, прорастающие через этажи внутреннего двора, и элементы оборудования находят свой отклик в формировании среды внешнего двора. Динамика природных форм и их современная интерпретация сквозят и в пластической организации интерьеров бутиков второго этажа.

Комплексный проект, включающий целый блок задач от градостроительных решений до создания сувенирной и полиграфической продукции представляет собой разработку нового оформления для предприятия «Фортуна»⁶. Выполняемая работа усложнена еще и тем, что концепция разрабатывается для предприятия, объекты которого разбросаны по всей территории Иркутска, и этот факт требует формулирования объединяющей темы дизайна праздничной среды. Одновременно с

3. Дизайн-проект цветовой среды микрорайона Университетский. Дипломник Т. Кузнецова, руководители проф. О.Е. Железняк, проф. А.А. Баранников.
4. Концепция цветовой решения ул. Лермонтова (территория Студгородка). Дипломник И. Константинова, руководители проф. О.Е. Железняк, доц. Е.В. Хохрин.
5. Проектирование интерьеров торгового дома «Фортуна-Плаза». Дипломник А. Вялая, руководители доц. Н.М. Попова, ст. преподаватель Е.Н. Курочкина.
6. Разработка нового оформления для предприятия «Фортуна». Дипломник Е.В. Киселева, руководитель проф. О.Е. Железняк. Работа награждена дипломом Международной ассоциации союз архитекторов, дипломом I степени Международного смотр-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом I степени Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ, поощрительным дипломом Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» и др.

этим в задачу автора входит создание пространства для празднования Главной елки Правобережного округа.

Проектная концепция сформирована на сопоставлении нескольких ключевых сюжетов: «Колесо Фортуны», «Нашествие быков», «Радуга в ледяном городе», объединенных общим смысловым пространством, означающим удачу, богатство, успех и пр. При этом в авторской версии довольно интересно разыгрывается фирменный знак предприятия «Фортуна» через вариации темы «Колесо фортуны». Такой сюжет вполне универсален и может быть использован для общей концепции корпоративного Нового года предприятия на ближайшие годы. Тема 2009 года удачно вплетается в задуманный контекст лейтмотивом «Нашествие быков/коров».

Обращение же к «радужному» цветосветовому решению наиболее точно отражает Новогоднее настроение.

Предлагаемая концепция интересна и сочетанием традиционных образов с современными новогодними атрибутами и приемами оформления, а также способностью к вариативности и многократному использованию.

Обширная информация, собранная в ходе изучения отечественного и зарубежного опыта, функциональный и структурно-композиционный анализ территории позволяют задать структуру праздничного оформления отдельных подразделений «Фортуны» как целостной системы и составляющей корпоративного бренда, и, помимо этого, определить места проведения основных мероприятий.

В процессе реализации концепции, автором отработана серия креативных предложений для оформления фасадов и фрагментов городского пространства, элегантных по решению и представляющих собой универсальный комплект, который дает возможность при наименьших затратах и повторном использовании получить максимально масштабное и качественное оформление.

Основным местом проведения праздничных торжеств выбрана территория «Фортуны», въезды и выезды с которой хорошо акцентированы.

Подробно и детально спроектирована «Улица Фортуны» — она начинается с «Ворот

Деда Мороза и Снегурочки» и заканчивается триумфальными «Воротами Фортуны». Преддверием «Улицы», развивающим основную ось праздничного пространства, служат ледяной городок и арочная конструкция, с одной стороны, и анфилада ледяных блоков и елок со «стремящимися» на «Улицу» быками — с другой стороны.

Тема Ледяного царства, озаренного сиянием радуги, предложенная в организации улицы, развивается в ледяном городке — традиционном игровом пространстве с катальными горками, лабиринтами и неизбежным символом 2009 года — гигантской (ледяной) коровой.

Кульминацией является Главная елка, наиболее удачное расположение которой совпадает с местом пересечения основных пешеходных связей Зеленой улицы. Дипломница находит оригинальное решение, поднимая елку над пешеходными потоками, что вносит в праздничную среду дополнительную интригу, добавляя пространству игровой характер. Игровой характер пространства подчеркивается ледяной дорожкой с символами года — ледяными коровами — и

катанием на северных оленях (в том числе по специальному маршруту, соединяющему Главную елку с ледяным городком). Наряду с этим, заложенные в проекте решения позволяют проводить различные пиротехнические шоу, акции, хэппенинги и пр.

Несомненным плюсом работы являются трансформируемость и универсальность основных объектов — елки, триумфальных ворот Фортуны и арочной конструкции, которые в повседневной жизни могут нести экспозиционные функции и служить как для рекламы, так и для оформления других праздников.

Учитывая короткий световой день в зимнее время, автором много внимания уделено разработке вечернего/ночного состояния улицы, специфике цветосветового дизайна как элемента новогоднего праздника. В частности, предлагается использовать лазерную и световую графику, довольно уникальную для Иркутска, позволяющую, кроме того, оставить свободной и открытой для проезда улицу.

Для оформления интерьеров и фрагментов среды предложены различные виды елок, отражающие специфику фирм, их деятельности и предлагаемой продукции; элементы новогоднего оформления и полиграфическая продукция, а также разнообразные по форме и материалам символические животные 2009 года.

В дипломных работах дизайнеров-графиков, владеющих широким спектром художественных средств и проектных методов, разрабатываются объекты разной степени сложности — от единичного знака до целого комплекса, образующего визуальную информационную среду, обеспечивая ее идентичность и необходимую связь между человеком и вещью.

Например, в основу концепции оформления праздника Масленица,⁷ по сути своей сочетающего в себе языческую и христианскую культуру, положена специфика Масленичной недели с детальной проработкой каждого дня с учетом возможностей места, где проводится праздник, — этнографического музейного комплекса

7. Концепции оформления праздника Масленица. Дипломник О. Ковбунова, руководители доц. О.А. Игнатъева, доц. О.В. Беседин.

«Тальцы». Особый интерес представляет «солнце-блин», буквально «сотканное» из мифологических животных и береговых знаков.

Одним из наиболее востребованных сегодня сюжетов графического дизайна является фирменный стиль, который представляет собой культурное пространство взаимодействия глобального и регионального, один из способов формирования корпоративной идентичности и специфичности места. Фирменный стиль (корпоративная идентификация) рассматривается как комплексная система, цель которой формирование благоприятного имиджа и запоминающегося образа через системы визуальной идентификации, а также визуальное воздействие на целевую аудиторию корпорации, усиление эффективности рекламных контактов компаний с потребителями, повышение доверия партнеров и пр., способствующие росту репутации и известности компании на рынке.

Поиск концепции фирменного стиля учреждения, создание «поддерживающего» персонажа, средств визуальных коммуникаций и полиграфических изделий отражают авторское видение и весьма последовательно, профессионально и технически грамотно воплощены в дипломных работах. В рамках раздела выполнены проектные разработки для формирования имиджевых систем ряда фирм и предприятий города и области – ИРГТУ и его структурных подразделений, Муниципальных учреждений Иркутска и области, строительной компании «Ларис-строй», ООО «М-Трейд», ООО «Стройлад», туристического агентства

«Дискавери клуб», агентства недвижимости «Суворов», фирмы Поликард, Речного пароходства и др.

При разработке фирменного стиля для рекламно-производственной компании «АверсПринт»⁸, компании предлагающей широкий перечень рекламной и информационной продукции (широкоформатную печать, гравировку, наружную рекламу и изготовление печатей, штампов), слоганом выбрано выражение «Километры печати». Чтобы подчеркнуть специфику каждой сферы деятельности, найти индивидуальный образ каждой из оказываемых услуг, автор разрабатывает персонажи, используя стилизованных животных: таксу – для широкоформатной печати, дикобраз – для гравировки, слона – для печатей и штампов, лошадь – для наружной рекламы. Наряду с употреблением графических элементов в виде пикселей при разработке логотипа это создает оригинальный, легко запоминаемый, лаконичный, эстетически привлекательный и понятный потребителю образ.

Дипломный проект «Разработка фирменного стиля для Байкало-Ангарского ГБУ»⁹ посвящен формированию имиджа указанной организации. Название и функции организации, связанные с обеспечением безопасности плавания судов на эксплуатируемых путях водного бассейна, предполагают серьезность подхода и точный выбор соответствующего направления в определении стилистики. В то же время тема достаточно богата ассоциативными образами и сюжетами, что дает некоторую свободу и возможность обыграть «сухой официоз»,

потенциально заложенный в сложном названии.

Составляющим будущего логотипа, исходной фигурой, началом художественного стилиобразования выбран полосатый треугольник. Характерную особенность изображению придает наклон фигуры, создающий динамику и вызывающий дополнительные ассоциации. Здесь можно увидеть и бакен, который подхватывает волну; и пешеходный переход, отождествляемый с безопасностью, которую обеспечивает данная организация; и уходящую перспективу вправо, символизирующую развитие и процветание. Образ всем известной тельняшки также легко узнаваем, близок и понятен каждому, отчего в целом создается ощущение соучастия.

Цветовая гамма, в некотором роде уже заданная названием и невольно связанная со стихией воды, получает в авторской интерпретации новое прочтение.

При разработке календаря за основу взято изображение разнообразных рыб, которые созданы путем моделирования форм из тельняшки, в результате чего возникли оригинальные фактурные и графические эффекты. Открытки, посвященные профессиональному празднику (Дню речного флота), и открытка нестандартной формы в виде кораблика для поздравления коллег отличаются от более официально исполненной рабочей документации. В их основе лежит образная интерпретация сфер деятельности, использование деталей и тематических атрибутов.

Баннеры, плакаты, сувениры, фирменная одежда как самостоятельные объекты фирменного стиля и рекла-

мы, представляющие имидж предприятия, его идентификационные характеристики также используют тематические атрибуты, логотип организации, смоделированные из тельняшки формы (например, чайка).

Основной набор стилизирующих элементов, чистота и ясность ключевых художественных образов, разнообразие выбора, полнота ассортимента создают богатый ассоциативный ряд, точную адресность посланий и цельность концепции, что формирует положительный имидж компании и ее точную идентификацию.

Неотъемлемой частью профессиональной деятельности при создании фирменного стиля, формировании лица торговой марки, компании и любого проекта становятся современные медиатехнологии. К стандартному пакету добавляются интернет- и мультимедиапрезентации, предоставляя дизайнеру больше возможностей для достижения цели по адресному продвижению продукта.

В частности при разработке фирменного стиля и видеопрезентации кафедры дизайна¹⁰ основной акцент сделан на разработке «фирменного сопровождающего персонажа» и создании видеопрезентации (анимационного и презентационного роликов). Фирменный стиль выступал при этом скорее неким концептуальным пространством, задающим границы и направления развития презентационных сюжетов. Разработанный автором фирменный персонаж – идеальный механический жук, восходящий в своих истоках к почти сакральному насекомому – божьей коровке, может быть предметом дискуссии, но история появ-

8. Фирменный стиль рекламно-производственной компании «АверсПринт». Дипломник Е.О. Василевская, руководитель доц. А.А. Дурасов.
9. Разработка фирменного стиля для Байкало-Ангарского ГБУ. Дипломник Леонова А.Ю., руководители доц. В.В. Дейкун, доц. А.А. Дурасов.
10. Концепция фирменного стиля и видеопрезентация кафедры дизайна. Дипломник Н. В. Сладков, руководители проф. О.Е. Железняк, доц. О.В. Беседин, работа награждена дипломом I степени Международного смотря-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну.

11. Дипломник И.В. Дьяченко, руководитель доц. С.В. Мурашова, проф. О.Е. Железняк, доц. Л.А. Землянская. Работа награждена дипломом I степени Международного смотра-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом Международного конкурса «Кутюрье года» и др.
12. Коллекция вечерней одежды для беременных дам «Ожидание». Дипломник И.В. Татарникова, руководитель доц. С.В. Мурашова, проф. О.Е. Железняк, доцент Л.А. Землянская. Работа награждена дипломом I степени Международного смотра-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом Международного конкурса «Кутюрье года», дипломом Союза дизайнеров России и др.
13. Коллекция молодежной нарядной одежды на основе мужского костюма конца XVIII в. «Marina». Дипломники М.С. Тамбовцева, О.И. Петухова, руководители доц. М.Б. Дагданова, доц. С.В. Мурашова, доц. И.И. Котоманова. Работа награждена дипломом I степени Международного смотра-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом I степени Международного смотра-конкурса по дизайну «Пигмалион», дипломом I степени регионального этапа Международного конкурса «Кутюрье года» и др.

ления и образ персонажа прописываются дипломником вполне убедительно.

В дипломных работах по дизайну костюма проводится проектирование одежды как системы идентификации субъекта и его самоосознания в корпусе культурных норм и представлений; как одной из систем самоопределения и способа самоидентификации субъекта.

Чаще всего по внешнему виду человека можно определить, какой образ жизни он ведет. Привнесение в городскую моду оттенков «натуральности и непосредственности», сюжетов физического и морального здоровья привлекают все больше внимания к пропаганде здорового образа жизни, в том числе и через одежду. Авторская концепция коллекции «Одевайтесь на здоровье»¹¹ провозглашает, что одежда, как и пища, должна быть и функциональной, и эстетичной, и максимально отражающей собственное представление человека о комфорте, гармонии и индивидуальном внутреннем мире. Непростая задача осуществляется через достаточно декоративные модели, выразительные за счет черно-белой палитры, что, несмотря на скупость красок, делает их яркой демонстрацией выбранной темы. Скрытый

идейно-эмоциональный смысл моделей и позиция автора переданы с помощью графических образов в сочетании с конструктивными элементами. Гармоничное единение декоративных символов с конструктивными элементами делают коллекцию интересной не только по содержанию, но и по форме. Несомненный интерес представляют и разработанные автором приемы декорирования ткани – наложенные на базовые модели расписанные элементы, которые при этом могут варьироваться. Концепция подкрепляется выбранными материалами – натуральным льном и хлопком.

Коллекция адресная, апеллирует к людям, которых больше всего привлекает индивидуальность. Она ориентирована на интерпретацию природы и ее отдельных элементов, где динамика форм сочетается с мягкими линиями и ассоциативно порождает образы, перекликающиеся с образами природы. В отдельных случаях природа и искусство, по мнению автора, в состоянии оказать более сильное воздействие на сознание человека, чем реклама и средства массовой информации, следовательно, и формирование «здорового

образа жизни» должно быть тесно связано с деятельностью, направленной на искусство приобщения человека к природе. Именно эта авторская позиция последовательно декларируется в представленной ею коллекции.

Подкупает своей креативностью и актуальностью диплом «Ожидание»¹², посвященный разработке коллекции вечерней одежды для беременных. Несомненный интерес вызывают исторические реминисценции, отсылки к средневековью.

Выбор культурного прототипа не случаен: обращение к периоду, когда материнство было возведено почти в культ, позволяет по-новому увидеть и современную ситуацию.

Основные композиционные и конструктивные особенности выбранных исторических аналогов находят современную авторскую интерпретацию в коллекции. В задуманных моделях хорошо сочетаются традиционный крой с фактурным разнообразием приемов декорирования, средневековые оттенки и современное направление в нарядной одежде. Нарядные дорогие ткани любовно украшены ручной отделкой как напоминание о древнем занятии – рукоделии женщин

в долгий период ожидания материнства.

Автором выполнены три базовые модели и дополнения к ним, составляющие цельный ансамбль и позволяющие варьировать отдельные компоненты друг с другом.

Графическая часть не только информативна, но и передает задуманный образ через апелляцию к исторической ретроспективе, достоверность проектных предложений и конструктивных разработок. Помимо этого, привлекают внимание оригинальная манера авторских графических эскизов, отражающих современную версию «Ожидания».

Коллекция молодежной нарядной одежды «Marina»¹³ в своих образных представлениях отсылает нас к разнообразию морских состояний, с их красотой и бунтарством, силой и угрожающим стилем. Историческим источником, прототипом выступает мужской костюм конца XVIII века (фрак), основным персонажем, героическим прообразом – «и благородный офицер, и дерзкий пират одновременно», которые прочитываются как в мужской, так и в женской части коллекции. Свободная авторская интерпретация творческого источника проявляется как

в переработке конструкции фрака, так и в сплетенных из канатов париках, в «пльвущих» по белой поверхности юбки или кокетливо выглядывающих из манжетов «бумажных корабликах», в черно-белых полосках трикотажной ткани, как очередной отсылке к морской тематике. Изящество экспозиционной части, уникальность авторской графики замечательно дополняют презентацию коллекции, подчеркивая цельность образного замысла.

Дипломные работы по декоративно-прикладному искусству выполняются в различных техниках керамики либо в смешанной технике, с использованием различных материалов.

Ярким примером может служить «Разработка серии салонных кукол по произведениям Чайковского»¹⁴. Диплом выполнен в рамках научно-исследовательской темы, разрабатываемой кафедрой дизайна («Пространства культурной идентификации»), по заказу Департамента образования г. Иркутска и администрации МОУ школы-интерната № 15 основного общего образования с углубленным изучением музыки для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для проведения музыкальных салонов.

Эта работа, по существу, представляет собой авторскую версию нового рождения традиционного элемента предметно-пространственной среды – куклы, а точнее салонной куклы. Работа ориентирована на возрождение культуры салонной (интерьерной) куклы и удачно совмещает игровые и эстетические, «витринные» характеристики кукол, создавая при этом образцы авторской куклы, обладающей не только эстетическими качествами и остро выраженными образными характеристиками, но и психотерапевтическими свойствами для эмоциональной рефлексии.

Кукла и музыка издавна соединены в пространстве культурной традиции разных стран. Вероятно, без музыки кукольные представления утратили бы едва ли не половину своей прелести. Музыка не только создает общую атмосферу, но зачастую и определяет характеристики

персонажей. В связи с этим обращение дипломниц к музыке как основному источнику порождения образов кукол выглядит вполне естественно и органично.

В то же время выполнение дипломного проекта по заказу администрации детской школы подчеркивает своевременность этой работы и придает ей еще большую актуальность, общий пафос которой определен задачей духовного и эстетического развития детей. Это отражается и в выборе музыкального произведения – классической музыки, на основе которой и создана коллекция кукол. Взаимосвязь каждой куклы с определенным музыкальным произведением Детского альбома И.П. Чайковского не только задает логику формирования коллекции, но и помогает завершить создаваемый образ куклы (силуэт, фактура, колорит).

В состав коллекции включены 7 кукол, высотой 1 метр: кукла Баба Яга, новая кукла / больная кукла (кукла-перевертыш), кукла-гармонист, кукла-шарманщик, кукла-полька (двойная кукла-качалка), соответствующих основным сюжетам музыкального альбома.

Авторская идея имеет прекрасное техническое воплощение, которое отражается в механических деталях и элементах, придуманных и выполненных весьма оригинально: собственно конструкция кукол, особенно куклы-перевертыша и парной куклы-качалки, предложенная авторами, представляет несомненный интерес. Куклы имеют деревянные каркасы, силиконовые лица и кисти, тела из папье-маше, руки из текстиля.

Сама по себе кукла (без костюма) – это манекен. Лица кукол абсолютно одинаковы, но с изменением костюма полностью меняется образ. Предусмотренные авторами механические действия кукол, благодаря которым она оживает, также помогают завершить образ, придать ей индивидуальность.

На костюмах акцентировано особое внимание при создании кукол. Разработка нарядов-образов составляет отдельный сюжет проектной работы. Начиная с

прорисовки и определения силуэтного ряда коллекции (фактически коллекции сценического, театрально-средового костюма), через поиск формообразующих принципов персонажированного костюма (в том числе и головного убора) авторы приходят к детальной проработке отдельных элементов образа. Не меньший интерес вызывает и обработка используемых материалов, когда каждая ткань становится авторской, задуманной специально для конкретного персонажа.

Особенности авторских стилей и возможности художественной керамики, а также других материалов и техник исполнения проявляются в ряде других работ, отрабатывающих композиционные принципы построения образов и особого авторского формо-пространства; индивидуальные творческие методики и технологии работы с материалами; специфические пространства взаимодействия художника-проектировщика и заказчика, учителя и ученика, особые системы самоидентификации каждого, в частности «Алгоритмы» А. Гусева, декоративная скульптура по мифу прибайкальских бурят А. Билькиной, «Кочевник» А. Тыкешкина, «Шары» А. Говориной, декоративные панно О. Федоровой и Е. Герасимовой¹⁵ и др.

Таким образом, в целом в процессе выполнения дипломного проекта студенты демонстрируют навыки «художественно-образной рефлексии», все многооб-

разие аспектов профессиональной подготовки и способность к креативному мышлению, а также высокий творческий потенциал и глубоко-профессиональное владение современными цифровыми технологиями.

Собственно процесс работы над дипломом, будучи актом воплощения замысла художника-проектировщика, сочетает в себе творческий подход к объектам проектирования с использованием специфики изобразительных и выразительных средств дизайна и ДПИ, материалов и технологий, адекватных проектным задачам. На основе проведенных в ходе дипломирования исследовательских и проектных разработок выделены системы культурной идентификации среды, отдельные фрагменты которых и представлены в этой статье.

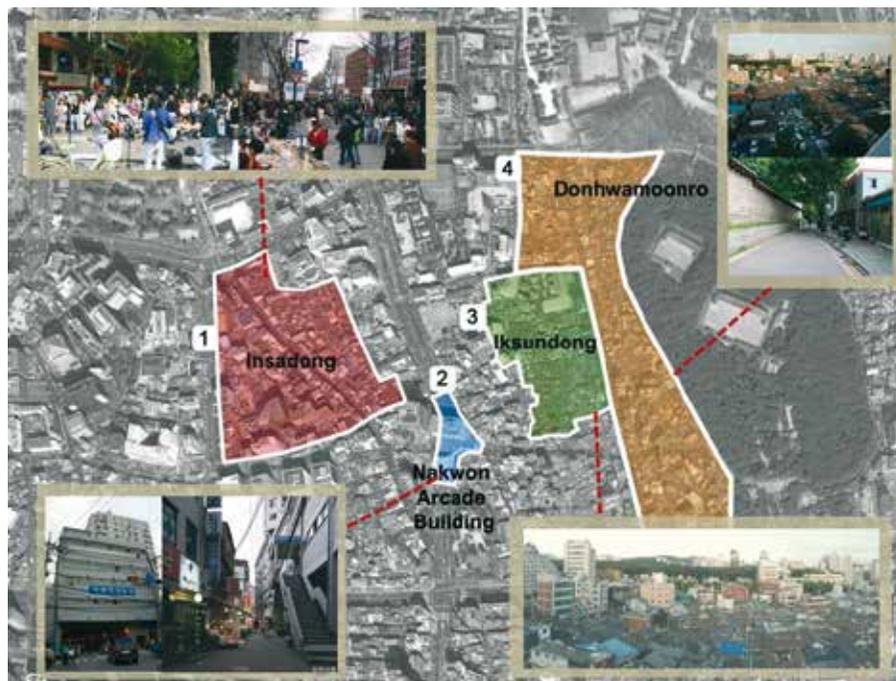
Ольга Железняк

14. Разработка серии салонных кукол по произведениям Чайковского. Дипломники Т. Дворцова, А. Титаренко, руководители доц. С.В. Мурашова, проф. О.Е. Железняк. Работа награждена Дипломом I степени Международного смотр-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну, дипломом Министерства Образования РФ «За лучшую научную студенческую работу» на открытом конкурсе на лучшую работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах Российской Федерации (Санкт-Петербург, Москва), грамотой СА России, сертификатом Международной Флорентийской биенале лучших дипломных работ по архитектуре и дизайну и др. Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы, разрабатываемой кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства ИрГТУ («Пространства культурной идентификации»), по заказу Департамента образования г. Иркутска и администрации МОУ школы-интерната №15 основного общего образования с углубленным изучением музыки для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для проведения музыкальных салонов.
15. «Алгоритмы» – дипломник А. Гусев, руководители: доц. О.Ю. Копенкина, преп. Т.А. Ерошенко, А.А. Билькина, работа награждена дипломом I степени Международного смотр-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну; «Декоративная скульптура по мифу прибайкальских бурят Буханойон» – дипломник А.А. Билькина, руководители: доц. О.Ю. Копенкина, преп. Т.А. Ерошенко, А.В. Верховзина, работа награждена дипломом I степени Международного смотр-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну; «Кочевник» – дипломник А. Тыкешкин, руководители: доц. О.Ю. Копенкина, преп. Т.А. Ерошенко, А.А. Билькина, работа награждена дипломом I степени Международного смотр-конкурса дипломных проектов по архитектуре и дизайну; декоративная композиция по восточным мотивам «Шары» – дипломник А. Говорина, руководитель доц. О.Ю. Копенкина; декоративное панно «Фактуры» – дипломник О. Федоров, руководитель доц. С.В. Мурашова, работа награждена дипломом I степени Международного фестиваля «Алтаргана-2008»; декоративное панно «Стихии» – дипломник Е. Герасимова, руководители: доц. О.Ю. Копенкина, преп. Т.А. Ерошенко.

Программа «Социальная устойчивость исторических районов» в Сеуле

Программа «Социальная устойчивость исторических районов» планирует учредить кафедру ЮНЕСКО в Йонсейском университете по вопросам «Социальной устойчивости исторических районов», которые главным образом охватывают восточно-азиатские города. Кафедра будет сотрудничать с другими университетами и научно-исследовательской группой, чтобы совершенствовать область исследования, а также делиться полученными результатами с другими странами. В большинстве развитых стран, когда дело касается исторических частей города, главным вопросом является сохранение оставшихся объектов. Эти исторические районы не способны развиваться самостоятельно и иногда становятся препятствием расширению города в целом. Данная программа не пытается превратить архитектуру, улицы, развалины или историческое наследие в некий музей, но старается сохранить индивидуальность города. Программа использует такие районы в качестве ресурсов. Этот план, основанный на взаимосвязях и обмене дополнительной информацией, обеспечит необходимую базу для научного развития и профессионального образования. Содержание программы подкреплено комплексом таких мероприятий, как приглашение профессоров и студентов, специальные студии и международные практикумы. Будет проводиться постоянное обновление информации вебсайта и публикаций как способов освещения данного исследования для общественности.

Исторический город Сеул и его социально-культурное наследие По мере развития городов ценность историко-культурных ресурсов становится все более важной. Город Сеул, объявленный «культурным городом Сеулом» в рамках проекта «Vision-2015» («Видение-2015») с каждым годом постепенно преобразуется, что достигается при помощи стратегии проведения качественного восстановления постиндустриализации

в прогрессивных городах. ЮНЕСКО, организация, которая официально определяет и охраняет мировое культурное наследие, сейчас проявляет большой интерес к историческим районам Сеула, что для города очень важно. В частности, сектор социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО очень своевременно учредил кафедру ЮНЕСКО по вопросам социальной устойчивости исторических районов Сеула. Поддержание гармоничного восстановления города путем сбалансированного сохранения историко-культурных ресурсов, экономического развития и социальной интеграции станет одной из величайших задач нашей эпохи.

Четыре пары древних ворот Сеула – это пограничные пункты старой крепостной стены города, окружающей пять королевских дворцов: Кёнбоккун, Чхандоккун, Чхангёнгун, Кёнхигун и Токсугун. Исторический район Сеула, являющийся древней столицей на протяжении 600 лет, включает в себя не только названные хорошо охраняемые культурные ценности (дворцы), но и места, ценность которых с каждым днем постепенно повышается. К ним относятся Бакчхон, Самчхондон, Инсадон и Яндон, известные своей позитивной культурно-исторической средой. Другие значимые

места, которые будут включены в исторический район, – Иксандон и Чибадон. Последние плотно застроены традиционными корейскими домами «ханок» в довольно запущенной среде. Очень узкие укромные улицы, такие, как Донхвамунро в Пимагиле и Конпёндоне, а также аркады Наквон и Севун отражают следы модернизации, но находятся на грани исчезновения. Еще менее известна так называемая «аллея осьминогов» в Мугедоне.

Новая отправная точка в изучении азиатских городов С момента проведения Конференции по населенным пунктам (Habitat II) в Стамбуле в 1996 году сектор социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО разработал задачи и вопросы, связанные с восстановлением исторических районов городов. Международные исследования «Социальной устойчивости исторических районов» начались во время проведения второго Всемирного форума городов в Барселоне в 2004 году. Тема 2004 года – «Города на перекрестке культур, участие и интеграция». В настоящее время вступили в действие разнообразные исследовательские проекты, касающиеся исторических районов, например: «Управление

социальной трансформацией в Латинской Америке»; «Небольшие исторические города Средиземноморского побережья» и Проект восстановления городских районов в бывших коммунистических странах Центральной Европы.

В 2009 году в Сеуле начала действовать программа кафедры ЮНЕСКО по вопросам социальной устойчивости исторических районов азиатских городов. Сеул выступает в роли стороны, принимающей международный практикум и симпозиум по данной теме, что является большой честью для этого города с 600-летней историей. Было внесено предложение воссоздать исторический город, исходя из устойчивых и комплексных перспектив, которые бы удовлетворяли социальные потребности, сохраняя уникальные особенности Сеула. Это приведет к изменению прошлой негибкой перспективы, которая подразумевала сохранение исторических районов лишь в качестве музеев. В действительности «музейное» сохранение районов без социального консенсуса только на время откладывает прекращение всех попыток сохранить их. Таким образом, это приводит к бездумному «спонтанному» развитию. Быстрое развитие возлагает тяжелую ношу на годовые бюджеты

общественных организаций. За исключением нескольких исторических районов, которые требуется сохранить, большинству исторических районов необходим «охватывающий» подход. Это приведет к сохранению и развитию культурных ценностей, условий для повседневной жизни и экономической устойчивости каждого района. Таким образом, значимость программы «Социальная устойчивость исторических районов» подтверждается тем, что она одновременно изучает как исторический, так и социальный аспекты городов. Растет важность таких исследований, в частности для азиатских городов, поскольку во многих из них в настоящее время идет быстрый процесс урбанизации.

Создание поистине исторических и культурных городов Программа кафедры ЮНЕСКО «Социальная устойчивость исторических районов» будет расширять географию своей работы, охватывая и другие крупные города азиатских стран, таких, как Вьетнам, Северная Корея, Индия и Япония. В Южной Корее начался первый год действия этой программы. Парижская штаб-квартира ЮНЕСКО

проявляет острый интерес к этому важному исследовательскому проекту по изучению азиатских городов. Он тесно связан с исследованием исторических районов с точки зрения новой перспективы социальной устойчивости. Кроме того, эта программа не только участвует в тесном взаимодействии азиатских стран и их городов, но также подключает сюда университеты и научно-исследовательские институты мирового класса из США, Великобритании и Франции. Программа будет проводиться в разнообразных формах, включая международные практикумы и симпозиумы, региональные семинары, программы по обмену профессорами и студентами и т.д.

С 14 по 21 февраля проходил международный практикум по социальной устойчивости исторических районов в Сеуле, а 22 февраля состоялся международный симпозиум. Международный практикум и симпозиум приняли 60 профессоров и студентов из восьми университетов со всего мира.

Международный практикум по социальной устойчивости исторических районов в Сеуле дал отличные результаты. Жюри, в состав которого вошли Бриджит Колин,

Марина Фаэтанини, Жин Хи-сун и Санг Лим Ли, было трудно выбрать победителей среди уникальных и талантливых проектов.

Победителями названы: «Баланс» (1-я награда) «Культурная линия в Инсадоне» (2-я награда) «Скрытые и показ» (3-я награда)

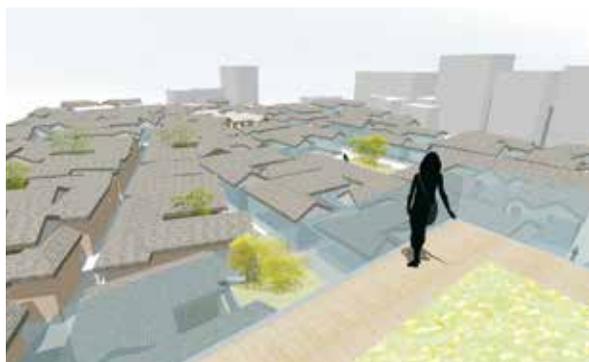
Придерживаясь установленным ЮНЕСКО правилам выбирать только три работы, судьи определили троих финалистов, проведя целых два круга обсуждений. Хотя некоторые студенты проводили предварительное исследование, эти блестящие достижения стали результатом совместной работы профессоров и студентов из разных культур за короткий период времени, что явилось безусловным успехом данного мероприятия ЮНЕСКО.

Было предложено двенадцать проектов конкретных мероприятий по улучшению исторических районов Сеула, в частности его дворцов и традиционного корейского жилья «ханок». Район Йонгноу, где присутствует сочетание старого и нового, включает в себя улицу Донхвамуно, Иксандон, Инсадон и аркаду Наквон. Проекты улучшения улицы Донхвамуно, местной

достопримечательности, главным образом делали акцент на восстановление зданий и коллективную работу с объемом старых домов, а также на внедрение культурных программ для облегчения взаимодействия с соседними территориями и обновления улицы.

Проекты представили различные решения, принимая во внимание историчность и социальность соответствующих территорий. Несмотря на то что были трудности, связанные с высокими стандартами самой программы «Социальная устойчивость исторических районов» и преодолением культурных барьеров, мы считаем, что многонациональный совместный проект предоставил хорошую возможность увидеть корейскую столицу с точки зрения более широких и разнообразных перспектив. Поскольку Сеул, как и другие передовые города, входит в культурную эпоху постиндустриализации, курс ЮНЕСКО, направленный на реалистичный баланс «социальной устойчивости», а не просто консервацию историко-культурных ресурсов, предлагает важные нововведения, которые дадут жителям Кореи свежее восприятие исторических районов.

Санг Лим Ли

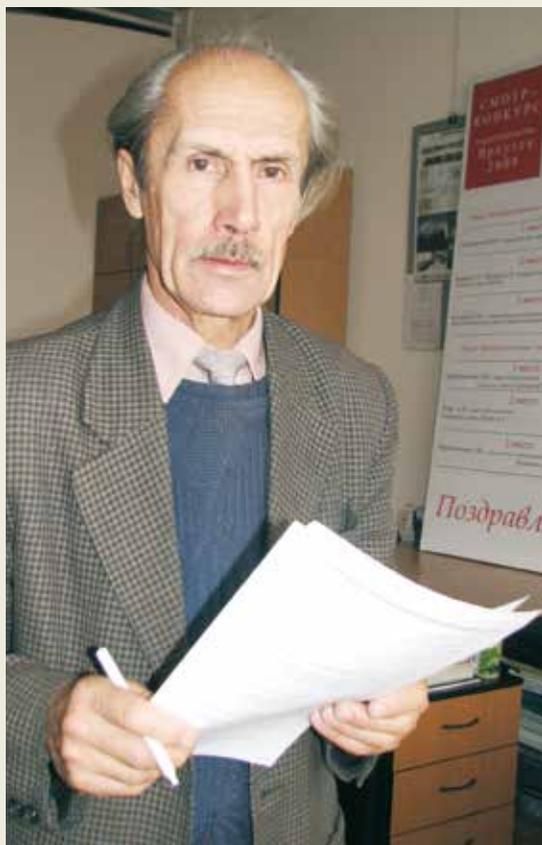

1 место

2 место

Мы продолжаем публиковать интервью с известными архитекторами региона. В ноябре 2009 года члену Союза архитекторов России, доценту кафедры архитектурного проектирования ИрГТУ Владимиру Константиновичу Нечитайло исполнилось 70 лет. О профессиональных достижениях, планах и увлечениях с юбиляром беседует Марина Ткачева.

Шестидесятник третьего тысячелетия

Трудно вести беседу с человеком, который не любит говорить о себе. Я встретила именно с таким человеком: «Зачем нужны дежурные фразы про рождение и образование? Достаточно того, что можно сказать про день сегодняшний!» Владимир Константинович говорил о яхтах, о классической фантастике и исторической литературе («Вопреки тому, что я Нечитайло, читать люблю»), об аспирантуре и загадочном Вилюйском узле... Все-таки благодаря коллегам и ученикам стало понятно, с каким незаурядным человеком меня свела судьба. Как называли его друзья, он – «истинный шестидесятник» во всем. В профессии – верный последователь и талантливый продолжатель стиля шестидесятых годов, удержавшего и развившего интуиции советского архитектурного авангарда. «Не все проекты воплотились в жизнь, а реализованные порядком испорчены при строительстве. Зачем же о них писать?» – в этом устоячивом недовольстве собой, стремлении довести проекты до блеска и воплотить их полностью тоже чувствуется порыв и максимализм шестидесятых. Скромность Владимира Константиновича не позволила ему рассказать

о работе в Международном зимнем градостроительном университете, в оргкомитете которого он бесменно работает со времени первой сессии. При внешней «жестковатости» Владимир Константинович – человек с прекрасным чувством юмора, сочинитель стихов «на случай», галантный кавалер, душа компании и инициатор неформальных вечеринок, верный и надежный друг. Главная интересующая его тема и забота – состояние градостроительной теории, образования градостроителей.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Каким образом вы «нашли» свою профессию? Это случайность или осознанный выбор?

ВЛАДИМИР НЕЧИТАЙЛО

Перед окончанием школы, раззадоренный романтическими рассказами родственницы, хотел пойти «в геологи». Но... не прошел по зрению. Сестра моей матери работала в Ангарском строительном техникуме, предложила поступать туда. Может, сыграли некоторую роль гены: дед был строителем. После окончания поработал на стройке, потом попал в стройбат. Кроме того, довольно бойко рисовал и лепил. Наверное, этот сплав строительных навыков и художественных устремлений

и потянул меня к архитектуре. Учился в знаменитом новосибирском Сибстрине у легендарного Н.С. Кузьмина. Начиная работать в годы хрущевской оттепели в Иркутскгражданпроекте. Учился в заочной аспирантуре ЦНИИПГрадо.

ПБ

Как сложилась ваша профессиональная творческая судьба?

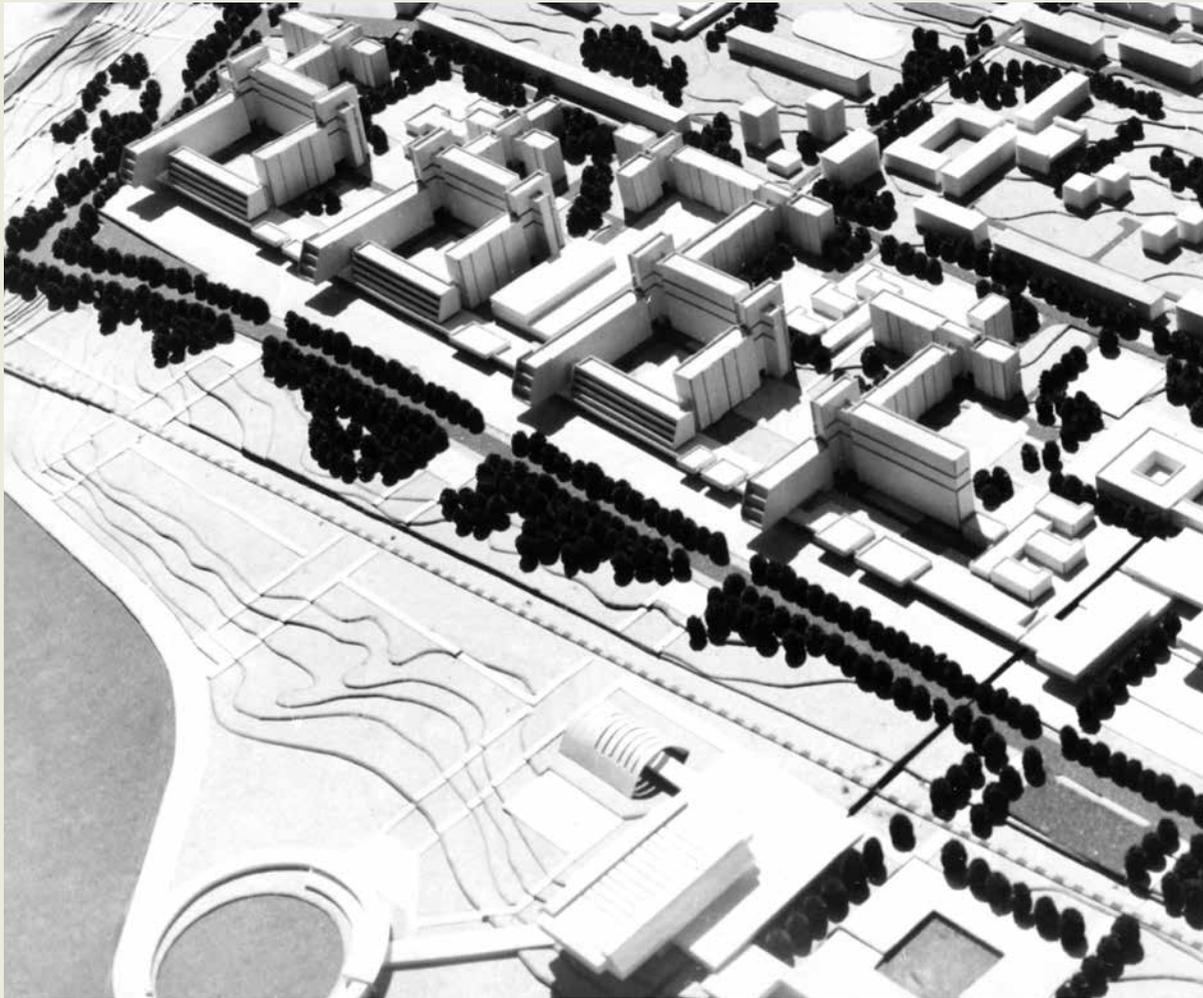
ВН

Неплохо. Я – шестидесятник. Учился и начинал работать в годы хрущевской оттепели. Появлялась кое-какая литература «из-за бугра», возможность зарубежных поездок, меньше стало всяческих ограничений. Были и люди неординарные: в Сибстрине – Николай Сергеевич Кузьмин, живая легенда 20–30-х годов (это эпоха советского архитектурного авангарда), в Гражданпроекте – В.С. Вороневский, Ю.А. Халдеев, В.И. Колпиков. В годы учебы в аспирантуре – Лавров, Л.Б. Коган. Было к кому приглядываться и у кого поучиться. Самым плодотворным считаю работу в Востсибжелдпроекте, там удалось сделать несколько более-менее сносных объектов. Когда перешел на преподавательскую работу, опыт

Родился в 1939 году. Закончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института. С 1968 года работал в институте «Иркутскгражданпроект» – руководителем группы, главным архитектором проектов, руководителем сектора. С 1980-го по 1992 год – главный архитектор института «Востсибжелддорпроект». С 1992 года – доцент кафедры архитектурного проектирования архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета. Член Союза архитекторов России с 1982 года.

Проект прогородного вокзала на 400 пассажиров на станции Иркутск-Сортировочный. 1964–1968 гг.

Проект застройки прибрежной зоны иркутского Академгородка. 1960–1962 гг. Арх. В.Е. Суханов, В.К. Нечитайло

проектной деятельности очень пригодился. Довольно долго совмещал преподавание и проектную практику. Мне везло на хороших людей – интересных, активных, доброжелательных. Каких-то серьезных конфликтов не припомню.

Учеба в аспирантуре совпала по времени с первым серьезным интересом к теории и градостроительной тематике. Это было общение с коллективом проектировщиков, которые разрабатывали генплан Иркутска, проекты детальной планировки.

ПБ
Какие стороны в профессии архитектора вы считаете наиболее важными?

ВН
Эта профессия требует не только творческой, но и организационной, даже дипломатической активности. Недаром ее относят к креативному сектору человеческой деятельности. Она постоянно усложняется, становится все более многоаспектной и

требует длительной и целенаправленной подготовки, которая должна начинаться со школьных лет. Я убежден, что средняя школа должна давать учащимся основы общекультурного архитектурного образования в любой форме, пусть даже факультативной.

Второй важной стороной нашей профессии является оптимальное сочетание теоретических знаний и практической деятельности. Накопление знаний должно дополняться и пополняться за счет проектно-строительной практики и не ограничиваться годами учебы в вузе. Я наблюдаю сейчас резкое размежевание научно-исследовательской и проектно-производственной деятельности. Необходимы новые формы синтеза теоретических и практических знаний во всех направлениях нашей профессии – градостроительном, объемном проектировании и дизайне.

Архитекторы всегда выполняли и государственный, и социальный заказ, впитывая региональные и

общемировые тенденции. В настоящее время статус профессии, ее гражданский пафос размывается сиюминутными коммерческими интересами. И больше всего это ощущается в области градостроительства, которая становится лидирующей.

ПБ

Что больше всего нравится и что больше всего огорчает вас в преподавательской работе?

ВН

Самое интересное – это работа с молодежью. Ее основная база – достижение обоюдной заинтересованности в выполнении учебного задания. Несмотря на коммерческий набор, талантливые и деятельные ребята «приплывают» к нам почти каждый год.

Большие сложности возникают при попытках найти оптимальное соотношение дисциплин технического и нетехнического циклов (тем более что работаем в структуре технического вуза).

Проекты

1. Комплекс подготовительного факультета Иркутского государственного университета (Иркутскгражданпроект, 1972).
2. Проект застройки прибрежной части иркутского Академгородка (ИГП, 1978).
3. Проект пригородного вокзала на 4 тыс. мест на станции Иркутск-Сортировочный (Востсибжелдорпроект, 1979–1980).
4. Проект городской поликлиники на 850 посещений в Иркутске (ВСЖДП, 1982).
5. Комплекс индивидуальных жилых домов переменной этажности с обслуживанием в Ленинском районе Иркутска (ВСЖДП, 1995–1996).
6. Реконструкция железнодорожного вокзала в Улан-Удэ (ВСЖДП, 1994).
7. Проект застройки жилого района в Нижнеудинске (ВСЖДП, 1995–1996).
8. Проект застройки привокзальной площади в Нижнеудинске с выделением первой очереди. Здание профилактория на 60 мест (ВСЖДП, 1996–1997).

Публикации

Планировочная организация прибрежных территорий крупных городов Восточной Сибири : учеб. пособие для обучения студентов архитектурных специальностей (с грифом УМО). – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003.

Большой Иркутск: проблемы и перспективы устойчивого развития : пособие для студентов, обучающихся по направлению «Архитектура» (с грифом УМО). – Иркутск, 2007. (В составе авт. коллектива).

Учебно-методическая и педагогическая деятельность
Курс лекций «История градостроительства».

Руководство курсовыми проектами и дипломными работами по темам: «Реконструкция жилого района»; «Городской жилой район»; «Жилой микрорайон»; «Жилой комплекс с обслуживанием».

Учебное пособие «Организация городских селитебных территорий».

Комплекс профилактория
в г. Нижнеудинске.
1976-1977 гг.

Факультет постоянно испытывает внешнее давление со стороны преподавательского корпуса «технарей».

ПБ

Как можно охарактеризовать современное состояние профессии, как оно отражается на учебном процессе?

ВН

Прежде всего, меняется соотношение и значимость главных направлений – архитектуры, градостроительства и дизайна. Процессы урбанизации по-новому расставляют акценты, на первый план выходят градостроительные проблемы: именно они во многом определяют характер архитектурной (объемно-планировочной) и дизайнерской деятельности. Раньше архитектура отдельных конкретных сооружений (жилая, общественная, производственная) рождала город; сейчас уже сформировавшаяся общегородская структура рождает архитектурную и дизайнерскую конкретику.

Во-вторых, это, безусловно, большее разнообразие форм и структур всех типов сооружений из-за решения инженерно-технической сферы (конструкции, материалы и пр.). Я по-хорошему завидую нынешним молодым архитекторам: у них столько технических возможностей, о которых мы даже не подозревали!

Кроме общемировых тенденций, в архитектуре и градостроительстве существуют региональные и межрегиональные стили, многие страны сейчас стали очень трепетно относиться к своему прошлому

(в том числе и архитектурному). У нас этот процесс только начинает разворачиваться.

В организации учебного процесса происходит переход на общеевропейский стандарт обучения. Это не очередное следование западной «моде», а объективная необходимость, связанная с расширением и усложнением профессиональной сферы деятельности. Большого времени для учебно-методической и научно-экспериментальной (а они взаимосвязаны) перестройки у нас нет. Западные образцы не всегда применимы. Предстоит очень большая и серьезная работа. Одна надежда – на более тесное и продуктивное сотрудничество преподавательского корпуса, практикующих специалистов (в том числе смежников), научных работников. Так что проблем хватает.

ПБ

Каковы наиболее яркие впечатления вашей жизни?

ВН

Первые туристические поездки по стране я совершил еще в студенчестве – побывал в Средней Азии (Самарканд, Ургенч, Бухара, Хива). Тогда большая часть исторических памятников рушилась, но их своеобразие поражаало. Ташкент силами всего Советского Союза отстраивался после землетрясения. Это тоже был поучительный опыт.

В Индии более всего заинтересовал образ жизни коренного населения, совершенно непохожий на европейский. Храмовая архитек-

тура масштабна и оказалась абсолютно чуждой: то, что «у нас» скрыто внутри церкви, там вынесено наружу, создавая странное для сибиряка впечатление.

В Финляндии нам удалось познакомиться с опытом фирм, работающих на основе технологий обработки дерева. Для северных стран бережное отношение к дереву, изобретение новых способов его обработки возведены в культ. Никаких аналогов с нашим тогдашним (да во многом и теперешним) производством!

В 1971 году мы, трое архитекторов из АПМ-3 ИГП, за 37 дней обошли Байкал по периметру. Это было незабываемое приключение!

Очень интересна для меня работа в средних школах города, где были организованы детские архитектурные студии для старшеклассников. В 11-й школе удалось создать целый экспериментальный класс. За три года подготовили десять человек, сейчас они уже закончили архитектурный факультет, половина успешно работает в проектных конторах города. Жаль, что в связи с реорганизацией системы среднего образования почти не остается возможности сохранить эту студийную работу ребят.

ПБ

Каковы планы на будущее?

ВН

Архитектор – профессия «длинновозрастная», ею можно заниматься и в весьма солидном возрасте, сохраняя творческую активность и определенную результатив-

ность. Из нее уходят скорее из-за разного рода недугов физического характера или из-за неблагоприятной конъюнктуры. Я, по крайней мере, сохраняю интерес к тому, чем сейчас занимаюсь, хотя возможности совмещать учебную деятельность с проектной практикой очень сильно сократились. Хочу подольше оставаться «на коне», сохранять интерес ко всему новому (может, и очень непривычному). Это даст возможность вести активную жизнь.

«Голубая мечта» – организация в городе регионального научно-исследовательского центра, задачами которого были бы проблемы планировки застройки городов и сел области, вопросы типологии жилья применительно к условиям Восточной Сибири, экологические, ландшафтно-рекреационные наработки (что-то вроде Института урбанистики Восточной Сибири).

Остается еще тема организации довузовской подготовки, но эта задача коллективная, нужна большая группа заинтересованных и активных людей.

Как видите, поле деятельности имеется, будем действовать.

ПБ

Попытайтесь сформулировать ваши жизненные принципы.

ВН

Большая терпимость ко всем, в том числе и студентам. А коль скоро профессия градостроителя вынуждает заниматься широким кругом проблем, то лояльность и внутренняя сдержанность должны стать жизненным кредо. И этому надо учиться.

Широкий круг интересов, который обусловлен особенностями профессии архитектора. Есть профессии «локальные», нацеленные на какую-то одну сферу человеческой деятельности, но профессия архитектора – наиболее «открытая», многомерная. Ее главная задача – осуществлять средовой синтез всех накопленных в других сферах. В настоящее время в динамике жизни преобладают процессы взрывного характера. Чувствовать себя участником этих процессов и есть, наверное, самое важное для меня. Наша профессия предоставляет для этого все возможности. Пожалуй, это и все.

Башня Mahanakhon / Mahanakhon Tower

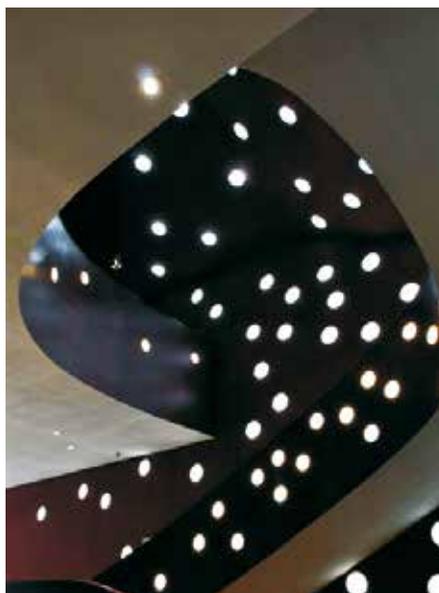
Место: Бангкок, Таиланд
Архитектор: OMA
Тип: многофункциональный комплекс

Здание получило название Mahanakhon, что переводится с тайского как «мегаполис». Его традиционная модернистская призма как будто обернута лентами «пикселизации»: в этих участках ее поверхность распадается, «разлагаясь» на отдельные блоки. У основания постройки эти блоки образуют террасы, «втягивающие», по словам архитектора проекта Оле Шерена, жизнь улиц Бангкока во внутреннее пространство башни. Это нестандартное решение для города: из-за неглубокого залегания грунтовых вод там неудобно строить подземные гаражи, поэтому их обычно располагают в основаниях высотных зданий, таким образом отрезая их от окружающего пространства.

Официальный сайт мастерской: www.oma.eu/

Использован материал сайта: www.skyscrapercity.com, www.archi.ru

Театр Дза-Коэндзи / Za Koenji Public Theatre

Место: Токио, Япония
Архитектор: Toyo Ito
Тип: культурный, театр

Театр современного искусства находится в районе Suginami города Токио. Театр планировался как важный объект творческой активности жителей района, в нём располагаются различные студии танца, драмы и музыки. Общая площадь здания – 4977,74 м².

Официальный сайт мастерской: www.toyo-ito.co.jp

Использован материал сайта: www.toyo-ito.co.jp, www.dezeen.com

УЮТНЫЙ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК К 20-летию архитектурного бюро «Остоженка»

Назад, в «Спартак»,
в чьей плюшевой утробе
приятнее, чем вечером в
Европе.
Иосиф Бродский.
Двадцать сонетов к Марии
Стюарт, сонет II

Цитируя вынесенные в эпиграф строки, Петр Вайль, тонкий знаток поэзии и личный друг Иосифа Бродского, заменил слово «приятнее» на «уютнее». Уютнее, чем вечером в Европе. Вариант более точный, конкретный, хотя и потерявший ироничность авторской звукописи.

Речь в стихе идет о ленинградском кинематографе «Спартак» на улице Кирочной (до 1992 года – Салтыкова-Щедрина, а ранее – улица Воинствующих Безбожников). Кинематограф размещался в здании бывшей лютеранской кирхи св. Анны, Анненкирхе, откуда и традиционное название улицы. В лихие постперестроечные годы в церкви устраивали рок-концерты, шоу с «татуированным стриптизом», устанавливали игровые автоматы. После сильного пожара в 2002 году выгоревшее здание передано лютеранской общине Санкт-Петербурга.

Ностальгические воспоминания о плюшевой утробе старого кинотеатра имеют вполне архитектурную основу. Протестантские церкви Европы, с их разнообразными общественными функциями, строились так, чтобы привлечь людей состояниями душевного равновесия и надежной защищенности. В церкви мы в руке Божьей и можем спокойно заниматься своими мирными хобби

– пять хором, судачить, рукодельничать.

На исторических сквозняках двадцатого века зодчество, особенно российское, совсем утратило способность создавать уютные, спокойные и мирные настроения. От суровых конструктивистов до иронических постмодернистов – ни в одном крупном стиле «железного века» комфорт не значит приоритетной задачей.

Тем более не было видимых причин ждать уютных решений от той своеобразной ситуации, которая сложилась в центре Москвы в разгар строительного бума. «Золотая миля» между улицей Остоженкой и Пречистенской набережной была обречена на сверхплотную застройку. Действительно, количество полезных площадей, извлеченное из этой земли, оказалось беспрецедентно высоким.

Начиная с 1996 года, когда программа реконструкции микрорайона №17 была заявлена на Миланской триеннале, в этом небольшом уголке Москвы построено более 250 тысяч квадратных метров площадей. Инвесторы и девелоперы, вкладывавшие миллиарды, пригласили лучших московских архитекторов – Сергея Скуратова и Юрия Григоряна, Михаила Хазанова и Михаила Посохина. Подобные ситуации обычно приводят к оживленной борьбе за доминирование: каждый мастер хочет, чтобы именно его объект стал «гвоздем» и символом престижного района. Гонки амбиций, толкучка образных решений и экспериментов угрожала

Остоженке, как и многим другим районам столицы.

Остоженка избежала хаоса и стала элитным заповедником предельно дорогой и качественной архитектуры в одном, отдельно взятом микрорайоне в центре мегаполиса. Интереснейший организационный и методический эксперимент. К сожалению, оставшийся без должного осмысления. Рефлексия по его поводу свелась к нескольким поверхностным текстам, так что уникальный опыт не получил должного анализа. По мере того, как время стирает все больше деталей и подробностей происходившего, становится все более проблематичным повторение опыта, его передача другим – тем, кто тоже устал от корпоративных войн и хочет сотрудничества.

В отечественной культуре пренебрежение уникальным опытом – традиционно. Творческая личность экспериментирует, рождает новые образы и приемы, но как же редко они становятся объектами адекватного осмысления!

Совсем не так относятся к творческому опыту европейцев.

В 1990 году началось проектирование здания Международного московского банка (ММБ) на Пречистенской набережной. Проект совместный: в соавторстве с Александром Скоканом в нем участвовал финский архитектор Юхани Палласмяэ. За последующие двадцать лет Палласмяэ приобрел известность в качестве одного из идеологов и лидеров целого крыла европейской архитектуры, которое противостоит декоративно-

дизайнерскому мейнстриму «звездной» ориентации. В эссе «Идентичность, интимность и постоянное место проживания» он пишет: «Многие из нас, архитекторов, кажется, развили своего рода раздвоение личности: как проектировщики и как обитатели жилья мы применяем к окружающей среде различные наборы ценностей. В роли архитекторов мы стремимся к придиричливо, ясно сформулированной и временно одномерной окружающей среде, тогда как в качестве обитателей мы предпочитаем более слоистую, неоднозначную и эстетически менее последовательную среду; инстинктивный обитатель дома проявляется через ценности профессионала». Вокруг нескольких скромных объектов (ММБ на Пречистенке так и остался одним из самых значительных проектов финского мастера) Палласмяэ выстроил уже целую философию, идеологию, написал несколько книг и активно пропагандирует свои взгляды в качестве профессора в архитектурных вузах всего мира.

Застройка Остожья стартовала в 1989 году созданием муниципального органа – генеральной дирекции единого заказчика «Остоженка» – и архитектурного бюро «Остоженка», которые за следующие два десятилетия блестяще решили поставленную задачу.

Когда Джон Паусон инициировал проект мадридского отеля «Пуэрта Америка» (Hotel Puerta America Madrid), об его эксперименте, не умолкая, писали СМИ всего

мира в течение двух лет. Девятнадцать «звезд» мировой архитектуры решали каждая свою задачу в рамках этого проекта, а затем организаторы как-то умудрились собрать частные авторские решения в нечто единое. Эксперимент этот в первую очередь привлек внимание мировой архитектурной общественности не тем, какой получился шедевр. Задача перехода от конкурентных, состязательных отношений к отношениям сотрудничества – задача жизненная для архитектуры как профессии.

Предыдущее столетие ознаменовалось ожесточенными битвами архитекторов. Адольф Лоос обзывал своих идейных противников, приверженцев орнамента, преступниками и дегенератами. Ле Корбюзье угрожал консервативным коллегам революцией. Манифесты конструктивистов звучат, как набат, а тексты постмодернистов полны ядовитых насмешек над конкурентами. Весь двадцатый век архитектура развивалась под знаком войны, и даже профессиональные сообщества в большинстве своем создавались для противостояния идейным врагам: «Против кого дружите?..»

О работах «Остоженки» пишут достаточно много. Восхищаются профессионализмом авторского коллектива и находчивостью, позволяющей решать головоломные задачи на неудобных и малопригодных к использованию участках. С некоторой даже завистью пишут об удивительно ровной череде проектов, среди которых нет провалов или хотя бы относительных, но явных неудач. Все очень правильно. Но не эти признаки крепкого профессионализма дают основание видеть в «Остоженке» знаки идеологии двадцать первого века и третьего тысячелетия.

«Остоженка» ни с кем не сражается. В палитре приемов ее авторского стиля – множество заимствований из классики и прошлых веков, и современной. Так в симфоническом оркестре уместно звучат и деревянные, и медные, и духовые, и струнные. Даже играя Бетховена, музыканты все-таки сотрудничают, а не конкурируют.

В сверхплотной среде микрорайона № 17 удалось задать такую стилистику, которая не допустила толкания локтями и выяснения, кто тут главный. Удалось достичь цельного и гармоничного единства. Но этот аспект работы «Остоженки» остался незамеченным отечест-

венной критикой (тоже весьма воинственной). Об этом тонкий и немного печальный текст Елены Гонсалес – единственная попытка PR «Остоженки», совместимая по уровню с работами самого архитектурного бюро.

Отдельные объекты «Остоженки» тоже решаются в духе, далеком от битвы. Даже такие дерзкие, как нашумевший «Гвоздь». Напрасны поиски агрессии. Пробившие здание гигантские гвозди выглядят спокойно и уместно: большой поток транспорта, поворот магистрали, здание нужно прикрепить к земле надежным образом. Лучше всего – приколотить гвоздями. Никаких просточин общественному вкусу, просто необходимость.

В проекте оздоровительного и жилого комплекса в Люберцах здания в плане выглядят как треугольные свастикки, что придает им энергичную вихревую динамику. Весь проект получился прозрачным, просвеченным солнцем, с пористой, проницаемой внутренней средой. Необычное планировочное и конструктивное решение – результат сотрудничества с будущими жителями комплекса, небогатыми и многодетными.

Проект «Инфо-Сити» для Зеленограда сознательно и

идейно выстроен как симфоническое единство инфраструктурных систем, обычно конкурирующих – жилой, административной, транспортной.

И так далее. Любой проект «Остоженки» – пример сложноорганизованного баланса интересов, сил, тенденций. Начало, положенное двадцать лет назад проектом застройки Остожья, успешно развивается. И это обнадеживает. Если тенденция будет расти и развиваться, то, глядишь, и настанет мир в архитектуре. Затихнут битвы, пафос преодоления и победы заменится на спокойные радости эволюционного роста.

Может быть, смягчится тогда ностальгия по лютеранским церквям Петербурга, в которых в позапрошлом веке было так уютно, что хватало и на весь прошлый век. Тогда можно будет просто побродить по улицам, полюбоваться сотрудничающими между собой зданиями – шедеврами самых разных архитектурных школ и направлений. И будет в наших российских городах (хотя бы в некоторых) приятнее, чем вечером в Европе.

Константин Лидин
Фото Елизавета Буйнова
из цикла «Прогулки по Остоженке»

Проектное предложение по строительству жилого микрорайона

проектирование
сентябрь 2008 – март 2009

заказчик
ЗАО «Алмазинвест»

исполнитель
ООО «Архитектурное бюро
«Остоженка»»

архитекторы
А.А. Скокан
А.Л. Гнездилов
М.Е. Скорород
С.А. Помелов
В.Э. Стадников
А.М. Попов

инженеры
А.А. Конарев
Ю.Н. Фадеев
В.А. Колобашкин

при участии
А. Арутюнян, Б. Елагин
М. Кожаринова,
А. Максимович, В. Сергеева,
Ю.М. Федоров, Ю.Г. Страшнова
Ю.З. Шершевский

Омск, как и большинство исторических российских городов, первоначально сформировался на месте слияния двух рек – Оми с Иртышом. Развиваясь по двум берегам Оми – на север и северо-восток, город относительно недавно стал интенсивно осваивать противоположный берег Иртыша вслед за строительством связывающих оба берега мостов. Построенный три года назад новый мостомост (имени 60-летия Победы), связавший Заречье с центральной частью Омска, создал реальные предпосылки для строительства новых жилых районов, а также для освоения собственно прибрежных территорий, таких, как Большая Островка.

Этот мост, эффективно решив транспортную пробле-

му городского масштаба, в то же время своими береговыми насыпями и развязками разрезал на две неравные части существующий здесь поселок, представляющий собой одно- и двухэтажную индивидуальную застройку с садовыми участками. В последнее время здесь появилось некоторое количество новых, более капитальных каменных построек, которые тем не менее не изменили деревенский характер поселения. Проектирование здесь нового микрорайона предполагает подключение этой территории к планировочной структуре осваиваемой левобережной части города.

Разработанные ранее для этого микрорайона варианты проектных решений предполагали полное уничтожение существующей здесь

застройки и соответственно уличной сетки, на которой она располагалась, как не имеющей ни утилитарной, ни моральной ценности.

Градостроительная идея предлагаемого проектного решения – следование ДУХУ МЕСТА, что отрицает традиционный, нигилистский подход.

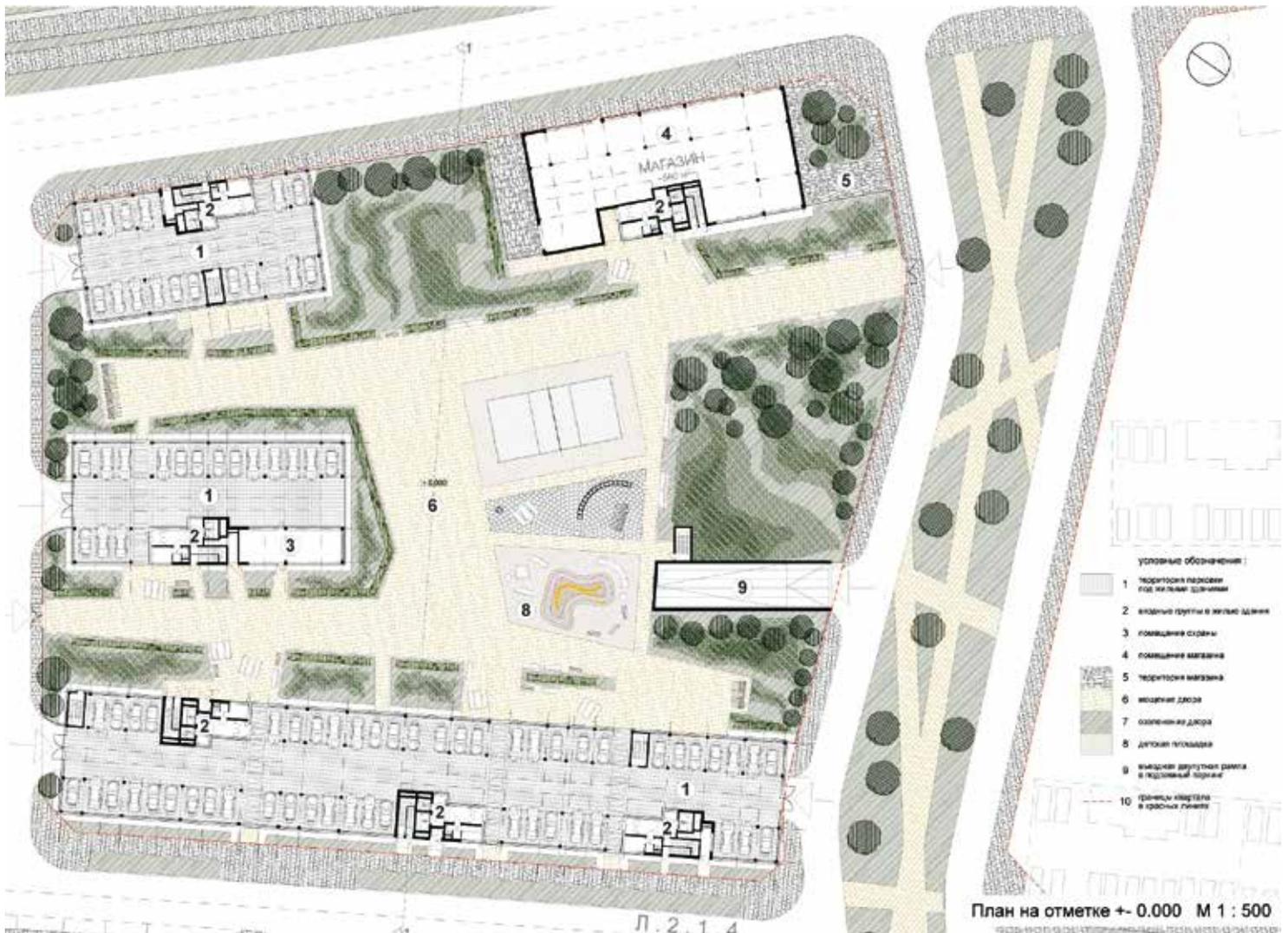
Микрорайон возникает как результат естественной эволюции человеческого поселения на данной территории. Принципиально ценным элементом является улично-дорожная сеть существующего посёлка, и поэтому улицы проектируемого микрорайона трассируются по «следам» существующих здесь деревенских улиц.

Характер существующего рельефа также является предпосылкой для размещения жилой застройки и

многоуровневых подземных стоянок.

Жилая единица имеет размерность квартала и обеспечена транспортным подъездом со всех сторон. Жилые корпуса образованы секциями высотой в 4–16 жилых этажей. Первый этаж всех жилых зданий отдан под открытую автостоянку, над которой устроен технический этаж.

Автостоянки открытого личного автотранспорта расположены под каждым жилым домом; подземные одноуровневые расположены под каждым кварталом-домовладением и имеют въезды с улиц; открытые и гостевые автостоянки расположены вдоль улиц; подземные многоуровневые расположены под стадионами и площадками школ и под общественным центром.

площадь участка
в границах землеотвода
53,86 га

площадь территории
проектирования
71,1 га

застройка (с учётом
строящихся домов)
площадь застройки
121 400 м², в том числе:
жилые здания
88 060 м²
нежилые здания
33 340 м²
площадь всех зданий
и сооружений
1 109 367 м²

площадь всех зданий
(наземная)
793 967 м², в том числе:
жилых зданий
686 991 м²
объектов социальной
инфраструктуры
53 486 м²
объекты коммерческой
недвижимости
53 490 м²

площадь подземных
автостоянок
315 400 м²

ёмкость всех автостоянок
12 211 м/м, в том числе
для жилья
10 211 м/м
для общественного центра
1 350 м/м
временные, вдоль улиц
650 м/м

население
24 276 чел.

норма жилищной
обеспеченности
25 м²/чел.

Архитектурная концепция застройки территории завода ОАО «ЯЗТА»

проектирование
май – сентябрь 2008

заказчик
ОАО «Главстрой»

исполнитель
ООО «Архитектурное бюро
«Остоженка»», г. Ярославль,
ул. Свободы, вл. 62

архитекторы
А.А. Скокан (директор)
В.В. Княшин (главный
архитектор проекта)
М.Е. Скороход

Необходимость увязки требований заказчика по функциональному составу и объемам строительства в условиях имеющихся высотных ограничений и необходимости соблюдения норматива плотности жилой застройки вызвала определенные противоречия, разрешить которые удалось путем вертикального зонирования функций: жилая застройка комфортно размещена на всей площади участка (15 тыс. м²/га), но поднята на одноэтажный стилобат вместе с придомовой территорией. В стилобате размещаются все нежилые помещения, за исключением детского дошкольного учреждения, – это торговля, развлечения и спорт, офисы. В подземной части размещены автостоянки для нежилых помещений и жилья, технические помещения.

Входы в жилые дома размещены на стилобате, и никаких других функций, не относящихся к жилью, кроме детского учреждения, на

этом уровне нет. Все входы в нежилые помещения, как и сами помещения, расположены на уровне земли. Вход и въезд на территорию жилого двора – контролируемый. Проезд по территории жилой части открыт только для машин скорой помощи и пожарных. Также возможен проезд на гостевые автостоянки для временной парковки. Вся территория озеленена. На поверхности стилобата – газоны, кустарники, низкорастущие деревья. Высокая зелень, растущая в натуральном грунте, расположена в нескольких выемках в периметре стилобата на примыканиях к окружающим улицам, а также в трех внутренних дворах.

Жилая застройка состоит из 15-ти жилых блоков, расположение которых следует геометрии сот. Каждый блок расположен на углу шестигранника, которые смыкаются между собой. Середина шестигранников образована озелененными дворами.

Скатная кровля использована в композиции для двух целей одновременно – для максимального использования площадей при высотных ограничениях и как некий мягкий переходный момент, соединяющий современную архитектуру комплекса с характером сложившегося городского ландшафта.

План жилого блока – квадрат 25х25 м. Это экономная схема, дающая минимально возможное

количество фасадных поверхностей на удельный м² площади. Большая часть квартир – двух и трехспальные – угловые, то есть обладают наилучшими потребительскими свойствами. Все жилые блоки имеют сообщение с автостоянкой.

Торговые и офисные помещения располагаются в стилобатной части комплекса. Они никак не связаны с жилой частью, включая автостоянку, которая тоже

Улица Свободы

Улица Городской вал

Улица Угличская

Улица Лисицына

этажность надземная
1-10-11

площадь участка
5,1855 га

площадь застройки
надземная по стилобату
45 212,22 м²

площадь застройки
на стилобате
13 689,54 м²

площадь застройки
подземная
45 587,11 м²

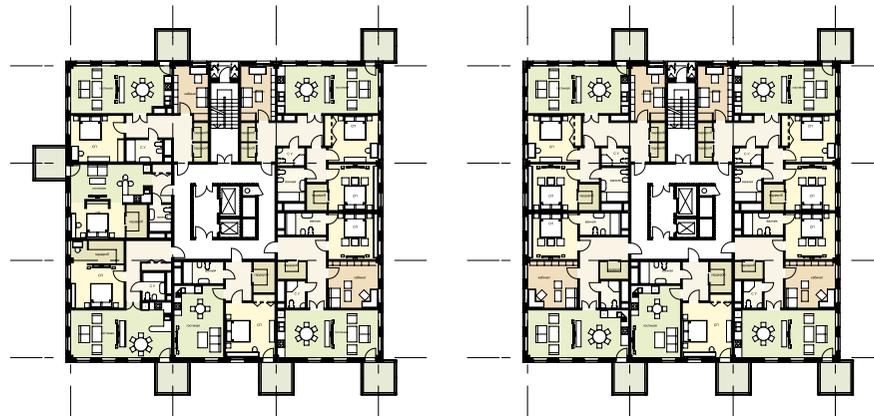
общая площадь комплекса
170 086,56 м², в том числе:
надземная
124 861,67 м²
подземная
45 224,89 м²

количество квартир
651 шт.

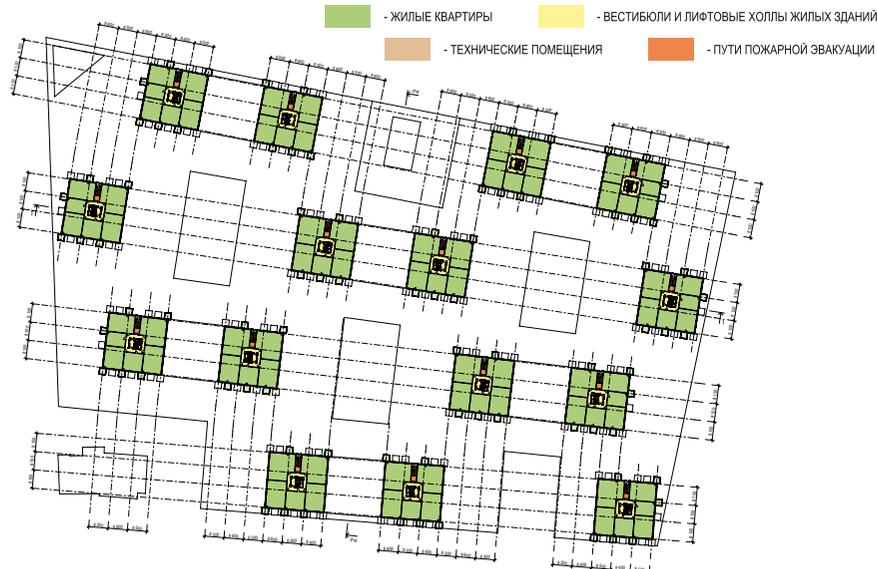
автостоянка подземная
жилья
751 мест
автостоянка гостевая
жилья
53 мест
автостоянка для нежилых
365 мест

имеет отдельный въезд. По структуре устройство стилобата напоминает торговые улицы в историческом центре города, где ряды витрин образуют пешеходные зоны, чередующиеся с площадями. Три внутренних озелененных двора соединены системой торговых пассажей, которые связывают примыкающие городские улицы.

Возможность создать композиционно целостное решение квартала, нового градостроительного элемента в историческом городе является редкой возможностью. Именно цельность решения, его ансамблевость, делает комплекс престижным объектом и местной достопримечательностью. Важно, что новая застройка визуально не нарушает сложившиеся высотные и плотностные характеристики. Она дискретна, проницаема для солнечного света и не создает чрезмерно больших масс, одновременно естественным образом включает в себя существующее 12-этажное офисное здание, которое не будет выглядеть диссонансом. Выбранная структура обеспечивает инсоляцию и освещенность примыкающих с севера и запада жилых кварталов.

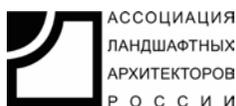

Примеры планировок квартир типового этажа

План 3-9 этажей (1-7 жилых этажей)

Создание Совета по ландшафтной архитектуре Союза архитекторов России и Ассоциации ландшафтных архитекторов России

15 октября 2009 года в Центральном Доме архитекторов в Москве прошло первое заседание единого Совета по ландшафтной архитектуре Союза архитекторов России и Ассоциации ландшафтных архитекторов России.

Совет был создан в соответствии с решением правления Союза архитекторов России от 30 июня 2009 года и решением учредительной конференции Ассоциации ландшафтных архитекторов России от 22 марта 2009 года.

Председателем Совета по ландшафтной архитектуре была избрана Таисия Иосифовна Вольфтруб.

Совет по ландшафтной архитектуре:

1. Большаков Андрей Геннадьевич (Иркутск);
2. Вольфтруб Таисия Иосифовна (Москва);
3. Воробьева Александра Максимовна (Ростов-на-Дону);
4. Воронина Ольга Николаевна (Нижний Новгород);
5. Грин Ирина Юрьевна (Хабаровск);
6. Гук Алексей Иванович (Москва);
7. Дивакова Марина Николаевна (Екатеринбург);
8. Иванов Валентин Иванович (Москва);
9. Красильникова Элина Эдуардовна (Волгоград);
10. Ляпин Андрей Александрович (Иркутск);
11. Мельничук Ирина Альбертовна (Санкт-Петербург);
12. Морина Марина Ричардовна (Москва);
13. Мочалов Илья Валерьевич (Москва);
14. Носов Евгений Александрович (Москва);
15. Рейман Андрей Леопольдович (Санкт-Петербург);
16. Сапелин Александр Юрьевич (Москва);
17. Семенова-Прозоровская Елена Александровна (Москва);
18. Смирнова Ольга Федоровна (Красноярск).
19. Теодоронский Владимир Сергеевич (Москва);

20. Хомяков Александр Иванович (Москва);
21. Чаплыгин Михаил Филиппович (Новосибирск).

На заседании обсуждались следующие вопросы:

1. Обсуждение и утверждение направлений деятельности Совета и утверждение руководителей комитетов.

2. Обсуждение плана деятельности Совета на 2010 год и на перспективу.

3. Текущие вопросы по образованию.

4. Реставрация, реконструкция и сохранение памятников садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры.

5. Профессиональная деятельность (семинары, творческие встречи, конкурсы и смотры, выставки, экскурсии).

6. Взаимодействие с партнерами, коллегами и властью.

7. Международное сотрудничество.

Для обсуждения направлений деятельности Совета были предложены три комитета, а именно: комитет по истории памятников садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры; комитет по образованию; комитет по профессиональной деятельности. Были внесены предложения по составу комитетов и предложены на утверждение кандидатуры руководителей, обсужден круг первоочередных вопросов по работе каждого из комитетов.

Руководителем Комитета по истории и теории памятников садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры избрана Флит Марина Александровна.

Сопредседателями Комитета по профессиональному образованию избраны Мельничук Ирина Альбертовна и Дивакова Марина Николаевна.

Руководителем Комитета по профессиональной деятельности избран Мочалов Илья Валерьевич.

При обсуждении намеченных вопросов было решено:

1. Поручить руководителям соответствующих комитетов составить план деятель-

ности Совета на 2010 год и на перспективу и предложить его на утверждение очередного заседания Совета.

2. Продолжить работу по созданию отдельного направления «Ландшафтная архитектура» в укрупненной группе специальностей «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов». Согласиться с предложением Министерства образования и науки РФ и принять активное участие в создании междисциплинарного Совета учебно-методического объединения (Совет УМО) по направлению «Ландшафтная архитектура» с участием заинтересованных представителей архитектурно-строительных, лесных, сельскохозяйственных вузов, а также представителей единого Совета по ландшафтной архитектуре СА России и Ассоциации АЛАРОС. Принять участие по предложению Министерства образования и науки РФ в разработке единой образовательной концепции (дошкольное воспитание – школа – вуз – непрерывный профессиональный рост) по продвижению и популяризации основных направлений профессии «ландшафтный архитектор». Провести конкурс работ студентов архитектурных, лесных, сельскохозяйственных вузов в рамках мероприятий памяти Т.Н. Дубяго в Санкт-Петербурге на базе Лесотехнической академии имени С.М. Кирова.

3. Согласиться с предложением участников круглого стола по вопросам сохранения памятников садово-паркового искусства, прошедшего в сентябре 2009 года в мемориальном комплексе «Пушкинские горы» о создании экспертно-консультативной группы на базе членов Комитета по историческому и культурному наследию. Рекомендовать устраивать выездные совещания данного Комитета по обращению администраций памятников, главных хранителей усадеб, непосредственно на территории памятников садово-паркового искусства для решения неотложных вопросов по сохранению исторического

наследия. Обращаться напрямую в органы муниципальной, региональной и федеральной власти от имени Союза архитекторов России и Ассоциации ландшафтных архитекторов России по поручению Комитета по историческому и культурному наследию. Одобрить инициативу Санкт-Петербургского отделения Ассоциации ландшафтных архитекторов России о создании единого российского реестра старовозрастных деревьев-памятников, поручить И.В. Мочалову выйти с соответствующей инициативой в мировом масштабе на заседании Всемирной федерации ландшафтных архитекторов (IFLA). Рекомендовать Комитету выделить отдельное направление по сохранению памятников садово-паркового наследия советского периода и выбрать руководителя данного направления. Установить прямые контакты с соответствующими федеральными (Министерство культуры, Росохранкультура и т.д.) и региональными (Москомнаследие, КГИОП и т.д.) профильными органами государственной власти, информировать их о решениях Совета, участвовать в проводимых ими экспертизах, общественных слушаниях и т.д.

4. Проводить активную работу по совершенствованию конкурсной политики в России на объекты ландшафтной архитектуры (проектирование, строительство и содержание). Совместно с СА России, Ассоциацией АЛАРОС, региональными отделениями выходить с законодательной инициативой о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон 94-ФЗ, направляемую влияющей на качество соответствующих работ и состояние городской и загородной среды в целом. Поддержать инициативу Московского объединения ландшафтных архитекторов о проведении добровольной сертификации специалистов, услуг и продукции в сфере ландшафтной архитектуры и садово-паркового строительства. Инициировать работу

по созданию технического регламента по ландшафтной архитектуре взамен устаревшей нормативной документации. Подписать соглашения с региональными и национальными саморегулируемыми организациями в сфере проектирования, строительства и изысканий о сотрудничестве и признании профессионального ландшафтного сертификата в качестве критерия качества услуг и продукции и аттестации персонала в сфере ландшафтной архитектуры. Регулярно участвовать в проведении выставок, семинаров и других профессиональных мероприятий. Создать перечень приоритетных выставок, подписать долгосрочные соглашения о сотрудничестве с соответствующими дирекциями.

5. Продолжить активное взаимодействие на уровне региональных отделений СА России и Ассоциации АЛАРОС учитывая опыт сотрудничества РОО СМА и РОО МОЛА. Подписать соглашение о сотрудничестве между СА России и Ассоциацией АЛАРОС. Установить контакты с профильными федеральными министерствами и агентствами (Минрегион, Минкультуры, Минприроды, Минсельхоз, Минобрнауки и т.д.) по вопросам взаимодействия по проводимой ими ландшафтной политике. Подписать соглашение о сотрудничестве с Ассоциацией производителей посадочного материала.

6. Направить И.В. Мочалова в качестве официального делегата на очередное заседание Всемирного совета Международной федерации

ландшафтных архитекторов (IFLA) и Генеральную ассамблею Европейской ассоциации ландшафтных архитекторов (EFLA). Получить официальный отзыв на проект Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению «Ландшафтная архитектура» (бакалавр) в Комитете по образованию IFLA. Провести перерегистрацию АЛАРОС в системе IFLA / EFLA. Создать международный Совет по ландшафтной архитектуре, подписав соответствующее Соглашение с Ассоциацией ландшафтных архитекторов Республики Беларусь и Украины, а также другими странами, членами СНГ.

И.В. Мочалов сделал доклад о состоянии дел по сертификации в сфере ландшафтной архитектуры и о подготовке к участию ландшафтных архитекторов в саморегулируемых организациях.

Докладчик предоставил информацию о действующей системе сертификации «Профессиональный ландшафтный сертификат» и о необходимости использования сертификации как критерия отбора компаний и специалистов, занимающихся ландшафтным проектированием, строительством в данной сфере и содержанием объектов ландшафтной архитектуры и подтверждением качества их работ. Сертификация необходима также и в образовательной сфере, при подтверждении качества учебных планов и образовательных программ. Также она может быть полезна государственному Техническому заказчику для

составления критериев о профессионализме при проведении конкурсных и тендерных процедур. Возможно использование профессионального ландшафтного сертификата при вступлении в СРО на примере достигнутых договоренностей с ГАРХИ.

По вопросу о саморегулировании И.В. Мочалов донес до сведения членов Совета и делегатов о проведенных встречах с руководством ГИПЛИ с целью создания некоммерческого партнерства в сфере благоустройства, ландшафтного строительства и средового дизайна «Стройландшафт» с последующим приобретением статуса саморегулирования. Однако, как заметил И.В. Мочалов, со стороны ГИПЛИ, по прошествии месяца с момента встречи, нет никаких действий. Представитель ГИПЛИ Е.Г. Карпинская предоставила информацию о неготовности принятия решения руководством Гильдии по данному вопросу и предложила перенести встречу и принятие решения на более поздний срок.

При обсуждении этих вопросов было решено:

Активизировать работу по проведению профессиональной сертификации на уровне региональных отделений АЛАРОС, а после государственной регистрации АЛАРОС проводить сертификацию на национальном уровне. Проводить работу с организациями, выполняющими функции государственного Технического заказчика для составления критериев профессионализма при проведении конкур-

сных и тендерных процедур, применения в качестве критерия профессионального ландшафтного сертификата. Рекомендовать распространить практику использования критерия при вступлении в СРО на примере достигнутых договоренностей с ГАРХИ на все региональные отделения АЛАРОС.

Продолжить переговоры с ГИПЛИ о создании НП и работу по созданию СРО в сфере ландшафтного строительства. А также провести переговоры с уже созданными саморегулируемыми организациями о сотрудничестве с использованием Профессионального ландшафтного сертификата. Направить официальный запрос в службу государственного технического надзора о необходимости получения Свидетельств о допуске для компаний, занимающихся ландшафтным строительством.

Также в докладе И.В. Мочалова была представлена новая редакция профессии «ландшафтный архитектор» по классификации труда (ILO) при ООН. Также было сообщено о предстоящих конгрессах ИФЛА, выставках в Крокус-Экспо в марте 2010 года, о работе организаций на данных мероприятиях.

В сообщении И.А. Мельничук было сказано, что в начале декабря 2009 года в Санкт-Петербурге решено провести международную конференцию, посвященную памяти Т.Н. Дубяго на базе Лесотехнической академии имени С.М. Кирова.

Архитектурный конкурс в Красноярске

Архитектура рекреационных и туристических объектов в Сибири будет, вероятно, одной из наиболее популярных тем для проектирования в ближайшие годы. И заказчики таких объектов, и туристы, и архитектурная общественность ожидают, что новые гостиницы, приюты, новые лыжные и горнолыжные базы будут красивыми, удобными, современными, а также самобытно сибирскими и запоминающимися по архитектуре.

Пока красивых зданий для туристов и отдыхающих на природе в Сибири мало.

В Красноярске прошел архитектурный конкурс на

тему рекреации и туризма среди проектных организаций и студенческой архитектурной молодежи. Участники конкурса предложили свое видение рекреационной архитектуры для регионального природного парка «Ергаки».

Организаторами конкурса выступили дирекция природного парка «Ергаки», Красноярская региональная организация Союза архитекторов России и Сибирский федеральный университет. Поддержку конкурсу оказало Министерство по делам спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края.

Конкурс проходил с 25 сентября по 10 октября 2009

года. Интересной была организация конкурсного проектирования: группа студентов работала под руководством архитектора-практика, мастера, уже имеющего опыт реальной проектной работы. Таким образом, опытные архитекторы были такими же участника конкурса, как и студенты. Подобная организация конкурса значительно усилила представленные результаты.

После тщательного отбора жюри представило победителей.

Первое место получил проект «Хижина-Отель-Кафе-Терасса». Руководитель Алексей Мякота (ООО «АДМ»), студенты: Наталья Валентиновна, Иван

Герасимов, Лидия Петренко, Наталья Шелепникова, Дмитрий Щербаков.

Второе место – «Маленькая деревенька». Руководители: Евгений Ковалев, Светлана Кайль, Борис Шаталов (Бюро «А2»), студенты: Кристина Гречина, Евгений Ляндрес, Надежда Черепихина, Екатерина Чмых.

Третье место – проект «Хижина для современного кочевника». Руководитель Евгений Зыков (ООО «Тектоника»), студенты: Дарья Костылева, Дмитрий Корнилов, Дмитрий Токмашев, Сергей Овчинников.

Андрей Ляпин

«Ергаки-2009»: резюме куратора конкурса

Совместный конкурс студентов и проектных мастерских на проектирование альпинистской хижины на озере Радужном в природном парке «Ергаки» организован по результатам междисциплинарной экспедиции «Ергаки-2009», целью которой было определение местоположения альпихижины в общей системе рекреационных объектов, планируемых в природном парке.

Ергаки – страна каменных идолов и изумрудных горных озер. Западный Саян – уникальный храм природы, но Ергаки – это его изюминка. Ергаки давным-давно привлекают к себе внимание большого числа жителей Сибири и Европейской России своей удивительной, неповторимой суровой красотой и загадочностью своеобразных природных ландшафтов. И здесь дей-

ствительно есть что посмотреть и чем восторгаться.

Хребет Ергаки по своей доступности и удачному географическому положению в настоящее время является одним из самых перспективных районов для развития таких видов спорта, как альпинизм, скалолазание, зимние виды. Природный парк «Ергаки» является привлекательной и оптимальной территорией с позиции осуществления

круглогодичной подготовки в условиях среднегорья сборных команд РФ по различным видам спорта на высоком качественном уровне.

Район озера Радужного – визитная карточка природного парка «Ергаки», отсюда открывается вид на величественный профиль Спящего Саяна, напоминающий великана, лежащего на спине, и уцепившийся за хребет Висячий камень, одну

Схема расположения альпинистских хижин в природном парке «Ергаки». Вторая очередь строительства

Проектирование и строительство хижин обусловлено необходимостью создания условий для отдыха, проведения соревнований по альпинизму, обеспечению безопасности и сохранению рекреационных ресурсов на территории природного парка.

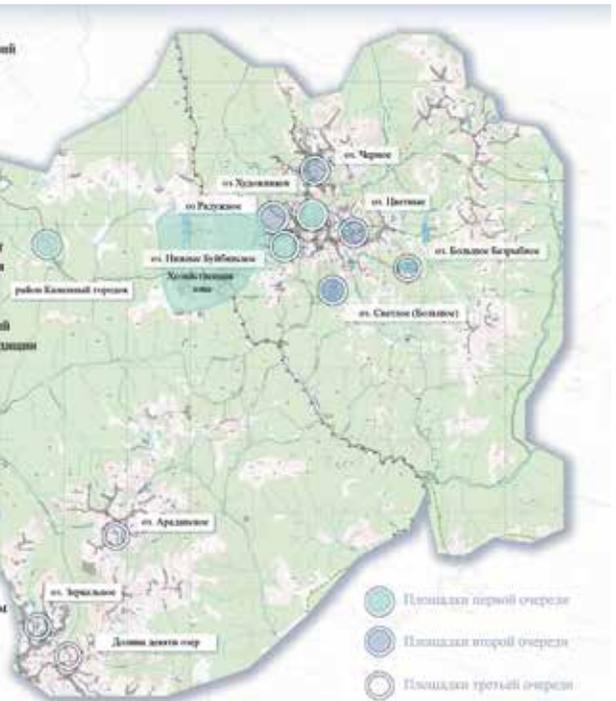
Цель предпроектных работ – обеспечение комплексного подхода к размещению, функциональному обоснованию и архитектурно-строительным особенностям проектирования хижин.

В рамках выполнения предпроектных работ была осуществлена научно-исследовательская экспедиция. В результате натурных обследований и проведенного анализа различных факторов, с помощью консультаций со специалистами, входившими в состав экспедиции были определены возможные места для размещения хижин с учетом естественных границ природных объектов:

- в районе оз. Радужного;
- в районе оз. Светлое;
- в районе скалы Зуб дракона;
- в районе оз. Черное;
- в районе оз. Безрыбное;
- в районе оз. Зеркальное;
- в районе оз. Аграданское;
- в районе долины девяти озер

Ранее был также выполнен альбом предпроектных работ по следующим хижинам (первая очередь строительства):

- в районе оз. Нижнее Буйбынское;
- в районе оз. Художников;
- в районе Каменного герцога.

из главных местных достопримечательностей. Это привлекательное место является транзитным для популярных туристических маршрутов, организованного и самостоятельного туризма, различной протяженности и сложности.

Целью конкурсной работы является создание проекта туристического объекта, учитывающего особенности территории и функционально-технологическую структуру, органично вписанную в среду, отражающего стилистику местности, вызывающего чувство восхищения и ощущение единения с природой архитектурного объекта, обеспечивающего безопасность экотуристов и спортсменов, находящихся в экстремальных природно-климатических условиях.

Учитывая местоположение, функционально типологическую особенность каждой хижины, а также «своеоб-

разно» выстроенный состав творческих коллективов – студентов третьего курса и руководителей профессиональных мастерских, организаторы конкурса надеялись получить более программный взгляд на образно-стилевую и содержательно смысловую характер архитектурного сооружения. Оставаясь в рамках зачетной курсовой работы, студенты, участники конкурса, должны были продемонстрировать определенную самостоятельность, обеспечив полноту образовательного процесса. В свою очередь это обязывало руководителей практикующих архитекторов формировать проектный процесс на основе методологического концептуального подхода. А это не только дисциплинировало, но и требовало своеобразного анализа и обобщения личного опыта в творческой деятельности.

Рассматривая положительные результаты конкурса, можно отметить их планируемую часть, являющуюся постановочной кураторской идеологией:

- Выявление культурной идентичности на основе природно-ландшафтного своеобразия места.

- Акцентирование сознания участников конкурса на красоте Красноярского края и формирование экологической культуры населения.

- Процедуру сближения образовательного и профессионального цехов в аспекте качественного повышения образовательного процесса.

- Поиск строительных технологий конструкций и материалов, применимых в экстремальных природно-климатических условиях.

К незапланированной части результатов архитектурного конкурса можно отнести их преобладающую

направленность на поиск современных стиливых решений в отсутствие стереотипных традиционных подходов.

Среди планируемых мероприятий в условиях проведения конкурса была презентация проекта перед сообществами: архитектурным, природоохранным, альпинистским – и представителями законодательной и исполнительной власти. Направлено оно на повышение имиджевой составляющей архитектурно-градостроительного процесса в общественном сознании.

Позитивные реакции присутствующих, наблюдаемые в этот вечер в Доме архитектора, не слишком обнадеживают, так как информационный масштаб, измеряемый присутствием прессы при отсутствии первых административных лиц, был, мягко говоря, недостаточным.

Алексей Мякота

«Хижина–Отель–Кафе–Терраса»

Первое место

Жюри конкурса, назвав победителя, аргументировало свой выбор суммой результатов, выявленных в проекте и отвечающих условиям конкурса:
– авторскому коллективу удалось продемонстрировать

цельность методологического подхода и его продуктивность, как в образовательном, так и в проектном процессе;
– найденный характер архитектурных форм убеждает своей органичностью

природному ландшафту;
– проект выявляет дополнительное функционально-смысловое содержание, обозначая его как презентационное, трактуемое как некоторая услуга для познания, ознакомления, диалога с природой;

– учитывает широкий спектр будущих потребителей, от «диких» туристов, для которых это место промежуточный привал, до целевых туристических групп.

«Маленькая деревенька»

Второе место

Проект «Маленькая деревенька» представляет собой систему модульных корпусов, предназначенных для отдыха шести-восьми человек, и главного корпуса, в котором сосредоточены все сопутствующие отдыху человека функции – питание, развлечение, общение.

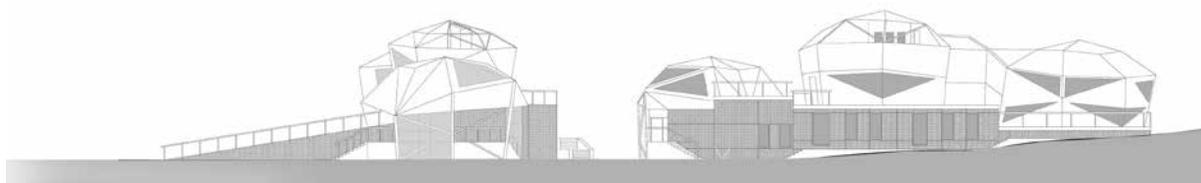
Человеку дается возможность самому выбрать место для проведения своего времени: либо уединиться с друзьями на природе, либо предпочесть главный корпус, где происходят все массовые мероприятия.

Весь комплекс поднят над уровнем земли, что обеспечивает минимальное касание постройки с землей, а также отвечает требованиям климатических условий данного места (снеговые заносы 1,5 м).

Александр Ершов

Третье место

«Хижина для современного кочевника»

В своем поиске мы исходили из того, что по своей сути путешествующий человек – это кочевник, а традиции кочевой жизни дают нам устойчивые архетипы, проверенные веками.

Мы обнаружили, что жилища кочевников обладают одной общей чертой – они все имеют центричную организацию.

Центром этих жилищ всегда является очаг.

В нашем проекте три таких центра – два из них расположены в холлах гостиничных

блоков, а один – в кафе. Гостиничные блоки спланированы так, чтобы через открытую дверь номера можно видеть центральный камин, вокруг которого предусмотрены места для отдыха.

Мы пытались соединить в проектируемом объекте образы и ассоциации, технологии и конструкции, связанные в сознании человека с жизнью в тесном контакте с природой, создать современную хижину для современного кочевника.

«Облако»

Главная задача проекта – создать запоминающийся образ, который стал бы символом и ориентиром этого места. Таким образом стало опустившееся на горы облако или утренний туман – подобные явления для данного места не редкость.

Сам объем представляет собой компактную структуру из трех корпусов, на которые «накинут» изогнутый деревянный каркас, играющий роль облака. Такая структура позволяет посетителям без труда попасть из одного помещения в другое, минуя открытые пространства, что в данных климатических условиях очень важно.

Александр Ершов

Строительство Концертного зала Мариинского театра в Санкт-Петербурге

Возведение нового Концертного зала в Санкт-Петербурге – это не только важное событие в жизни города, способствующее распространению музыкальной культуры, но и новое приглашение к постижению глубокого родства музыкальных и архитектурных форм.

Специальные архитектурные приемы и оптимизация объема концертного зала призваны создавать у слушателя ощущение достоверности звуковой картины и непосредственного контакта с исполнителем – будь то симфонический оркестр или солирующий музыкант.

Проект квартала

Строительство зала явилось по-настоящему дерзким начинанием с точки зрения затраты человеческих усилий и сложности технических задач, если принять к тому же во внимание стесненные финансовые условия и ограниченные сроки, в рамках которых должен был осуществляться проект.

Этапы осуществления проекта
Зимой 2003 года здание декорационных цехов Мариинского театра, расположенное на улице Писарева (поблизости от исторического здания Оперного театра) становится добычей огня, уничтожившего все декорационные склады и цеха. Только наружные массивные стены кирпичной кладки смогли устоять во время пожара, а все внутренние помещения с деревянными перекрытиями и металлическими конструкциями превратились в руины.

Корпус декорационных цехов был построен в 1900 году по проекту архитектора Шретера, который к тому времени успешно

реконструировал само здание Мариинского театра, модернизировав его сценическое пространство. В этот период своего творчества он уже широко применял в строительстве открытую, неоштукатуренную кирпичную кладку, вводя таким образом в язык архитектуры общественных зданий Санкт-Петербурга новые приемы, характерные для стилистики промышленных построек.

В 2002 году нашей творческой группе (архитектурное агенство «ФАБР/СПЕЛЛЕР», совместно с архитектором-реставратором Рафаэлем Даяновым, московским филиалом инженерного бюро «СЕТЕК» и объединением сценографов «СЦЕН») была поручена разработка проекта реставрации и реконструкции Мариинского театра, а также всех дополнительных построек, которые могли бы войти в этот театральный комплекс.

Существовало несколько гипотез по поводу использования территории, на которой размещалось сгоревшее

здание цехов. Однако в июле 2004 года художественный руководитель Мариинского театра Валерий Гергиев объявляет о своем намерении построить на основе оставшихся после пожара стен современный концертный зал, причем в кратчайшие сроки, поскольку первый концерт в новом зале предполагается приурочить к открытию в Санкт-Петербурге саммита «Большой Восьмерки» (в июле 2006 года).

Три задачи были поставлены известным дирижером перед проектной группой:

- создать зал на тысячу мест для исполнения симфонической музыки, используя сохранившиеся стены старых декорационных цехов;
- привести качество акустики зала в соответствие с самыми высокими международными стандартами (при участии эксперта по акустике господина Тойоты, работавшего над проектом недавно открывшегося Концертного зала в Лос-Анджелесе);
- при этом стоимость строительных работ должна

ограничиваться строгими бюджетными рамками (от 18 до 20 млн евро).

И все это надлежало осуществить в рекордные сроки: два года на создание и реализацию проекта!

Хроника событий, предшествующих открытию Концертного зала
Уже в августе 2004 года мы показываем г. Гергиеву наши первые разработки, сделанные в результате тщательного обследования участка и сохранившихся фрагментов исторического здания (при участии нашего партнера с русской стороны реставратора Р. Даянова) и после рабочего совещания с экспертом по акустике Я. Тойотой.

В результате утвержден эскиз, позволяющий уточнить техническое задание: частично оставаясь в пределах уцелевших стен старого здания, новый строительный объем должен быть значительно расширен с северной стороны (по улице Декабристов), где предполагается создание нового вход-

ного фасада Концертного зала с прилегающей к нему театральной площадью.

В конце сентября основная часть проекта на стадии эскиза уже выполнена и окончательно согласована при содействии акустиков и архитекторов конфигурация зала (оставшаяся практически неизменной до самого завершения строительства). Одновременно начинается детальная проработка различных разделов проекта, среди которых:

- возведение новых несущих конструкций с автономным фундаментом и разработка способа сохранения стен старой кирпичной кладки;
- разработка нового комплекса технического оснащения здания;
- разработка систем пожаротушения и обеспечения безопасности;
- разработка новой технологии сцены с современным оснащением в целях повышения эффективности всего сценического цикла.

15-го марта разработка проектной стадии полностью завершена, и пакет документации передан на рассмотрение Государственной экспертизы.

И уже через месяц среди строительных предприятий объявляется тендер на реализацию проекта в кратчайшие сроки, а спустя два месяца крупной компании «НЕВИС-КОМПЛЕКС» поручается доработка проектной документации и подготовка к началу строительных работ.

15-го июня 2005 года запускаются буровые меха-

низмы и начинаются свайные работы по укреплению фундаментов, и уже с конца сентября, благодаря круглосуточному циклу и ускоренному темпу работ, появляется реальная возможность ежемесячно возводить по этажу, а к апрелю следующего года – полностью подготовить здание (6 этажей с наклонными стенами и сложнейшей конфигурацией зала) под установку стропильных конструкций крыши.

К июню 2006 года здание уже частично взято под крышу, а в самом зале практически закончен монтаж акустических деревянных панелей. И хотя зал еще не полностью готов к проведению гала-концерта по случаю саммита «Большой Восьмерки», он уже достаточно впечатляет первых посетителей. Понадобится всего 6 месяцев для того, чтобы полностью завершить работы по внутренней отделке концертного зала и других помещений зала потребуются работы по техническому оснащению здания. Для объекта такого уровня сложности – это поистине рекордный срок.

Выбор архитектурного и технического решения Несмотря на предельно сжатые сроки, при разработке концепции зала потребовалась, в целях создания высокого качества акустики, подробная проработка всех архитектурных и технических деталей проекта. В целом логика поиска решений была обусловлена множеством ограничивающих факторов, характеризующих строительный участок. Вот краткий

перечень задач, потребовавшихся от проектировщиков нового творческого подхода.

Выбор границ участка Территория строительной зоны, принадлежавшей театру, была крайне ограничена из-за слишком близкого расположения к ней других зданий, однако со стороны улицы Декабристов удалось (благодаря договоренности со Спортивным университетом) раздвинуть границы участка и создать обширную эспланаду перед главным входом в будущий концертный зал.

Поиск реставрационного решения Необходимо было сохранить и отреставрировать три исторических фасада старых декоративных цехов, сформировав объем, способный вместить в себя часть зала, служебные помещения для оркестра и артистические комнаты. В свою очередь, выбор неоштукатуренной кирпичной кладки в качестве основного стилистического «мотива» был обусловлен не только потребностью связать между собой старую и новую части здания, но и желанием подчеркнуть связь с традиционным для города «экономичным» направлением в архитектуре, заимствованным в промышленном строительстве.

Выбор конструктивного решения В целях обеспечения надежной акустической изоляции зала и одновременно для создания в нем «адекватной» пространственной среды, нами

была задумана система трех «оболочек», встроенных друг в друга: кирпичные стены снаружи, далее – несущие бетонные стены, охватывающие зал, и, наконец, обшивка из крупных деревянных панелей, моделирующих «акустическую форму» зала. Сами фасады новой части здания подчиняются регулярному ритму и состоят из простых и быстровозводимых бетонных конструкций, отделанных снаружи медной обшивкой.

Выбор акустического решения Концертный зал Мариинского театра сочетает в себе два традиционных типа симфонических залов: узкий вытянутый зал по типу Кунстферайна в Вене и зал ступенчатой формы, напоминающий террасы виноградников, по типу зала Берлинской филармонии. Дополнительно к этому было предложено расположить зрительские ряды с большим перепадом высот, что обеспечило каждому слушателю прекрасный обзор и четкое акустическое восприятие исполняемой музыки. В результате найденное архитектурное решение способствовало созданию прекрасной акустики, одинаково благоприятной для вокала и для инструментальной музыки и позволяющей ясно различать любые тембральные краски и тончайшие исполнительские нюансы.

Выбор архитектурной формы В поисках геометрии зала мы опирались на канон «золотого сечения», благодаря чему

Мастерская до пожара

Руины после пожара

Новый фасад

Генеральная релетиция
в зале

возникла пентагональная форма с осями, ориентированными параллельно «силовым линиям» стен. Внутренняя обшивка зала, выполненная из деревянных клееных панелей большой толщины (18 см – для стен, 12 см – для подвесного потолка), создает эффект «плетения», придавая залу сходство с ивовой корзиной или детской колыбелью. Размещение публики по всему периметру зала и вокруг оркестра создает ощущение особого контакта с исполнителями и усиливает эффект наполненности зала.

Архитектурное решение фойе для публики. На всех трех уровнях располагаются зоны для приема публики и зрительские фойе, которые сознательно выдержаны в строгом стиле, оттеняющем праздничную атмосферу зала.

Сдержанная архитектура главного фасада отвечает тому же принципу, подчеркивая предназначение концертного зала как звучащего пространства, отданного музыке и гармонии.

Выбор технологического решения сцены. Важной особенностью этого зала является его способность трансформироваться и принимать различные конфигурации за счет мобильной конструкции сцены и расположенной рядом с ней подъемно-опускной оркестровой ямы. В самом деле, в зависимости от положения выдвижных площадок сцены и оркестровой ямы, зал может использоваться, как для выступления оркестра, так и для оперных спектаклей (с ограниченным набором декораций), для балетных представлений или для проведения конгрессов, для чего предусмотрено увеличение площади партера за счет трех дополнительных рядов.

С целью сохранения акустики в подвесном деревянном потолке замаскированы встроенные в него технические люки, которые при необходимости открываются и позволяют подвешивать к колюсникам все требуемое сценическое оборудование (осветительные и звуковые приборы).

Техническое решение по вентиляции и дымоудалению. Чтобы исключить проникновение шумов и вибрации, вся система отопления и вентиляции максимально удалена и изолирована от зала. Через отверстия, встроенные в пол под сиденьем каждого из зрительских кресел, в зал бесшумно и с умеренной скоростью подается свежий воздух с температурой, регулируемой соответственно сезону. Траектории технических коробов вентиляции оснащены многочисленными

акустическими «ловушками» и изгибами, что позволяет получить уровень шума в зале не выше 25 дБ.

Точно так же, в целях защиты акустики зала от внешних шумов, предусмотрено соединение системы дымоудаления непосредственно с системой выброса использованного воздуха.

Выбор метода реализации проекта. С учетом сжатых сроков, отведенных для реализации проекта, и сложных погодных

условий, все технические решения принимались таким образом, чтобы максимально упростить строительные задачи и свести к минимуму возможные ошибки и дефекты, которые в итоге могли бы привести к ухудшению акустических характеристик зала.

По этой причине была предложена деревянная обшивка всего зала, создаваемая по сложнейшей современной технологии из сборных клееных панелей значительной толщины.

Описание хода строительства
Возведение концертного зала меньше чем за четырнадцать месяцев явилось во всех отношениях исключительным и сложнейшим предприятием, потребовавшим от строителей (во время возведения несущих конструкций) круглосуточной работы в тяжелейших зимних условиях, из-за чего порой подвергались опасности уже возведенные конструкции. Однако постоянное присутствие на стройке многочисленных представителей службы заказчика и генерального подрядчика позволило организовать интенсивный надзор за строительством и способствовало оперативному принятию решений по всем вопросам. За точностью реализации детально разработанных чертежей и других технических условий был установлен пристальный контроль, осуществляемый сначала инженерным бюро «СЕТЕК» и «Геореконструкцией» и

продолженный архитекторами и сценографами в период разработки внутренних помещений здания.

Итак, что дало музыкальному искусству открытие Концертного зала Мариинского театра в Санкт-Петербурге?

Среди факторов, обогативших концертное пространство города благодаря открытию нового зала, можно выделить три основных:

– Особая чуткость акустики.

Особая конфигурация зала и намеренное ограничение его вместимости (1 100 мест) позволили создать акустику, отличающуюся особой чуткостью и прозрачностью и позволяющую при общем богатом звучании дифференцированно воспринимать все тембровые особенности и градации звучания – будь то вокал или оркестровое исполнение.

– Многофункциональность сценической площадки.

Исключительная близость публики к исполнителю и приспособляемость сцены под различные концертные форматы и жанры стали стимулом для создания разнообразных по замыслу музыкальных постановок: опер в концертном исполнении, хореографических спектаклей, сольных или симфонических концертов, позволяющих варьировать местоположение оркестра в зависимости от музыкального жанра. Благодаря перечисленным возможностям, новый Концертный зал стал той сценической площадкой, на которой весь творческий потенциал Мариинского

театра способен проявиться в полную силу.

– Гибкость системы эксплуатации зала.

В отличие от большинства недавно созданных по всему миру симфонических залов, Концертный зал Мариинского театра возобновляет традицию интерьеров «интимного» формата, располагающих к оценке качества музыкального звучания и степени исполнительского совершенства в противовес соблазну возве-

дения гигантских концертных «механизмов» с их впечатляющими архитектурными формами и головокружительной стоимостью эксплуатации.

Другими словами, в реализованном нами проекте средствами архитектуры подчеркивается качественная сторона исполнительского искусства, что, как мы надеемся, сможет найти благодарный отклик у строгой и взыскательной публики.

Ксавье Фабр

ТАУНХАУСЫ

Часть 1. Экскурс в историю

Как и многие понятия, пришедшие к нам из иностранных языков, слово «таунхаус» на русской почве прижилось не совсем верно, впрочем, как и во всех странах, не являющихся исторической родиной блокированных, стоящих в один ряд домов с фасадами, выдержанными в едином стиле. Такой дом, собственно, и понимается сейчас под словом «таунхаус». В России так определяют блокированный дом, и, как правило, не в самом городе, а в пригородной зоне или в районах городских окраин. Более того, многие поселки таунхаусов строятся даже в 40–80 км от Москвы.

«Городской дом, дом в городе» – именно так звучит дословный перевод слова «town house». Изначально в Великобритании, Ирландии и многих других странах словом «town house» обозначали дома, служившие лордам и другим представителям аристократии городской резиденцией. В России складывалось подобное разделение жилой застройки на городской особняк и загородный дом или дворец. Важным моментом является то, что в Европе городские дома были преимущественно «terrace», то есть

стоящими в ряд и обладающими единообразным фасадом и, как правило, одинаковой высотой. И даже многие представители знати, владеющие загородной резиденцией с приусадебными землями, насчитывающими более ста или тысячи акров, в городе располагались в домах, стоящих в ряд и образующих единый фронт застройки, – безусловно, их уместнее было бы назвать блокированные дворцы, нежели дома. Например, герцог Норфолкский, владетель Арундельского замка за городом, в Лондоне жил в таком «блокированном» дворце на Сент-Джеймской площади, названном Дом Норфолк. Пожалуй, один из самых ранних примеров подобных линейных дворцов можно увидеть во Франции. Ансамбль площади Вогезов (Place des Vosges), построенный в 1605–1612 годах, характерен выделенной по высоте и пластике фасада центральной частью здания.

В Норфолке, в городе Грейт Ярмут (Great Yarmouth), в начале XVII века впервые в Великобритании строится резиденция для богатых торговцев из практически одинаковых зданий, поставленных в один ряд, – знаменитые Great Yarmouth Rows. Один из них так и называется сейчас – Old Merchant House (Старинный купеческий дом), и появляется их определение «row houses» – «линейные» дома, одинаковые по высоте и фасадным решениям, поставленные в ряд и формирующие прямые линии улицы.

Но тенденция строить дома, стоящие вплотную друг к другу или делящие боковые продольные стены, рассчитанные на отдельные семьи, зародилась в Голландии в XVII веке. Появление этой тенденции описывает Витольд Рибжинский (Witold Rybczynski) в книге «Почему мы все равно живем в домах». Он справедливо замечает, что, несмотря на то что крестьяне всегда жили в домах, типовая застройка средневекового города отличалась совмещением жилого и рабочего пространства. На первых этажах распо-

лагались мастерские, а на верхних – жилые комнаты, где жили не только члены большой семьи и прислуга, но и наемные работники. В XVII веке эта ситуация меняется в Голландии, в Нидерландах, ставших первой европейской республикой и нацией, в которой впервые оформился «средний класс» как социальный слой. Процветание нации позволило людям становиться владельцами домов, республиканский строй правления не поощрял наличие прислуги, любовь к детям и кальвинизм способствовали выдвиганию семьи и семейных ценностей на первый план. Все эти обстоятельства вкупе с присущим человеку стремлением жить в собственном доме совершили своего рода культурную революцию: люди начали жить и работать в разных местах, дети воспитывались с родителями, их больше не отдавали в ученичество к чужим людям. Голландские города XVII столетия были практически полностью скомпонованы из домов, стоящих в ряд, стена к стене, широкие или узкие, в зависимости от состоятельности их владельцев. Надо полагать, такое уплотнение

городской застройки было вызвано исключительной экономией земли и желанием, а также возможностью очень многих горожан позволить себе собственный дом. Что делает голландские блокированные дома неповторимыми, так это их разнохарактерные фасады, разные высота и завершение дома, придающие немалую живописность городскому силуэту. Эти дома своим трогательным желанием непременно выразить свой характер, чем-то напоминают сказочные пряничные домики и практически у всех вызывают восторг и умиление. Они не выглядят единообразными, хотя многие из них частично повторяют друг друга. Скорее всего, это происходит благодаря элементу стихийности их появления, отсутствием жестких градостроительных проектов и регламентов (кроме, пожалуй, строить по красной линии улицы), дающие некую степень свободы выражения индивидуальности владельцев домов. Рибжинский полагает, что эта идея городских домов (urban houses) распространилась на Британские острова в XVIII–XIX столетиях благодаря тесным коммерческим и

54

Террасные дома из искусственного камня в Балтиморе

Террасные дома в Вашингтоне

Типичная британская улица, застроенная террасными домами

культурным связям, существовавшим с Голландией. Надо сказать, что и сегодня многие голландские таунхаусы также напоминают своих предшественников, создавая живой и яркий фронт застройки.

Николас Барбон, известный английский предприниматель, экономист и философ застраивает террасными домами центральные улицы Лондона после Великого лондонского пожара 1666 года, уничтожившего значительную часть центральной части городской застройки. Именно в этот послепожарный период формируются основные принципы террасных зданий, при которых несколько сблокированных домов делят одну, максимум две боковые стены, причем каждое здание зеркально повторяет внешний вид соседнего. В 1710 году сэр Ричард Гровенор получает право на застройку площади и прилегающих улиц в центральном районе Мейфэйр. В зданиях, построенных на Grosvenor Square (1727) и Queen Square в Бате, впервые была реализована идея георгианского стиля, рассматривающая фасады террасных домов как единый фасад дворца, украшенный колоннами, арками, – центральное здание, как правило, несколько выделялось по высоте, отделкой и пластикой фасада. Известные архитекторы того времени, сегодняшние классики: два Вуда (John Woods), Джон Нэш (John Nash), Томас Кубит (Thomas Cubitt) – с легкостью подхватили и преувеличили в жизнь эту идею.

Один из самых значительных памятников георгианского периода – Royal Crescent в Бате, построенный Джоном Вудом младшим между 1767-м и 1774 годом. Тридцать домов, образующих монументальный полукруг с небольшими зелеными лужайками при каждом доме. Главный фасад этого террасного дома решен замечательно лаконично и величественно. Прием полукруглого расположения сблокированных домов становится классическим для английских террасных домов георгианского периода. Еще один известный полукруг: террасные дома, формирующие площадь Park Crescent в районе Риджент-

Современные террасные дома в Тай-По, Гонконг.

Парка, построенные Джоном Нэшем. Примечательно, что такие царственные дома имели перед собой огромную лужайку или парковую площадь, что многократно усиливало эффект их величия и монументальности. Надо сказать, что определение «terrace house» зародилось в поздний георгианский период и было заимствовано английскими архитекторами из понятия «садовая терраса». Стоящие в ряд дома с единообразными фасадами и одинаковой высотой уже воспринимались не рядами, а выполненными в едином стиле. Комплексы Нэша в районе Риджент-Парка, а также подобные здания в близлежащих престижных районах Челси, Белгравия, Кенсингтон стали примерами характерной жилой застройки Лондона самого высокого класса, несмотря на то что не являлись отдельно стоящими особняками. В таких домах жили и продолжают жить самые состоятельные и влиятельные люди, владеющие недвижимостью в Лондоне.

В последующий викторианский период истории Великобритании террасными стали называть жилые одноэтажные дома, построенные в любом стиле, но одинаковой архитектуры, поставленные рядами и образующие четкие линии улиц.

Индустриальная революция, происходившая в Англии в XIX веке, вызвала необхо-

димость быстрого и дешевого строительства домов для рабочих заводов и фабрик в промышленных районах и пригородах. Террасные дома очень быстро перестают быть дворцами и превращаются в кирпичные бараки не выше трех этажей со всеми вытекающими отсюда последствиями. К концу XIX – началу XX века бараки вновь становятся домами и строятся уже с учетом пожеланий заказчика и часто с индивидуальными планировками и украшениями фасадов, при сохранении единого стиля и масштаба застройки улицы. Получалось, что каждая пара домов могла иметь разные планировки и даже отделку фасадов, что позволяло разнообразить стандартную типологию застройки. Но это уже не элитное жилье георгианского периода, а хорошая альтернатива квартире в многоэтажном доме.

Вплоть до Второй мировой войны такая жилая застройка была основной в окраинных районах городов и пригородах Великобритании. После войны вместо обветшалых и старых террасных домов было решено строить многоэтажные жилые дома башенного типа, оправдывая это тем, что, поскольку эта территория в центре города, то освобождение земли даст возможность качественно улучшить городскую среду, либо строительством новых торговых-развлекательных комплексов,

либо организацией открытых пространств и мест досуга. Так полагалось в теории, на практике же из-за некачественной реализации подобных проектов во многих районах Лондона, Манчестера люди, переселенные из своих таунхаусов в высотные дома не ощутили никакого особенного улучшения городской среды. Более того, Английской комиссией по сохранению историко-культурного наследия были опубликованы данные, которые нам стоило бы

Park Crescent, Риджент-Парк в Лондоне, Джон Нэш

Лондон, террасные дома викторианской эпохи

Royal Crescent в Бате, Джон Вуд младший, 1767–1777

внимательно рассмотреть и, возможно, провести подобное исследование с историческими зданиями в российских городах. В докладе «Ветхий жилой фонд и историческая среда» отмечается, что террасный дом Викторианского периода, который тридцать лет не подвергался капитальному ремонту, привести в

порядок дешевле на 60%, чем построить новый дом и обслуживать его. Исследование, проведенное в 2003 году независимым агентством Heritage Counts, опровергает мнение о том, что старые дома дороги в эксплуатации. Сравнивая викторианский террасный дом со зданием, построенным после 1980

года, независимые эксперты пришли к выводу, что содержание первого обходится на 1000 фунтов стерлингов в год дешевле. Это объясняется качеством работ и высококлассными материалами того времени.

Блокированные дома как образец городской застройки средней плотности, обеспечивающей возможность обладать небольшим участком земли, проживая в городе, на первый взгляд дают массу преимуществ. Грамотно организованная блокированная застройка эквивалентна 4-, 5-этажным отдельно стоящим домам. Для исторических городов дома в два-три этажа дают возможность соблюдать градостроительный масштаб и не нарушать сложившуюся систему восприятия городских доминант в панорамном обозрении. Но вопрос сохранения прозрачности города, проветриваемости, визуальных связей становится очень актуальным при подобной застройке.

Для русской градостроительной традиции террасные дома были не то что не характерны, а скорее недопустимы. До начала XVIII века русские города строились по системе свободной ландшафтной

планировки, одним из основополагающих принципов которой был закон апосисии, то есть непременно оставления прозоров (разрывов) между домами¹. Более того, принцип «не навреди соседу» соблюдался неукоснительно, и строящиеся здания не должны были перекрывать вид соседним домам на водоем и природу, архитектурные доминанты. Условия градостроительства Западной Европы и Руси отличались не только плотностью населения в Европе, не позволявшей ставить дома в городе на достаточном отдалении друг от друга², но также и используемым для строительства домов материалом: в то время, как во многих странах континента число выходов камня на поверхность делало его обычным строительным материалом (как в чистом виде, так и в виде фахверка – с деревянной связующей конструкцией), на Руси камень добывался в отдельных районах, как правило, из-под земли, транспортировался по рекам и шел только на церкви, княжеские дворцы, крепостные стены³. В подобных условиях естественно предполагать существование норм и жестких правил по

Таунхаусы в поселке Жемчужина, Россия. Проект А.Асадова

соблюдению хотя бы необходимых противопожарных разрывов. Петровские реформы и введение регулярных принципов планировки, налаженное производство кирпича, образцово-показательное строительство Санкт-Петербурга, ориентированное на западные примеры меняет не только градостроительное законодательство, но и психологию городского жителя. Появляются доходные многоэтажные дома, стоящие вплотную дома-колодцы, и уже никто не беспокоится за испорченный вид на парк или реку. Тем не менее таунхаусы не появляются в русских городах. В советское время их практически не строят по понятным причинам. В 90-х годах появляются таунхаусы, не соответствующие своему назначению – обеспечить недорогое жилье среднего класса, соотносимое по цене с квартирой. Это происходило прежде всего из-за площади, от которой напрямую зависит цена дома. В Европе площадь таунхауса в 120–150 кв. м считается достаточной, и расширять ее нецелесообразно, в России же таунхаусы легко доходят до 400 кв. м и даже, в отдельных случаях, выше. И сейчас целые поселки блокированных домов, не отличающиеся особой эстетикой, во многих случаях даже безобразные, позиционируются как элитное жилье или же жилье эконом-класса, стоимостью от

500 тыс. долларов, которое просто не способны приобрести люди среднего класса. Пожалуй, первой серьезной попыткой переломить существующую ситуацию стали два проекта Максима Атаянца – Ивакино и Аксаково под Москвой, появившиеся в 2007 году и подробно описанные Григорием Ревзиным в статье «Город миллионеров из жилья для бедных»⁴. Таунхаусы в этих поселках отличаются не только адекватной ценой за счет четко установленной площади от 120 кв. м, но и попыткой создать городскую

среду исторического города. Ограничения по площади качественно отразились не только на цене, но и на планировках, которые пришлось досконально продумывать, потому что сделать хорошие планы блокированного дома, площадью 120 кв. м в три этажа с гаражом намного сложнее, чем сделать трехэтажный дом в 300 кв. м. Это, пожалуй, первые российские примеры поселков, застроенных только таунхаусами, где есть ощущение городской среды и в которых хочется жить.

В сентябре 2007 года РИА «Новости» был организован круглый стол «Проблемы развития таунхаусов в России» при участии директора НИПИ Генплана Москвы Сергея Ткаченко, директоров ведущих компаний по реализации недвижимости, архитекторов, экономиста, заведующего кафедрой экономики в Высшей школе экономики Александра Долгина и обозревателя газеты «Коммерсантъ», архитектурного критика Григория Ревзина. Вопросы, поставленные на повестку этого круглого стола, красноречиво свидетельствуют об актуальности темы таунхаусов на сегодняшнем российском рынке недвижимости. Для России таунхаусы – это прежде всего загородное жилье: либо в непосредственной близости от города для тех, кто работает в городе, либо достаточно далеко, до 100 км от города, для тех, кто там отдыхает и не хочет содержать большой дом. Так же таунхаусы рассматриваются как некий «подшерсток» многоэтажной застройки в новых спальных районах.

Необходимо также рассмотреть возможность ввести таунхаусы в виде исторических реплик или контекстуальных интерпретаций в реконструируемые центры городов. Дома, которые могут стать символическими, как, например, в Сан-Франциско стали знаменитыми викторианские и эдвардианские террасные дома. Если по плотности они могут заменить пятиэтажный дом, то почему бы не попробовать строить дома площадью в 120 кв. м с ухоженными садиками, дающими городу дополнительные пятнышки зелени. Мало вероятно, что кто-то откажется от собственного небольшого дома с лужайкой или садиком, пусть и блокированных, в центре города вместо существующих хрущевок или поздних сталинских домов. Принцип, заложенный в таунхаусах, – вход в свое жилище с земли, а не с лестничной клетки, очень привлекателен сам по себе, так же как и возможность возделывать свой собственный кусочек земли.

Продолжение следует
Татьяна Чеботарева

1. Алферова Г.В.. Книга о строительстве русских городов XVI-XVII веков.
2. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. С.85.
3. Викторов А.М., Звягинцев Л.И. Белый камень. – М.: 1981. С.11-26.
4. Ревзин Г. Город миллионеров из жилья для бедных// Проект Классика XXIV Гармония. 2009. № XXIV. С. 98-111.

Haight Ashbury. San Francisco, знаменитые террасные дома в Сан-Франциско, прозванные Painted Ladies. Этот термин впервые появился в 1978 в книге Элизабет Помады и Майкла Ларсена «Painted Ladies – San Francisco's Resplendent Victorians» («Раскрашенные леди – великопеленные викторианские дома в Сан-Франциско»).

Place de Vosges, 1605-1612

интернет-ресурсы
www.wikipedia.com
www.forma.spb.ru/archiblog/2009/09/11/townhouse/
www.asm.rusk.ru/07/asm6/asm6_7.htm

Континуум городского пространства

1. Кючукова Н., Крыстев Т. Человек, его среда и свободное время / пер. с болг. Т. Ангеловой. София : Техника, 1972.
2. A Pattern Language. Towns. Buildings. Construction. Christopher Alexander, Sara Ishikawa, Murray Silverstein. New York, Oxford University Press, 1977.
3. A Pattern Language. Towns. Buildings. Construction. Christopher Alexander, Sara Ishikawa, Murray Silverstein. New York, Oxford University Press, 1977.

Городское пространство – это континуум общественных пространств, автомобильных дорог, пешеходных улиц, парков, торговых сетей и т.д., наложение которых создает сложную непрерывную или дискретную структуру города. Двигаясь в этом пространстве, человек оживляет, наполняет его, придает ему ощущение времени, переживая его, подобно тому как течение реки обтачивает берега и камни.

Чем крупнее город, тем активнее непрерывное течение внутри него. Как своеобразный водоворот, он закручивает в вереницу своих предложений. В свою очередь постоянная эволюция образа жизни влечет за собой новые потребности, которыми не стоит пренебрегать при формировании актуального общественного пространства. Нужно постоянно учитывать динамику факторов, жизненность которых в перспективе не будет

ослабевать: научно-технический прогресс, его требования и результаты; развитие процесса урбанизации и его социальные последствия; появление новых стимулов отдыха, связанных с новыми формами и видами деятельности; эволюция потребительских навыков вследствие повышения жизненного стандарта; эволюция уровня образования; демографические факторы и др.¹

Провинциальному городскому пространству не хватает современной обустроенности и разнообразия событий, дающих возможность наполнить его культурной жизнью. От этого возникают довольно унылые картины времяпрепровождения людей: выпивающая молодежь у разваленных парапетов; понурые пожилые люди, счастливые улыбки которых можно увидеть лишь 9 Мая. А ведь именно грамотно организованное пространство города в состоянии возделывать и

развивать культурный и эстетический рост населения.

Если посмотреть в масштабах города, то мы увидим ту же картину: относительно спокойные жилые кварталы, группирующиеся вокруг активных общественных узлов. Но такие узлы зачастую очень удалены друг от друга и не в состоянии охватывать промежуточное пространство.

В крупном городе из-за удаленности общественных очагов человек, не имеющий возможности тратить много времени на передвижение, предпочитает проводить его у наполненного событиями телевизионного экрана. Общественный обмен происходит через такие медиа-средства, как интерактивное телевидение и Интернет, а не через собрание в общественном месте. Дома те люди, которые могут себе это позволить, имеют электронную замену физическому участию. Таким образом, значение городского центра как места общения уменьшилось.

Американские ученые установили, что общественные узлы должны быть распределены по городу на расстоянии примерно в 3 км друг от друга. Современному городу необходима полицент-

ричность для грамотного распределения узлов-магнитов в его ткани, чтобы в это культурное магнитное поле попадал каждый житель города.

Примером хорошо спланированного городского пространства является обновленный Берлин с его множественностью и разнообразием общественных пешеходных пространств, объединяющих центральную часть. Планировочные узлы – Александрплац, воссозданный квартал Николаифиртель, Музейный остров, Жандарменмаркт, Паризерплац у Бранденбургских ворот, современный комплекс Потсдамерплац – связаны главными берлинскими улицами Унтер ден Линден, Фридрихштрассе, Вильгельмштрассе, Эбертштрассе. Маршрут протяженностью около 4 км проходит по благоустроенным пешеходным территориям, бульварам, широким тротуарам магистралей, обеспечивающим комфортное движение. Он получает развитие вдоль набережных Шпрее, в парках и атриумах внутри кварталов, уютных скверах, зеленых пространствах Тиргартена и новой застройки. Вдоль всей трассы рас-

положены станции метро и остановки общественного транспорта, удобные пешеходные переходы, наземные и подземные парковки. Эти пространства живут и обновляются постоянно с помощью различных событий – выставок, концертов, праздников на открытом воздухе. Событийный процесс превращается в своеобразное пространственное тело, объединяющее компоненты среды в целостность.

Город сам формирует культуру поведения его жителей, наделяя общественное пространство своеобразным сценарием. Поэтому необходимо заботиться не только о функциональном наполнении пространства, но и о смысле.

В театральном мире есть понятие «сквозное действие». Великий театральный деятель К. С. Станиславский сказал: «Когда актер понял сверхзадачу пьесы, он должен стремиться к тому, чтобы все мысли, чувства изображаемого им лица и все вытекающие из этих мыслей и чувств действия осуществляли бы сверхзадачу пьесы». Так и все компоненты пространства, наполненного идеей, будут работать на нее и ради ее осуществления.

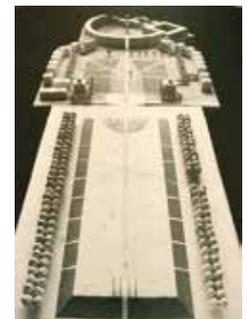
Ярким примером такого пространства служит Главная Ось (Axe Majeur) в Сержи-Понтуаэ, задуманная и осуществленная архитектором Дани Караваном. Эта пешеходная ось длиной 3 км, создавшая на всем своем протяжении легенду из 12 составляющих, стала символом города. Каждая из 12 позиций, формирующих этот путь, несет в себе смысловое значение.

Отправная точка главной оси – Круглая площадь, вымощенная 360 плитами, 36 см шириной каждая, и символизирующая собой мир. Площадь обрамлена жилым комплексом Риккардо Бофилла – структурой из двух прямоугольников, продолженной огромной ротондой и поддержанной внутренней колоннадой. Башня, построенная в центре Круглой площади, представляет собой как гармонию оси, так и ее изгиб. Высотой 36 м, шириной 3,6 м и с наклоном в юго-западном направлении, она является идеальной иллюстрацией символики числа: «Стоит одной из 36 колонн, гарантирующих свободу общества, упасть, баланс будет нарушен». С вершины можно увидеть панораму города и всего

парижского региона. Из этой точки светит лазерный луч, вниз на город и по всему пространству реки Уазы и ее бассейна к автострадному

перекрестку. Луч проецирует линию оси в ночном небе. За перекрестком эта линия встречает ось Елисейских полей (Тюэльри – Этуаль

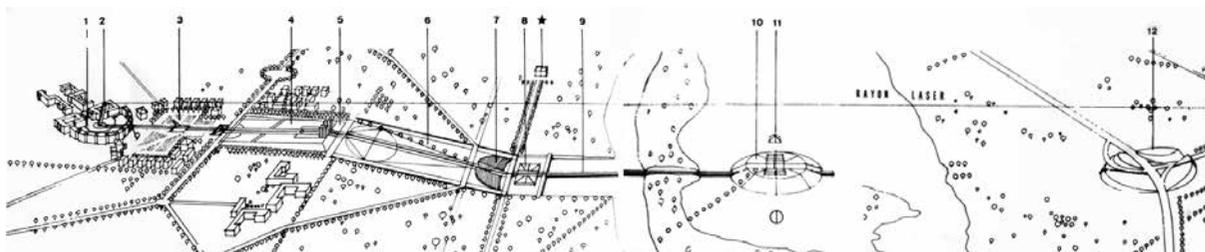

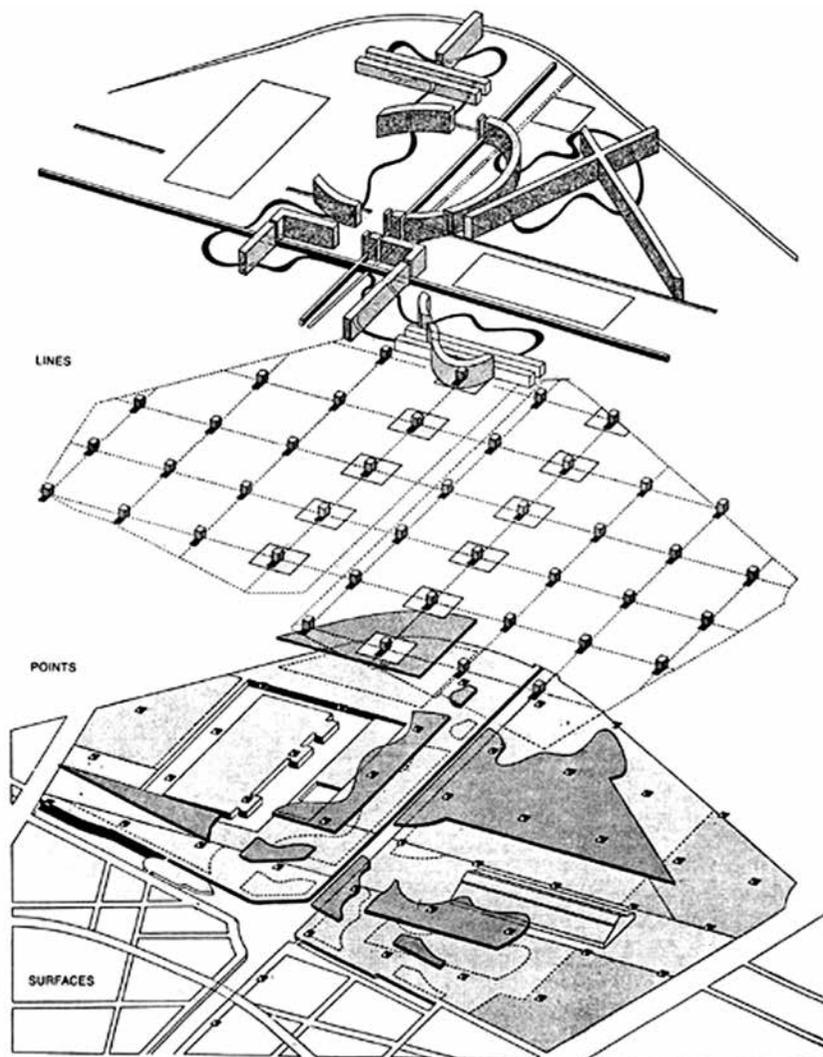
Главная Ось (Axe Majeur) в Сержи-Понтуаэ

Круглая площадь

Сады на склоне

Проект-победитель Б. Чуми

– Дефанс), которая пересекает Сену на острове Шато и острове Импрессионистов в направлении карьера реки. Эта ориентация является ключевой идеей всей системы, определяющей последовательный порядок остальных позиций.

Фруктовый сад, который идет следом, – это напоминание о сельскохозяйственном прошлом Сержи. Далее ось продолжается через Эспланаду, место, где в заметных структурных элементах можно найти сходство Главной Оси и линиями формирующими рисунок Иль де Франсе: колоннада, чья позиция и пропорции напоминают Триумфальную Арку; площадь выложена брусчаткой из Двора Наполеона и общей комнате в Лувре; фонтан, проявляющий присутствие подземного источника горячей воды; изолированные рельсы железнодорожного пути, используемого ранее ферме-

рами долины Уазе. Эспланада открывается на Террасу, панорамный бельведер, отмечает место, где склон плато преры-

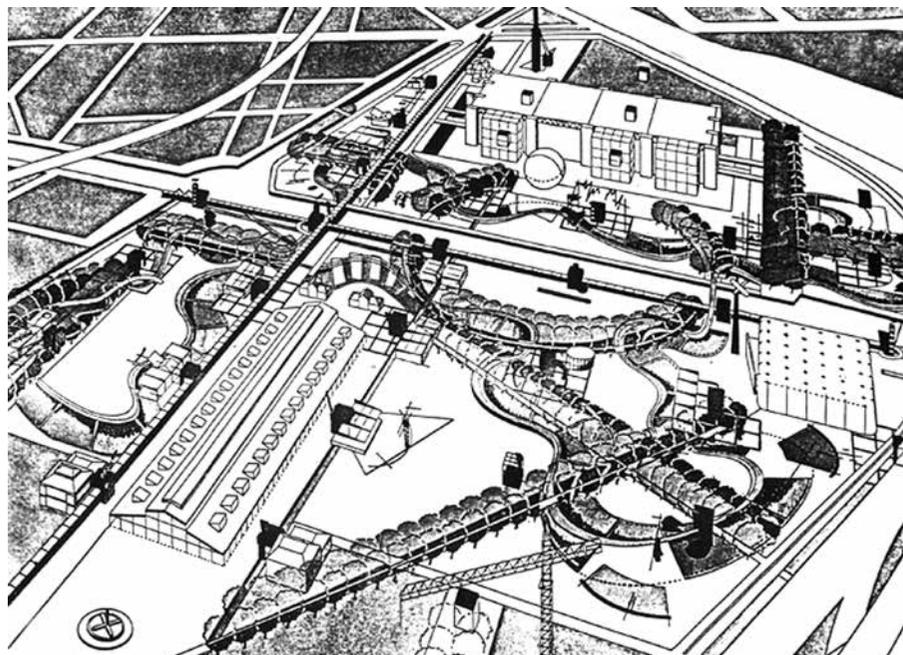
вается и начинается спуск к Уазе. Приближаясь к реке, мы проходим через следующие позиции: Сады на склоне – растительная связь между застроенной частью плато и долиной Уазе; Амфитеатр у подножья садов, ориентированный на Сцену, окруженную водой и открывающуюся на искусственное озеро напрямую связанное с рекой. Мост, соединяющий Амфитеатр со сценой, и ведущий на остров Астрономов, последовательно открывается на озеро, реку Уазе и часть бассейна; остров Астрономов, остаток песчаного карьера, предназначен был дать скульптурное представление о всех классических элементах, составляющих сады Египта, Индии или Мексики, но задумка еще не осуществлена. Пирамида, лежащая на поверхности озера, призвана символизировать гармонию человека и природы. Она спроектирована так, чтобы ветер мог играть с ее уровнями, создавая своеобразную природную музыку. На противоположном берегу реки, Перекресток – конечный пункт лазерного сигнала. Эта развязка означает въезд в Сержи-Понтуа.

Эта пешеходная ось до сих пор находится в процессе преобразований, но концепция, продуманная архитектором, позволяет ей функционировать как место идентификации города, что является очень важной характеристикой для любого городского пространства.

Каждая субкультура нуждается в центре для своей общественной жизни – центре общения. В небольших городах Италии, Испании, Греции, Южной Америки и т.д. распространенным явлением является променада («paseo»). Люди выходят на прогулку, чтобы встретить своих друзей, чтобы всматриваться в незнакомых людей и чтобы позволить незнакомцам присматриваться к ним.

В истории говорится о наличии таких мест в городе, куда люди могли бы прийти, чтобы связываться друг с другом и поделиться какими-то ценностями. Эти места всегда были подобны уличным театрам: они приглашают людей, чтобы посмотреть на других, чтобы бродить и, осматриваясь вокруг, замедлять шаг.

Эксперименты Люциуса Рационери в отделе архитектуры университета Калифорнии показали, что, где бы ни существовала возможность контакта, люди будут искать ее, пока не найдут². Но если такой общественный узел слишком далеко, усилие, чтобы достигнуть его, просто перевешивает необходимость. Таким образом, чтобы убедиться, что все люди в городе могут удовлетворить эту потребность, променады должны быть организованы в частых интервалах. Л. Рационери установил 20 минут как верхний предел досягаемости. И чем ближе променада, тем чаще люди будут ей пользоваться.

Отношение между охваченным объемом променады и фактической вымощенной площадью самой променады бывает чрезвычайно критическим. Места менее чем с одним человеком на каждые 50–100 метров вымощенной поверхности, будут казаться мертвыми и непривлекательными. Следовательно, важно быть уверенными, что количество людей, которые могли бы обычно прогуливаться по променаде, достаточно большое, чтобы поддерживать эту пешеходную плотность вдоль своей длины.

Модель променад в городе должна быть разнообразной: континуум выстраивается от небольших локальных променад, обслуживающих две тысячи людей, до больших интенсивных, обслуживающих весь город, — каждая отличается по характеру и плотности действии.

Можно выделить определенные пространственные свойства променады. Так как люди приходят видеть людей и быть увиденными, променада должна иметь высокую пешеходную плотность. Следовательно, она должна быть связана с местами, которые сами собой привлекают людей, например места, где имеются услуги или небольшие магазины. А в районах, где большую часть года держится низкая температура воздуха, важно сочетание открытых и закрытых пространств в прогулочной зоне, чтобы она не пустовала в холодное время года.

Далее, даже если настоящие причины прогулки — в потребности общения с друзьями, привлекательность общественного пространства возрастает, если имеется «цель». Она может быть реальной, подобно магазину или кафе, или быть частично вымышленной, например «пройти вокруг квартала». Но променада должна обеспечить людей прочной мотивацией.

Ряд необходимых человеку услуг функционируют как цели вдоль променады: кафе-мороженое, магазины, церкви, общественные сады, кино, бары, волейбольные корты. Их потенциал зависит от протяженности, на которой созданы условия для привлечения людей: расширенный пешеходный путь; озеленение; стены, к которым можно прислониться; ступеньки и скамейки,

на которых можно сидеть; открытые витрины, где видны товары или некая деятельность; кафе, где бы людям хотелось задерживаться.

Важно, чтобы для посетителей расстояния между точками притяжения были доступные. Наблюдения показывают, что любая точка, которая находится более чем в 50 метрах от активной деятельности, становится удаленной и менее используемой. Основные же точки притяжения лучше расположить в двух концах променады, чтобы поддержать постоянное движение всего пространства.

Итак, хорошие променад являются частью пути через наиболее активные общественные пространства; они подходят для вечерней прогулки; прогулки не слишком долгой и не безлюдной: не одна точка променады не удалена более чем на 50 метров от активного узла³.

Примером интересного пространства с продуманными траекториями движения является парк Ла Виллет (La Villette) в Париже. В 1982 году во Франции был объявлен международный конкурс на его проект. Задача стояла создать современный оригинальный проект, не опираясь на исторические традиции. Частично концепция будущего парка была заложена в самой программе конкурса: «Парк должен обеспечить не только зрелища, развлечения, активный отдых, — он должен предоставить возможность для обучения и культурного развития огромного количества людей». В основе такой новой для Запада концепции парка лежат, безусловно, новые требования горожан к рекреации. Во всех слоях населения растет интерес к культуре как следствие повышения образовательного и культурного уровня; при этом не снижается и интерес к развлечениям, но имеющийся уже познавательный характер, — к активному участию в зрелищах, в «путешествиях с приключениями», увеличивается потребность в общении с природой. Все эти требования и воплотились в проекте нового городского парка, включая и «сверхзадачу»: проект должен был учитывать возможность пока еще непредвиденных трансформаций парка в будущем.

В победившем на конкурсе проекте Б. Чуми новый парк Ла Виллет предстает как пространство усложненное, несмотря на кажущуюся простоту плана, пространство не только разнообразное, но театрализованное, в какой-то степени даже иллюзорное. Проект создает впечатление полной урбанизации природной сущности парка, полного отхода от его привычного образа. В проекте приняты три системы: система павильонов или «точек», система «поверхностей» и система «линий», существующие автономно. В соответствии с принципом супрематизма эти системы, совмещаясь, как бы «накладываясь» друг на друга, дают новое решение.

Четкая модульная сетка с ячейкой 120x120 метров обозначает размещение парковых павильонов (folie), каждый из которых должен компоноваться на стандартном основании из монолитного бетона в виде куба размерами 10,8x10,8x10,8 метров. Легкая мобильная конструкция любого павильона монтируется на этом основании, к которому подведены все необходимые коммуникации. Она может свободно разбираться и заменяться в зависимости от того мероприятия, которое происходит в парке. Павильоны отличаются друг от друга не только внешним обликом и внутренней планировкой, но и функционально: это клубные помещения, студии, кафе, кинотеатры, детские игровые и необходимые в парке торговые павильоны, даже астрономические обсерватории и мини-театры.

Свободный рисунок дорожек смягчает определенную жесткость и постмодернистский дух проекта. По ним проходят извилистые пешеходные маршруты, названные авторами «кинематографическими», учитывая постоянную смену впечатлений и раскрытие перспектив с определенных видовых точек. Вдоль дорожек размещаются площадки для отдыха, тематические малые сады, развлекательные аттракционы, различные познавательные экспозиции.

Создание непрерывного пространства для человека в городской ткани — это задача формирования целостной пространственной индивидуаль-

ности. Это необходимо и для городских променад, и в более крупном масштабе для удобных связей между важными объектами города. Продуманные связи между пространствами, формирующимися в городском континууме, незаменимы для правильного функционирования города.

На примерах видно, что чем больше внимания и усилий вкладывается в создание общественного пространства, тем успешнее оно функционирует, привлекая не только жителей близлежащих территорий, но и гостей из других стран. Таким образом, чтобы наши города были открытыми, человеческими, терпимыми, доступными и адаптирующимися к постоянным изменениям, необходимо уделять больше внимания устройству городского пространства.

Людмила Козлова

Рецензия на книгу А.Н. Клевакина «Сибирский город в эпоху перемен»

Рукопись книги раскрывает перед читателем особенности процесса формирования городов Сибири как сложный процесс урбанизации удаленной от западно-европейского региона части страны. При всей обширности рассматриваемых проблем и натурального материала, автор концентрирует внимание читателя на сущности проявления процесса урбанизации в условиях необходимости освоения большой территории.

В рукописи, имеющей логическое трехчастное деление, рассматриваются проблемы освоения «большой территории», функционирования городской среды и, наконец, что очень важно, задачи и пути преодоления деформаций городской среды. Это особенно хотелось бы подчеркнуть, поскольку именно здесь кроются принципы разработки городской политики и именно здесь мы на практике сталкиваемся с рудиментами отсталых настроений, прикрытых «заботами о генеральных планах», необходимостью решать все более расширяющиеся, «масштабные» региональные задачи и т.п.

В этом отношении очень важно подчеркнутое автором монографии положение о том, что «преодоление рубежа индустриальной эпохи связано с осознанием общих закономерностей урбанизации», но это, в свою очередь, предполагает укрепление старых индустриальных районов, поскольку центральногородские ядра, содержащие остатки культурного наследия, «представляют короткую и бурную историю региона» (с. 115).

Таким образом, на ярком примере сибирских городов хорошо видна несостоятельность и противоестественность противопоставления таких понятий, как «инновационность» и «преемственность», неприложность взаимодействия инновационного и преемственного начал.

С этой точки зрения, очень существенно подчеркнутое автором рукописи обстоятельство, что понятие «старый город» принадлежит к числу базовых понятий, определяющих теорию становления и функционирования среды нового города, а «игнорирование его официальной доктриной, нормативными документами, системой проектирования вплоть до 1990-х годов, как показал опыт,

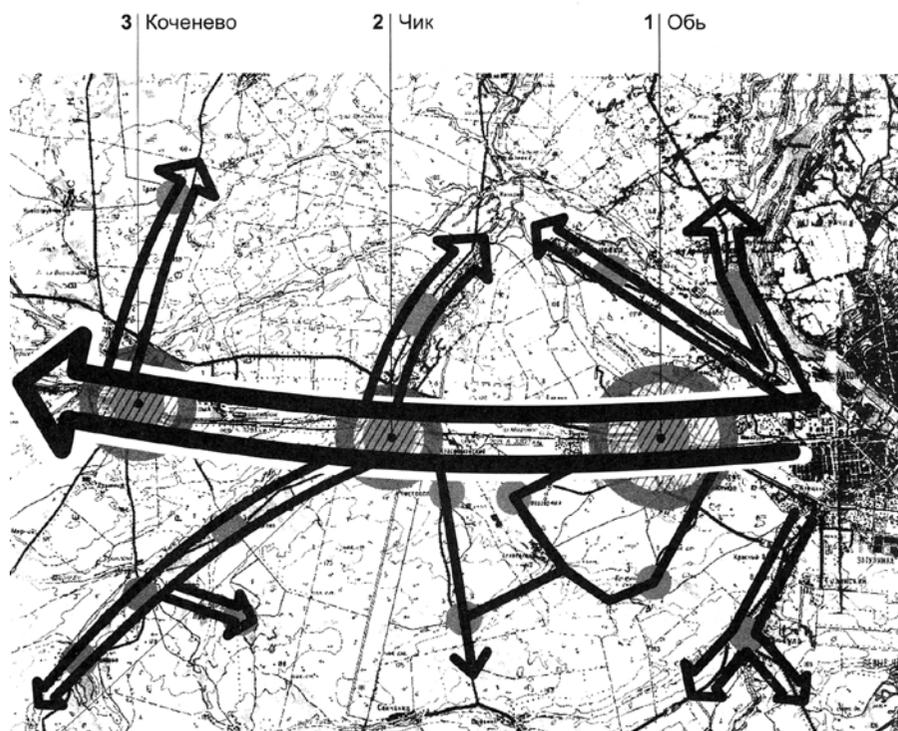
было неоправданным (с. 54). Вполне логичным выглядит прослеженная в рукописи господствовавшая десятилетия идеология «города при заводе», обернувшаяся «поселками городского типа», образно говоря, «индустриальными деревнями», социальные, культурные и, в конечном счете, политические последствия которых еще только предстоит осмыслить и преодолеть.

В монографии на сопоставлении агломераций различного уровня развития – Московской и Новосибирской – показана специфика распределения маятниковых мигрантов в пространстве крупнейшего города. Обращается внимание на низкий уровень задействования на периферии местных центральных пространств в городах с расчлененной структурой, к которым относится Новосибирск. И если в городах типа Москвы с компактной пространственной структурой (при всех ее размерах) в центральной части оседает около половины опрошенных, то в Новосибирске эта доля превышает три четверти опрошенных (см., например: Коган Л.Б. Урбанизация, глобализация и городская политика // Городское управление. 2007. № 12. С. 8).

Я полагаю, что рукопись монографии А.Н. Клевакина «Сибирский город в эпоху перемен» представляет собой глубокую научную работу, выношенную в течение многих лет собственных натуральных исследований и обследований процессов жизнедеятельности городов Сибири, обобщения их опыта на базе концепции современного осмысления процесса урбанизации, что совсем не часто встречается в современной отечественной научной литературе по городам.

Уверен, что публикация настоящей монографии будет с интересом встречена не только научной общественностью, но и всеми, кому небезразлична судьба такого важнейшего региона нашей страны, как Сибирь. Оценивая монографию в контексте исследовательского процесса и деятельности сообщества, разрабатывающего проблемы урбанографии и градостроительства в целом, считаю, что такого рода работы позволяют надеяться на воскрешение, а в дальнейшем и активизацию интеллектуальных усилий по восстановлению статуса темы городов в отечественной науке.

Леонид Коган

Государственное регулирование градостроительной деятельности в России¹ (Тезисы докладной записки в Министерство регионального развития РФ по докладу в Правительство Российской Федерации)

1. Государство в России – единственный «субъект», способный «удерживать» страну как целое. Никакие частные бизнес-структуры, никакие национальные корпорации, никакие «операторы мировой экономики» не способны к воплощению подлинно государственного мышления и подлинного государственного подхода в развитии России.

2. «Градостроительство» – единственная дисциплина, которая способна обеспечить деятельность государственного управления комплексным системным знанием. Потому, что ТОЛЬКО градостроительство умеет осуществлять системную оценку разных факторов использования территории и природных ресурсов: взаимосвязанного размещения промышленности и мест добычи, переработки и транспортировки сырья, формирования инфраструктур и т.п.

И, что самое главное, ТОЛЬКО градостроительство умеет делать проекты, которые позволяют за счет принудительных мер удерживать человека там, где он нужен для осуществления общегосударственных стратегий и программ. Прежде всего, благодаря созданию такого качества искусственной среды обитания, которое способно исправлять негативные условия природного и социального окружения.

Градостроительство – и в России, и во всех других странах – это единственная дисциплина, которая умеет находить балансы между общественными и частными интересами, отраслевыми интересами, размерами производства, потенциалом природного окружения, типами жилья, расстоянием до места работы, транспортом, потребностями в учебе, отдыхе, историческом окружении, традициях, культуре места и т.п. Причем, делать это, воплощая государственные интересы.

3. В современных условиях государство должно усилить практическое присутствие

градостроительного знания и градостроительного проектирования как в повседневной деятельности правительства, так и в его стратегических решениях. При этом оставляя за собой лишь регулирующие и контролирующие функции.

Сегодня четко выражены две точки зрения на роль государства в управлении градостроительными процессами на отдельных фрагментах территории и глобальными процессами расселения по стране в целом.

Первая («сверху»), сформированная в советской системе централизованного управления. В ее рамках и чиновники от архитектуры, и проектировщики-градостроители убеждены, что генеральный план – это главный и единственный документ, обеспечивающий эффективность развития. Так было в советское время, в условиях планового хозяйства и государственной собственности на землю, когда государственные финансы были единственной экономической основой городского развития. И хотя мы знаем, что в советский период генеральные планы очень редко реализовывались даже в главных своих положениях, однако общество до сих пор верит мифу о «могуществе генерального плана», поддерживаемому отечественными градостроителями – только дайте денег, мы сделаем замечательные проекты, и управление сразу же станет эффективным!

Вторая («снизу»), основы которой заложены в Градостроительном кодексе и ряде согласованных с ним законов, несет представление о документах территориального развития как в выражении инициатив снизу – от местных самоуправлений и частного бизнеса. Она учитывает условия, когда главным средством городского развития становятся не государственные финансы, как раньше, а частный бизнес, естественное стремление собственников нарастить и защитить стоимость своего имущества, а девелоперов

– максимизировать прибыль. И хотя мы знаем, что сегодня уровень самоорганизации и самоуправления в обществе невысок, мы уверены, что демократические институты должны развиваться, совершенствоваться и играть определяющую роль в развитии территорий.

4. В современных условиях государство должно обеспечить превращение документов территориального планирования в средство муниципального, регионального и федерального управления.

Развитие городов и территорий в России (как и в других странах с многоукладной собственностью и рыночными отношениями) принципиально не может формироваться традиционными строительными «генпланами» и «государственными планами отраслевого социально-экономического развития».

Развитие территорий основывается сегодня на возникновении множества разнотипных и разнохарактерных объектов собственности и инвестирования (недвижимость, земля, элементы инфраструктуры, услуги, средства производства и т.п.) – независимых и не подлежащих жесткому планированию свыше.

Развитие территорий основывается сегодня на «самостоятельности городской власти», опирающейся на «особую муниципальную собственность и права самоуправления». В этой системе развитие города и уровень жизни в нем определяются, прежде всего, усилиями городской власти и деятельностью населения, а также активностью независимых собственников (при наличии разнообразия форм собственности на территории).

Градостроительная деятельность в этих условиях является всего лишь одной из форм деятельности и учета интересов инвесторов. А составление планов развития в «проектах планировки» прежде всего сосредотачивается на «стратегии развития будущего», основанной на

учете реальных возможностей настоящего.

В интересах привлечения инвестиций, принцип «функционального зонирования» уступает место «правовому зонированию», формируемому совокупностью ограничений и поощрений на отдельных участках, стимулирующему деятельность независимых собственников на территории с учетом интересов городской общины.

5. Необходима разработка «прозрачных» процедур принятия градостроительных решений; необходимо на государственном уровне добиваться их практического воплощения. В современных законодательных документах градостроительная деятельность представлена как единство правового зонирования, регулирования и планирования:

– Правовое зонирование определяет текущие, сегодняшние права собственников и инвесторов на использование и развитие принадлежащих им земельных участков и иной недвижимости, снимает конфликты между соседствующими собственниками и хозяйствующими субъектами (при этом оно призвано обеспечивать баланс частных и общественных интересов, ограничивать вводимыми градостроительными регламентами безудержное стремление к наживе, поддерживать качественный уровень публичных пространств, учитывать будущие потребности местного сообщества, зафиксированные в генеральном плане и т.п.).

– Правила землепользования и застройки представляют промежуточное состояние между сегодняшним и перспективным использованием участков, задают желательное их развитие, фиксируют тенденции, привлекающие для девелоперов и полезные для перспективного развития города в целом – регулируют развитие территории.

– Планирование (разработка генерального плана) решает перспективные задачи фор-

1. Подготовлено при финансовой поддержке гранта ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» по теме: «Государственное регулирование градостроительной деятельности в России», б/н., 2009; а также Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офиц. 2009–2010.

мирования города, городской среды, задает ориентиры событий, отдаленных во времени.

Государственное регулирование градостроительной деятельности должно заключаться не в нормировании объекта проектирования, а в законодательном обеспечении «прозрачности» процедур принятия любых градостроительных решений, позволяющих всем «субъектам» городского развития (общественности, частному бизнесу, муниципальной администрации, субъекту Федерации, федеральной власти и т.п.) отстаивать свои интересы и добиваться баланса в разнонаправленных предпочтениях и интересах.

Необходимо законодательно кардинально усовершенствовать процедуры разработки, согласования и утверждения документов территориального планирования.

6. Необходим государственный орган, обеспечивающий «прозрачность» процедуры и содержательных оснований разработки любых градостроительных решений и тем самым обеспечивающий воплощение государственного регулирования в градостроительном развитии России.

Федеральное агентство по территориальному планированию
– Государство не должно решать градостроительных

проблем. Это задача местного самоуправления, органов власти субъектов Федерации.

– Государство не должно вмешиваться в градостроительство как сферу деятельности и брать на себя заботу о качестве проектов. Это – зона ответственности частного проектного бизнеса.

– Государство не должно разрабатывать параметры оценки качества содержания градостроительной документации, добиваясь того, чтобы качество проектов было результатом конкуренции между проектировщиками.

Государство должно выступать «оператором развития» – создавать законо-

дательные условия для того, чтобы конкуренция в сфере градостроительства привела к повышению качества работы, а не к стяжательству и выхолащиванию содержания; чтобы обеспечивался баланс между частными и общественными интересами; чтобы принимаемые на местах решения согласовывались со стратегическими задачами развития страны, чтобы каждому «субъекту» градостроительного развития законодательно обеспечивались условия для свободного участия в градоформирующей деятельности.

Марк Меерович

Территориально-промышленное развитие СССР¹

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010. На основе материалов стратегического семинара «Разработка моделей управления развитием моногородов в условиях кризиса на примере г. Байкальска» (16–18 окт. 2009 г.).

Территориальное размещение промышленности и неразрывно связанная с ним расселенческая, градостроительная и жилищная политика, выработанная в период 1917–1929 годов, а затем последовательно и неуклонно советской властью, были уникальными, потому что не имели цивилизационных прецедентов. Они основывались на ранее совершенно невозможном решении – передать отдельные сферы деятельности и связанные с их реализацией крупные фрагменты территории страны в исключительное и безраздельное распоряжение «государственным хозяйствующим субъектам».

До этого во всей предыдущей истории человечества ничего подобного никогда не существовало. В любом другом государстве мира, в том числе и в дореволюционной России, «субъектами» развития территории выступали: а) активные люди, преследовавшие собственные цели обогащения и осуществлявшие так называемый «частный бизнес»; б) крупные промышленные, торговые и прочие структуры; в) сообщества жителей на местах; г) добровольные временные объединения людей в форме «кооперативов» для совместного решения самого широкого круга вопросов (пропитания, бизнеса, жилищного строительства, промышленного производства и проч.); д) определенную роль играла

церковь, традиционно владевшая значительными наделами земли и осуществлявшая попечение за организацией на этой земле хозяйства.

Каждый из этих «субъектов» выполнял свою «нишу» в осуществлении градоформирующей деятельности:

– частный бизнес (индивидуальное предпринимательство) до революции активно реализовал сферу городских услуг (мелкая розничная торговля, городской транспорт, прачечные, бани, рестораны, кафе, парикмахерские, фотомастерские, булочные, винные и продуктовые лавки и т.п.);

– крупный капитал (крупные промышленные фирмы, большие коллективы) не только возводил фабрики и заводы, но и обеспечивал условия для проживания рабочих и служащих, трудящихся на этих заводах и фабриках, то есть строил жильё, рабочие казармы, целые поселения для семей заводских рабочих;

– местные городские самоуправления (городские думы) выражали потребности и пожелания горожан в благоустройстве городской среды, в новом общественном и частном строительстве и осуществляли текущую деятельность управления городами, а также перспективное планирование городского развития;

– огромные по мощи кооперативные движения (жилищные товарищества, продуктовая кооперация и

т.п.) действовали в различных сферах хозяйства и обеспечивали неимущему населению возможность выступать «коллективным субъектом» инициатив по формированию городской среды;

– церковь, владея земельными и водными угодьями, попечительствовала о наиболее эффективном их использовании, так как поступающая с них прибыль была основой ее финансового благополучия.

Роль государства в дореволюционный период состояла лишь в том, чтобы регулировать интересы этих «субъектов»; законодательно стимулировать их инициативы; обеспечивать баланс частных и общественных интересов; создавать условия для того, чтобы «все были довольны». Что оно (более или менее успешно) и делало.

Советская власть отвергла все иные механизмы управления, кроме государственного, первыми же своими декретами отменив частную собственность на землю и недвижимость; национализировав фабрики и заводы; муниципализировав всю землю, присвоив себе право распоряжаться всем жилым фондом во всех мало-мальски значимых поселениях (с количеством населения более 10 тыс. человек), лишив людей права передавать недвижимость по наследству и т.п. То есть, забрав в свои руки все рычаги управления городами.

Все прежние «субъекты» развития жизни и деятельности, к условиям нового политического строя категорически не подходили. Ни теоретически, ни практически:

– частный бизнес (индивидуальное предпринимательство) был отвергнут, так как противоречил идее планового развития экономики и централизованного управления;

– по той же причине было уничтожено и местное самоуправление, так как уже к 1923 году оказалось, что Советы на местах, которым поначалу было отдано немало власти (и которым советовали «брать столько территории, сколько они смогут управиться ...»), так сильно «тянули одеяло на себя», что реально разрушали целостность страны (например, за счет того что устанавливали таможенные пошлины на границах своих губерний и волостей, задерживали и реквизировали транзитные грузы товаров и топлива, запрещали продавать за границы своих регионов и отправлять в голодающий центр хлеб и иное продовольствие и т.п.) Именно поэтому органы местного самоуправления (Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) центральной власти были очень быстро лишены самостоятельности и превращены лишь в «декоративные» органы управления;

– капитализм – в виде крупных промышленных

и транспортных кампаний – был уничтожен, так как это являлось главной целью совершения пролетарской революции (в ее марксистской трактовке);

– деятельность церкви была фактически запрещена, а все принадлежавшие ей земли национализированы;

– кооперативному движению наиболее повезло: советская власть, разрешая потребительскую кооперацию для того, чтобы хоть как-то прокормить страну (за счет привычной людям личной инициативы и предпринимательства), невольно создала законодательные условия для возрождения жилищных кооперативов. В дореволюционное время они довольно успешно решали жилищную проблему для многих малоимущих россиян. Жилищные кооперативы были своеобразны и самостоятельны и также мешали централизации, поэтому власть боролась и боролась с ними, пытаясь обуздать их и всецело подчинить себе.

То есть уничтоженными оказались все «субъекты», ранее, в той или иной степени, осуществившие освоение и развитие городских поселений.

Советское государство превратилось в единственное «лицо», решающее что, где и зачем строить; в единственный источник финансирования нового строительства; в единственного субъекта, обладающего правом представлять тем, кто трудится крышу над головой; в единственного «оператора» развития страны в целом.

И тут же встал ключевой вопрос: а кто все это должен практически осуществлять? Кто может стать реализатором государственных планов, послушным, но волевым исполнителем команд сверху в условиях, когда у государства не осталось «субъектов», на которых можно было бы опереться в реальной повседневной организационно-управленческой и реализационной работе по освоению новых территорий, поддержанию и развитию урбанизации? А именно «урбанизация» в политике большевиков была определена как стратегическая цель, потому что основоположники разработали и завещали теоретическое учение о пролетариате как об единственном «агенте исто-

рического развития», а крупный российский пролетариат, согласно трудам В.И. Ленина, мог развиваться лишь в условиях «концентрации производства», неразрывно связанного с концентрацией населения.

Представления большевиков о территориально-промышленном развитии России изначально основывались на нескольких постулатах:

1) безусловном приоритете развития современной военной-промышленной индустрии (уже в те годы было понятно, что военная индустрия способна инициировать развитие всех прочих сфер промышленного и гражданского производства); 2) расширении добычи, использования и экспорта природных ресурсов (в частности, для того, чтобы было чем рассчитываться с зарубежными торговыми партнерами и для того, чтобы сделать Европу зависимой от нашего сырья); 3) развитию транспортной структуры страны (жизненно необходимым для обеспечения связности и, как следствие, защиты ее территории).

Кто был способен осуществлять от имени государства подобные задачи? Кто был способен осуществлять общестрановую повседневную организационно-управленческую и реализационную работу?

Определяя такого «субъекта», большевики использовали тот опыт, который достался им от царской системы власти. Только абсолютизировали его. «Субъектами», призванными от имени государства осуществлять развитие страны, были определены такие органы государственного аппарата, как «народные комиссариаты». По сути дела, это те же бывшие «министерства», которые в дореволюционный период тоже осуществляли самостоятельную деятельность: строительную, проектную, колонизационную, освоенческую и проч. Правда, советской властью они были кардинально реформированы и по характеру подчинения, и по кадровому составу, и по списку решаемых задач...

Советская власть превратила народные комиссариаты в главные органы осуществления государственной политики, в основного и единственного государственного «субъекта» развития

страны. Она укрупнила их, объединив основные промышленные наркоматы в «объемлющий комиссариат» – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Ему и было передано управление всем новым промышленным (прежде всего, военно-промышленным) строительством, а также связанным с ним гражданским строительством.

Кроме того, власть в структуре другого народного комиссариата (НКВД) создала еще один орган – Главное управление коммунального хозяйства НКВД. Ему было поручено распоряжаться всем жилым фондом и всей коммунальной инфраструктурой в существующих городах, а также городской инфраструктурой возводимых соцгородов-новостроек («после их сдачи в эксплуатацию»).

Чуть позже к ним присоединяется еще один общегосударственный «субъект» – Главное управление лагерей (ГУЛАГ), которому была вверена: ресурсо-добыча и первичная переработка сырья, строительство к этим местам транспортных коммуникаций и первичное освоение необжитых территорий.

Этим трем государственным «субъектам» и поручается обеспечивать расселение и жилищное обустройство подвластных им контингентов людей, осуществлять общегосударственное планирование и распределение средств, контролировать их использование и обеспечивать взаимосвязанное возведение производства и жилья, необходимого для размещения сначала строительных рабо-

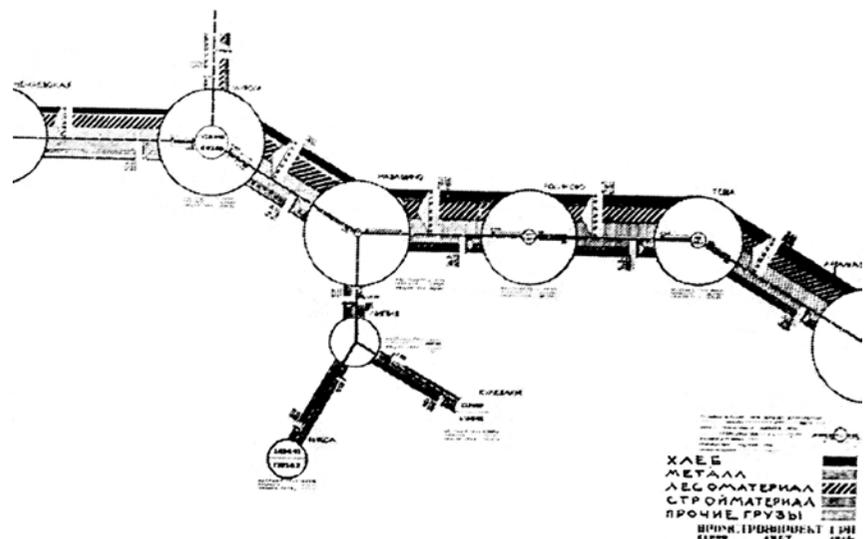
чих, а потом постоянных кадров промышленности.

Благодаря подобному «кадровому назначению» в одних руках сосредотачивается и ответственность за выполнение планов, и комплекс средств их выполнения (в который люди, территория и инфраструктуры входят как основные «ресурсы»), и финансовые возможности, и технологии, и т.д. В условиях концентрации всех сил и средств на развертывание мощнейшего военно-промышленного комплекса, в условиях формирования единого начала, жесткой исполнительной дисциплины, персональной ответственности «красных директоров» и т.п., подобное решение действительно оказывается наиболее простым и эффективным.

Именно эти «субъекты», воплощая государственные цели, начинают выступать распорядителями государственных финансов, трудовых ресурсов и материальных фондов, направляемых в строительство заводов-гигантов и поселений при них. И именно они (прежде всего, ВСНХ, осуществляющий военно-промышленное строительство) определяют в СССР пространственно-территориальное размещение промышленности, транспорта, энергетики и, как следствие, расселения людей.

На характер пространственной организации размещения промышленности в СССР, огромное влияние оказывают: а) необходимость возведения промышленности ближе к местам залегающих природных ископаемых, так

Рис. 1. Грузопотоки «цепочки» кооперированных промышленных предприятий промышленного района Выкса-Кулебаки

ПРОМРАЙОН ВЫКСА-КУЛЕБАКИ

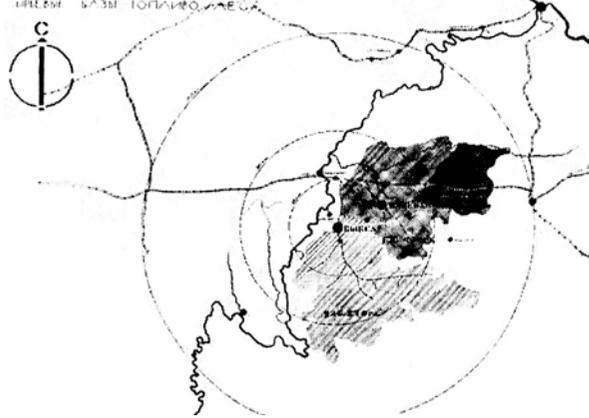
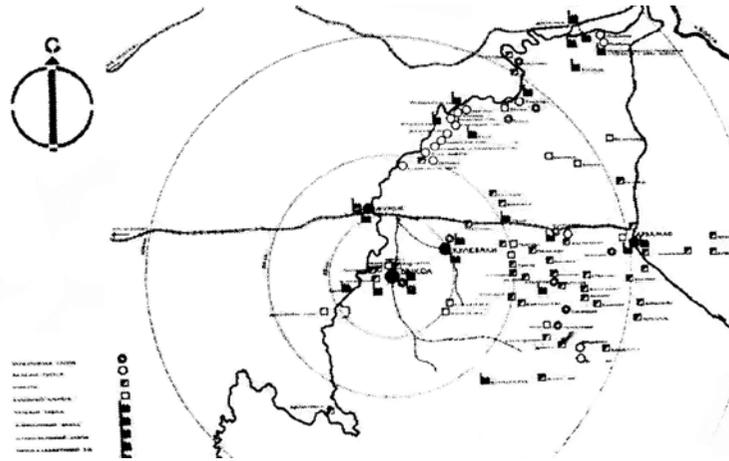

Рис. 2. Сырьевые базы (топливо, лес) промышленного района Выкса-Кулебаки

Рис. 3. Сырье и производственные базы стройматериалов промышленного района Выкса-Кулебаки

как в условиях неразвитой транспортной сети, возить готовую продукцию оказывается значительно проще и дешевле, чем перемещать огромные массы сырья, б) необходимость размещения объектов советского военно-промышленного комплекса вне пределов досягаемости авиации вероятного противника (то есть как можно дальше за Урал, в Сибирь, на север), в) необходимость обеспечения такой организации производства валового национального продукта, при котором она была бы единой цепочкой функционирования кооперированных промышленных предприятий (потому, что централизованно советская власть умеет управлять только такого типа структурами. Ни рассредоточенными

пролетарскими массами, не дисперсным промышленным производством она руководить не умеет...) (рис. 1).
Следует отметить, что на характер пространственного размещения промышленности (и в годы Советского Союза, и сейчас), на характер организации расселения, неразрывно связанного с промышленностью, огромное влияние оказывали (и продолжают оказывать) геополитические особенности страны: огромная линейно ориентированная территория; значительная неравномерность распределения коренного населения; климатические условия, неблагоприятные для многих видов деятельности; специфика территориального размещения природных ископаемых; поясной, очень неоднородный характер освоения территорий; различная степень очагового характера индустриального освоения территорий и многие иные черты.

Все планирование, которое осуществляет ВСНХ изначально основывается на «отраслевой модели», то есть именно «отрасли производства» (тракторостроение, самолетостроение, судостроение, химическая, резиновая промышленность, металлургия и т.п.) разрабатывают перспективные планы развития своих направлений деятельности и осуществляют «районирование промышленности», то есть предлагают размещение предприятий в тех или иных местах; исходя из этого, определяют направление и мощность транспортных коммуникаций к этим предприятиям; размещают связанные с ними источники энергии, устанавли-

вают объемы перемещения в эти места трудовых ресурсов для сосредоточения их здесь в строго определенном количестве.

Причем концептуально осуществляемое советской властью размещение промышленности кардинально отличается от «капиталистического»:

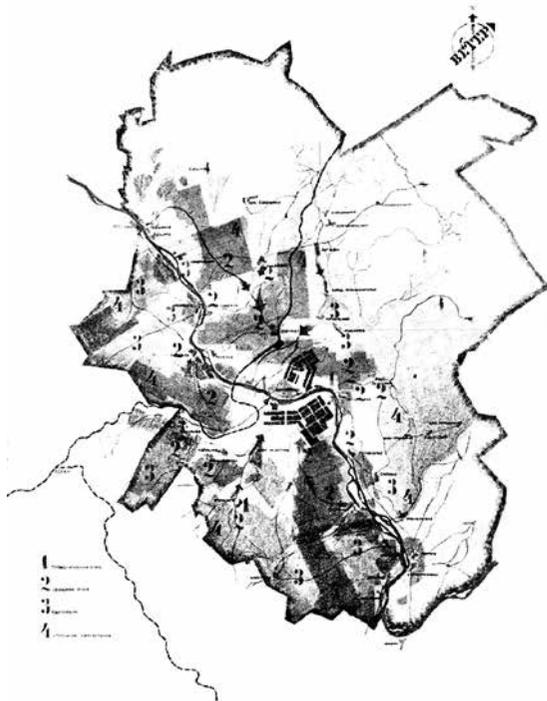
- капитализм неразрывно связан с отделением города от деревни; социализм – со «стиранием границ между городом и деревней»;
- при капитализме отдельные отрасли производства (в результате территориального разделения труда) прикрепляются к отдельным областям страны; при социализме отдельные районы не должны специализироваться по какой-нибудь одной отрасли промышленности либо земледелия, так как это может придать им излишнюю «независимость»;
- при капитализме размещение нового производства тяготеет к сосредоточению рабочей силы, сконцентрированной в крупных городах; при социализме, наоборот, новые промышленные центры предлагается строить подле мест добычи и переработки сырья, и здесь же следует возводить новые поселения, и сюда же следует перемещать новые трудовые ресурсы (рис. 2, 3). Советская власть сознательно отказывается от выявленной капиталистическими экономистами закономерности приближения производств к местам расположения дешевой рабочей силы. Формируя новый цивилизационный порядок, она принимает установку на искусственное формирование контингентов дешевой рабо-

чей силы с принудительным перемещением ее в те места, где в ней есть потребность.

В конце 1930-х годов теоретически разработаны принципы размещения советской промышленности, которые предписывают формировать целостные хозяйственно-производственные единицы, включающие в себя: а) промышленное «ядро» с пролетарским населением и партийно-хозяйственной управленческой надстройкой, обеспечивающей руководство производственным процессом; б) все «объекты», данный процесс обеспечивающие, – прилегающие сырьевые районы; транспортные структуры, энергетические мощности; в) ареалы привязанного к индустриальному производству окружающего сельскохозяйственного населения, обеспечивающего город продуктами питания, а обратно получающего промышленные товары и услуги по ремонту техники (кстати, именно этот баланс именовался в советской идеологии «стиранием противоположности между городом и деревней») (рис. 4); г) зону локальной распределительной системы вещей и продуктов; г) единую систему медицинского, культурного, просвещенческого и тому подобного обслуживания.

В соответствии с этими принципами становится крайне важно обеспечить «строго посчитанное количество населения» – ровно столько, сколько требуется для функционирования промышленности. Поселить подле фабрики или завода «потребную численность населения»: во-первых, пролетарского (занятого на градообразующем

Рис. 4. Соцгород Кемерово. Ареалы «привязанного» к городу сельскохозяйственного производства. Промстройпроект НКТП СССР (ориентировочно 1932–1933 гг.)

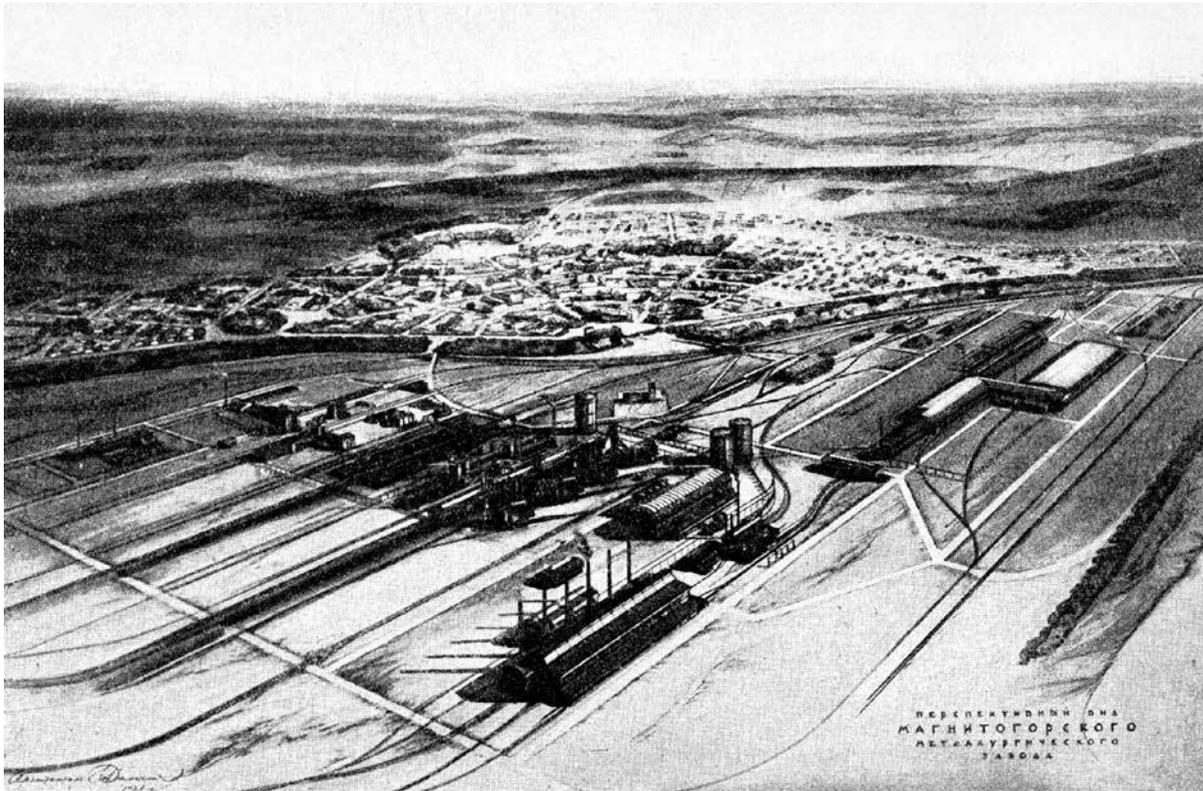

Рис. 5. Соцгород – поселение при производстве. Проект города Магнитогорска при Магнитогорском металлургическом заводе. 1928 г. Перспектива, рис. Б.В. Данчич

предприятию) и, во-вторых, сельскохозяйственного (обеспечивающего город едой). Не больше и не меньше, а в строго определенном количестве и изначально заданного «качества» (в соответствии с отраслевой направленностью производства). Потому, что никто не собирается просто так кормить избыточное население. Поселение превращается в «селитбу при промышленности» (рис. 5).

Для расчета этого «количества и качества» в советской теории расселения разрабатывается, так называемый, метод «трудового баланса».

«Метод трудового баланса» основывался на марксистско-ленинской теории. В частности, на твердой убежденности в том, что хозяйственные системы должны быть организованы искусственно, сознательно, за счет определенных знаний, а не сами собой под воздействием стихийных, «экономических», «товарно-денежных» отношений.

Причем теоретики марксизма распространили этот принцип не только на деятельность, но и на жизнь, рассматривая ее как «обслуживающую» процессы производства, как искусственно организуемую с целью «восстановления сил трудящихся для полноценного

отправления обязательной трудовой повинности». Даже специальный термин стали употреблять для обозначения этого «единства» производственной деятельности и организуемой при ней жизни – «жизнедеятельность».

Все неконтролируемые проявления жизни должны были быть исключены. Расписывалось и регламентировалось даже свободное время: «ничегонеделание» должно было заменяться обязательными занятиями – спортом, кружками, наукой и т.п.

Население о таких теоретических представлениях ничего не знало. Но было очевидно, что особого восторга от такой предлагаемой ему «жизни», в большинстве своем, оно испытывать не станет. Поэтому его ждала «социально-культурная переработка».

Первый шаг на пути преобразования населения под «жизнедеятельность» состоял в том, что насильственно была изменена социальная структура общества: вместо «мещан», «помещиков», «дворян», «купцов», «офицеров», «буржуев» (т.е. владельцев фабрик и заводов) и многих других различных понятий, за каждым из которых стоял довольно специфичный образ жизни, стиль поведения, характер службы или работы, способ времяпреп-

рождения, смыслы существования, амбиции и т.п., были сформированы совершенно иные: «совслужащий», «партиец», «высокий партиец», «красный директор», «комсомолец», «пионер», «потомственный пролетарий» и др.

В этой новой структуре даже те понятия, которые попадали по названию с дореволюционными: «рабочий», «крестьянин», «интеллигент» – обрели совершенно иное содержание. Потому, что большевики поставили перед собой и успешно достигли цель создания такого типа человека, для которого образ жизни, унаследованный от прошлого, утрачивал всякое значение: «советская современность категорически отрицала прошлое».

Этот новый тип человека должен был быть постоянно открыт для принятия новых форм коллективного сосуществования, должен был быть способен принимать новый стиль трудового поведения, готов был занимать места в совершенно по-новому сформированных производственных структурах и неразрывно связанных с ними процессах повседневности и прилагать усилия, чтобы постоянно обновлять их.

Цель «создания нового человека» во многом была

вызвана негативным отношением теоретиков большевизма к традиционному укладу труда российского пролетариата, общинному способу сосуществования людей (причем не только в деревне, но в городах – в рабочих казармах фабрик и заводов), а в целом, к менталитету русского народа, которого, по мнению вождя большевизма, необходимо было постоянно принуждать к требуемой трудовой и социальной организации.

Основным средством для выработки новых психофизических черт населения должна была стать производственно-бытовая среда. И она осознанно начинает превращаться большевиками в механизм дисциплинирования, принуждения и самопреобразования. И тотчас же возникают серьезные трудности, потому что люди стремятся выскользнуть из-под внешнего прессинга. Они не желают дисциплинироваться. Не хотят меняться. Не рвутся вырабатывать в себе «нового человека». Они пьют, прогуливают, лодырничают и лаботоряничают. Бросают работу. Пытаются обеспечить себя пропитанием другими (подчас незаконными) способами. Нужно накрепко привязать их к месту предполагаемой «социально-культурной переработки», к месту труда.

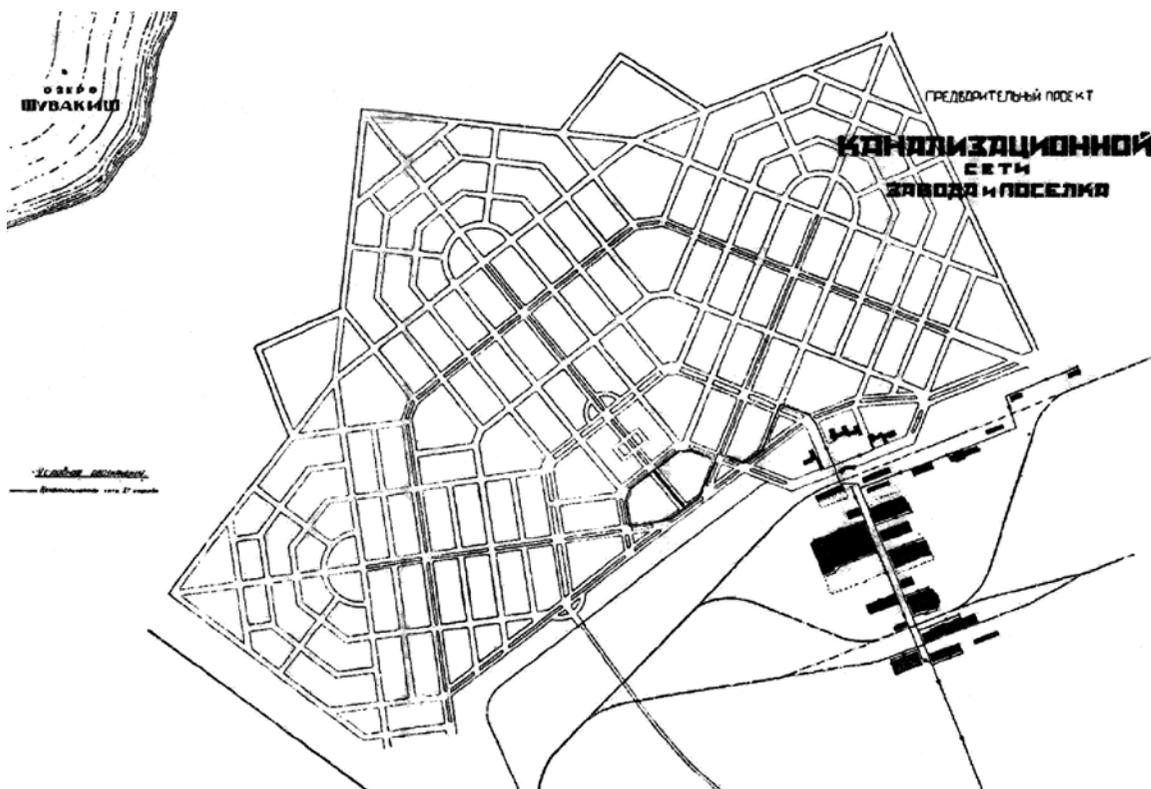

Рис. 6. Единая канализационная сеть для Уральского машиностроительного завода в Свердловске и поселка при нем с расположением всех технических систем на территории завода (проект, 1927 г.)

2. Законодательство того времени включает в этот список: «...а) денежную плату; б) квартиру, отопление, освещение, водопровод; в) предметы продовольствия и потребления; г) производственную одежду, внеплановые выдачи и т.п.; д) парикмахерские, бани, театр; е) продукты с огородов и советских хозяйств; ж) осуществление предприятиями и учреждениями затрат по организации быта и прочие услуги, предоставляемые коммунальными отделами; з) средства передвижения (билеты по железным дорогам, выделение по месту работы, в случае надобности, грузовых автомобилей, оплата проезда к месту работы на трамвае и проч.); и) семейные папки и другие дополнения к заработной плате, выдаваемые по месту работы семьям рабочих и служащих» (СУ РСФСР. 1921. Отдел первый. № 67. Ст. 513. С. 629).

Роль привязки человека к производству начинает играть дефицит жилья и единственный способ его получения путем распределения из государственного фонда. Центром, ядром распределения жилья и всего того, что составляет «прожиточный минимум» становится место работы. Именно администрация завода или учреждения осуществляет распределение жилья, продуктов питания, вещей и проч. И это вынуждает людей держаться за место работы и терпеть все, что связано с пребыванием в качестве члена «трудо-бытового коллектива».

Для расчета потребной численности населения, которое нужно завезти для обслуживания возводимого промышленного объекта, вместо спектра новых понятий: «совслужащий», «партиец», «красный директор», «пролетарий», «комсомолец» и др. — вводится упрощенный теоретический показатель — «рабочий».

Расчет численности населения нового города по «методу трудового баланса» состоит в следующем: в соответствии с точно известным количеством трудовых рук, занятых в основном производственном процессе — на возводимой фабрике или заводе, определяется «потребное количество

рабочих». Затем это число умножалось на статистически установленный «коэффициент семейности» и в результате умножения получается общая «численность жителей соцпоселения». Жены рабочих должны либо работать здесь же на производстве во вспомогательных службах, либо трудиться на объектах городского обслуживания. Дети — учиться в школах рабочей молодежи, готовясь к пополнению рядов пролетариата и обслуживающего персонала. А ветераны труда — вести воспитательную, учебную и просветительскую работу. Позже в эту формулу вводятся уточняющие показатели, учитывающие процент численности заводской и городской администрации, а также численность размещаемых в городе контингентов силовых структур.

Предприятие, ради которого и создается данное поселение, получает наименование «градообразующего», потому что именно оно является целью образования здесь новой селитбы, смыслом существования размещаемых здесь людей. Место работы превращается в главный источник укорененности людей в жизни. Оно выполняет следующие функции: а) распределение среди трудящихся на нем и членов их семей средств к

существованию (начисление заработной платы, предоставление жилья из государственных фондов, продуктовое и вещевое снабжение); б) предоставление социальных благ (детский сад, поликлиника, санаторий, турбаза и т.д.); в) организацию досуга; г) наделяние привилегиями (поощрение жилищем улучшенного качества или увеличенной площади, получение улучшенных продовольственных пайков, персонального автомобиля и проч.); д) формирование отношений между людьми на основе включенности в социальные группы внутри организаций и т.д.²

Если в городе находится одно «градообразующее» предприятие, то оно существует как «монофункциональный город». При этом, как правило, все инженерные системы обеспечения функционирования города — теплоснабжение, энергоснабжение, водоснабжение, канализование и т.п. — сооружаются, как продолжение инженерной инфраструктуры предприятия и содержатся им (рис. 6).

Управление такими городами «при промышленности» осуществлялось за счет распределения средств из рук центра через отраслевое ведомство, содержащее соцгород. Руководство градообразу-

ющего предприятия оказывало огромное «неформальное» влияние на местную власть, так как через него ведомство осуществляло дополнительную подпитку города финансами, ресурсами, строительными мощностями, во многом содержало медицину, культуру, спорт, сферу отдыха и досуга. Функция местной власти в монофункциональном городе сводилась лишь к исполнению директив свыше — со стороны районного и областного начальства и выключиванию дополнительных средств от руководства градообразующего предприятия.

В последующие годы практически ничего не поменялось ни в теории, ни в практике «отраслевого» подхода к размещению промышленности, формированию системы расселения, к развитию страны в целом. Термин «соцгород» перестал использоваться в градостроительной теории примерно с 1950-х годов. Но при проектировании, строительстве, эксплуатации городов (особенно так называемых «отраслевых городов» или «монофункциональных городов») все годы, вплоть до самого недавнего времени, не переставали применяться принципы, сформированные в недрах советской системы.

Тот тип монофункциональных городов, которые создавались в нашей стране начиная с 1920-х годов, практически в неизменном виде существует и сегодня. Он не только составляет основу промышленного потенциала современной России, но и по-прежнему выступает финансово-экономическим базисом более чем для четверти населения страны. Сегодня страна находится в состоянии реформирования формата взаимодействия государственной, региональной и местной власти, а также корпораций для такой организации процессов жизнеобеспечения поселений при промышленности, которая освободила бы селитбу от зависимости от градообразующего предприятия. Если в результате этого освобождения удастся практически обеспечить независимое и самостоятельное функционирование и развитие социальной среды городов и поселков, у России появится дополнительный шанс в развитии.

Марк Меерович

16–18 октября 2009 года в городе Байкальске прошел стратегический семинар на тему «Разработка моделей управления развитием моногородов в условиях кризиса на примере г. Байкальска». В работе семинара приняли участие представители нескольких министерств, руководство Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, ученые Сибирского отделения РАН и московских академических научных институтов, представители областной администрации и местных органов власти, мелкого и крупного бизнеса, высшей школы, прикладной науки, сфер туризма и рекреации, специалисты-технологи, проектировщики, отечественные и иностранные эксперты и т.д.

Точки зрения на проблему Байкальска, который является типичным моногородом, и на дальнейшую судьбу БЦБК, вновь разделились: одни ратовали за скорейшее открытие комбината, видя в этом единственное спасение для города; другие – за окончательное и бесповоротное закрытие БЦБК, способное «освободить» горожан для самостоятельных решений в организации жизни и своего развития.

Предварительное решение, по результатам проведения семинара, принятое и озвученное заместителем министра промышленности и торговли РФ А.В. Дементьевым, – запустить комбинат с целью начать процедуру его банкротства, несколько обескуражило и тех, кто надеялся, что правительство возобновит постоянную деятельность БЦБК, и тех участников и экспертов, которые на протяжении трех дней активно выступали за полную и скорейшую ликвидацию комбината.

Ниже редакция помещает аналитические заключения экспертов – сторонников полного и окончательного закрытия комбината.

Моногорода России: проблемы и пути реформирования¹

Монопрофильные города на протяжении всего периода существования СССР являлись основой его экономики, так как были практическим воплощением отраслевых планов освоения природных ресурсов страны. Социальная среда моногородов формировалась в непосредственной связи с производственным циклом и до сих пор находится в этой зависимости.

Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 1994 года № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенности продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» определяет «градообразующее предприятие» как предприятие, на котором занято не менее 30% от общего числа работающих на предприятиях города (поселка), либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте (поселка). Некоторое расхождение в цифрах имеется с Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который признает «градообразующими организациями» те юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25% от численности всего трудоустроенного населения соответствующего населенного пункта.

На сегодняшний день примерно 400 соответствующих указанным признакам монофункциональных городов (без учета поселков

городского типа и закрытых административно-территориальных образований) концентрируют около 25% населения страны и вырабатывают около 40% суммарного ВРП Российской Федерации.

Примерно в 145 моногородах собственниками градообразующих предприятий являются крупные бизнес-группы и компании, региональные бизнес-структуры, естественные монополии. Это около 14% городов страны, в которых проживает 11 млн человек или 7,7% населения Российской Федерации.

Большая часть монопрофильных поселений образована при предприятиях лесной и деревообрабатывающей промышленности, машиностроения, топливной, пищевой промышленности, металлургии (рис. 1).

Несмотря на кардинальные изменения последних десятилетий в политическом, социальном, управленческом устройстве страны, моногорода до сих пор остаются в той же системе представлений и процессов, в которую они были включены при их создании².

В современной России представления о территориально-промышленном развитии продолжают основываться на тех же концептуальных постулатах, что и в советский период: 1) безусловном приоритете развития современной военно-промышленной индустрии (военная авиационная, судостроительная, космическая, промышленность рассматриваются как сферы деятельности, способные инициировать развитие

многих иных сфер промышленного и гражданского производства³); 2) расширении добычи, использования и экспорта природных ресурсов (в частности, для того чтобы было чем считываться с зарубежными торговыми партнерами и для того чтобы сделать Европу зависимой от нашего сырья); 3) развитии транспортной структуры страны (жизненно необходимой для обеспечения связности и, как следствие, защиты ее территории).

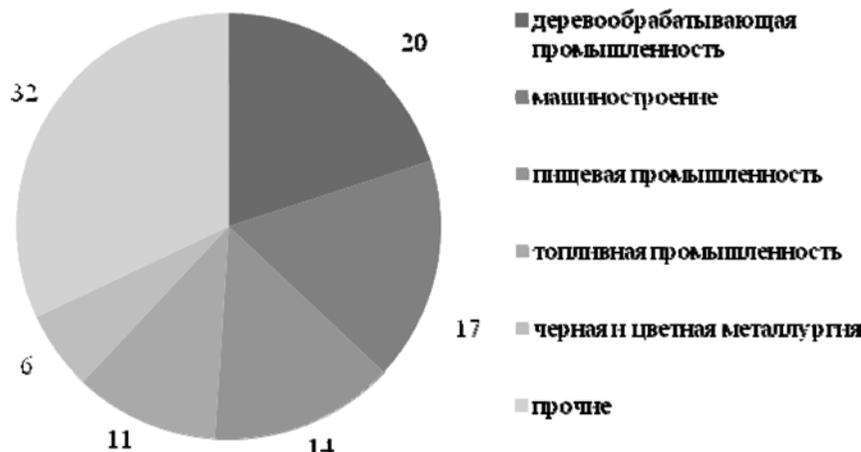
«Идеология индустриального освоения» до сих пор остается определяющей при решении вопросов о судьбе промышленного предприятия. Оно до сих пор выступает основным источником стабильности общества – дает работу и устойчивый источник средств для существования основному составу населения монофункционального города. Осуществляет первичную социальную организацию населения в трудовые коллективы. Продолжает попечительствовать о своих

сотрудниках «от детского сада до поминок», играя роль «социальной крыши». И эта функция, с точки зрения и населения, и местных властей, должна осуществляться даже в ущерб экономике. Поэтому сегодня в качестве главных доводов против закрытия градообразующих предприятий звучат, прежде всего, предостережения о грядущей «социальной напряженности», а не доводы в «экономической эффективности» или «востребованности продукции». Представители «идеологии индустриального освоения» убеждены в том, что даже убыточные предприятия должны быть всеми силами сохранены – за счет государственных дотаций, за счет налоговых и прочих преференций со стороны региональной власти, даже за счет таких мер, как временный отказ от жестких экологических ограничений на последствия их деятельности и т.п.

Никакие иные идеологии территориального развития, никакие иные

1. На основе материалов стратегического семинара «Разработка моделей управления развитием моногородов в условиях кризиса на примере г. Байкальска» (16–18 окт. 2009 г.).

Рис. 1. Отраслевая структура монопрофильных населенных пунктов Российской Федерации (%). По данным Института региональной политики (www.regionalistica.ru/files/2009/monogoroda_crysis.doc)

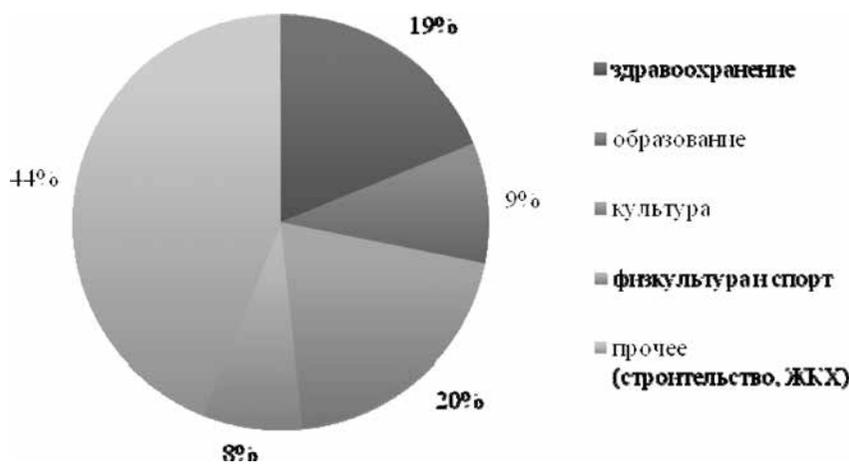

Рис. 2. Укрупненная классификация социальных расходов корпораций по поддержанию социальной сферы моногородов. По данным Института региональной политики (www.regionalistica.ru/files/2009/monogoroda_crysis.doc)

стратегии поддержания «жизни» до сих пор не принимаются в качестве основы управленческих решений. Индустриальная идеология добычи сырья и приоритет промышленного производства в создании материальных ценностей, как основной источник развития и богатства страны, не спешат уступать под натиском иной концептуально-теоретической и практической управленческой доктрины. Отвергается та стратегия развития стран и континентов, на которой основываются сегодня прогрессивно развивающиеся регионы. Иные приоритеты и иные источники денег – знания, информационные технологии, здоровье, услуги, лекарственные свойства природы и эстетические качества городской среды и т.п. не рассматриваются как достаточные для обеспечения существования населения. А любая индивидуальная предпринимательская деятельность вне государственных структур или крупных корпораций трактуется как «социально ненадежная» и считается постыдной.

Идеология «примата производства» продолжает оставаться главенствующей при определении перспектив существования поселений и крупных фрагментов территории. Какие-либо «непромышленные» стратегии отсутствуют, несмотря на то что они способны приносить в финансовый оборот города значительные суммы, так же как, например, популяризирует и активизирует финансовые потоки крупных городов студенчество

за счет своего пропитания, аренды жилья, ежедневных и сезонных покупок, затрат на проведение досуга и т.д.

Сегодня в хозяйственную и экономическую жизнь страны возвращены все отвергнутые советской властью «субъекты территориального развития»: а) частный бизнес, б) крупный капитал (в том числе так называемые «вертикально-интегрированные структуры»), в) добровольные объединения граждан в жилищные кооперативы и товарищества (в том числе товарищества собственников жилья), г) местное самоуправление. Продолжает присутствовать в нем и государство, но решительно отказавшись от своей роли единственного «оператора» развития страны.

В сегодняшней системе городского управления, развитие территорий перестало основываться на централизованных государственных планах. Оно опирается на существование множества разнотипных и разнохарактерных «объектов собственности» и инвестирования – недвижимость, земля, элементы инфраструктуры, услуги, средства производства, технологии, бальнеологические природные ресурсы и т.п., независимо используемых арендаторами или предпринимателями-собственниками и не подлежащих жесткому регулированию свыше.

Законодательно установлено, что развитие жилой среды поселений и уровень жизни в них сегодня основывается, прежде всего, на забытой за советское время «самостоятельности город-

ской власти», опирающейся на специфическую «муниципальную собственность и права самоуправления». Законодательство предусматривает также и активность местного населения.

Но подобное представление о «субъекте» развития поселений существует сегодня прежде всего лишь в форме идеологических призывов и в законодательном поле. Особенностью сегодняшней ситуации является тот факт, что в моногородах местная власть практически не выражает интересов населения. А представляет и отстаивает интересы исключительно руководства градообразующего предприятия, до сих пор соответствующего советской модели предприятия, «увешанного» социальными объектами и социальными обязательствами.

Причина в том, что и депутаты, и высшее руководство – органы исполнительной власти – зачастую являются выдвинутыми градообразующего промышленного предприятия (или даже непосредственно связаны с ним, в настоящем или прошлом являясь его работниками). Именно руководство градообразующего предприятия оказывает огромное «неформальное» влияние на местную власть. Потому, что еще до недавнего времени оно было способно осуществлять дополнительную подпитку города финансами, ресурсами, строительными мощностями и реально поддерживало городскую медицину, культуру, спорт и т.п. (рис. 2, 3).

До сих пор оно является главным источником наполнения местного бюджета (подчас до 80% бюджета города, как, например, ОАО «ГМК «Норильский Никель»; ОАО «Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение»; ОАО «Выксунский металлургический завод» и др.). В этих условиях становится совершенно невозможной разработка муниципальной властью каких-либо стратегий развития территорий, исходящих, например, из требований прекращения деятельности градообразующего предприятия или перепрофилирования.

Получив свои места и мандаты при финансовой и политической поддержке градообразующего предприятия, руководство города выражает одну единственную идеологию «промышленного приоритета» в существовании поселения и всеми силами отстает от необходимости дальнейшего функционирования производства, отвергая любую альтернативную идею. Как следствие, документы территориального планирования разрабатываются с опорой только лишь на стратегию дальнейшего функционирования градообразующего предприятия. Причем разрабатываются, как правило, организациями, которые в свое время проектировали градообразующий промышленный объект. Именно они «выигрывают» в тендерах, а затем воплощают на бумаге один единственный вариант – существование поселения при продолжающей работать производственной. В результате любые антикризисные меры, направленные на существование независимой от промышленного производства селитьбы, на обеспечение жизнедеятельности людей вне их связи с промышленностью, оказываются изначально рассогласованными с проектно разрабатываемыми, а затем законодательно утверждаемыми планами развития поселений.

Бесперебойное функционирование производства обеспечивает привычный режим работы муниципалитета: наполнение бюджета, эксплуатацию тех элементов инфраструктуры жизнеобеспечения селитьбы, которая «висит» на градообразующем предприятии, обеспечение привычной трудовой занятости населения и т.п. В условиях нарушения этого привычного режима, местная власть работать не умеет. И не желает принимать на себя ответственность и искать пути решения проблем, возникающих в условиях кризиса и закрытия градообразующего предприятия. Местная власть не умеет активизировать и направлять самодеятельность населения. Не видит в нем «субъекта» существования и развития

Направление	Тип расходов	Обязательные социальные гарантии	Уровень социально-политических рисков	Баллы
Образование и защита детства	Материальная помощь образовательным учреждениям (ремонт школ, покупка оборудования, учебных материалов)	3	2	5
	Материальная помощь муниципальным детским учреждениям (ремонт детских садов, покупка оборудования и т.п.)	3	2	5
	Защита детства – материальная помощь детским домам (ремонт детских домов, покупка оборудования)	2	1	3
	Поддержка творческих инициатив детей, одаренных детей (поддержка детских клубов, учреждений дополнительного образования)	1	1	2
Здравоохранение	Материальная помощь медицинским учреждениям (ремонт, строительство)	3	2	5
	Закупка оборудования, медикаментов	3	3	6
Физическая культура и спорт	Материальная помощь спортивным учреждениям (ремонт спортивных залов, стадионов и т.п. и закупка оборудования)	1	1	2
	Содержание спортивных команд, проведение городских и других соревнований, участие в соревнованиях и т.п.	1	1	2
	Поддержка работы спортивных секций для детей и подростков, детских спортивных площадок	1	3	4
Культура	Ремонт объектов культуры, оснащение оборудованием	1	1	2
	Финансирование культурно-массовых и городских мероприятий и праздников	1	2	3
	Поддержка детских и юношеских творческих секций, музыкальных занятий т.п.	2	2	4
	Индивидуальная/авторская поддержка (издание книг, участие творческих коллективов в мероприятиях)	1	1	2
Социальное обеспечение (материальная помощь физическим лицам)	Отдельные выплаты по письмам, просьбам и т.п.	1	1	2
	Материальная помощь ветеранам и пенсионерам (выплата дополнительных пенсий, премий, социальных выплат)	3	3	6
	Обеспечение подарками к праздникам – Новый год, День победы, День металлурга	1	1	2
Поддержка общественных и религиозных организаций	Финансирование деятельности и проектов некоммерческих организаций (профсоюзов, союзов ветеранов, молодежных организаций)	1	2	3
	Поддержка строительства церквей, обеспечение необходимым инвентарем приходов	1	1	2
Коммунальное хозяйство, благоустройство территории	Предоставление коммунальных услуг населению (финансирование задолженности)	3	3	6
	Ремонт и строительство городской инфраструктуры. Ремонт дорог, детских площадок, зон отдыха, строительство ледяных городков и т.п.	3	2	5
Транспорт, перевозки	Предоставление транспортных услуг (содержание автопарка, перевозка пассажиров в городской черте)	3	3	6
Прочие	Поддержка правоохранительных органов (УВД, РОВД, ГИБДД и т.п.), благотворительность	1	2	3

поселения, не умеет выявлять и выражать его интересы и не способна занимать позицию «справедливого арбитра» в поиске компромисса между стремлениями различных действующих на территории сил – частного мелкого бизнеса, крупного бизнеса, общественных организаций и движений, самодеятельного населения, региональной власти, собственника градообразующего предприятия и т.п.

В этой ситуации закрытие градообразующего предприятия однозначно оценивается муниципальной властью как катастрофа с единственным и неизбежным следствием – «социальным взрывом». Стратегически работать с ситуацией, рассматривая закрытие комбината как вызов в поиске нестандартных путей и способов соорганизации жителей, активизации инициатив населения, изменение характера инженерного устройства городской среды за счет локальных систем, развитие территорий и инженерной инфраструктуры с опорой на мелкий частный бизнес, формирования системы налоговых преференций для крупного «непромышленного» бизнеса, привлекаемого на территорию и т.п., местная власть не умеет. Ее позиция сводится к ожиданию финансовой подпитки со стороны федеральных властей либо осуществления «оздоровливающих» мероприятий региональной властью, либо действий собственника по возобновлению работы производства и возвращению ситуации в привычное русло.

Существование и развитие городов и территорий не может сегодня сводиться лишь к реализации строительных «генпланов» или «государственных планов отраслевого социально-экономического развития». Градоформирующая деятельность в современной России является одной из многих других форм деятельности, приводящих к улучшению и развитию среды обитания. Но при этом ключевой, потому что регулирует, предписывает, регламентирует характер использования земли и недвижимости. Причем таким образом, чтобы не только привлечь инвестиции и стимулировать деятельность различных независимых собственников, но обеспечить при этом сохранение ресурсного потенциала территории, а не сиюминутное, безвозвратное его потребление. И, что особенно важно, обеспечить все это на основе учета интересов горожан, городского сообщества, городской общины.

В сегодняшней градоформирующей деятельности принцип «функционального зонирования» уже уступил место «правовому зонированию», задающему совокупность ограничений и поощрений на отдельных участках земли, но местное самоуправление (нигде в России) так и не научилось им пользоваться. Не умея влиять на формирование «правового зонирования территории», не умея использовать этот инструмент развития территории, местная власть не сможет эффективно управлять средой обитания людей.

Региональная власть не способна принимать планомерное содержательное участие в судьбе моногородов, так как разработанные и утвержденные фактически во всех субъектах Федерации схемы территориального планирования

Рис. 3. Ранжирование значимости внешних социальных расходов предприятий (максимальные баллы соответствуют наибольшей значимости.). По данным Института региональной политики (www.regionalistica.ru/files/2009/monogoroda_crysis.doc)

2. См. статью в ПБ22: Меерович М. Территориально-промышленное развитие СССР.
3. Отличие сегодняшней ситуации лишь в том, что к отраслям военной индустрии добавилось гражданское строительство.
4. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.

выполнены в идеологии наращивания промышленного потенциала и предусматривают лишь увеличение численности населения (а не его сокращение), а также строительство новых производств (а не закрытие градообразующих предприятий в моногородах). Стремительно и стихийно складывающаяся ситуация никак не учтена в стратегических планах субъектов Федерации. В результате региональная власть оказывается лишенной каких бы то ни было критериев сопоставления и оценки при выборе проектов (если они предлагаются местной властью), нуждающихся в первоочередной поддержке и лоббировании на федеральном уровне.

За предыдущие годы, региональная власть научилась работать с крупным бизнесом, заходящим на ее территорию, но оказывается абсолютно беспомощной в условиях его ухода с территории. Она совершенно не готова к работе с последствиями многолетней деятельности промышленного производства – экологическими нарушениями водной и подземной среды, нарушениями ландшафта, аварийным состоянием городской инфраструктуры, всецело зависящей от промышленного объекта, оставшимися без работы людьми и т.п. Особенно

беспомощной она оказывается в условиях закрытия или банкротства предприятия, так как в этом случае «субъект ответственности» (собственник предприятия) внезапно «исчезает» из пространства «коммуникации» и «ответственности». А зона промышленного объекта превращается в «ничейную» – в «черный ящик», техническое и экологическое состояние которого даже невозможно оценить, так как проникнуть в него не способны ни контролирурующие органы, ни представители местной власти, ни общественные экологические организации, ни федеральные инстанции – никто. И некому отвечать за возможный экологический ущерб из-за отходов, оставшихся неутраченных, или складированного на территории незаконсервированного оборудования или невыработанного химического сырья.

Программы утилизации и рекультивации ни региональной властью, ни крупными промышленными, ни добывающими структурами не рассматриваются и не используются как потенциал для инновационно-технологического и научного бизнеса, как зона приоритетных опытно-конструкторских разработок, конкурентно-способных в мировом разделении труда и приносящих прибыль.

Отсутствуют региональные программы, направленные на решение проблемы моногородов за счет взаимосогласованного функционирования нескольких контактного расположенных населенных пунктов (в тех случаях, когда имеются подобные предпосылки). Потому, что подобное предполагает наличие детально разработанных скорректированных планов и совместных программ нескольких муниципальных образований, предусматривающих управленческую и инфраструктурную («агломерационную») кооперацию, а также единые рынки труда, услуг, занятости («конурбационные связи»). А подобные документы территориального планирования межрайонного масштаба отсутствуют почти повсеместно.

Федеральная власть не имеет возможности опираться на документы территориального планирования субъектов Федерации как на «проверочный документ» при определении приоритетов, так как эти документы разработаны исключительно в идеологии промышленного развития – расширения строительных инициатив, увеличения численности населения и его занятости в производственной сфере, то есть в целях получения федеральных средств на крупномасштабные проек-

ты (логистические центры, выносы аэропортов, создание федеральных университетов, туристических зон, строительство все новых и новых промышленных предприятий, создание «бизнес-инкубаторов» и проч.).

Как следствие, документы территориального планирования субъектов Федерации оказываются неприемлимыми в качестве основы развертывания «антикризисных» программ. А федеральный уровень власти оказывается лишен критериев проверки обоснованности тех или иных проектов, критериев сопоставления и оценки при выборе мероприятий, нуждающихся в первоочередной финансовой поддержке. Как следствие, министерства не имеют понятной, простой, нетрудоёмкой и прозрачной процедуры проверки на обоснованность запросов с мест о выделении средств. Также отсутствуют рекомендации по формированию комплексов «антикризисных программ» повышения стабильности существования городских поселений, которые могут быть «разлочены» по предметам компетенции различных министерств, а затем сведены воедино в систему реализационных мероприятий, обеспеченных финансовыми и материальными ресурсами⁴.

М. Маркуша

Глумление над Байкалом продолжается

Судьбу Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), как и проблемы озера Байкал, надо рассматривать в широком, глобальном социально-экономическом и экологическом контексте, на фоне некоторой концепции, отражающей Россию в целом, и по возможности отрешившись от тривиальных, узко экономических представлений о том, что такое крупное промышленное предприятие.

Российская экономическая система
Современная Россия – страна аграрно-добывающая. (В противоположность советской традиции, но в

согласии с русским языком, вторым прилагательным у меня обозначен более важный компонент.) Главные источники существования россиян – добыча и экспорт ископаемых энергоносителей. Вторым по значимости средством поддержания жизни служит полунатуральное, полупромышленное сельское хозяйство, преимущественно на мельчайших земельных участках, обрабатываемых (или занятых под пастбищами) силами одной семьи, а также почти первобытное собирательство и браконьерство, которые поддерживаются тоже в значительной мере за счёт нефтегазовой трубы, например благодаря

дотируемому государством бесплатному или льготному проезду в общественном транспорте формально нетрудоспособных пенсионеров и инвалидов (зачастую купивших себе этот статус) – главной рабочей силы в полутеневой народной экономике наряду с безработными и нелегальными иммигрантами. При этом огромную роль играет почти не прикрытая кража топлива и электроэнергии.

Двум основополагающим, первичным видам деятельности – добыче и выращиванию, соответствуют сегменты наиболее процветающей отрасли производства, а именно строительства. В макроэко-

номике, тесно присосавшейся к нефтегазовой трубе, оно преимущественно инвестиционное (к тому же, крупная стройка – самый эффективный вид воровства), а в народной микроэкономике – потребительское. В обоих случаях возведённые постройки являются наглядными декларациями теневых доходов.

В производстве компонентов движимого имущества – одежды и обуви, бытовых машин, приборов и т.п. Россия неконкурентоспособна и бесперспективна: 1) не хватает квалифицированных рабочих с нормальной трудовой этикой; 2) соседняя весьма многолюдная зарубежная страна все эти вещи для нас

производит; 3) при недостаточном доверии к государству и к партнёрам по бизнесу, при несовершенстве и бездействии многих законов, инвестиции в сложные виды производства с большими рисками и далеко отсроченными прибылями не выгодны. Правда, по-прежнему перспективны производство и экспорт устаревающего оружия, но это способствует разжиганию вооружённых конфликтов, которые рано или поздно обернутся против России.

По общепринятым представлениям, нормальное промышленное предприятие должно производить продукцию, получать от её сбыта прибыль и платить своим работникам заработную плату. Однако уже в советское время многие крупные предприятия перестали выполнять некоторые или даже все такие функции, но не ликвидировались, а рабочие не увольнялись. Более того — и в постсоветскую рыночную эпоху почти не работающие заводы и фабрики продолжали существовать, поддерживаемые не только государством, но иногда и новыми частными владельцами, за счёт их доходов от иной деятельности.

В российской экономической системе широко представлены и такие успешно функционирующие предприятия и учреждения, работники которых не только не получают заработной платы, но, наоборот, платят своей администрации и хозяевам за то, что они позволяют у них работать. (Не говорю уже о высокой плате за поступление на службу.) Такова неясная картина, проявляющаяся при окончательном подведении баланса доходов и расходов. В наиболее грубом случае, скажем, при уличной торговле овощами, хозяин приглашает продавца с условием: «Зарплату не плачу, зарабатывай сам». В остальных случаях работники государственных, муниципальных и зарегистрированных частных предприятий и учреждений получают зарплату, но всю её или гораздо большую сумму отдают начальству, хозяевам, делясь с ними доходами от взяток, наценок, накруток, откатов и т.п.

Российское крупное предприятие Крупное производственное предприятие советского происхождения — фабрика, завод, комбинат, агрокомплекс, обременённый обширной инфраструктурой, нередко включающей коммунальное и жилищное хозяйство прилегающего поселения, — должно интересоваться нас в первую очередь не как источник какой-либо продукции, а как: 1) социально-экономическая крыша для индивидуальной и семейной деятельности его работников; 2) распределительная контора — канал поступления всякого рода благ, полученных за счёт доходов государства от экспорта сырья. В этих экономических и социальных ролях крупное предприятие прямо или косвенно облегчает его работникам задачу заниматься сельским хозяйством на своих садово-огородных участках, сбывать полученную на них продукцию, подрабатывать извозом, строить дачи, ремонтировать дома и квартиры, разворовать родное предприятие, производить на нём неучтённую «левую» продукцию, пользуясь буквально его крышей (помещениями), а также инструментами, инвентарём, транспортом, топливом, электроэнергией. Такое предприятие обеспечивает своих работников трудовым стажем для не самой низкой пенсии и для звания «ветерана труда», льготным медицинским обслуживанием, путёвками в детские лагеря; хранит трудовые книжки лиц, занятых в постороннем теневом бизнесе и отдающих за это свою зарплату дирекции, сдаёт своим же служащим через подставных лиц помещения для разнообразного предпринимательства и т.д.

Симбиоз крупного предприятия с мельчайшим домашним хозяйством его работников наиболее тесен, органичен, сложен и трудно изучаем в сельском хозяйстве. В промышленности он бывает проще, примитивнее, многие функции выпадают, но в моногородах и монопосёлках они остаются жизненно важными, поэтому ликвидация такого поселениеобразующего предприятия оказывается для местных жителей настоящей катастрофой.

Советские большие стройки, как правило, устаревали ещё на стадии их проектирования и уж, во всяком случае, до окончания строительства. Выяснялось, что они вовсе не нужны или объект построен не там, где надо. Такова участь многих заводов, гидроузлов и даже одной железной дороги (БАМ). Но остановить запущенного монстра оказывается невозможно — его приходится поддерживать по веским социальным причинам, окутывая проблему туманом разнообразной лжи. Такая же судьба и у Байкальского ЦБК. Она не оригинальна, но так заметна и скандальна потому, что его жертвой стало знаменитое озеро Байкал, а толчение воды в ступе по этому поводу продолжается уже полвека.

Бюрократия и гигантские офисы корпораций — такие же механизмы избыточного паразитирования на невозобновляемых природных ресурсах, как и предприятия, выпускающие никчёмную продукцию, но первые, в отличие от вторых, выглядят экологически чистыми, поскольку меньше загрязняют и не всегда уродуют окружающий их городской ландшафт, а уничтожают биосферу дистанционно и косвенно, расточая электроэнергию на освещение и отопление и потребляя всё больше бумаги, несмотря на использование компьютеров. Производственный же комбинат выглядит одиознее, так как мозолит глаза и загрязняет среду отходами непосредственно вокруг себя. Огромная беда России заключается в том, что постоянная имитация бурной деятельности для отчёта перед начальством пожирала слишком много сырья и энергии.

Некоторые предложения касательно БЦБК На основании всего вышеизложенного предлагаю: 1) Байкальскому ЦБК своё прежнее производство прекратить и никогда не возобновлять; 2) предприятие не закрывать, а полностью перепрофилировать на ликвидацию последствий его деятельности; 3) новых производств, кроме утилизации накопившихся отходов и рекультивации на суше и в

озере, не заводить; 4) переqualифицировать возможно большую часть нынешних работников БЦБК и привлечь новую рабочую силу только из жителей Байкальска для выполнения комбинатом новых функций; 5) людей, освободившихся при реорганизации, оставить на комбинате номинально, в качестве почётных работников, не поручая им никаких занятий, но выплачивая прежнюю зарплату, целиком или хотя бы две трети, в зависимости от возраста и стажа, до достижения ими пенсионного возраста и выхода на пенсию на общих основаниях; 6) работающих пенсионеров, не востребованных при профилировании комбината, увольнять с установленным для такого случая единовременным пособием.

Я полагаю, что эти мягкие компромиссные меры по изменению профиля и последующему постепенному сворачиванию деятельности БЦБК не произведут в городе Байкальске трагического переворота и почти не изменят образа жизни его жителей, которые по-прежнему будут выращивать замечательную клубнику, собирать грибы и ягоды, ловить омуля и возить эти продукты на иркутские рынки в своих автомобилях и в многочисленных маршрутных микроавтобусах, отнюдь не случайно отправляющихся из города почти ежедневно (по-настоящему бедным и фактически безработным людям такой транспорт не нужен). Я думаю также, что подобные меры в случае их успеха могут стать образцами и прецедентом для решения аналогичных проблем других российских моногородов, а сам БЦБК в урезанном виде мог бы существовать неопределённо долго в качестве памятника истории и культуры, каковой статус он заслужил своим полувековым участием в глобальном экологическом скандале.

Платить не за деятельность, а за бездействие Современное человечество в значительной мере охвачено манией деятельности, и молодёжь растёт с убеждением, что для любого положительного результата надо действовать, а для деятель-

ности нужны средства, то есть прежде всего деньги. Но для улучшения качества человеческой жизни сплошь и рядом необходимо не действие, а воздержание от деятельности – благостное недеяние. Уголовные кодексы, моральные нормы, религиозные учения не призывают к бурной деятельности, а тормозят её; они содержат перечни вредных поступков, от которых надлежит воздерживаться. Прогресс, развитие – это «езда в незнаемое», но без исправных тормозов далеко не уедешь. На необходимом и желательном воздержании людей от тех или иных действий основаны и все природоохранные, экологические программы.

Если школьника хвалят и награждают за хорошее поведение, то не за совершенные, а за несовершенные поступки. В глобальном масштабе назрела необходимость выплачивать компенсацию некоторым лицам, сообществам, предприятиям, регионам, странам за отказ от определённых видов деятельности.

У политиков и экономистов к мании деятельности добавляется фантом занятости. Предприниматель якобы сделает людей счастливыми тем, что создаёт или сохраняет для них рабочие места. Но ведь работа, труд, занятость не самоцель, а всего лишь средство для достижения какого-то высшего блага. Бывает, что его можно достичь и без трудовой нагрузки.

Опасаясь социального взрыва из-за массовых увольнений, государство готово кое-где тратить немалые деньги на сохранение рабочих мест, но это, по сути, не экономическое мероприятие, а сложный, громоздкий акт социального обеспечения, акт слишком материальный и энергоёмкий. Зачем заниматься псевдотрудом (поскольку настоящим трудом, как целесообразной деятельностью, выпуск ненужной продукции не является)? Для сохранения достойного статуса трудящегося предпочтительнее не реальная, а фиктивная занятость – числиться, но не работать. Это то меньшее, да и дешёвое зло, та менее вредная ложь, которую можно предложить и для Байкальского ЦБК.

Скучающие бездельники, которые не знают, чем заняться, опасны для общества, но для детей и подростков усмиряющее средство изобретено – тяжёлая учебная нагрузка. Найдутся и для взрослых аналогичные программы, интереснее и полезнее, чем монотонное торчание у станка или конвейера.

В постиндустриальном мире роль наёмного труда уменьшается, а занятость в так называемом «материальном производстве» становится уделом меньшинства. В немногих странах и отраслях хозяйства вскоре будет производиться всё необходимое для жизни всего человечества. Вероятно, что большинству людей, даже целым странам и народам, предстоит жить на пособия и дотации.

Но кто будет платить? В случае с БЦБК платить пострадавшим и их потомкам должны виновники происшествия. Правопреемником Советского Союза является нынешняя Российская Федерация. Платить должно прежде всего наше государство, но также и нынешние собственники комбината, поскольку они унаследовали, сохранили, усугубили критическую ситуацию. Я полагаю, что по сравнению с затратами на покупку яхт и футбольных клубов любая поддержка российского населения будет выглядеть скромной. В дальнейшем надо перекладывать издержки и на мировое сообщество. Байкал – достояние не только России, но и всего человечества. Россия должна продвигать себя в мировом хозяйстве в роли экологического донора – страны, на территории которой сохраняются и поддерживаются природные условия для сохранения всей биосферы. Байкал – экологическое лицо России, по нему и будут судить, насколько наша страна способна выполнять свою природоохранную миссию. Теоретически платить нам за экологическое донорство должно всё мировое сообщество, но фактически – только так называемые «развитые» страны, в которых уровень экологического сознания достаточно высок. Экологическая специализация России

Нашей стране следовало бы оставить мечты об индустриальном возрождении, но заняться тем, что диктуют природные условия и географическое положение – избрать профессию экологического сторожа, поддерживать на своей гигантской площади природные условия для жизни всего человечества. Подавляющую часть России надо превратить в особо охраняемые природные территории – заповедники, национальные парки, заказники и т.п. Байкальская Сибирь должна выступить в этой роли в первую очередь. Охрана природы не бизнес, а государственная служба, что отвечает менталитету и привычкам большинства россиян. Малолюдность и низкая плотность населения тоже благоприятный фактор.

Примеры некоторых не самых передовых «развивающихся» стран (кстати, недавно мною посещённых – Таиланда, Малайзии, Непала) показывают, что бывших охотников и браконьеров можно «переквалифицировать» в охранителей животного мира и национальных парков, когда местное население продолжает считать окружающую природу своей и не позволяет чужим, приезжим, её портить. Но традиционное местное природопользование не должно приравниваться к браконьерству. Преимущества в эксплуатации природных ресурсов должны быть предоставлены местным жителям и защищаться как права аборигенов – не в рамках всего субъекта федерации (например, Иркутской области или Бурятии), а в границах мелких территориальных единиц.

Экологическая специализация предлагается для большей части территории России, но не для большинства её жителей; сама по себе она не помешает хорошо образованным гражданам включаться в глобальное информационное общество, разрабатывать «высокие технологии» для внедрения их в индустрию стран «третьего мира», обладающих избытком рабочей силы с удовлетворительной трудовой этикой. Свои заводы и фабрики на своей территории России не очень нужны, но заниматься творческим тру-

дом на родине будет гораздо приятнее на лоне природы, а не среди мусорных свалок. Помешать постиндустриальному поляризованному развитию (наука и высокие технологии плюс природный ландшафт) может не экология, а наблюдаемый ныне регресс в сфере науки и образования, разгул невежества и мракобесия.

Туризм – не панацея Байкальский регион должен специализироваться на охране природы, рекреации и туризме; никакие другие отрасли хозяйства, кроме обслуживающих эти функции, ему не нужны. Вместе с тем не будем обобщаться и полагать, что, избавившись от вредной промышленности и открыв ворота туризму, мы автоматически превратим Байкальский регион в экологический рай. Некультурная рекреация способна навредить природе больше, чем любая промышленность. Негативную роль играет и неуправляемая автомобилизация (увеличение доступности сокровенных уголков природы, порча ландшафта строительством автодорог). БЦБК, в конце концов, явление локальное, а загрязнение озера и его берегов отдыхающими происходит повсеместно. Сегодня везде, куда может пройти автомобиль, берега Байкала завалены мусором, рядом с многочисленными надписями, запрещающими свалку и парковку. И как бы нам не пришлось пожалеть, что нет больше зловредного комбината, который отпугивал приезжих; и не пустить ли из старой заводской трубы декоративный дым и придумать новые сказки об особой вредности?

«Жаловаться на народ всё равно что жаловаться на погоду. Такой у нас народ», – говорил Г.А. Явлинский. Но, как показывает опыт, народ можно быстро перевоспитать в любом направлении при помощи СМИ. В середине прошлого столетия это было радио, в наше время телевидение. Если хотя бы десятую долю времени, затрачиваемого на массовое оболванивание зрителей, употребить на экологическое и гуманистическое воспитание... Но я понимаю, что нынешние

хозяйева страны не заинтересованы в такой кампании. Они полагают, что экология мешает «экономическому развитию». Сегодняшняя российская экономика с охраной природы не совместима.

Некоторые объяснения и оправдания
Для тех, кому трудно понять мотивы деятельности учёного, «не вписанного в структуры добывания денег», я подготовил кое-какие объяснения. Я выдвигаю свои предложения не потому, что надеюсь быть выслушанным и понятым каким-либо начальством. Не рассчитываю я на поддержку и понимание и своих «коллег» с чисто экономическим стилем мышления. Я не выступаю от имени или в поддержку какого-либо учреждения, общественной организации или движения, не стремлюсь к новым успехам ни в каком виде деятельности, не отстаиваю интересы каких-либо лиц и не отрабатываю полученные от них «бабки»; не привлекаю «единомышленников», не вербую сторонников, учеников и последователей; меня не занимала никакая международная или зарубежная организация; за моими выступлениями не стоит никто. Меня пригласили, чтобы я высказал своё

мнение, и я его, как принято сейчас выражаться, «озвучил». Содержание своего выступления на байкальском семинаре и последовавшей за ним этой статьи я не согласовывал ни с кем.

Я не горю желанием вывешивать свои тексты в Интернете, ибо по скромному опыту убедился, что любые серьёзные отклики потонут в мусоре обвинений и хулиганских реплик; такова специфика этого средства информации. Я довольствуюсь публикациями нескольких сотен моих работ в малотиражных печатных журналах и сборниках, не известных «широкой публике». Можно сказать напыщенно, что выступления на экологические темы – моральный долг географа, но лучше выразиться скромнее: это моя профессиональная привычка, я просто продолжаю своё обычное дело. Никчёмный финал семинара не был для меня неожиданным; мне не пришлось разуверяться и разочаровываться, так как изначально не было ни веры, ни очарования.

Экологическое лицемерие и ханжество
В заключение дам волю некоторым эмоциям. В течение почти всей моей долгой жизни само слово «Байкал»

наполняло меня каким-то священный трепетом, а сообщение о путешествиях в Восточную Сибирь исторгало у слушателей междометие «О-о!». Сегодня меня коробит и почти тошнит от байкальской темы. Байкал превратили в какого-то экологического божка. Он сделался символом столь необходимой, но на деле не существующей в нашей стране охраны природы. Его все якобы любят, его именем почти клянутся и... в порывах заботы о нём его же и загаживают. Какое лицемерие и ханжество!

Романтическим и престижным именем Байкала названы многие сотни, если не тысячи, разнообразных предприятий, учреждений, товаров и т.п. – не только в Прибайкалье и Забайкалье, но и по всей России. Я сам живу в Москве в двухстах метрах от развлекательного комплекса (бывшего кинотеатра) «Байкал», где днём и ночью горит свет и крутятся какие-то аттракционы даже при полном отсутствии посетителей. Говорят, что так отмываются деньги – путём пустой траты электроэнергии имитируется факт постоянной работы для отчёта перед налоговыми органами. Не есть ли это модель всей российской

затратной экономики? И не являет ли собой наш Байкальский ЦБК нечто подобное этим криминальным каруселям?

Если бы все «бизнесмены», которые получают прибыль под маркой «Байкал», дали хотя бы по рублю в какой-нибудь байкальский фонд, то, глядишь, и сдвинулось бы чуть-чуть дело охраны уникального озера; но нет ничего подобного и в помине! Среди участников нашего семинара были и члены Общественной палаты при Президенте РФ. Ну пусть хоть они бы посоветовали принять закон, чтобы всякий, кто использует в коммерческих целях название какого-либо природного объекта, платил взносы в фонд для его сохранения. Очередным глумлением над Байкалом стал и посвящённый ему семинар в октябре 2009 года; насмешкой над учёными, которым дали выпустить словесный пар, чтобы поступить вопреки их рекомендациям, ровно наоборот; издевательством и над жителями Байкальска, которым опять будут «пудрить мозги» и «вешать лапшу на уши».

Борис Родоман

Конец БЦБК?

Эта статья написана по материалам и результатам проходившего на Соболиной горе в октябре 2009 года семинара и посвящена малым городам России и одному из них – Байкальску. А.А. Зиновьев в «Зияющих высотах» сформулировал основную идею управления нашей страной: «Как всякий идиот, он мыслит большими масштабами». Постараемся же удержаться в пределах и рамках разумного.

Байкальск и его братья
Наличие более чем 400 малых монопрофильных городов в России предполагает их типологию для целей принятия типовых решений по определённым, наиболее массовым группам

городов, что является до известной степени альтернативой поиска уникальных решений для каждого города. Вместе с тем характеристика каждой типологической группы городов по нескольким наиболее существенным параметрам позволяет вести целенаправленный поиск решений.

Для большей простоты и наглядности каждая характеристика имеет всего три параметра:

1. Генезис городов
 - старые административно-военные (Бобров)
 - старые торгово-монастырские (Калязин, Кириллов, Кашин, Веря)
 - старые промышленные (демидовские города Урала и Рудного Алтая)

- старые руральные города (Бодайбо, Мама)
- старые агроиндустриальные (Белёв)
- советские руральные (Каеркан, Кировск, Апатиты, Костамукша, Певек)
- советские агроиндустриальные (Зерноград)
- советские промышленные (Байкальск, Асино)
- в т. ч. города-смежники (Тихвин)
- спальные (Салтыковка, Малаховка)
- закрытые (Протвино, Сосновый Бор и др. атомграды)
- курортно-туристские (Геленджик, Ессентуки)
- транспортные и энергетические (города на БАМе, Черемушки (СШГЭС))
- гарнизоны, полигоны, «точки» (Плесецк, Амдерма-2)

- 2
 - природно-климатические условия
 - экономико-географическое положение
 - транспортная и инфраструктурная обеспеченность
 - освоенность и заселённость окружения
 - состояние жилищного фонда

- 3
 - благоприятные
 - неблагоприятные
 - экстремальные условия

К сожалению, группа, в которую входит Байкальск, самая многочисленная, хотя и не самая проблемная.

БЦБК – фас, профиль, отпечатки пальцев
Руководство БЦБК 10 ноября 2008 года подписало приказ об остановке производства в связи с тем, что с вводом замкнутого водоборота БЦБК может выпускать только небеленую целлюлозу, производство которой убыточно и не имеет спроса ни внутри страны, ни за рубежом. В октябре 2008 года прошло сокращение 10% сотрудников комбината. Затем было принято решение о сокращении еще 1 377 сотрудников. Всего на БЦБК работало 2,3 тыс. человек, как сообщает «Сибирский проект».

БЦБК, построенный в 60-х годах прошлого века и вызвавший решительный протест мирового и отечественного экологического и научного сообщества, был призван удовлетворять потребности аэро-космического комплекса ВПК СССР и принадлежал минавиапрому. Выпускаемый на комбинате супер-супер корд с использованием чистой воды Байкала, оказался сразу неконкурентоспособен с американским супер-супер-супер-кордом, вырабатываемым из монотонной древесины за счёт специального режима питания деревьев. Таким образом, БЦБК сразу оказался бессмысленным предприятием. С периодичностью раз в 12 лет принимались решения о его закрытии, перепрофилировании или переводе мощностей в Усть-Илимск, однако изначально устаревший проект продолжает жить уже почти полвека.

За все эти годы в руководстве БЦБК сложилась порочная практика дезинформации общественного мнения и органов власти всех уровнях о экологической ситуации и сокрытие информации о всех видах и формах загрязнений и сбросов, в том числе залповых.

Размер задолженности по выплате заработной платы уже к апрелю 2009 года работникам Байкальского ЦБК составил по сообщению пресс-службы правительства Иркутской области около 56 млн рублей.

На федеральном уровне более полугода нет внят-

ного решения по судьбе комбината. Собственник и менеджмент завели ситуацию в тупик и фактически самоустранились от решения проблем предприятия и города, по мнению областного руководства.

Принятое премьер-министром решение о возобновлении работы БЦБК в режиме замкнутого цикла в течение 11 месяцев оказалось технически невыполнимым, что создало ситуацию цунгванга, когда любой шаг и любое действие плохи и губительны.

Обсуждение технологической ситуации показало:

- комбинат не может быть остановлен, так как в технологический цикл задействована значительная масса вредных веществ, авральный слив которых в Байкал недопустим и чреват катастрофическими последствиями;

- замкнутый режим водоборота при нынешнем состоянии оборудования невозможен;

- важнейшие биокомпоненты очистных сооружений (микрофлора) практически выведены из строя»;

- наиболее квалифицированные работники комбината, прежде всего варшвики, уже трудоустроены на целлюлозно-бумажных предприятиях Восточной Сибири и возвращаться, тем более на несколько месяцев, на БЦБК не собираются;

- заводское оборудование в заметном размере уже растащено и разворовано.

Кроме того, городское тепло- и энергоснабжение во многом ориентировано и зависит от энергетических мощностей БЦБК. Такая же зависимость города от комбината наблюдается и по отведению загрязнённых вод. Помимо основной деятельности, БЦБК обеспечивает отопление города, снабжает горячей и холодной водой, принимает на свои очистные до 10 тыс. куб. м хозяйственных стоков города. Фактически БЦБК является определяющим звеном инженерной инфраструктуры города, что характерно для абсолютного большинства малых монопрофильных городов России, построенных в советское время.

Особую экологическую опасность вызывают накопившиеся отходы более 65 тыс. т ежегодно), в том числе твёрдые отходы (лигнин и зольные отходы), складываемые в полевые шламонакопители и до недавнего времени рекультивируемые. В настоящее время рекультивация остановлена. Сохраняется опасность заражения вод поверхностного и подземного стока, почв и грунтов, воздушного бассейна (около 10 тыс. т в год). Под угрозой остаётся и здоровье людей.

Вывоз твёрдых отходов и жидких стоков крайне затруднён из-за отсутствия технических и финансовых средств.

Анекдотичность, абсурдность и парадоксальность Байкальска как малого монопрофильного города доведена до крайних пределов: БЦБК имеет официальные квоты на вылов рыбы в Байкале и, по сути, является единственным монопольным рыболовецким предприятием в городе.

Руководство предприятия принимает все меры к тому, чтобы комбинат вновь заработал, хотя бы под видом выработки вредных компонентов. Руководство полно решимости пойти даже на перепрофилирование предприятия и выпуск, например, дендролайта (германская фирма Weinig), на что потребуется 4–4,5 года и 118,5 млн евро (общие инвестиционные затраты составят 150–180 млн евро по самым оптимистичным оценкам) только на новое оборудование, не считая расходов на демонтаж старого и рекультивационные работы.

Сомнительность этого варианта перепрофилирования заключается в следующем:

- в настоящих финансово-экономических кризисных условиях совершенно неясно, кто может стать инвестором данного проекта;

- поставки леса для производства погонажных пиломатериалов, домокомплектов и плит Dendro Light в размере около 1 млн кубометров (878 тыс. кубометров в год) с расстояния в полторы тысячи километров и минуя

уже имеющиеся мощности лесопереработки в Братске, Усть-Илимске и других центрах Иркутской области и Красноярского края;

- поставки дендролайта в страны Европы на расстояние 6–8 тысяч километров при условии крайне низкого весового объёма (ориентировочно 250–300 кг\1 кубометр) сильно удорожают готовую продукцию и делают её неконкурентоспособной на европейском рынке;

- возникают новые отходы – опилки, объём которых может достигать до 85% исходного лесоматериала и утилизация которых может стать очередной экологической и технологической проблемой.

Досье города

Ситуация в Байкальске возникла не в связи с начавшимся в конце 2008 года кризисом, а гораздо раньше и, по сути, сопровождает город на всём протяжении его истории. Об этом свидетельствует вывод, сделанный в работе «Стратегия социально-экономического развития города Байкальска до 2010 года. Байкальск, 2001 год»:

Интегральная оценка социально-экономической ситуации в городе Экономика города находится в предкризисной ситуации, определяемой нестабильным положением градообразующего предприятия и слабой диверсификацией экономики города. Городское хозяйство находится в прямой зависимости от деятельности ОАО БЦБК в обеспечении населения города горячей водой, теплом, очистке городских хозяйственных стоков. Это грозит катастрофическими последствиями городу в случае прекращения деятельности ОАО БЦБК. Наряду с этим, в городе имеются все необходимые ресурсы и потенциальные возможности для социально-экономического развития города, посредством диверсификации экономики города и снижения градообразующей роли ОАО БЦБК».

Практически этот вывод можно только повторить. Как и разработанную в рамках миссии города Байкальска: «Международный туризм-

тический центр на озере Байкал с экологически безопасной, мобильной и диверсифицированной экономикой».

Численность населения города в середине 90-х годов (максимальная) составляла 17,3 тыс. человек. В настоящее время численность населения оценивается в 12–13 тысяч.

Уровень реальной безработицы даже в самые благополучные времена составлял примерно 15% от численности экономически активного населения или 6% от постоянного населения города, что сопоставимо с российскими и областными показателями. Сейчас этот показатель увеличен примерно в полтора-два раза. Остро стоит проблема трудоустройства перед женщинами, которые составляют 55,9% безработных. Сохраняется высокий удельный вес безработной молодёжи 16–29 лет в общей численности безработных – 40%. Это – безусловное следствие монопрофильности города и отсутствия в нём ясных перспектив дальнейшего существования.

Город стабильно потребляет тепло и горячее водоснабжение, вырабатываемые на ТЭЦ ОАО БЦБК: тепло – менее 200 тыс. Гкал, горячее водоснабжение – около 1,2 млн кубометров в год.

При этом ТЭЦ ОАО БЦБК является единственным поставщиком теплоносителя на город.

Количество сбрасываемых хозяйственных сточных вод на промышленные очистные сооружения ОАО БЦБК составляет около 2,5 млн кубометров в год.

Действующий Генеральный план города утвержден в 1972 году (разработанный в 1992 году Иркутскграждан-проектном генплан Байкальска не утверждён и безнадежно устарел). Территориальные границы города Байкальска были определены решением Слюдянского райисполкома от 11.11.1977 г. № 303. В их пределах территория города составляет 2 414 га. К 1998 году возникла необходимость в уточнении городской черты с включением в состав городских

земель территорий промышленного и рекреационного использования, садоводческих товариществ и других территорий, функционально связанных с городом.

В соответствии с проектом нового Генерального плана территория города в новых границах составляет 3 144 га.

Несмотря на серьёзные и обоснованные опасения, ничего катастрофического с жителями города в связи с закрытием комбината не произошло. Это можно объяснить несколькими причинами:

– Байкальск расположен в весьма благоприятных и комфортных природно-климатических условиях с ярко выраженной эстетической компонентой существования: жители города в основной своей массе не желают покидать эти места и готовы приложить максимум собственных усилий и средств для обеспечения жизнедеятельности;

– работа на БЦБК обеспечивала только легальную часть семейных доходов, в структуре которых важную роль играют отхожие промыслы, натуральные доходы подсобного хозяйства, собирательства, охоты и рыбной ловли, а также сбыт клубники, рыбы и дикоросов; как справедливо заметил мэр города В.И. Пинтаев, «живя на Байкале, невозможно не прокормиться».

Весьма проблемна позиция, занимаемая городскими властями. Генетически это – представители топ-менеджмента БЦБК, и потому в их идеологии спасение комбината – главная единственная проблема города. Помимо этого, ими последовательно демонстрируется патерналистская концепция управления, выразившаяся в доктрине «мэр должен организовать питание населения» и предполагающая полную безынициативность и безответственность жителей города за себя и свою среду существования.

Солидарность руководства БЦБК и городских властей – основной тормоз в развитии самодеятельности и диверсификации жизнедеятельности в Байкальске.

Деловые люди В своём самоопределении представители малого бизнеса рассматривают себя как:

– бизнес, ориентированный на БЦБК и его обслуживание;

– бизнес, ориентированный на «экспорт» услуг и внешнее потребление (например, горнолыжный спорт);

– бизнес, ориентированный на нужды горожан.

Последний – наиболее развит в городе и предоставлен не только сервисом и торговлей, но и производством (хлебопечение и производство кондитерских изделий). Такого бизнеса, как организация вывоза и торговли клубникой и продуктами ее переработки, до сих пор нет, и этот промысел остаётся пока на уровне индивидуальных инициатив.

Представители малого бизнеса к числу своих внутренних проблем относят:

– низкую квалификацию и отсутствие навыков управленческой работы,

– отсутствие и недостаток маркетинга,

– нехватку опыта и коммуникаций,

– нежелание жителей работать в сервисе.

Внешние проблемы малого бизнеса не менее остры:

1. Относительно региональных органов власти и «естественных монополий»:

– в сфере транспортной и энергетической инфраструктуры – непомерные тарифы, удручающее техническое состояние сетей, недоступность услуг,

– в организационной сфере – удалённость налоговой службы и жёсткость налоговой системы.

2. Относительно муниципального и районного уровня власти, городской ситуации:

– криминальная напряжённость,

– незначительный трудовой опыт населения в сфере сервиса,

– неплатёжеспособный спрос в связи с кризисной ситуацией на БЦБК,

– непрозрачность процедуры землеотвода и распределения других ресурсов.

– неоперативная система подготовки по требуемым профессиям,

– отсутствие информации и обмена информацией между работодателями, службой занятости и образовательными структурами.

4. Относительно БЦБК:

– неопределённость ситуации,

– действующий БЦБК как негативный фактор развития «экспортного» бизнеса.

Закон от 1 мая 1999 года № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» во многом определяет перспективы существования города и имеющейся в нём промышленности.

Закон имеет многолетнюю историю разработки и прохождения через законодательные органы. В настоящем виде это рамочный закон, эффективность которого определяется принятием серии подзаконных актов.

По закону «Об охране озера Байкал» Байкальск включен в центральную экологическую зону с наиболее жесткими экологическими нормативами. В центральной экологической зоне устанавливается особый режим хозяйственной деятельности (статья 5 Закона). Предполагается дать приоритет экологически чистым видам хозяйственной деятельности, учитывать комплексный характер воздействий на экосистему озера Байкал, признавать принципы устойчивого развития и обязательность экологической экспертизы.

Продолжение следует. В следующем номере читайте главы «Светлое скромное будущее» и «Типичный уникальный случай»

Конверсия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината

Курсовой проект

Автор проекта
Артём Ольшевич

Руководитель проекта
Андрей Большаков

Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат расположен в г. Байкальске, на побережье озера Байкал, и является его основным загрязнителем. На протя-

жении последних лет разрабатывался ряд программ, направленных на репрофилирование комбината в экологически чистое предприятие с безотходным производством. Предлагались различные проекты, в том числе репрофилирование комбината в завод по розливу воды, производству напитков, микросхем и др.

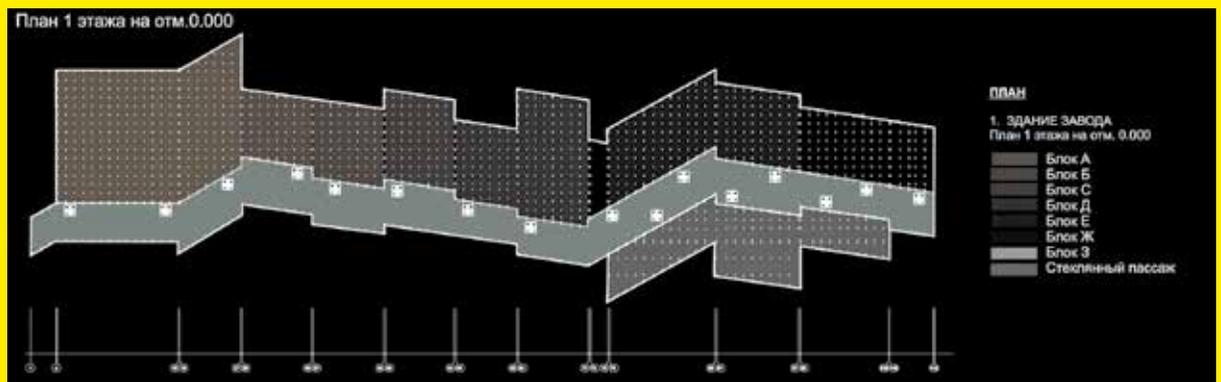
В данном проекте было предложено общее концептуальное решение конверсии БЦБК.

Попытка искупить вину за экологический ущерб, нанесенный озеру за многие годы эксплуатации завода, – это основная мысль, которую декларирует проект.

Ранее обособленная территория открывается

для города, создаётся парк с велосипедными и пешеходными дорогами по его центральной части. Предполагается, что население (а это 80% работников завода) будет двигаться на работу пешком или на велосипедах.

Ключевой идеей проекта является создание нового разнообразного простран-

тва для жителей города: как закрытого – пассаж в здании завода, так и открытого – территория между городом и БЦБК. Образующееся закрытое общественное коммуникативное пространство, на которое нанизаны блоки завода, остаётся зелёным и зимой, что очень актуально в условиях сибирской зимы. Пассаж наделен различными важными функциями, необходимыми для полноценной жизни современного человека, которые сейчас либо слабо развиты, либо отсутствуют в городе вообще.

Основные функции пассажа:

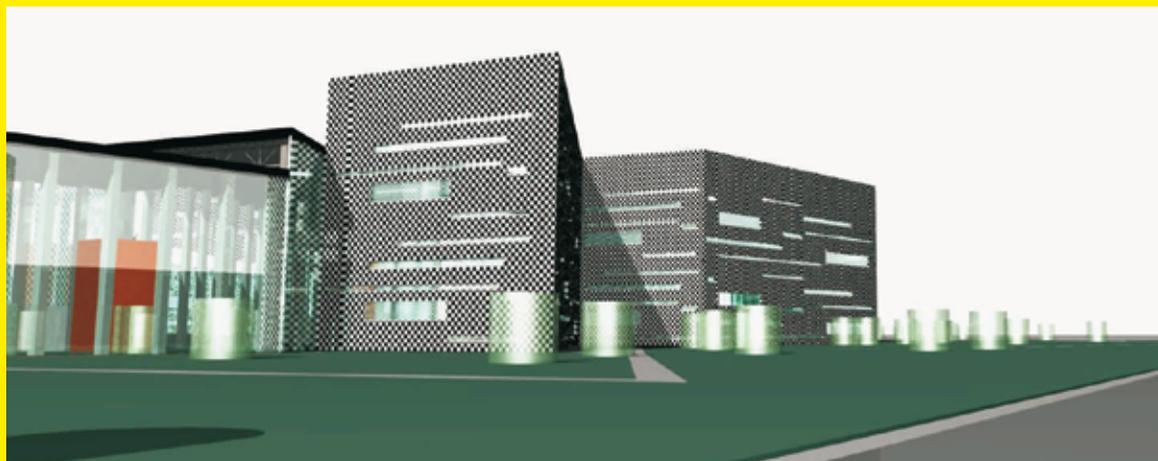
1. Пространство для перемещения: работники, двигаясь из города, проходят по парку и попадают в пассаж, в котором уже расходятся по своим блокам.

2. Место для проведения различных выставок.

3. Помещение для отдыха и развлечений, где можно установить современное профессиональное оборудование для кинотеатров и устраивать показ кинофильмов в нерабочее время.

4. Организация питания: открытые кафе, помещения для обедов и кофе-брейков.

Проектом предлагается и создание научно-образовательного центра, необходимого для переквалификации

персонала, работающего на бумажной фабрике.

Таким образом, создается новый центр притяжения для жителей города.

Данный объект станет уникальной отличитель-

ной чертой Байкальска.

Благодаря современной организации жизни и качественному архитектурному решению, продвинется его узнаваемость и улучшится среда обитания горожан.

Связь континентов. Берингов пролив

Летом этого года подведены итоги конкурса на концепцию Парка мира, связывающего два острова Диамида в Беринговом проливе и, по существу, объединяющего архитектурными средствами два континента – Евразию и Америку. По условиям конкурса требовалось также дать предложения по методам и технологиям, уместным в этой особенно ранимой природной среде. Конкурс имел статус международного, открытого для профессионалов и студентов всего мира. Представителю редакции ПБ удалось побеседовать с членом жюри этого конкурса, членом руководящего совета Международного союза архитекторов Андреем Кафтановым.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Андрей Витальевич, с вашего позволения начнем с формы. Как известно, организационные нарушения в проведении конкурсов дискредитируют конкурсное движение и отрицательно сказываются на результате. Этот конкурс был проведен в соответствии с утвержденными правилами?

АНДРЕЙ КАФТАНОВ

Корейские организаторы, соблюдая все правила и условия Международного союза архитекторов, пошли по пути проведения официального большого открытого международного конкурса под эгидой МСА. Неукоснительное соблюдение этих правил, подключение информационного ресурса, сайта МСА, позволило провести конкурс на очень высоком уровне. Благодаря этому удалось также добиться высокого качества проектов.

ПБ

Кто вошел в состав жюри? АК

Международное жюри возглавлял корейский архитектор Sungjung Chough, в составе жюри работали Moonhyu Choi (Корея), американец Joel Sanders, итальянец Luciano Lazzari. Я представлял одновременно МСА и Россию и, будучи официальным представителем МСА, следил за тем, чтобы все положения были соблюдены. Надо отметить, все было проведено безукоризненно.

ПБ

В жюри вошли только архитекторы?

АК

Действительно, в составе жюри были только архитекторы. Сами организаторы, представители фонда, сочли невозможным участие в жюри. Их интересы представлял секретарь конкурса, который вместе с оргкомитетом следил за формальным соблюдением положений

Программы и условий в каждом из 130 поданных проектов и пояснительных записок. Нельзя не отметить очень высокий уровень подачи.

ПБ

Вы упомянули фонд в качестве организатора... АК

Меня все время мучил вопрос, почему конкурс был организован и проведен в Южной Корее? Организатором выступил очень крупный фонд – Foundation for Peace and Unification, вместе с Институтом корейских архитекторов. Я понимаю, что сегодня движение экономик, движение развивающегося азиатского региона уже не терпит нахождения в собственном ограниченном географическом пространстве. Требуется выход на американский, канадский рынки. Развитие нашей дальневосточной России с этим процессом, несомненно, связано, и очень обидно, что российские архитекторы как-то проигнорировали участие в этом конкурсе. Возможно, это проблема коммуникаций, а может быть, и темы. Тема, идея конкурса требует определенной подготовки, знания новейших строительных технологий, понимания процессов в новейшей архитектуре.

Конкурс был очень хорошо организован. Его бюджет – 600 тысяч евро, и это действительно нормальные деньги, которые необходимы для того, чтобы абсолютно четко поставить задачу, провести большую работу практически в течение года, собрать проекты со всего мира, организовать работу хорошего жюри и получить некий результат...

ПБ

Предшествовала ли работе жюри референтура? Был ли предварительный отбор? АК

Мы же были и референтурой. Мне показалось пра-

вильным предоставить эту работу членам жюри.

ПБ

Что можно сказать о количестве и возрастном составе участников?

АК

Проекты пришли на конкурс более чем из 60 стран. В условиях конкурса было разделение на две номинации – практикующие архитекторы и студенты. Почти половина работ, 71, была от практикующих команд, остальные 64 – студенческие.

Мне казалось вначале, что студенческие работы будут гораздо более интересными и новаторскими, чем работы практикующих архитекторов. Но оказалось наоборот.

ПБ

Это был анонимный конкурс, девизный? АК

Полностью сохранена была анонимность. Нельзя было догадаться, откуда автор. Все участники: и корейские, и американские, и европейские архитекторы – работали в современной, можно сказать, «умной архитектуре». Это не только технические решения, это именно очень тактичное, тонкое «хирургическое» вмешательство в тот уникальный северный пейзаж. В моем понимании это очень важный воспитательный элемент. Архитекторы сегодня переходят на очень тонкие включения «современности», новейшей архитектуры в ту природу, которая еще сохранена.

ПБ

Вот мы уже и переходим от формы к содержанию... АК

Это был конкурс на идею, идею очень сложную, идею, которую каждый архитектор должен переосмыслить «через себя», идею, связанную и с развитием региональным, и с сохранением природы, с вопросами

экологии, и с новейшими технологиями и т. д. Как я уже отметил, более ценных результатов добились практикующие архитекторы. Работы в среднем были очень ровные. Было много интересных решений, связанных с понтовыми мостами, с меняющимися геометрию туннелями, с уходящими под воду и появляющимися над водой...

Но по заданию составной частью проекта должна была быть не только некая коммуникация между двумя континентами, но и мемориальная зона между этими двумя островами. Острова Диомида принадлежат двум странам: один американский, один русский. Между ними должна находиться мемориальная зона. Много было войн, погибших. Авторам предстояло создать символическую зону Памяти. И если технические решения были предъявлены очень широко, то столь же широко оказался и диапазон творческих предложений по отношению к мемориальному пространству. На мой взгляд, это было даже более интересно, чем тема соединения двух континентов.

На общем фоне выделялся блок очень любопытных проектов, которые получили поощрительные премии. Это некие энергетические мосты – архитектурные сооружения, передающие энергию, – посланцы из XXII века. И сама задача была поставлена не для XXI века, а, скорее, для XXII века.

ПБ

Какими критериями руководствовались жюри при принятии решений? АК

Критерии оценки жюри определило на старте. Это, конечно, экология, не нарушение того природного уникального окружения, которое связано с регионом, с сохранением природы и этнографического наследия.

Мы с опасением относи-

лись к неким демиургическим проектам, связанным с очень крупным строительством в этом регионе. Поэтому, выбирая претендентов на первую премию, мы пошли сначала по пути поиска наиболее интересных реализуемых идей. Затем – нереализуемых. И в этих парах мы старались работать.

Очень интересна работа архитекторов из латиноамериканских стран, удостоенная первой премии. Авторы предлагают соединение материков системой растущих искусственных рифов, которые становятся опорой для транспортного сообщения. В этом проекте крайне тактичное решение мемориальной зоны в стиле Тадао Андо, с подводной площадью. Похожих решений было несколько, но именно этот коллектив оказался лидером у всех членов жюри.

Так как конкурс проходил в Корею, естественно, много было корейских работ. Одну из вторых премий получил именно корейский проект, очень динамичный и яркий, я даже думал вначале его выдвинуть на первое место. Его идея крайне эмоциональна. Обрывающийся над подводным тоннелем мост – соединение «нестыкуемых элементов» подводной и

надводной форм. Эти две части точно иллюстрируют разные культуры, разные принципы, разные истории двух континентов. Визуально объединяет их только мемориальная зона. Очень красивое, точное и очень элегантное решение.

Молодежные работы студенческого конкурса были в целом более ученические. Но мы старались найти и поддержать даже интересные фрагменты проектов, а иногда и крайне слабо поданные интересные идеи. Вспоминаются мосты из искусственного льда, плавающие мегаструктуры, тоннели-парники и мосты-мельницы, вырабатывающие ток.

ПБ

Итак, конкурс состоялся.

Что дальше?

АК

Важен сам факт, что такой конкурс действительно СОСТОЯЛСЯ. И я надеюсь, если не в этом году, то в следующем и в России, и в Америке будут проведены итоговые выставки. Я предложил корейским архитекторам, используя ресурс нашего фестиваля «Зодчество», показать в двух странах результаты этого конкурса и вокруг этого провести серию творческих

обсуждений. Должен быть издан каталог, должны быть внимательно исследованы предлагаемые методы и приемы, технические и архитектурные решения. Следующий конкурс может быть уже на вполне реальный проект, который может быть реализован если не в XXI веке, то в XXII. И Россия, и Америка, я надеюсь, в этом будут заинтересованы.

Победители в номинации Профессионалы

Первая премия, архитектор Julian Restrepo (Colombia) with Pablo Forero, Manuela Mosquera, Tomas Jaramillo (Colombia), Susana Somoza (Venezuela)

Вторая премия, Rachdi Manal 'OFF Architecture' (France)

Вторая премия, Jitaek Shim with Sung Hoon Chung, Seung Yup Lee, Seung Hwan Shim, Sung Gi Park (Republic of Korea)

Вторая премия, Jaeik Sim Jaeik Sim, with Hyunwook Woo, Daekwon Park, Jonghyuk Lim, Dongjin Lee (Republic of Korea)

Третья премия – Evelyn Alonso, with Sara Sarmiento, Manuel Perez (Spain)

– Marek Rytych with Krzysztof Kryska, Malgorzata

Piotrowska, Pasternak Karol, Radek Tabor (Poland)

Поощрительные премии – Ben Addy (United Kingdom)

– Jacob Forsberg with Helen Hallberg (Sweden)

– Jessica Liew with Clare Kwok, Zi Yang Boon, Elissa Loh, Irene Ng (Australia)

– Laurent Troost (Brazil)

Победители в номинации студенты

Первая премия: Taegon Kim (Republic of Korea)

Вторые премии: – Hyunil Oh (Republic of Korea)

– Jannik Duellmann (Germany)

Третьи премии – Hyungi Kim (Republic of Korea)

– Antoine Denieau (France)

– Julian Huang (United Kingdom)

Поощрительные премии – Piotr Bialobrzesci (Poland)

– Sung Jun Bae (Republic of Korea)

– Joohyung Oh (Republic of Korea)

– Heuck Jin Jung (Republic of Korea)

– Deok Ki Hong (Republic of Korea)

www.bering-competition.org

Один день. Том III

Клуб Молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России и творческий коллектив KAPITANY.ANY представляют фото-арт турнир «Один день. Том III».

Сроки проведения – февраль, 2010 год.

Один день жизни одного города, имеющего богатую историю и постоянно развивающегося, города имеющего богатую историю и не прекращающего своего развития.

Общая тема конкурсных фотографий – один день из жизни города. Начинающие художники, архитекторы и дизайнеры представят свой взгляд на Иркутск. Визуальные эффекты соседства исторических памятни-

ков и современных зданий, эклектика архитектурных стилей, фрагменты городской повседневности, портреты жителей – все это темы конкурсных работ. Это будет неожиданный Иркутск – динамичное противоречивое пространство жизни молодых людей, не отягощенных художественными штампами и бытовыми стереотипами. Зафиксированные на фото-плёнку фрагменты одного дня городской повседневности позволят взглянуть на Иркутск по-новому.

Поброшенная информация на сайте www.kma-club.ru и в блоге www.odinden_irkutsk.livejournal.com

Два конкурса к юбилею города

В октябре 2009 года в областном художественном музее имени В.П. Сукачева были выставлены проекты памятников декабристам и первопроходцам и основателям города Иркутска. Условия конкурса предполагали, помимо оценки профессионального жюри, голосование жителей города. Свободный вход на экспозицию способствовал активности горожан: в голосовании участвовало около восьмисот человек. После закрытия экспозиции итоги обсуждались профессиональным жюри художников, дизайнеров, архитекторов и историков.

В конкурсе проектов памятника первопроходцам участвовали 12 коллективов (по одному из Москвы, Санкт-Петербурга и Улан-Удэ; 9 – из Иркутска). На лучший эскиз памятника декабристам было подано 11 заявок (по одному из столицы и Ангарска и 8 иркутских). Пресс-служба администрации Иркутска опубликовала информацию о результатах конкурса и дальнейшей судьбе проектов. По мнению профессионального жюри, победителем в обеих номинациях стал коллектив авторов из

Москвы под руководством Ю.П. Волчка.

Авторам было необходимо не только разработать проект, но и определить место будущей скульптуры и – по возможности – спроектировать обустройство территории вокруг нее. Место установки скульптуры – особая тема, ведь скульптура обладает не только собственно художественным качеством. Организуя пространство, она предполагает определенную динамику отношения к себе, проектирует активную деятельность в зоне памятника. Желательно, чтобы пространство становилось более цивилизованным. Размеры скульптуры, высота постамента, близость к зрителю конструируют пропорции монументальности и интимности. Участники сошлись во мнении, что памятник декабристам должен находиться на территории мемориального комплекса декабристов. Относительно памятника первопроходцам и первостроителям мнения разошлись как у авторов, так и в жюри. Большинство проектов предполагали размещение памятника в обу-

роенной зоне исторического центра на Нижней набережной. Возражения были весьма серьезными: добавлять еще одну скульптуру или скульптурную группу в пространство, уже насыщенное историческими объектами, в том числе и скульптурами, нецелесообразно. Было предложено расположить памятник там, где благоу-

стройство Нижней набережной только начинается.

Неровным был уровень проектов: на конкурс памятников декабристам предложения были слабее, чем на конкурс памятников первопроходцам. Идеи (трудно говорить об окончательной реализации, так как большинство моделей демонстрировали признаки поспешной работы) небесспорны. Даже проекты-призеры имеют весьма существенные недоработки. У историков были также вполне обоснованные претензии к степени исторической достоверности тех деталей, которые были использованы авторами. Конечно, художники могут трактовать тему обобщенно, но, если они ставят задачу создать образы, близкие к исторически достоверным, без точности в деталях им не обойтись.

Бросился в глаза тематический «перекус»: в проектах первопроходцам был сделан акцент именно на теме первооткрывателей. Но тогда возникает недоумение: что же, до прихода Ермака территория Восточной Сибири была необитаемой, ненаселенной? А где же коренное население, которое обустроивало землю до Ермака? Вместе с тем, если уточнить само название – не «первооткрывателям» и тем более не «покорителям», а строителям города, его зачи-

нателям, тогда соответствие идеи и воплощения будет более полным и адекватным.

На просмотре проектов было ощущение, что духовой оркестр играет бравурный марш: высоко поднятые головы, героические жесты, оружие в руках первооткрывателей и кресты у священников создавали настроение государственной ангажированности, идеологизированности. Конечно, 350-летие города – важная дата; поскольку именно к ней приурочена установка скульптур, сами они не могут не воплощать дух некоторой торжественности и официоза. Но памятник будет жить дольше, чем память о празднике, и его потенциальная культурно-моделирующая роль от излишней помпезности может весьма существенно пострадать.

Члены жюри и посетители экспозиции подчеркивали, что ни один проект не является безупречным, необходима доработка, а возможно – и объединение нескольких проектов в один. В разговоре с членом жюри А.П. Картопольцевым мы были единодушны: проект «теплой» скульптуры княгини М. Волконской (конкурс на лучший проект памятника декабристам) выглядит более законченным и больше соответствует «духу места», где планируется ее установка. Памятник же первопроходцам и основателям города выигрывает, если объединить два проекта – чисто дизайнерский («Нос корабля») и скульптурный (победитель конкурса).

Результаты работы профессионального жюри и голосования горожан были разными. На чье мнение

полагаться? Насколько будут учтены пожелания иркутян – покажет следующий этап: «доводка» проекта и его реализация. Но, как бы то ни было, прецедент публичного обсуждения проектов создан.

Ни в мировой, ни в российской, ни даже в иркутской практике монументальной и садово-парковой скульптуры конкурс не был откровением. Сошлюсь на мнение своего собеседника: хочется, чтобы в городе были памятники разные, пусть даже и такие, в которых реализуется не инновационная идея.

Протокол жюри

По предложениям на лучший эскизный проект памятника Первопроходцам в Иркутске в результате голосования жюри конкурса определено:

1 место – 113379, авторский коллектив: Волчок Ю.П., Переяславец М.В., Ставский Е.А., Ашихмин К.В., Москва;

2 место – 011111, авторский коллектив:

Чаркин А.С., Романовский Ф.К., Чернов А.П., Санкт-Петербург;

3 место – 159754, авторский коллектив: Бегеза М.Е., Киненко В.В., Гладких Е.Е., Голенин В.А., Иркутск.

По предложениям на лучший эскизный проект памятника Декабристам в Иркутске в результате голосования жюри конкурса определено:

1 место – 973311а, авторский коллектив: Волчок Ю.П., Переяславец М.В., Ставский Е.А., Ашихмин К.В., Москва;

2 место – Каменщики, авторский коллектив: Филиппов М.В., Таничев Н.М., Поляков Р.П., Хотулев Р.А., Иркутск;

3 место – 265093, авторский коллектив: Яковлев К.А., Лабов С.А., Ставский И.Е., Ставский Е.А., Иркутск.

Протокол голосования

жителей города
Всего проголосовало 1 367 человек. (По сведениям пресс-службы администрации и А. Красильникова – 736.)

«Первопроходцы»:

1 место: 349697 (ООО

«ЭлитМеталл-Дизайн», Иркутск) – 169 голосов.

2 место: 113379 (Волчок Ю.П., Переяславец М.В., Ставский Е.А., Ашихмин К.В., Москва) – 151 голос.

3 место: 755557 (Поправко А.И., Иркутск) – 83 голоса.

«Декабристы»:

1 место: 973311 (Волчок Ю.П., Переяславец М.В., Ставский Е.А., Ашихмин К.В., Москва) – 192 голоса.

2 место: 349666 (ООО «ЭлитМеталл-Дизайн», Иркутск) – 97 голосов.

3 место: 265093 (Яковлев К.А., Лабов С.А., Ставский И.Е., Ставский Е.А.) – 81 голос.

Марина Ткачева

Памятники Первопроходцу и Декабристам в контексте подготовки к 350-летию Иркутска

1. Авторский коллектив: скульпторы М.В. Переславцев (руководитель работы), К.В. Кубышкин, И.Т. Яворский, М.М. Малашенко; архитекторы Ю.П. Волчок (руководитель работы, автор концепции), А.А. Александров, К.В. Ашихмин, А.Ю. Воробьев, Е.А. Ставский.

Сложившуюся в проектном замысле концепцию новых для Иркутска памятников – Первопроходцу и Декабристам, предложенных на конкурс нашим авторским коллективом¹, во многом подтолкнула к реализации конструкция задания на проектирование, поскольку оно сводит воедино практически большинство ключевых для этой концепции понятий и слов:

- задание составлено сразу на два конкурса, ориентируя авторов рассматривать их вместе;
- в программе-задании предьявлена мотивация организации конкурса – подготовка к юбилею Иркутска;
- эти обстоятельства, самоценно существенные и самодостаточные, тем не менее накладываются на широкое обсуждение разнообразных проблем реализации нового генерального плана Иркутска;
- самостоятельная проблема большинства отечественных городов – благоустройство набережных, создание на берегу дополнительных общественных пространств и объектов, способных уплотнить культурное пространство городского центра. Береговая линия исторического Иркутска не исключение.

Предлагаемая авторская концепция сформирована в этих граничных обстоятельствах.

Концепция Памятника Первопроходцу и Декабристам в Иркутске в предлагаемом проекте рассматриваются как единая программа сохранения памяти о возникновении 350 лет назад и развитии во времени города, ставшего со временем столицей Приамурья и Восточной Сибири.

В проекте общими усилиями скульпторов и архитекторов эта программа формирует импульс для дальнейшего развития градостроительного искусства, реализующего в городских реалиях понятие «образ нового» в контексте современного генплана Иркутска.

Планировочное ядро – смысловое и исторически оправданное начало предлагаемой концепции, с одной стороны, органично встраивается в проектируемую по генплану города перспективу дальнейшего благоустройства набережной Ангары в центре города, с другой – формируется еще один городской центр общения горожан, тематически вбирающий в себя понятия «начало», «образ нового». Начало города, столицы, городской культуры, нового образа жизни, города в будущем...

Проектный замысел ориентирован на архитектурно-историческую по своей природе интерпретацию «движения во времени», развитие, накопление историко-культурных

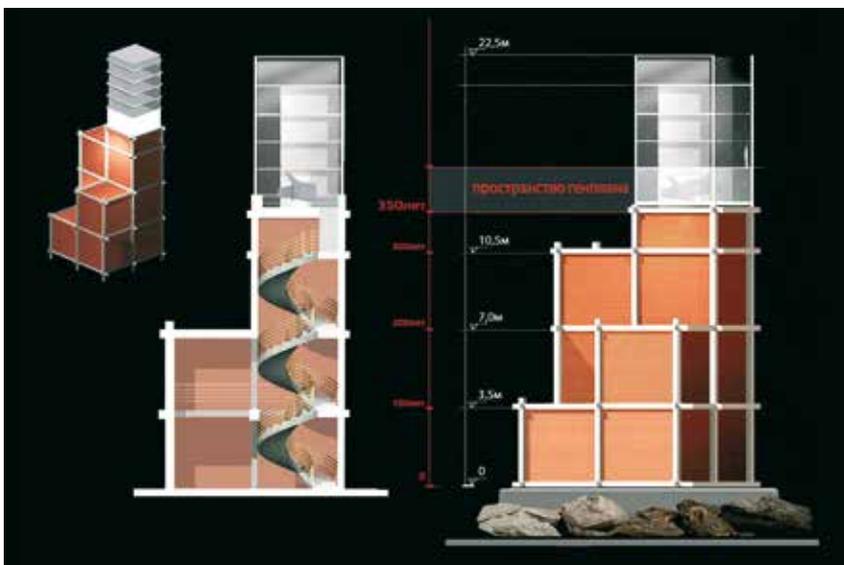
ценностей в городе, послышно накапливаемых за три с половиной столетия. Отсюда тема исторической памяти не может ограничиваться только созданием двух «конкурсных» памятников. Она должна получить методологически корректное развитие как в программе сохранения подлинных ценностей наследия, в первую очередь, деревянной застройки в историческом центре города, во-вторых, конкурсные проекты и для первопроходца, и памятника Декабристам не ограничиваются минимально необходимым для их «оформления» благоустройством. Оно должно, по нашему мнению, перерасти в градостроительную концепцию развития территории центра и на набережной, и в районе музея-усадьбы Волконских, в том и другом случаях достойных столичного уровня организации городской среды.

Структурные элементы единой концепции формирования образа нового, фиксирующего единство места и движения времени в пространстве города:

- архитектурно-скульптурная композиция по программе конкурса «Памятник Первопроходцу в Иркутске»;
- архитектурно-скульптурная композиция по программе «Декабристы в Иркутске»;

– элементы благоустройства, ландшафтной архитектуры и градостроительства в районе набережной напротив улицы Сухэ-Батора и вдоль переулка Волконских.

Вновь возводимые Иркутские Ворота – «Ворота на Байкал» на Ангарской улице по направлению на Листвянку – также один из объектов, предлагаемых программой разрабатываемой концепции. Функционально это новая современная гостиница, один из вновь создаваемых общегородских центров, в том числе и зимнего общения как для приезжих, так и горожан. «Ворота на Байкал» – последовательное развитие иркутской истории, закономерный взгляд в будущее города, неразрывную во времени преемственность между ними. Образ композиции «Ворота на Байкал» подсказан природным феноменом

устройства озера – продольное сечение его зафиксировано в одном из экспонатов Музея озера Байкал в Листвянке. Эта композиция послужила прообразом, импульсом поисков архитектурного решения гостиницы.

Реализуемая в проекте концепция архитектоники города сосредоточена на максимально возможном сохранении городских реалий и современном осмыслении качества жизни в историческом ядре Иркутска.

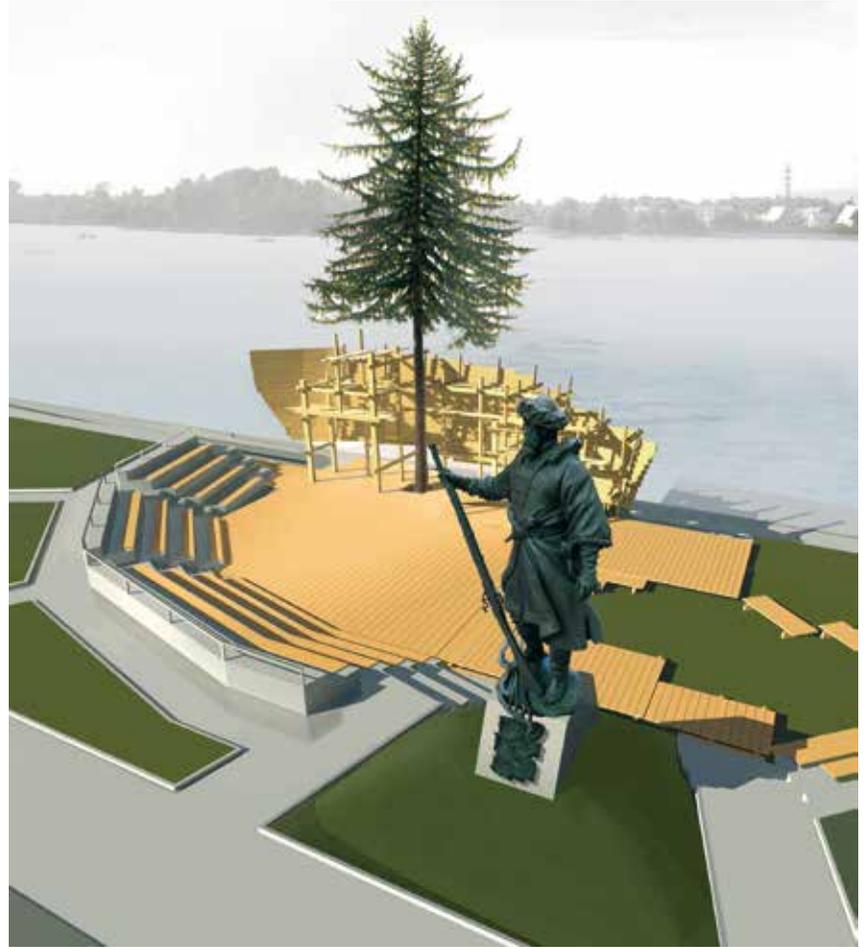
Концепция проекта развивает традицию классического искусствознания, сформулированную А.Э. Бринкманом в книге «Площадь и монумент. Проблемы художественной формы», синтезирующую творчество архитектора и скульптора, направленное на художественное осмысление «города в целом», архитектоники города в границах градостроительного искусства. Нелишне вспомнить, что книга Бринкмана в первом издании была опубликована 100 лет назад – в 1908 году (тоже юбилей). Второе ее издание датируется 1923 годом. Именно текст этой редакции книги перево-

дили на русский язык (с немецкого) в 1935 году, в период активной работы над Генеральным планом реконструкции Москвы. С тех пор прошло 75 лет...

Строго говоря, и по сей день все последующие редакции Генплана Москвы продолжают реализацию и наполнение радиально-кольцевой структуры города, закрепленной этим проектом.

С полноценной реализацией градостроительных возможностей диалога скульптора и архитектора в интересах развития города пока повсеместно сложнее...

«Первопроходец» – в дальнейшей судьбе города становится, по предлагаемой концепции, «первостроителем». С его созидательной деятельностью связано Начало в становлении и развитии города: история города – иркутская история. Памятник Первопроходцу предполагает неразрывно с ним памятник строительству, непрерывной во времени стройке. Поэтому в проекте разведены временные слои в эволюции работы с материалом: дерево, кирпич, бетон, металл – стекло.

Предлагаемая архитектурно-скульптурная композиция формирует образ исторического начала города, его «античность»: место на берегу Ангары, с которого начинает формироваться со временем пространство города. Проектируемая композиция создает «образ пространства Иркутска», сложившегося за 350 лет и имеющего вновь обретаемую по генплану города устойчивую перспективу развития.

Структурные элементы композиции:

- ладья;
- амфитеатр;
- башня-Маяк;
- скульптура «Первопроходец»;
- «Ворота на Байкал».

«Ладья» вбирает в себя множество образов:

- образ судна, причалившего к берегу в месте закладки будущего города;
- живая лиственница, укорененная в «теле ладьи», не только напоминает о мачте корабля, но и становится памятником – знаком уважения к дереву – материалу, позволившему сформировать

и застроить город. Вершумачты называется «топ» (место). В нашей концепции существенно важно, что топ – принадлежит живому дереву. Он фиксирует внимание на естественном во времени развитии города;

– борт «ладьи» – это образ укрытия, стены острога, граници исторического города. К нему «лепятся» первые избы в городе и постоянная «стройка» – процесс формирования Иркутска во времени;

«Амфитеатр» – формирует городское пространство для общения горожан (в основном в летние месяцы) и в то же время создает (фиксирует) памятное место – начало, точку отсчета жизни города. Каждый город, и Иркутск в том числе, имеет период «античности» в своей истории. В проекте важно было передать в устройстве амфитеатра стремление сохранить полноценное равновесие между природным склоном – откосом и цивилизационными усилиями по развитию города. Выложенные из лиственницы плоскости деревянного покрытия и ступени амфитеатра содержательно

отсылают в памяти к деревянным тротуарам, неотъемлемой составляющей исторического образа Иркутска.

«Башня-Маяк» – памятник 350-летию города – времени формирования его сегодняшнего. Отсюда геометрия, материал, конструкция и структурные элементы Башни обретают символическую образность. Башня-Маяк формируется из объемного, выполненного в железобетоне каркаса (из «кубов») со стороны с модулем 3,5 метра, заполненного стенами из красного кирпича. Три с половиной «куба» по высоте фиксируют «отметку 350 лет». Последующий объем – из прозрачного стекла – символизирует время действия (20–30–50 лет) ныне действующего генерального плана города. Расположенные на этом уровне прожекторы освещают в вечернее время: фигуру Первопроходца, амфитеатр, ладью, собор и направление на Байкал, формируя образ «пространства генплана» современного Иркутска. Стекланный светящийся «столб», завершающий композицию Башни-Маяка, – будущее города. Башня размещена

таким образом, чтобы, с одной стороны, не мешать видовым раскрытиям на исторический центр, с другой – стать смысловым «связующим звеном» между общественным центром и промзоной, расположенной несколько правее, если смотреть на панораму города со стороны Ангары или другого ее берега. Формотворческий прием создания структуры и художественного образа Маяка отсылает к памяти о первом десятилетии прошлого века, с которого началось в нашей стране активное внедрение технического прогресса, ставшего со временем повсеместно ведущим градообразующим фактором.

«Ворота на Байкал» – фиксируют значимую для Иркутска традицию создания иркутских ворот. Это сооружение территориально не связано с основной композицией памятника, но по содержанию – неотъемлемая составляющая его концепции – новый этап, будущее – в жизни, развитии и судьбе города. Вместе с тем ворота на пути в Листвянку позволяют сформировать еще одно городское пространство для общения, в данном случае, возможно, для зимних видов спорта.

Скульптура «Первопроходец» Фигура в полный рост (высота 4,5 м), выполненная в бронзе, установлена на постамент из светлых сортов гранита или местного камня. Располагается памятник на бровке набережной так, что из города, из глубины улицы Сухэ-Батора, в первую очередь, и со стороны бульвара создается ощущение, что первопроходец «делает первый шаг» с набережной, в пространство города.

Высота постамента (по фасаду) на 1,5–2,0 метра превышает отметку тротуара-набережной. Нижняя отметка – пята основания постамента – в 2–3 раза ниже. Постамент буквально врыт в земляной (природный холм). Это позволяет зрителю ощутить не просто

движение Первопроходца от набережной в городское пространство, но и преодоление им неизбежных трудностей, выпавших на долю первостроителей города. Ощущение движения – пути, который прошли (на каждом этапе развития города) его первостроители за 350 лет истории Иркутска, усиливается возможностью обхода скульптуры с двух сторон по вновь создаваемым лестницам, соединяющим проектируемый во вновь создаваемом историко-общественном центре пристань для прогулочных судов, амфитеатр-площадь и улицу-бульвар, выходящую на собор Богоявления в створ улицы Сухэ-Батора.

По мнению скульпторов, возможно и другое решение постамента – поднять его значительно выше (на 5 метров) и создать более традиционный по иконографическому образу монумент Первопроходцу.

Фигура Первопроходца развернута таким образом, чтобы стало очевидным для зрителя состояние человека, который одновременно прощается с прошлым (воина, путешественника), бросая «последний» взгляд на реку, и глядявается в перспективу, как бы оценивая предстоящую работу по закладке будущего города.

Концептуально реалистичная, тщательно выполненная лепка фигуры подчеркивает

реальность исторического персонажа и призвана создать наряду с необходимым обобщением символической образности архитектурных объектов общей композиции необходимое «внутреннее напряжение» памятника = символа.

Скульптура «Декабристы в Иркутске»

Скульптурная группа призвана передать душевное состояние декабристов в начальный период их новой жизни – в неизвестной для них реальности Иркутска. Фигуры декабристов наделены индивидуальностью. Каждый из них обрел свой образ, свое лицо. Но при этом их объединяет общность убеждений и судьбы. Неопределенность будущего и драматическое прошлое сплавивают их в единую группу – Декабристы в Иркутске.

Драматургия общей композиции формируется на невозможности диалога

декабристов с абсолютной властью, несовместимости государственных интересов империи и личных убеждений и устремлений новых жителей Иркутска. Объемно-пространственная форма скульптуры благодаря этому обретает два равноценных «фасада». С одной сторо-

ны, на плитах постамента свободно расположились декабристы, с другой – в полный рост вырастает колонна, воплощающая образ имперской власти. Двуглавый орел, отложив на время властные атрибуты-символы, ломает шпаги над головами декабристов. Власть победила, но на теле колонны навсегда остался шрам – след декабрьских событий в Санкт-Петербурге.

Колонна выполнена из красного гранита. Ее высота от уровня постамента – 10 м. Орел – из бронзы. Материал фигур декабристов – также бронза. Высота стоящих фигур – 2,7 м.

Скульптура княгини Волконской
Скульптурный образ княгини призван передать устойчивое

ощущение дома, надежности и прочности семейных ценностей и становится неотъемлемой частью общей композиции памятника Декабристам. Домашнего покроя платье, свободно лежащие по фигуре складки ткани убеждают в глубине чувств и твердости принятого решения – обживать новое местожительства. Зажженные свечи в канделябре – свидетельство преодоления «точки невозврата». Фигура выполнена в полный рост (высота – 3,0 м) и размещена на низком постаменте (0,8–1,0 м). Материал скульптуры – бронза. Постамент выполнен из бронзы более темных тонов.

Выбор места для установки памятника Декабристам в проекте предусмотрены два варианта размещения памятника Декабристам на территории, отводимой для этого по условиям конкурса.

Первый вариант сосредоточен на процессе формирования идеи столичности, связанной с переездом декабристов в Иркутск. Он в большей мере выявляет необходимость (тогда и сейчас) градостроительных работ. Благоустройство территории и усилия ландшафтных архитекторов позволят создать образ столицы из фрагментов воспоминаний, снов, размышлений о прошлой жизни декабристов. Мощение переулка Волконского, превращение его в полноценную городскую улицу отсылает к памяти о Невском проспекте; разбивка на месте пустыря, примыкающего к Преображенской церкви регулярного, сплани-

рованного в духе классицизма городского сада; фрагмент решетки Летнего сада – в совокупности создают устойчивый, хрестоматийный образ Санкт-Петербурга XIX века, едва ли не цитатно воспроизводимый в проекте. Он адекватен тем образам столицы, которые сумели сохранить и по возможности воссоздать декабристы, адаптируя их к реалиям новой для них жизни.

Деревянный «тротуар», идущий от ворот дома Волконских к памятнику, пересекает «Невский проспект», подчеркивая непреодолимый излом, трагедию личных судеб декабристов. Несомненно, поселение декабристов в этом городе послужило дополнительным импульсом к формированию городского уклада в Иркутске, что, как известно, отмечал и А.П. Чехов, посетивший город практически три четверти века спустя.

Скульптурная композиция декабристов размещена напротив Дома-музея на

вновь благоустроенной территории проектируемого сквера около церкви Преображения на пересечении геометрических и визуальных осей комфортного восприятия скульптуры как со стороны переулка Волконского, так и исторически сложившегося сквера Волконского, от школы и улицы Тимирязева. Трассировка осей осуществлена на основе тропинок, проложенных жителями близлежащих районов города.

Скульптуру княгини предполагается разместить в этом варианте в сквере Волконского на площадке, образованной пересечением дорожек – осей, связывающих школу, Дом-музей, виды на церковь и город в единое объемно-пространственное целое. Скульптура развернута лицом к Дому-музею – на юго-запад. Разросшиеся деревья в сквере играют значительную роль в образном построении общей композиции, формируя аллеи – зеленые ворота, организующие

видовые оси, концентрируя внимание и углубляя перспективы восприятия скульптуры. Анализ ландшафтной ситуации на территории возведения памятника позволяет сформировать четверо «зеленых ворот» в ключевых точках начала путей к памятнику. Для этого нужно только посадить одно дерево на входе во вновь разбиваемый сквер с улицы Тимирязева (со стороны автовокзала).

Второй вариант – более камерный. Он полнее отвечает традиционно сложившемуся укладу жизни в Иркутске. Композиция декабристов переносится в старый сквер и устанавливается на той же площадке – на пересечении осей, идущих от церкви, школы и Дома-музея. Скульптура княгини Волконской перемещается во двор Дома-музея и ставится напротив ворот в глубине двора. Благоустройство территории – также неотъемлемая составляющая реализации общего замысла установки памятника и в этом варианте. Благоустраивается переулок Волконского, пустырь у церкви становится ровным зеленым газоном. Сохраняется углубленное внимание к деталям: бордюрный камень и т.п. На площадке, возникающей на переходе (спуске) к скверу Волконского, предлагается установить небольшой фонтан-раковину. «Фонтан жизни» – единственное здесь напоминание о Санкт-Петербурге и одновременно он увязывает в единое целое разобщенные визуально элементы композиции – памятника Декабристам в Иркутске.

Необходимость структурирования производства и последовательности работ по реализации предлагаемой концепции сохранения памяти о 350-летней истории города и его градостроительных перспективах предполагает формирование поэтапной программы ее осуществления. Это позволит создать оптимальный по срокам и затратам план возведения объектов, в совокупности реализующих авторское видение предложенного для конкурсного соревнования проектного задания.

Юрий Волчок

Продолжающаяся жизнь деревянного города

Иркутск. Идеология комплексной регенерации квартала № 130 исторической деревянной застройки (ул. 3-го Июля, Седова, Кожова)

Комплексная реконструкция квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова призвана на примере Иркутска продемонстрировать новую градостроительную политику в отношении деревянной застройки исторических городов России. Эта политика направлена не только на реабилитацию отдельных зданий-памятников, но прежде всего на восстановление целостных фрагментов исторической среды города с сохранением традиционной функции жилья и индивиду-

ального ремесленнического предпринимательства, а также усилением современных функций: массового отдыха, досуга, культуры, обслуживания и т.п.

Квартал № 130 – типичный для Иркутска (рис. 1). Его характеристики и его проблемы типичны для всей исторической части города: много ветхого жилья, отсутствие централизованного водоснабжения и канализации, наличие нескольких зданий, являющихся памятниками культурного наследия и огромное количество средовой,

фоновой застройки, которая не представляет ценности, но которая как раз и слагает усадебный тип членения территории с обилием зелени и формирует неповторимый облик нашего города.

Основной концептуально-методологический вопрос: что здесь должно быть? Музей? Общественное пространство? Индивидуальное жилье? Кафе, рестораны? Офисы? Мастерские ремесленников? Объекты туристической сферы?

Ответ на этот вопрос прежде всего должен учесть

возможности самой среды. То есть ее способность безвредно впустить в себя новые функции. А также понимание того, какие функции сложившаяся среда обязательно отторгнет. И того, какие функции, будучи насильно внедренными, безвозвратно разрушат саму среду.

Ответ на вопрос о предназначении данного квартала дает состав использования территории и объектов недвижимости, который закладывается в проект: а) жилье и небольшие гостиницы, б) офисы, в) трактиры и закусочные, г) музеи, д) мастерские ремесленников, е) галереи (художественные и прочие), ж) выставки-продажи, сувенирные лавки, з) технические сооружения, и) общественные пространства (линейные и локальные). Предлагаемое зонирование показывает, какие функции и в каком месте будут размещаться; на какую нагрузку посетителей (клиентов) они рассчитаны; какие функции могут соседствовать друг с другом (горизонтально или вертикально – на разных этажах одного и того же домостроения), а какие функции нужно развести как можно дальше друг от друга.

Наш подход в отношении деревянных зданий на территории реконструируемого квартала заключается в следующем:

а) все ценные сооружения должны сохраняться и реставрироваться – это памятники регионального, местного значения (а также вновь выявленные объекты культурного наследия, рекомендуемые к постановке на учет); б) сооружения, достойные быть включенными в список памятников того или иного масштаба, и в) здания, не являющиеся памятниками, но играющие роль средовых объектов, должны по решению органов охраны либо восстанавливаться как средовые, либо заменяться на другие, переносимые сюда с других мест.

Рис. 1 Квартал в границах улиц: 3-го Июля, Седова, Кожовой. Вид из космоса

Исходя из этого, предлагается выделить несколько проектных и исполнительских задач:

- а) реставрация памятников;
- б) реконструкция средовых объектов;
- в) перенос памятников с другой стороны расширяющейся улицы 3-го Июля и, возможно, с других мест;
- г) новодел (то есть изготовление деревянных домов в полном соответствии со старой технологией и в полном соответствии с внешним видом исторических построек; по чертежам, снятым с других памятников, может быть, давно уже уничтоженных);
- д) новые современные строительные объемы (прежде всего, формирование подземного эксплуатируемого пространства, а также надземный переход от Музыкального театра через ул. Седова).

Улица Кожова требует целостного двустороннего обрамления исторической застройкой. Она живописна и не насыщена транспортом (согласно перспективной транспортной схеме) и вполне может стать прогулочной, пешеходной, снизить статус до местного проезда. На территории реконструируемого квартала, в зоне, примыкающей к улице Кожова, предлагается сформировать две слободы. Возможно это будут: а) слобода кузнецов с мастерскими и небольшой площадью, позволяющей всем желающим попробовать себя в кузнечном ремесле, и слобода краснодеревщиков (гончаров, резчиков или берестянщиков), тоже с мастерскими и площадью для размещения торговых лотков и верстаков для желающих взять в руки рубанок; с удобными подъездами для загрузки необходимых материалов и повседневного обслуживания ремесленной деятельности, дворами и надворными постройками, необходимыми для хранения сырья и материалов.

Отдельный раздел даст ответ на вопрос, как традиционная застройка будет реагировать на ее современное использование и использование прилегающей территории.

Не следует превращать Иркутск в псевдомузей, не следует и ограничивать себя лишь подкрашиванием

фасадов домов вдоль туристических маршрутов. Необходимо возрождать аутентичную среду. Таковую, в которой современные люди смогут комфортно жить, имея теплый туалет и ванную с горячей водой, место для парковки автомобиля и клочок земли, если захочется, для садика или грядки с зеленью. Таковую, где гости города могут арендовать комнату для кратковременного проживания. Куда можно зайти перекусить домашними пирожками в частной булочной. Восстановление исторической среды Иркутска в ее новом инженерном обеспечении и обновленном техническом состоянии нужно, прежде всего, жителям города.

Празднование 350-летнего юбилея могло бы проходить на площади Музыкального театра, потому что эта площадь – одна из немногих в центре города, способных принимать большие массы людей. В перспективе ансамбль площади будет завершен за счет возведения Концертного зала (рис. 5, усл. обозн. – 8). А в дни 350-летнего юбилея на его месте может быть сформирована временная эстрада с тентовым покрытием.

Связь этих двух площадей: а) площадью между зоной Музыкального театра и будущего Концертного зала (рис. 2, усл. обозн. – 3) и б) площадью внутри ренерируемого квартала (рис. 2, усл. обозн. – 4) правильнее всего осуществлять за счет создания надземного перехода через ул. Седова (рис. 2, усл. обозн. – 5).

Это решение обеспечивает преемственность с проектом иркутских архитекторов 1970-х годов (рис. 3).

Оно позволяет, не прерывая движения по насыщенной транспортом ул. Седова, переводить в квартал (и в дни празднеств, и в будни) потоки туристов и народные шествия – непосредственно с Театральной площади и от парковки туристических автобусов возле него. Эта платформа-мост также станет выполнять роль видовой площадки, с которой открывается панорама левобережья. С нее можно будет наблюдать и за празднествами, проходящими на площади ренерируемого квартала (рис. 4).

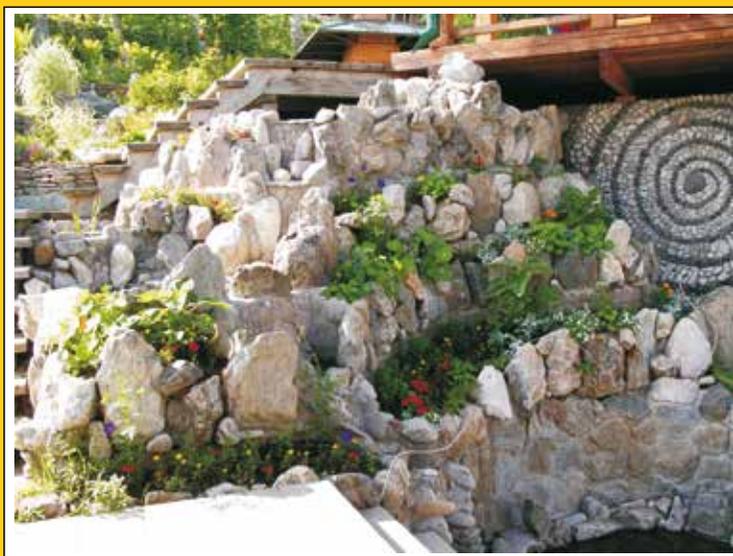
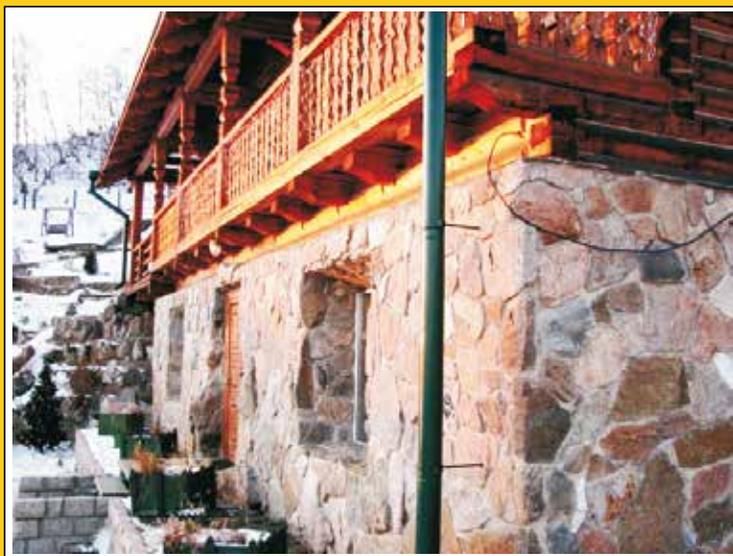

Рис. 2. Предложение по организации надземного перехода через ул. Свердлова

Рис. 5. Подземная парковка

Квартал должен быть насыщен разнообразными функциями. Здесь помимо а) жилья в деревянных домах, должны располагаться: б) музеи; в) офисы; г) трактиры, закусочные, кафе; д) мастерские ремесленников; е) галереи (художественные и прочие); ж) помещения

выставок-продаж, сувенирные лавки, антикварные лавки, з) небольшие гостиницы; и) технические сооружения; к) общественные пространства (линейные и локальные). Уже при разработке проекта квартала необходимо дать ответы на целый ряд ключевых вопросов дальнейшей эксплуатации: на чьи плечи ляжет содержание такого «объекта», как «квартал исторической деревянной застройки» (благоустройство, озеленение, магистральные инженерные сети, внутриквартальное освещение общественных пространств и т.п.); чем можно заинтересовать частного инвестора в отношении вложения средств в реализацию этого проекта; как законодательно должно быть оформлено существование этого квартала, чтобы со временем наполняющая его среда не была искажена?

Программа эксплуатации реконструируемого квартала и активизации использования территории опорного историко-культурного каркаса, в целом, предполагает особый режим использования земли и управления недвижимостью в центральной части города. Этот факт ставит перед местным законодательством специальные задачи. Например, создания муниципальной правовой базы градорегулирования, как инструмента управления целями и действиями экономических агентов, вовлекаемых в инвестирование проектов комплексной реконструкции кварталов исторической деревянной застройки.

Новая градостроительная политика в отношении центров исторических городов требует установления «правил инвестирования» – локальных, местных,

выражающих потенциал ситуации. Для того чтобы законодательно обеспечить появление подобных правил, необходимо разработать «Зональный правовой регламент квартала». Он предполагает «нарезку» в границах квартала внутренних земельных участков, исходя из «размера» функции (то есть на неделимые участки, величина которых изначально определена потребностью профильной функции в территории, необходимой для ее реализации). Эти участки получают конкретные границы (с координатами) и указанием количества и объемов строений (с привязкой), которые на этих участках должны быть возведены. По отношению к каждому участку, выделенному внутри квартала, должно быть конкретно определено, в чьей собственности он может находиться (федеральной, муниципальной, частной); какими инженерными системами он будет обеспечен; каков регламент его функционального использования. И, что самое важное, какими ограничения и обременениями он отягощен. Эти основные факторы и будут определять ключевые условия будущего развития этого участка и его рыночную стоимость. В итоге формируются «объекты недвижимости», которые и станут предметом рыночных отношений в рамках инвестиционного проекта.

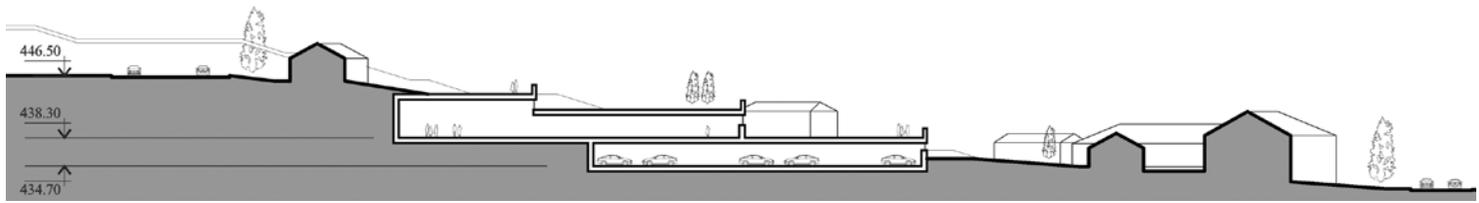
«Зональный правовой регламент квартала» утверждается как закон органа местного самоуправления и в дальнейшем обеспечивает градорегулирование в границах квартала, гарантируя постоянство его функционального использования в соответствии

Рис. 3. Проект площади культурного центра иркутских архитекторов 1970-х годов

Рис. 4. Предпроектное предложение по реконструкции квартала № 130 с организацией надземного перехода через ул. Свердлова

с исходным проектом, а также неизменность внешнего облика строений.

Далеко не все современные технологии торговли, досуга, питания, отдыха, времяпрепровождения способны вместиться в небольшие объемы деревянных исторических зданий. Для них недостаточно места на поверхности земли. Особенностью данного участка земли является то, что перепад рельефа квартала в районе ул. Кожова составляет 15 метров. Этот факт ставит вопрос об использовании подземного пространства. Постановка задач подземной урбанистики вызвана также необходимостью производства крупномасштабных земляных работ по terracing части территории под центральную площадь комплекса. Это позволит определиться с размещением так остро необходимых комплексу парковочных мест. В подземной и полуподземной части предлагается разместить: а) парковку (рис. 5) и б) многофункциональное общественное пространство с расположением в нем всех тех функций, которые тре-

буют постоянного подъезда грузового транспорта или нуждаются в больших пространствах для развертывания современных технологий обслуживания и сервиса (рис. 6). Здесь же, кстати, можно будет разместить все технические и диспетчерские службы, а также общественные туалеты, причем рассчитанные не только на посетителей квартала, но и на транзитные потоки людей с Театральной площади.

Общественное пространство в Иркутске – большая тема. За последние десятилетия они оказались серьезно уничтожены точечной застройкой. Общественное пространство данного квартала предназначено для транзита в цепочке площадей и развертывания разного масштаба локальных массовых действий – по всей территории квартала и на его центральной площади. Для этого предлагается пронизать квартал сетью внутренних общественных пространств: а) линейных (променады), б) локальных (сквер, расширения пешеходной улицы, центральная площадь и небольшие площадки внутри

ремесленных слобод – кузнецов, гончаров, краснодеревщиков и берестянщиков).

Внутренняя площадь квартала включается в единый каркас общественных пространств и в единый сценарий, как празднования 350-летия Иркутска, так и круглогодичного проведения общегородских мероприятий (и светских, и религиозных), разворачивающихся также и на других площадках. В частности, на: а) специально спроектированной для этого, площади культурного центра возле Музыкального театра (Театральной площади), б) площади перед Дворцом Спорта, в) спортивной зоне стадиона «Динамо», г) прогулочной зоне набережной, д) острове Юности, е) строящегося здания торгово-развлекательного центра «Континенталь-Сибирь».

Предполагается, что на территории квартала № 130 будут регулярно происходить культурные события – ярмарки, выставки, художественные акции, исторические действия, эстрадные шоу, народные гуляния, Масленица и т.п. Жизнь здесь не должна замирать

после окончания работы музеев и офисов.

Реконструируемый квартал не должен остаться лишь островком истории и культуры в окружении современной диссонирующей застройки. Он должен стать одним из элементов структуры опорного каркаса исторической среды города. Он должен быть связан с туристическими и образовательными (для школьников) краеведческими маршрутами: а) пешим, б) автобусным, в) водным, г) трамвайным. В частности, с ул. Тимирязева, по которой планируется движение трамвайного познавательнотуристического маршрута (от железнодорожного вокзала до Музейного комплекса декабристов), предназначенного и для школьников, изучающих краеведение, и для гостей города. Три опорных исторических и рекреационно-туристических каркаса центральной части Иркутска: а) каменный Иркутск, б) деревянный Иркутск, в) общественно-пешеходный, сливаясь воедино, формируют систему познавательнотуристических маршрутов, привлекательных для гостей

Рис. 6. Подземное многофункциональное пространство. Разрез

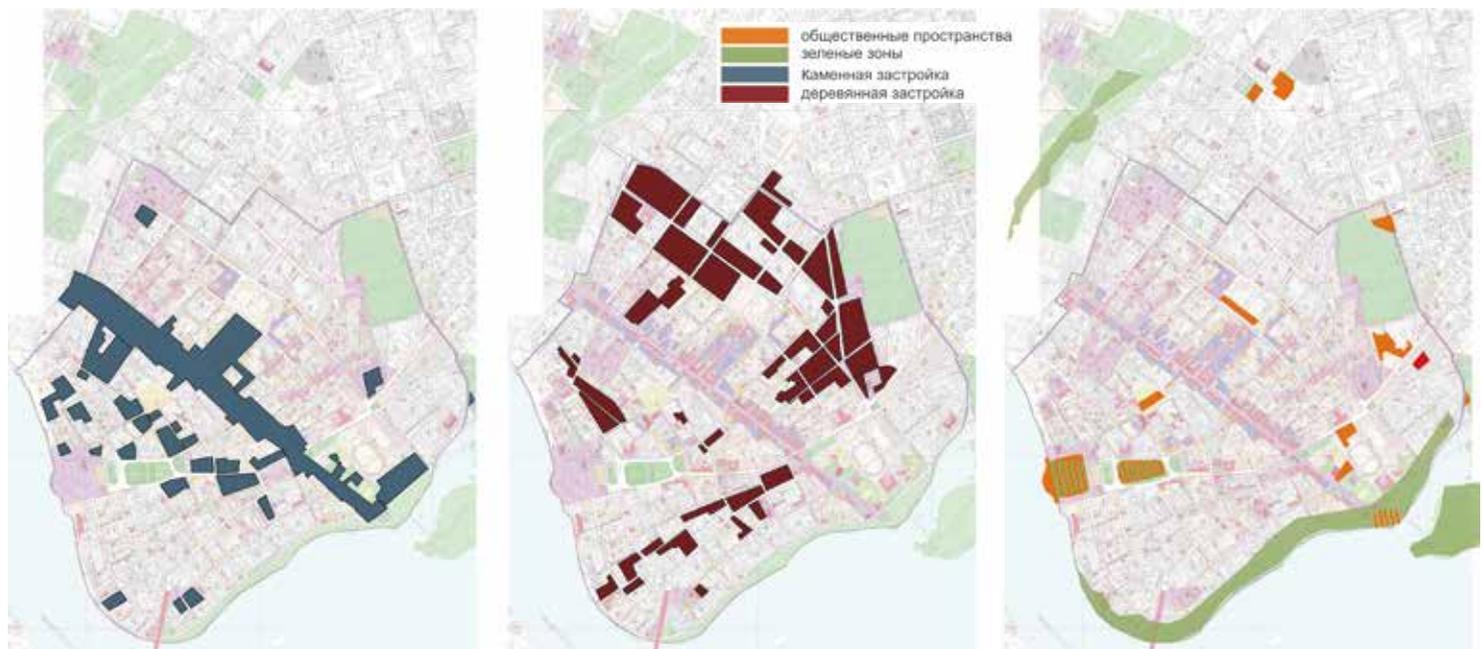

Рис. 7. Опорные исторические и рекреационно-туристические «каркасы» застройки центральной части Иркутска

Рис. 8. «Ожерелье» исторических кварталов деревянной застройки вокруг Крестовоздвиженской церкви

города и комфортных для горожан (рис. 7).

Квартал № 130, в силу своего расположения, становится ключевым элементом того «ожерелья» деревянных кварталов, которые обнимают Крестовоздвиженскую церковь, по линии пешеходной связи с Иерусалимской церковью, а также с заповедной улицей Грязнова, улицей Лапина, которые, в свою очередь, с неизбеж-

ностью будут принимать потоки людей, покидающих площадь культурного центра после проведения массовых мероприятий.

Каркас общественных пространств вокруг композиционной и смысловой доминанты – Крестовоздвиженской церкви – должен быть поддержан отреставрированным и восстановленным поясом кварталов деревянной

застройки, протянувшихся до Входа-Иерусалимской церкви. А также ансамблями деревянной застройки исторических улиц: Тимирязева, Грязнова, Лапина, Богдана Хмельницкого, Бабушкина и др. Именно формирование «ожерелья» исторических кварталов деревянной застройки вокруг Крестовоздвиженской церкви (от Входа-Иерусалимской церкви до ул. Кожова) должно стать первой очередью формирования ансамбля традиционной усадебной застройки возрождающегося исторического Иркутска (рис. 8).

Поиск подходов к комплексной регенерации кварталов между Крестовоздвиженской и Входа-Иерусалимской церквями (№ 131 и № 133), учитывающий зарубежный опыт

восстановления целостных фрагментов исторической среды, станет темой проведения Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, который пройдет в стенах Иркутского государственного технического университета в феврале 2010 года.

Комплексная программа регенерации исторического квартала № 130 города Иркутска способна стать моделью выработки новой градостроительной политики в решении проблем, типичных для многих исторических городов России, сохранивших бесценное национальное сокровище – человеческую, живую, теплую, исконно русскую деревянную идентичную городскую среду.

Елена Григорьева
Марк Меерович

ЛИСОН

БЕЛЕЕ СНЕГА, КРЕПЧЕ МОРОЗА

**Компания ЛИКОН производит полный спектр
водоэмульсионных материалов
строительной косметики для дерева:**

грунты

краски

лаки

шпатлёвки

колеры

**Иркутск, 2-я Красноказачья, 3
т. 200-000, www.licon.ru**

Принципы разработки и реализации проекта комплексной регенерации исторического квартала Иркутска в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова

Основной целью работ по комплексной регенерации квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова должно стать сохранение уникальной городской исторической среды Иркутска и создание городского публичного пространства нового типа, востребованного настоящим и будущим поколением горожан.

Успешность проекта (в том числе финансово-экономическая) будет определяться степенью востребованности и посещаемости территории. Другими словами, будет ли способен проектируемый квартал задерживать транзитные потоки потенциальных целевых групп горожан и порождать интерес к целенаправленному его посещению. Во многом это качество будет определяться следующими характеристиками:

- формированием новой функции в масштабе всей существующей центральной части города, создающей мотив посещения; обеспечение связности и доступности (в первую очередь пешеходной) с прилегающими территориями;

- притягательностью территории регенерируемого квартала для максимально широкого спектра возрастных и социальных групп потребителей – молодежи, студентов, детей, людей среднего поколения, пожилых иркутян, приезжих, туристов и т.п.;

- способностью «якорных резидентов» квартала создать собственный привлекательный формат деятельности (бизнеса, публичной жизни, образовательной деятельности, отдыха и досуга);

- появлением «неформатных» способов обживания и использования пространства.

В последнее десятилетие основными способами развития общественного пространства в Иркутске были инвестиции в коммерческую (розничную торговлю, офисные центры, складские комплексы), а также жилую недвижимость. При

этом отданное на «откуп» бизнесу развитие городских районов привело к фактическому исключению важнейшего типа объектов – пространств для самовыражения, для свободной коммуникации людей, для реализации различных форм самостоятельности и коллективных инициатив. Реализуемые проекты лишь эксплуатируют существующие публичные пространства, но не создавали новых, постепенно вызывая все больший их дефицит, особенно в нецентральных районах города.

Значительная часть населения Иркутска – студенты (более 120 тыс.). По данным опросов, основу жизненных стратегий этой категории молодых людей составляет возможность свободной самореализации в интеллектуальных видах деятельности и креативных формах самовыражения. Для них, как для одной из важнейших категорий посетителей регенерируемого квартала, основную ценность будет представлять наличие пространства для интересной жизни: творчества и самовыражения, свободной коммуникации и общения, эмоциональных переживаний и т.п. Подобный вид городского пространства притягивает одаренных, талантливых людей, а за ними сопутствующий капитал и обывателей.

Основная идея проекта – создание нового публичного пространства, гармонично входящего в среду архитектурно-исторического наследия, органично дополняющего и развивающего существующий центр Иркутска.

В логике современного городского времяпрепровождения и потребления, проектируемый квартал должен взять на себя функции культурного центра. Ключевыми взаимодополняющими элементами пространства 130-го квартала, как культурного центра города, должны стать:

- 1) Культурно-историческое наследие, подчеркива-

ющее идентичность и уникальность места, являющееся источником вдохновения для горожан. В данном проекте эту функцию будут выполнять:

- отреставрированные дома – памятники деревянного зодчества;
- прилегающие к проектируемому кварталу ансамбль Кресто-Воздвиженской церкви и другие памятники;

- непосредственно планировка квартала – сохранение традиционного масштаба и плотности застройки, сохранение характера расположения объектов;

- дизайн среды – общая стилистика зданий и сооружений, элементов декора и благоустройства территории.

- 2) Места производства, экспонирования и продажи продукции креативных видов деятельности – мастерские и магазины. Особо важны мастерские, основанные на уникальных компетенциях и изготавливающие уникальную продукцию, либо продукцию с оригинальным дизайном:

- одежда, обувь;
- антиквариат, искусство;

- галереи, музеи;
- ювелирная индустрия;
- иные услуги (ландшафтный дизайн, дизайн интерьера, флористика, мультимедиа и т.д.);

- другие «производства», связанные с развлечениями и свободным временем.

- 3) Торговые зоны и рынки. «Шопинг» – один из основных видов публичного времяпрепровождения современных горожан. При этом сами торговые пространства сегодня, как правило, организуются как общественные пространства. При проектировании реконструируемого квартала целесообразно рассмотреть возможность организации нескольких небольших, но относительно плотных «торговых коридоров». Они могут быть выделены, например, по определенной специализации или для определенного рыночного

сегмента (демократичный, элитный). Что касается формата современных торговых центров, то они требуют большого (от 2 тыс. кв. м), специальным образом организованного пространства. Ввиду необходимости сохранения исторической стилистики реконструируемых, реставрируемых, переносимых на данную территорию исторических зданий, возможным вариантом размещения торгового центра может стать подземное пространство в зоне перепада высот на юге квартала, вдоль улицы Кожова или временные галереи вдоль главной пешеходной променады внутри квартала.

- 4) Публичные пространства, выступающие в данном случае площадкой для коммуникации и самовыражения горожан. Особ ценны те пространства, в которых эта коммуникация свободна и открыта, эмоциональна и безопасна. Публичные пространства должны «жить», заполняться людьми. Ключевыми публичными пространствами проектируемой территории должны стать:

- пешеходные улицы
- основные планировочные оси;

- центральная площадь, играющая роль многофункционального пространства-форума, способного трансформироваться под различные типы использования (концерты, спортивные мероприятия, территория для общения, выставки под открытым небом и т.д.);
- свободное пространство между зданиями должно быть превращено в парковую зону, используемую для прогулок.

- 5) Гостиницы, рестораны, кафе, оздоровительные и wellness-центры, спа-салоны и салоны красоты.

Инвестиционная привлекательность проектируемых объектов недвижимости Особенности уникальных исторических деревянных строений, располагающихся

на территории квартала, является их небольшая площадь (до 500 кв. м), что делает невозможным их перепланировку под современные инвестиционно привлекательные форматы недвижимости. Поэтому в данных объектах целесообразно размещать прежде всего оригинальные креативные производственные, торговые и другие проекты, не нуждающиеся в значительных площадях и больших зальных помещениях. Например, сектора HoReCa (стилизированные мини-отели, кафе, рестораны-трактиры) или индустрии здоровья (спа-салоны с применением местных технологий и продуктов).

Реконструкция исторических зданий (отличающаяся высокой стоимостью по сравнению с новым строительством) предполагается за счет пожертвований с последующим оформлением в муниципальную собственность. Эксплуатация зданий происходит за счет долгосрочной аренды или полного выкупа со стороны малых предприятий. Такой же схемы инвестирования требует и территория площади-форума. Изначально строительство должно быть профинансировано за счет пожертвований, а дальнейшая окупаемость возможна за счет сдачи пространства форума в аренду, в том числе для проведения коммерческих общественных мероприятий.

Территория вдоль центральной пешеходной улицы и площади может быть сформирована объектами, переносимыми из других мест города или возводимыми заново, но с применением традиционных технологий, традиционного материала (бревно) и с обязательным сохранением исторического облика фасадов.

Наибольшую инвестиционную привлекательность для нужд малого и среднего бизнеса представляют помещения площадью 700–2000 кв. м, с соответствующим типом внутренней планировки. В объектах недвижимости такого типа могут располагаться крупные сетевые объекты общественного питания

(сетевые рестораны и т.д.), магазины и мини-универмаги, гостиницы среднего размера (15–30 номеров), достаточно крупные общественные объекты: клубы, коворкинг-центры, галереи, музеи. Строительство такого рода объектов недвижимости будет происходить за счет средств частных средних и крупных инвесторов. Следует найти проектные решения того, каким образом подобные форматы объектов недвижимости могут быть размещены в исторической среде без нарушения ее целостности.

Площадь подземного торгового комплекса позволяет разместить в нем не менее 40 различных торговых точек, кинотеатр, детский игровой центр и ресторанную зону. Реализация проекта по строительству подземного торгово-развлекательного центра может быть осуществлена только в партнерстве с крупным бизнесом, имеющим опыт в строительстве не только крупноформатных торговых центров, но и подземных торговых объектов.

Мастерская «Артмост»

- Витражи художественные в различных техниках
- Мозаика
- Роспись настенная
- Разработка эскизов
- Профессиональное изготовление
- Монтаж

г. Иркутск, ул. Байкальская, 239,
тел.: (3952) 991303, 462716
e-mail: artmost@list.ru

Международный Байкальский зимний градостроительный университет – 2010

С 1999 года ежегодно в столице Восточной Сибири городе Иркутске в стенах Иркутского государственного технического университета проходят сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ). Специализированная междисциплинарная проектно-образовательная программа, в организационную и методическую основу которой положен 30-летний опыт проведения Мастерских Европейского университета градостроительства (г. Сержи-Понтуа, Франция), позволяет ставить на повестку дня и решать самые сложные и самые актуальные вопросы региональной градостроительной политики.

Каждый год в рамках сессии проводится международная научная конференция.

24–25 февраля 2010 года в Иркутском государственном техническом университете по теме сессии: «Сохранение и реабилитация исторической деревянной городской среды. Российская практика и мировой опыт» пройдут заседания международного научно-методического симпозиума.

Актуальность проведения сессии и научного симпозиума в ее рамках, заключается в следующем.

Центральная часть Иркутска, как и многих других городов России, застроена дореволюционной исторической застройкой. Как правило, это ветхое деревянное жилье, фактически, трущобы. Эта застройка – огромная проблема Иркутска.

В техническом отношении (без воды, канализации, с полуогнившими стенами, провалившейся крышей) исторические деревянные дома представляют собой абсолютно негодные для жизни домостроения. Несмотря на это, в них вынуждены жить люди, которым в условиях дефицита жилья, некуда деваться.

И в то же самое время эти покосившиеся, вросшие в землю дома – самая большая культурная и художественная ценность – редчайшее историческое наследие, несущее в себе дух места и образы прошлого. В Иркутске сегодня насчитывается около 730 деревянных памятников архитектуры федерального,

регионального и местного значения. Но кроме памятников, до нашего времени сохранился огромный массив деревянной исторической застройки, которая составляет средовой фон, своеобразное художественное окружение памятников, формируя, вместе с озелененными пространствами частных дворики, непрерывную ткань городской среды. И памятники, и фоновая застройка несут уникальное декоративное убранство. Они хранят историческую память, являются ресурсом самоидентификации жителей Иркутска и неопределимым потенциалом культурного наследия Сибири.

Конфликт «ценности» и «трущобы» ставит серьезную проблему: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Совершенно ясно, что людей из ветхого жилья нужно переселять. Также вполне очевидно, что дальше эксплуатировать эти домостроения в том виде, в котором они находятся, невозможно.

Что должно появляться на их месте – многоэтажные новостройки из кирпича и бетона, малозатяжная плотная современная застройка из эффективных строительных материалов, коттеджи усадебного типа? Или историческая среда должна быть восстановлена в своем прежнем виде – 1-, 2-этажных деревянных домов, в точности копирующих домостроения, стоявшие на этом месте?

Какие решения должны быть приняты, чтобы не дать исчезнуть уникальной деревянной исторической городской среде? Как добиться того, чтобы дорогостоящие работы по реконструкции и реставрации памятников деревянного зодчества стали инвестиционно привлекательными? Каким образом можно регламентировать процессы стихийного приспособления старых домов под современные нужды их владельцев? Как препятствовать искажению их исторического облика? Каким образом можно направить самостоятельное строительство на восстановление исторической среды, а не на ее уничтожение?

Какие принципы должны быть положены в основу

сохранения и развития всего исторического центра Иркутска?

Проблема состоит в том, что сегодня в России отсутствуют подходы, позволяющие разрешить конфликт между требованиями сохранения крупных целостных фрагментов среды исторической деревянной застройки городов и стремлением строительного бизнеса застраивать эти центры новыми современными зданиями, реализующими востребованные сегодня функции. Реставрация и реконструкция памятников культурного наследия, регенерация исторической среды не привлекают инвесторов высокой стоимостью работ, малой окупаемостью затрат и несоответствием размеров исторических домостроений габаритам помещений, необходимых для разворачивания современного прибыльного человекоемкого бизнеса.

Цель конференции заключается в том, чтобы обсудить европейский опыт решения подобных проблем, обеспечить сохранение и развитие исторической среды; найти пути использования этого опыта в российских условиях.

Новаторство данной конференции состоит в ее полидисциплинарном международном составе участников (градостроители, архитекторы, ландшафтные архитекторы, экономисты, экологи, дизайнеры городской среды, транспортные инженеры, реставраторы, историки, культурологи и др.). А также в «полифункциональном представительстве»: в ней примут участие: а) студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели из Иркутского государственного технического университета, Сибирского федерального университета, Томского государственного архитектурно-строительного университета, Новосибирской архитектурно-художественной академии; б) представители органов управления городской средой: мэрии Иркутска и правительства Иркутской области; в) урбанисты-проектировщики, директора проектных организаций; г) представители академической науки: члены Болгарской академии наук,

Российской академии архитектуры и строительных наук, Международной академии архитектуры, руководство академических научно-исследовательских институтов (НИИТАГ, ЦНИИЭП-град); д) руководство фонда «Иркутская слобода», специалисты Фонда регионального развития Иркутской области; е) представители гражданского общества и профессиональных союзов: члены Союза архитекторов России и Союза дизайнеров России, общественных организаций, ж) представители банковской сферы, строительного бизнеса, з) руководство и сотрудники органов охраны объектов культурно-исторического наследия.

На примере Иркутска будет обсужден, охарактеризован и оценен комплекс привлекательных для инвесторов мер по сохранению крупных целостных фрагментов среды исторической деревянной застройки, соответствующий российским условиям и применимый к работам по регенерации исторической деревянной застройки центров других российских городов.

Участники из Европы: Парижа, Бордо, Лиля (Франция); Штутгарда, Дрездена (Германия), Софии (Болгария), а также Америки, Ближнего Востока и Азии: США, Канады, Китая, Ливана, Монголии – обсудят содержание сообщений и поделятся собственным опытом сохранения и реабилитации исторической городской среды.

Российские специалисты из городов Сибири: Иркутска, Красноярска, Томска, Новосибирска; с Дальнего Востока – Хабаровска – и европейской части страны: Волгограда, Санкт-Петербурга, Москвы – оценят возможность использования этого опыта в российских городах с учетом очень специфических законодательных, финансовых, управленческих, поведенческих и прочих особенностей.

По итогам проведения конференции планируется издать сборник материалов, включающий тезисы докладов на русском языке.

Марк Меерович

Есть все права на регламент

Иркутск, несмотря на постигшие его в последние десятилетия утраты исторических зданий и видоизменение уникальной, целостной архитектурно-пространственной среды, представляет огромную ценность, являясь культурной опорой России на востоке страны. Но историческая часть города вплотную приблизилась к той грани, за которой количественные изменения неизбежно приводят к необратимым качественным изменениям городской среды. Особую ценность представляют памятники деревянного зодчества. Уникальная деревянная историческая застройка, не имеющая аналогов, находится в плохом техническом состоянии и под реальной угрозой сноса, потому что занимаемая ею территория представляет большой интерес для застройщиков.

Новая градостроительная политика в отношении центров исторических городов России требует установления таких «правил инвестирования», которые были бы способны исключить произвол и стихию в принятии градостроительных решений. Переход к ней должен опираться не столько на государственные вложения, сколько на частных инвесторов и внутренние ресурсы городского управления. Она призвана исключить фрагментарные, некомплексные решения, а зачастую даже вредные и для локальных территорий, и для города в целом; сформировать прочную основу для определения инвесторами ясной перспективы вложения средств; отразить интересы гражданского общества; гарантировать стабильность и четкий характер взаимоотношений всех участников градостроительного процесса и, в конечном счете, обеспечить устойчивое развитие городской среды.

Для изменения сложившейся ситуации в городе необходимо принять законодательные меры, а именно разработать «Зональный правовой регламент», который необходим для каждого квартала Иркутска или для объединенных групп кварталов.

«Зональный правовой регламент квартала» утверждается как закон органа

местного самоуправления и в дальнейшем обеспечивает градорегулирование в границах квартала, гарантируя постоянство его функционально-использования в соответствии с исходным проектом, а также неизменность внешнего облика строений.

Данный закон устанавливает предписания, которые налагаются на конкретные элементы планировочной структуры:

а) сооружения, б) занимаемые ими участки территории, в) участки территории общественного и совместного пользования и т.п. В частности, в состав «Зонального правового регламента» как неотъемлемые элементы должны быть включены: регламент по функциональному

использованию, регламент образа, включающий концепцию цветового решения и концепцию по использованию рекламы в исторической среде, регламент по реновации архитектурных объектов в городских кварталах, регламент средовых качеств.

На сегодняшний день возможно принятие данного регламента на уровне Закона Иркутской области о государственной охране объектов культурного наследия, что соответствует положению главы 2, ст. 4, п. 9 «К полномочиям администрации Иркутской области в сфере государственной охраны объектов культурного наследия относятся: установление порядка согласования градостроительной документации, а

также градостроительных регламентов, устанавливаемых в пределах территорий объектов культурного наследия и их зон охраны, включаемых в правила застройки муниципальных образований».

Разработка подобных регламентов – привычный элемент градостроительной деятельности в развитых странах. В отечественной практике аналоги пока, к сожалению, отсутствуют. У Иркутска есть возможность стать лидером в данной области.

Разработка регламентов может опираться на зарубежный опыт и, в частности, на опыт Дрездена – уникальный пример сохранения и развития исторической среды.

История вопроса такова. В 1994 году на заседании отдела

Церковь Фрауенкирхе (Frauenkirche)

Градостроительного планирования по развитию города Дрездена была принята первая «Общая стратегия планирования исторического города». Затем, в 1996 году, принято решение о разработке документов «Градостроительная концепция развития города» и «Зональный правовой регламент».

«Общая стратегия планирования исторического города» – пространственно ориентированная концепция, определяющая принципы формирования и качественные параметры среды. Она была призвана обеспечить сохранение уникального характера градостроительно-го и природного ландшафта Дрездена, выделив его тем самым среди европейских городов. Содержала план развития города в виде каркас-схемы по использованию новых зон на основе интеграции в исторические фрагменты среды современных бульваров с зелеными зонами, а также стратегию функциональной организации города в целом.

«Градостроительная концепция развития города» принята администрацией 17.01.2002 на заседании Городского совета города Дрездена. Включает в себя данные по градостроительной исторической структуре пространства – основе всех организационных мероприятий. Постулирует принципы использования территории городского центра на основе требования сохранения существующих и восстановления утраченных исторических объектов.

«Зональный правовой регламент» состоит из «Регламента функционального использования», «Регламента использования», включающего «Концепцию по использованию рекламы в исторической среде», «Концепцию цветового решения», «Регламента по реновации архитектурных объектов Фрауенкирхе»¹, а также «Регламента средних качеств».

Содержание «Зонального правового регламента» наглядно демонстрирует свод документов по историческому ядру

Дрездена – кварталу Ноймаркт (Neumarkt), который является важнейшим пространством не только для формирования исторического силуэта города, но и для общественной, торговой, развлекательной жизни города в целом.

1. «Регламент функционального использования» квартала – это предписания по функциональному назначению и материалу строений. Чтобы на месте предполагаемой в проекте жилой исторической застройки не появились «стеклянные кристаллы» – новостройки или сооружения в стиле хай-тек.

Каждый участок имеет функционально важный исторический объект, определенный решением администрации Дрездена на основании проекта отдела по градостроительному планированию в рамках общей концепции развития города. Постоянство функции гарантировано, так как какое-либо изменение функционального назначения отдельных зданий запрещено.

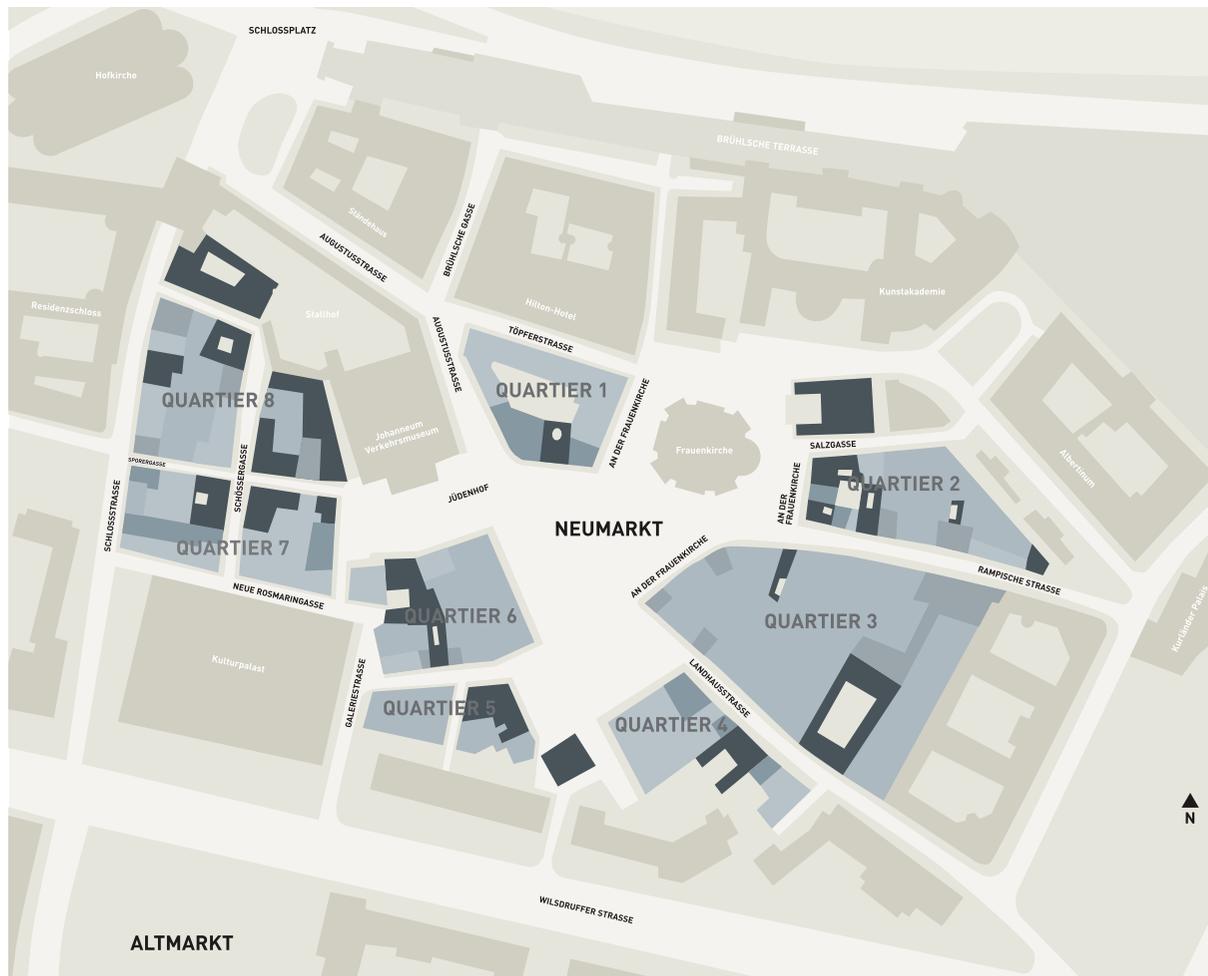
Размер и местоположение границ каждого участка определены в соответствии с «Общей стратегией планирования города Дрездена» (“Dresden-Planungsleitbild Innenstadt 2008”), в которой, в частности, были определены «главные объекты» – доминант и зависимые от них элементы застройки.

В данном случае в районе Ноймаркт (Neumarkt) в качестве главной доминанты определена церковь Фрауенкирхе (Frauenkirche). Остальные участки (“Quartiers”) дифференцированы по отношению к данному объекту, и им приписана конкретная функциональная значимость.

Размер конкретного участка определяется в соответствии с площадью предполагаемого к размещению на нем функционального объекта и решается индивидуально в каждом случае.

Принятие решения о передаче собственности выполняется при условии полного соблюдения всех требований к участку. Например, на

1. Церковь «Фрауенкирхе» – главный объект исторического центра г. Дрездена.

сегодняшний день один из земельных участков выставлен на продажу, и в его условиях четко прописаны все ограничения и обременения, а также регламент функционального использования. При покупке данного участка концепция проекта реставрации, реновации или возведения элементов нового строительства должна будет согласовано с администрацией градостроительного отдела города Дрездена.

Конкретно представлено решение материала фасада, где прописаны допустимые, оконные переплеты, дверные проёмы, параметры цветового решения, допустимое местоположение рекламы, материалы крыши, водосточные желоба. Все земельные участки района Ноймаркт имеют своих владельцев, ими могут выступать общественные организации, администрация города или частные лица. Реконструкция и застройка данных участков производится, согласно документам, утвержденным администрацией города. Проект каждого участка района Ноймаркт индивидуален, но выполнен согласно всем перечисленным выше исходным документам.

Таким образом, участок №1 (Quartier 1) является начальным этапом воссоздания исторической среды после восстановления церкви Фрауенкирхе. Где представлена интеграция функций: объектов общественного питания, проектных бюро и торговли, а также жилья особого вида. Атриумное пространство активно взаимодействует с объектами архитектуры. Данный участок вмещает 17 составляющих, 9 из которых уже восстановлены.

В отличие от него, участок №2 (Quartier 2) подразделен на две составляющих. Включает два внутренних двора, шесть фасадов восстановленных по историческим документам и два выполненных в новом архитектурном решении. Представлена интеграция торговой и деловой функций, верхние этажи занимает отель на 21 место. Участок частично выкуплен общественной организацией (Gesellschaft Historischer Neumarkt).

2. «Регламент образа», в соответствии с которым про-

изводится восстановление и реновация исторических объектов, основан на историко-археологических материалах. Он предписывает внешний вид зданий (реставрируемых; реконструируемых; переносимых на место ветхого жилья; «новодела», имитирующего внешний вид утраченных построек и т.п.). Осуществляется по историческим документам, сохранившимся фотоснимкам, в представленном сравнительном анализе «до» и «после». При отсутствии таковых, утверждается согласно «Градостроительной концепции развития города», принятой администрацией 17.01.2002 на заседании Городского совета города Дрездена.

Данный регламент необходим для того, чтобы на месте исторических объектов (в случае Иркутска – это ветхий деревянный фонд) не появлялись здания-новострой, формально абсолютно точно соответствующие регламенту высоты и габаритов, но при этом по внешнему виду оказывающиеся объектами, чуждыми архитектурному окружению. Составляющими данного регламента являются «концепция цветового решения» и «концепция использования рекламы в исторической среде».

3. «Концепция цветового решения» – подразумевает исторический анализ архитектурных объектов при расколеровке фасадов (это включает отдельный анализ цветового решения оконных переплетов, стен здания, элементов декора, крыши). Производится полное

Участок №1

восстановление цветовой гаммы всего исторического ансамбля, начиная с момента возведения зданий, согласно историческим данным.

Данный регламент представлен каталогами. Цветовое решение регламентируется экспертами отдела охраны исторического центра города Дрездена в форме заключения, подтверждающего согласование с городской администрацией. На данный момент существует цветовая палитра, где по номерам представлены возможные цветовые сочетания, допустимые для исторической части города.

Также карта по цветовому решению кровельных покрытий и мощений.

При введении элементов новой архитектуры тщательным образом проводится соотношение с утвержденной цветовой палитрой.

Главные аспекты при разработке цветовой концепции:

- расколеровка фасада согласно структуре членения фасада;

- типичная цветовая палитра Саксонии (известь и казеиновая краска);

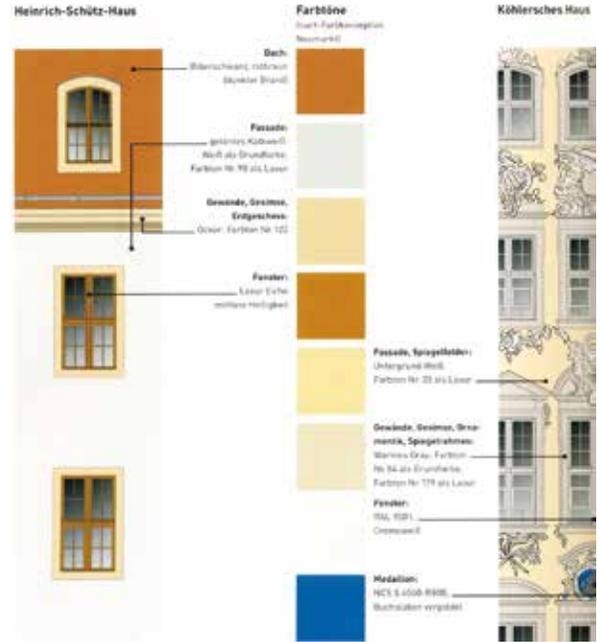
- колорит фасадов, восстановленный по историческим данным.

- выявление основных и расположение контрастных цветов, для формирования каркаса исторической площади, фасада, силуэта объектов.

Участок №2

4. «Концепция по использованию рекламы в исторической среде» разработана на основе закономерностей восприятия человеком визуальной информации. Выявлено допустимое использование рекламы, не нарушающее структуру фасадов и дающее необходимую информацию жителям района. Основные критерии, определяющие количество, местоположение, эстетическое и художественное качество рекламы:

Концепция цветového решения

– Параметры высоты: расположение рекламных надписей возможно только на уровне первого этажа здания. Выше данного уровня происходит нарушение визуального восприятия исторического облика фасада. Исключения из правил регулирования в отношении параметров высоты допустимо только для исторических названий или легенды здания.

– Параметры месторасположения: запрещено использование в рекламных целях архитектурных элементов фасада – оконного стекла, дверных проемов, карнизов, эркеров, колонн, пилястр.
– Освещение – возможно только с внутренней стороны рекламы, но при этом не самосветящееся. Появление осветительного оборудования как отдельного элемента фасада является нежелатель-

ным отвлекающим фактором при формировании облика здания. Свет должен быть однотонным и соразмерным, в соответствии с цветовой гаммой фасада. При использовании контрастных цветов возможно визуальное искажение объекта, что недопустимо по отношению к историческому центру. Рекламные буквы, расположенные выше уровня первого этажа, не освещаются. В

противном случае происходит нарушение восприятия архитектурного объекта.
– Консоль-держатель. Недопустимо использование блестящих, ярких и плоскостных держателей. Размер кронштейна не больше одного квадратного метра, освещение кронштейна запрещено. Возможна установка только одного рекламного элемента на каждую из сторон здания. Два метра

Концепция по использованию рекламы в исторической среде

минимально расстояние от консоли-держателя до угла здания. В противном случае, нарушается масштабность соотношения уличного пространства, объект рекламы играет главенствующую роль, нарушая восприятие зрителем, архитектурного объекта.

– При реконструкции или возведении здания площадь использования рекламного плаката на строительных лесах должна составлять не более 15 процентов от общей поверхности здания и изображать реконструируемый или будущий архитектурный проект, освещение запрещено. В противном случае значение рекламного элемента преобладает над архитектурным.

– Встраивание торговых автоматов в фасад здания запрещено.

– Использование откидных рекламных досок допустимо только объектам общественного питания, при этом обязательно мобильное использование, однократно с каждой стороны здания. При фиксации данных элементов нарушается мобильность используемого пространства.

– Использование рекламных навесов-«штор» допускается только в качестве односкатных крыш, однотонных цветов. В ином случае нарушается геометрические пропорции и цветовая гамма исторического фасада.

– При использовании кубических клумб запрещено плотное расположение, по отношению друг к другу, создающее визуальный барьер для людей. Максимальный размер растений 1,2 метра.

– Мелкая торговля спиртными напитками запрещена, исключение возможно для установки «летних зонтиков», но должно быть согласовано с городской администрацией Дрездена.

– Уличная фурнитура должна соответствовать цветовой гамме исторических зданий.

– «Зонтики» – летние навесы допускаются только одной и той же формы, цвета и размера, с центральной точкой опоры для всех объектов пищевого обслуживания, максимальный размер – четыре метра. При превышении нарушается визуальное восприятие архитектурных объектов.

5. «Регламент средовых качеств» – это соотношение малых архитектурных форм, ландшафта, пространственно-окружения архитектурных объектов и человека внутри данной среды. Соотношение определяется мощностью нуждающихся в пространстве процессов, нормами вместимости, напряженностью грузопотоков. Формирование условий оптимальной видимости определяется от нормируемого сектора обзора на магистрали до наилучшей дистанции восприятия архитектурных сооружений. Эти потребности задают горизонтальные габариты пространства, исходя из высоты связанных с ним архитектурных масс.

Назначение использования пространства определяется составом планировочных единиц: подъездов, зон концентрации и отдыха, торговых, административных, зон или гостиничных центров.

Сюда относится проведение анализа местоположения района, согласно исторически сложившейся градостроительной структуре (в данном случае наличие радиальной зависимости), оценка уличного пространства (количество свободных и зеленых пространств, определение основных пешеходных потоков, возможности использования транспортных средств), анализ типологии домов, по функциональному назначению, функциональное взаимодействие не только внутренних, но и свободных пространств, а именно определение необходимости создания пространств для отдыха, проведения городских мероприятий, эксплошадок, в соответствии с направлением потоков жителей города из внутренних пространств во внешние. Вынос планировочного решения в соответствии со всеми данными аспектами, подчеркивает градостроительную взаимосвязь с общей структурой города.

6. «Реновация архитектурных объектов в городских кварталах церкви Фрауенкирхе» осуществляется при участии архитектурных бюро города в рамках соревнования, обязательного в соответствии с правилами проектирования и реставрации в исторической среде города Дрездена.

В Иркутске разработана подобных регламентов

необходима для каждого из фрагментов опорного каркаса исторической застройки – кварталов или групп исторических домов. Регламенты зададут, например, вертикальное зонирование каждого отдельного здания. Например, зафиксировав такое условие, что если профилированная функция – «жилая», то она может располагаться лишь на втором этаже двухэтажных домов; при этом на первом этаже, исходя из общей функциональной нагрузки квартала, предписывается размещение иных функций – торговых, развлекательных, обслуживающих и проч. Реализацию этой «палитры» функций владелец дома не имеет права самовольно отменять, а должен обеспечивать ее осуществление в обязательном порядке. Регламенты нужны, чтобы в будущем исключить самовольное использование недвижимости и территории.

Для того чтобы законодательно обеспечить эти «правила инвестирования», необходимо в рамках «Общей концепции развития исторического центра» разработать на основе Схемы функционального зонирования квартала «Зональный правовой регламент квартала». Он предполагает «нарезку» в границах квартала внутренних земельных участков, исходя из «размера» функции (то есть неделимые участки, величина которых изначально определена потребностью профильной функции в территории, необходимой для ее реализации). Эти участки получают конкретные

границы (с координатами) и указанием количества и объемов строений (с привязкой), которые на этих участках должны быть возведены. По отношению к каждому участку, выделенному внутри квартала, должно быть конкретно определено, в чьей собственности он может находиться (федеральной, муниципальной, частной); какими инженерными системами он будет обеспечен; каковы параметры его функционального использования. И, что самое важное, какими ограничениями и обременениями он отягощен. Эти основные факторы и будут определять ключевые условия будущего развития этого участка и его рыночную стоимость. Таким образом, будут сформированы «объекты недвижимости», которые и явятся предметом рыночных отношений в рамках инвестиционного проекта.

«Зональный правовой регламент» должен быть увязан с муниципальной правовой базой земельно-имущественных отношений и муниципальной бюджетно-налоговой системой. Он позволяет инвестору (застройщику) заблаговременно и открыто получать информацию об участках, приговоренных к продаже, о наложенных на них эксплуатационных ограничениях, о предписаниях использования и функционально-планировочных регулятивах, о требованиях по внешнему виду зданий, о порядке согласования, размерах обязательных платежей и т.д.

Анастасия Потапова
Марк Меерович

литература

1. Пояснительная записка. Проектно-регулятивный раздел. Проект охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта города Иркутска.
2. Градостроительный кодекс российской Федерации (от 29 декабря 2004 года N 190-ФЗ).
3. Правила землепользования и застройки г. Иркутска (находятся в процессе согласования).
4. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках Истории и культуры) народов Российской Федерации» (от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ).
5. Земельный кодекс Российской Федерации (от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ).
6. Концепция по использованию рекламы в исторической среде (г. Дрезден)
7. Цветовая концепция для исторического центра (г. Дрезден)
8. Общая стратегия планирования города Дрездена
9. Градостроительная концепция города (от 17.01.2002 № 1272-28-2001 принята Городским советом города Дрездена)
10. Материалы соревнования по реконструкции района Ноймаркт, вокруг церкви Фрауенкирхе
11. Закон по охране объектов исторического наследия Саксонии от 3.03.93 при изменении 1.01.2009
12. Закон по охране объектов исторического наследия Саксонии от 3.03.93 при изменении 1.01.2009
13. Саксонский строительный устав
14. Устав города по использованию улиц особого назначения города Дрездена
15. Саксонский закон уличных пространств
16. Шимко В.М. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды. – Архитектура-С, 2006.

Этнографические музеи под открытым небом: перспективы Прибайкалья

Проблема сохранения народной культуры обозначилась в Иркутской области уже в 50-х годах XX века, когда в регионе началось интенсивное строительство гидроэлектростанций с затоплением гигантских территорий водохранилищами и сносом, переносом попадающих в зоны затопления старожильческих сел. Еще одной акцией государства, приведшей к разрушению патриархального уклада жизни населения, стало проведение в 1960-х политики ликвидации «неперспективных» деревень. Приходится констатировать, что в связи с интенсивным развитием во второй половине прошлого столетия коммуникационных процессов, способствующих глобализации общества, патриархальный уклад, традиционные хозяйства Прибайкалья к началу XXI века практически полностью утрачены.

В последние годы в особенно плачевном состоянии оказалась материальная составляющая традиционной деревенской культуры – деревянное зодчество. Причин здесь несколько. Это предельный возраст конструктивных элементов зданий: в среднем для деревянных памятников нашего региона он составляет 100–150 лет. Многие произведения народного зодчества уничтожаются, искажаются в результате их ненадлежащей эксплуатации, некачественного

ремонта, элементарного непонимания их ценности.

Что делать? Как спасти народное зодчество Прибайкалья и сохранить его для будущих поколений? Мировая и российская практика на этот вопрос дает ответ: один из надежных вариантов – музеефикация, в том числе методом переноса памятников в музейные комплексы под открытым небом. Это позволит сохранить и передать будущим поколениям не только уникальные объекты культурного наследия, но и рядовые объекты, без чего невозможна в целом реконструкция историко-культурной среды прошлого.

К началу этого столетия в мире насчитывалось более 4,5 тысяч этнографических музеев под открытым небом, из них лишь 17 расположены на территории России. Такое положение объясняется просто. При советской власти приоритет отдавался музеям краеведческого профиля, экспозиции которых посвящались главным образом первобытнообщинному периоду и героическому революционному и последующему времени. Этнографические музейные комплексы, в основном представлявшие архитектуру и быт по большей части состоятельного крестьянства, были вне русла советской государственной идеологии. Иркутская область в отношении создания таких музеев,

скажем осторожно, находится в лидерах среди регионов. У нас таких комплексов два: архитектурно-этнографический музей «Тальцы», недалеко от Иркутска, (начало создания – 1966, открытие – 1980) и архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня» в Братске (начало создания – 1975, открытие – 1990).

АЭМ «Тальцы»
К настоящему времени наиболее полноценно функционирующим, хотя и находящимся в состоянии развития, является региональный музейный комплекс «Тальцы». Последней научной разработкой планов дальнейшего развития музея стали «Основные направления развития АЭМ «Тальцы»» (авторы В.В. Тихонов, А.К. Нефедьева), выпущенные в виде книги в 2006 году. Полный показ культурного наследия Иркутской области предполагается посредством строительства девяти экспозиционных зон, соответствующих историко-культурному зонированию Прибайкалья, выявленному сотрудниками музея в ходе научно-исследовательской работы в 1970–2000-е годы.

Доминирующей в музее, за счет уникальных памятников деревянного зодчества XVII – XIX веков, является Ангаро-Илимская экспозиционная зона, находящаяся в стадии завершения. Главным ее

объект – Илимский острог, по нему практически закончена реставрация и реконструкция западной стены. Одна из жемчужин музея – Спасская проезжая башня, подлинник (1667). Дальнейшая полная реконструкция острога проблематична из-за недостаточности информации об остальных его объектах, особенно недостает графических данных (их почти нет).

В 1987–2001 годы в составе этнической Бурятской экспозиционной зоны сформирован улус-летник из шести деревянных юрт с инфраструктурой. В эту зону еще должны войти: улус-зимник (для которого уже вывезены памятники архитектуры – дом тайши Александра и дом шамана Степанова), наполовину построенный мало-морской рыболовецкий стан, бурятский православный миссионерский стан (из поселка Кутулик уже вывезен один объект – церковноприходская школа). Этнические экспозиции, отражающие культуры эвенков (тунгусов) и тофов (карагасов), в музее созданы как временные, на месте будущей Верхоленской зоны. Позже они будут организованы на площадках, отведенных для них генпланом музея.

С 2002 года в «Тальцах» приступили к созданию Трактовой экспозиционной зоны, характеризующей главным образом особенности быта станций, сел прилегающих к Московскому тракту в пределах Иркутской области, где основой хозяйственного уклада населения было обслуживание извоза со всеми сопутствующими этой деятельности услугами. Экспозиция фрагментарно реконструирует притрактную историко-культурную среду конца XIX века и по составу не дублирует другие зоны. В 2006–2008 годы здесь отреставрированы постоянный двор Усовых, дом-лавка из деревни Тулушки, дом-связь Гореловых. Реставрации ждут вывезенные купеческий дом Воиновых и уникальный архитектурный памятник конца XVIII века с самцовой кровлей – дом Шукловых из поселка Большежилкино. Для последующего формирования трактовой экспозиции

Дом-связь Гореловых

планируется вывезти дом начальника Кутуликской пересыльной тюрьмы, здание больницы из села Барлук, дома конезаводчиков Тарakanовых из поселка Красное Поле, церковь из Большекошелацка.

Не менее интересными должны стать проектируемые Верхоленская и Переселенческая экспозиционные зоны. Это произойдет, если в ближайшее время будет обеспечена вывозка соответствующих объектов деревянного зодчества, находящихся в удручающем состоянии – большинство их просто брошено хозяевами на произвол стихии.

В последние годы справедливое возмущение у иркутской общественности, неравнодушной к сохранению исторического облика Иркутска, ученых и специалистов, вызывает действия, направленные на откровенное уничтожение под лозунгом отселения ветхого жилья уникальной деревянной застройки, сохранившейся как в комплексах, так и отдельными многочисленными объектами. Именно комплексность, усадебность, ковровая застройка являются особенностью Иркутска, отличающей его от других городов Сибири, России, всего мира. В этой ситуации, буквально спасая из-под бульдозеров исто-

АЭМ «Тальцы»

Казанская церковь из Илимска

Баня Толмачевой из с. Гогон (предварительная сборка)

Строительство тыновой стены Илимского острога

Место планируемого музея «Ленская деревня». Останки мельничного комплекса – все, что осталось от деревни Ключи

рические дома, с 1991 года в музей «Тальцы» из города было вывезено и частично смонтировано во временной сборке пять деревянных памятников иркутской архитектуры. В последующем планируется размещение их в новой Городской экспозиционной зоне. Называя эти объекты памятниками, приходится допускать юридическую неточность, поскольку часть их якобы (по данным СМИ) исключена из Списков памятников, и, как ни парадоксально, организацией, призванной охранять эти памятники, – областным органом охраны объектов культурного наследия. Следует заметить, что во всем мире подобной практики не существует, по крайней мере в таких масштабах. За последние три года таким образом из Списков исчезло – вдумайтесь! – более 130 объектов наследия. Такое «радение» чиновников, пожалуй, можно внести в Книгу рекордов Гиннеса.

АЭМ «Ангарская деревня» Музейный этнографический комплекс «Ангарская деревня» в Братске, находясь в муниципальном подчинении, по масштабам значительно уступает музею «Тальцы». Его изначальная задача – показ историко-культурной среды только Среднего Приангарья. Экспозиция состоит из двух основных зон – русской и этнической эвенкийской. В русскую зону входит старожильческая деревня из нескольких

крестьянских усадеб XIX века и отдельные объекты, самый старый из них – 1648 года постройки – башня Братского острога (одна из двух сохранившихся, другая вывезена в Коломенское). Остальные – XIX–XX веков: Михаило-Архангельская церковь с отдельно стоящей колокольней, мангазая, кузница, мельница, самоловня. Эвенкийская экспозиция включает осеннее и летнее стойбища, чум шамана, лабазы, другие небольшие объекты. Братский музей обслуживает незначительный поток туристов, поэтому работает всего три дня в неделю и лишь в теплый сезон. Тем не менее, учитывая небольшую удаленность от центра города (9 км), перспектива у музея

есть, и не только связанная с увеличением объема принимаемых экскурсантов, но и с развитием экспозиционной инфраструктуры. В последние годы прорабатывается возможность создания бурятской зоны.

Этнографический музейный комплекс в поселке Усть-Ордынский при Окружном краеведческом музее началось строительство экспозиции бурятской усадьбы-зимника. В 2004 году планировалось не только завершение усадьбы, но и дальнейшее развитие – сформировать этнографический музейный комплекс из двух экспозиций: улуса-зимника из двух-трех усадеб (одна из которых – существующая); и улуса-летника, состоящего из разнохарактерных деревянных юрт конца XIX – начала XX веков, пока еще имеющих в округе.

Наиболее благоприятным временем для реализации этого проекта были 2005–2007 годы, когда шел процесс объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного округа и Иркутской области. Тогда много говорили о сохранении традиционной культуры бурятского этноса, в особенности ее материальной составляющей (народная архитектура), наглядно отражающей ее самобытность, которая, в отличие от духовной составляющей, не подвержена изме-

нению во времени. Проект приостановлен, а единственная недостроенная усадьба-зимник сегодня настолько обветшала, что уже требует новой реставрации.

Перспективы нового музейного строительства Имея такой мощный потенциал деревянного зодчества Прибайкалья, грех не задумываться о перспективном развитии, новом музейном строительстве, создании музейно-туристических комплексов.

Этнографический музейный комплекс «Ёрд» Интересным в плане музеефикации элементов материальной бурятской культуры может стать строительство у горы Ёрд, недалеко от поселка Еланцы (Ольхонский район), этнографического музея под открытым небом «Ёрд». Гора Ёрд знаменита тем, что в древности в определенное время у ее подножья на своеобразные местные «олимпийские игры» собирались представители немногочисленных раскиданных по гигантской территории Прибайкалья племен, впоследствии сформировавших бурятский этнос. Расположение будущего музейного комплекса вдоль напряженной в туристическом отношении автодороги Иркутск – Ольхон позволит обеспечить поток посетителей. Двух бурятских усадеб – улуса-зимника и улуса-летника – вполне достаточно

Церковь в селе Коротково (до демонтажа)

для первой очереди экспозиции этого музея. Желательна интерактивная составляющая – действующая (жилая) усадьба, кошара с находящимся в ней скотом. Это несомненно повысит интерес и эмоциональное восприятие у посетителей традиционного уклада жизни местного населения.

Музей деревянного зодчества «Ленская деревня»

Администрацией Казачинско-Ленского района интенсивно продвигается идея создания в поселке Ключи (равноудален от основных крупных центров – Казачинского и Магистрального) этнографического музейного комплекса. В 2007 году районная администрация обратилась в музей «Тальцы» с предложением проработать вопрос о возможности сохранения оставшихся элементов традиционной культуры посредством создания музея под открытым небом, подобного «Тальцам», «Ангарской деревни». Организованные музеем в 2007–2008 годы научные экспедиции в Казачинско-Ленский и соседние с ним районы показали потенциальную возможность создания такого музея, позволили определить необходимые объекты деревянного зодчества для ее формирования. Администрация района под будущий музей «Ленская деревня» уже выделила земельный участок на окраине поселка Ключи, там, где когда-то уже была деревня. На сельском походе жители единогласно поддержали идею. Более того, приняли решение о непосредственном посильном участии в его создании и даже сделали первый шаг, перевезя из брошенного села Коротково старую Михаило-Архангельскую церковь, складируя ее разобранные конструкции на отведенной под музей площадке.

Планируемый музей будет состоять из русской старожильческой деревни в несколько усадеб и церковь, эвенкийского стойбища, охотничьего зимовья, водяной мельницы, производственно-складского комплекса и фрагмента деревни советской эпохи. Предложение по включению в экспозицию музея объектов колхозного

периода 30–60 годов XX века поступило от иркутского архитектора А.К. Чертилова, участника одной из экспедиций, в российской практике это стало бы новацией. Дальнейшая перспектива реализации проекта «Ленская деревня» в настоящее время зависит от сроков принятия областной властью решения о статусе музея: будет ли он муниципальным, либо на период его создания он будет филиалом АЭМ «Тальцы», то есть областным.

Музейный комплекс голендров в Пихтинске В течение пяти лет обсуждается идея музеефикации усадьбы голендра Гимборга (1912) в поселке Пихтинск Заларинского района. Это одна из 12 усадеб этнической немецкой группы голендров, переселившихся в отроги Саянских гор в 1910–1912 годы по столыпинской аграрной реформе. Уникальность усадьбы, как и других построек голендров, в том, что при переселении они принесли в Сибирь архитектурные, конструктивные особенности в домостроение с прежнего места бытования – из Западной Белоруссии, Украины, Восточной Польши. Стены их домов сложены из плах толщиной 12–14 см, что по теплоизоляции малоприспособно для местных условий. Композиционно дом под одной вытянутой крышей последовательно вмещает хату, стайку и хозяйственный двор. Удаленность поселений голендров от основных магистралей обусловила определенную самоизоляцию этнической группы, что, в свою очередь, позволило сохранить до нашего времени уникальную культуру, отличную от других этносов области.

Сохранение материального наследия голендров возможно с помощью музеефикации отдельных объектов-резерватов, в частности усадьбы голендра Гимборга. Реализация этого проекта подразумевает вовлечение наследия голендров в туристический (тем самым – в культурный, экономический) оборот, к этому в последние годы проявляется повышенный интерес как у нас в стране, так и за рубежом, особенно в Германии, Польше, Голландии. Научными сотрудниками

АЭМ «Тальцы» разработан проект «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской аграрной реформы», составной частью которого является не только экспозиция музеефицированной усадьбы голендра Гимборга, но и превращение в музей других объектов в Пихтинске, других подобных поселков Заларинского района.

Музей-усадьба польского переселенца в поселке Вершина В поселке Вершина Усть-Ордынского округа от первых польских переселенцев периода столыпинской реформы из материальных носителей культуры сохранились деревянный костел и несколько усадеб. Костел в настоящее время отреставрирован, действующий. С целью сохранения редкого культурного наследия поляков, волею судьбы оказавшихся в Сибири, АЭМ

«Тальцы», как межрегиональный методический центр по проблемам музеев под открытым небом, предлагает создать интересный, полноценный этнографический музейный комплекс на базе одной усадьбы польского переселенца 1912 года.

Реализация иницируемой областной администрацией программы – диверсификация экономики Иркутской области, уход от сырьевой составляющей, развитие туризма – невозможна, если рассчитывать только на уникальную природу. Такое же важное значение для привлечения в регион туристических инвестиций имеет историко-культурное наследие, без сохранения которого благие намерения развития туристической отрасли в области могут остаться проектами.

Владимир Тихонов
Фото Владимир Тихонов,
Алексей Чертилов

Дома голендров
в Пихтинске

Музей деревянного зодчества под открытым небом «Ленская деревня»: первый шаг – курсовой проект

С каждым годом объектов традиционной деревенской архитектуры в Сибири становится все меньше. Обеспечить сохранность объектов культурного наследия возможно только в случае их эксплуатации, заинтересованности в этом хозяев, собственников. Это не закон, это аксиома. А о какой сохранности можно говорить, когда речь идет о памятниках деревянного

зодчества находящихся в заброшенных деревнях и селах, например на севере Иркутской области, о памятниках, у которых просто нет хозяев, а если юридически и есть, то лишь формально.

Бывая в Качугском, Жигаловском, Казачинско-Ленском районах в 1990–2000-е годы с интервалом в несколько лет и видя гигантские масштабы утрат уникальной народ-

ной культуры, испытываешь страх за Россию. Целые села, деревни, а значит и объекты наследия, в них расположенные, просто брошены на произвол стихии. И не только в удалении от районных центров, автомагистралей и крупных рек, но и находящихся на трассах. Достаточно проехать по оживленному участку Качуг – Жигалово, чтобы убедиться в этом.

С развалом колхозов и совхозов в северных деревнях умерла всякая хозяйственная деятельность, в первую очередь там, где дороги были не обустроены, или их вовсе не было. Соответственно переехали в «живые» населенные пункты жители. Сегодня на этом огромном пространстве одна удручающая картина – запустение, разорение. Спасти в этой ситуации то,

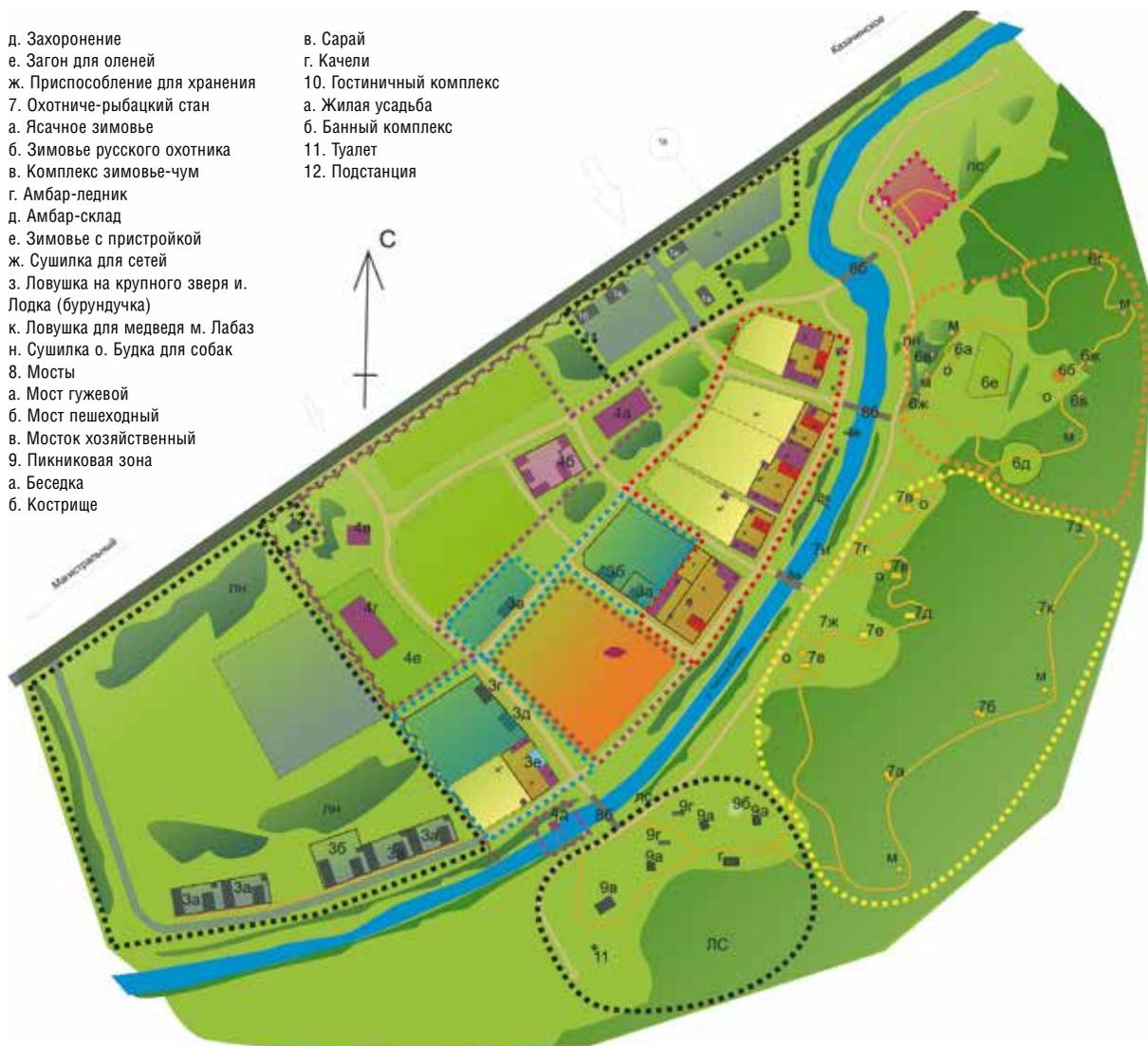
Схема генплана

экспликация

- I. Въездная зона
- а. Администрация (“Закупочный дом”).
- б. Постоялый двор
- в. Трактир
- г. Стоянка на 20 а/м
- д. Вертолетная площадка
- е. Касса
- 2. Комплекс XIX в.
- а. Церковь
- б. Дом-клеть в, г. Дом-связь
- д, е. Дом-пястиенок
- 3. Комплекс XX в.
- а. Магазин
- б. Школа
- в. Управа
- г. Чайная
- д. Клуб
- е. Дом сер. XX в.
- а. Амбар
- б. Баня
- в. Летник
- г. Навес
- д. Стайка с поветью
- е. Ледник
- ж. Журавль
- з. Загон для скота и. Двор крытый
- к. Двор открытый л. Кладовка
- 4. Хозяйственный комплекс
- а. Подтоварник
- б. Амбарный комплекс
- в. Мангазея
- г. Конюшня
- д. Мельница с запрудой
- е. Конный двор
- 5. Погост а. Часовня
- 6. Эвенкийский комплекс
- а. Летний чум
- б. Зимний чум
- в. Сушилка
- г. Ловушка для кунных

- д. Захоронение
- е. Загон для оленей
- ж. Приспособление для хранения
- 7. Охотничье-рыбачий стан
- а. Ясачное зимовье
- б. Зимовье русского охотника
- в. Комплекс зимовье-чум
- г. Амбар-ледник
- д. Амбар-склад
- е. Зимовье с пристройкой
- ж. Сушилка для сетей
- з. Ловушка на крупного зверя и. Лодка (бурундучка)
- к. Ловушка для медведя м. Лабаз
- н. Сушилка о. Будка для собак
- 8. Мосты
- а. Мост гужевой
- б. Мост пешеходный
- в. Мосток хозяйственный
- 9. Пикниковая зона
- а. Беседка
- б. Кострище

- в. Сарай
- г. Качели
- 10. Гостиничный комплекс
- а. Жилая усадьба
- б. Банный комплекс
- 11. Туалет
- 12. Подстанция

что осталось от когда-то большого количества памятников деревянного народного зодчества, пожалуй, можно только посредством их вывоза в музей под открытым небом. Слава Богу, не оскудела земля иркутскими энтузиастами, активными краеведами, есть еще в некоторых муниципальных образованиях чиновники, понимающие, что надо спасать те крохи, которые еще можно спасти сегодня. Завтра спасать будет нечего. И это не нагнетание ужаса, это факт.

С целью сохранения хотя бы небольшой части народной деревянной архитектуры в 2007 году администрацией Казачинско-Ленского района принято решение о создании музейного комплекса под открытым небом районного значения по типу архитектурно-этнографических музеев

«Тальцы» под Иркутском и «Ангарская деревня» в Братске. Под будущий музей на окраине поселка Ключи уже выделен земельный участок, здесь раньше, до строительства БАМа, была старая деревня, сейчас о ней напоминают лишь останки деревянных конструкций заруды мельницы на речке. Придуман и название новому музею – «Ленская деревня».

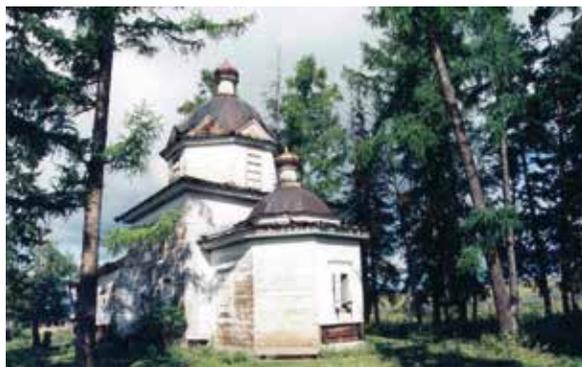
Для определения объектов деревянного зодчества и вывоза их из заброшенных деревень для формирования музейной экспозиции по просьбе районной администрации музеем «Тальцы» в 2007–2008 годы было организовано несколько специальных экспедиций в Казачинско-Ленский и соседние районы. По экспедиционным материалам научными сотрудниками музея

составлены отчет и обоснование создания «Ленской деревни», где даны рекомендации по потенциально возможным переносимым объектам, зонирование музейного комплекса. В одной из экспедиций, в которой от кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ участвовал автор данной статьи, родилась идея выполнить в рамках учебной программы курсовой проект «Музей деревянного зодчества». Тема корреспондируется с учебной программой специальности «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия».

Курсовой проект Участок площадью чуть больше восьми гектаров отведен для строительства музея на северо-востоке Иркутской области, в Казачинско-

Ленском районе, на окраине поселка Ключи, находящегося между крупными населенными пунктами – райцентром Казачинское и городом Магистральный (БАМ), с севера ограничен автомагистралью районного значения. Территорию делит на две неравные части мелководная речка – приток реки Киренги. Прибрежный луговой ландшафт ровный, пологий, не имеет явно выраженных рельефных характеристик, акцентов, заречье также луговое (берег) в сочетании с лесом, уходящим на возвышение, переходящим за границы участка в гору – естественный фон, своеобразный «задник» для будущей музейной композиции. Площадка свободна от застройки, единственным объектом, кроме упомянутых выше развалин заруды

Развертка уличного фасада сектора «Русская деревня» (со стороны реки)

Примеры жилых домов заброшенных деревень по реке Лена, предполагаемых для комплектации музея. Церковь в с. Усть-Илга

Жилые дома заброшенных деревень по реке Киренга, предполагаемые для комплектации музея

Хозяйственные постройки: скотник с сеновалом, баня на берегу Лены

мельницы, является складированный разобранный сруб вывезенной из забытого села Коротково Михаило-Архангельской церкви – первого музейного экспоната.

В качестве исходных данных для разработки курсового проекта исполь-

зованы названные отчет экспедиций и обоснование музея, а также материалы (отчеты) 1980–90-х годов выявления и инвентаризации памятников архитектуры, исполнители – разные авторы – сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области. «Обоснованием...» обозначены основные обязательные экспозиционные зоны: 1) русский сектор с жилой усадебной застройкой, производственно-складским комплексом и отдельными объектами, погостом; 2) этнический эвенкийский сектор с зимним и летним станами; 3) охотничье-рыболовецкий стан и отдельно стоящие ясачное и охотничье зимовья. Кроме того, по ходу выработки проектной концепции в рамках курсовой работы дополнительно появились зоны и объекты: 4) трактовая; 5) конный двор; 6) пикниковая площадка; 7) гостиничный комплекс (за границами отвода).

Группа студентов архитекторов-реставраторов четвертого курса (РРАН-05) была разбита на три авторских коллектива, в итоге соответственно получились три варианта проектного реше-

ния. Вариант 1 – М. Белова, М. Устюжанинова; Вариант 2 – А. Ворогушин; Вариант 3 – Ю. Корниенко, А. Молчанова. Руководитель – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ А.К. Чертилов.

Принципиальным исходным (по заданию) различием вариантов стало размещение входа (въезда) на территорию музея: а) по центру, б) слева и в) справа отведенной площадки со стороны автомагистрали. Принципиальным сходством вариантов является расположение русского сектора, непосредственно самой «деревни», между автотрассой и речкой с ориентацией лицевой стороны усадеб на воду, что для данного региона является наиболее распространенным; а эвенкийской зоны, охотничье-рыболовецкого комплекса, погоста, пикниковой площадки – на заречной, «таежной» территории, то есть логично изолированной водным препятствием от «деревни».

Русский сектор Самый большой и разнообразный, он должен дать представление о русской культуре старожильской деревни,

сформировавшейся в XVIII–XIX столетиях и развивавшейся вплоть до середины прошлого века. Имеет несколько подсекторов: трактовый комплекс, комплексы усадеб (XIX – середина XX веков), комплекс амбаров (условно называемый колхозный), погост. А также отдельные самоценные объекты деревянного зодчества: церковь Михаила Архангела из села Коротково, водяная мельница с запрудой (ряжевые конструкции поперек речки) на прежнем месте, общественные здания (школа, клуб, магазин, управа).

Особенностью будущего музея деревянного зодчества под открытым небом «Ленская деревня», по нашему убеждению, должно стать включение в экспозицию, наравне с дореволюционными постройками и сооружениями, объектами советской эпохи, так называемого колхозного периода. На протяжении всего XX столетия в сибирских деревнях и селах деревянное строительство не только не было забыто, но и развивалось, благодаря чему появлялись строения, несколько отличные от традиционных. Это усовершенствованные в технологии возведения, упрощенные по

форме, архитектуре жилые и административные здания, целые комплексы аграрного, хозяйственно-складского назначения. Характерными, жизненно важными для селян такими объектами в рассматриваемом регионе являлись и продолжают оставаться: жилая усадьба, управа, школа, магазин, клуб, а также сельскохозяйственные сооружения – птичник, коровник, свинарник, конюшня, подтоварник, другие.

Трактовый комплекс. Во всех трех вариантах трактовый комплекс, который «Обоснованием...» не предусмотрен, совмещен с въездной зоной музея. Включает, помимо обязательных административного здания, кассы, сторожки (охраны) музея, автомобильной стоянки и вертолетной площадки (в удалении через автотрассу), еще трактир, постоялый двор, торговую лавку, закупочный дом. Трактир, лавка, постоялый двор (по современному мотель), должны использоваться, естественно, по прямому назначению. Закупочный дом (музейное использование – административное здание) – малораспространенная достаточно крупная постройка, один уникальный экземпляр которой был обнаружен экспедицией ЦСН, организованной в начале 1990-х по реке Илга, притока Лены. (В частности, результатом той экспедиции стал вывоз в музей «Ангарская деревня» водяной мельницы). Небольшие деревни вдоль этой реки когда-то были ориентированы

исключительно на круглогодичный охотничий промысел, поэтому животноводство и земледелие здесь не были развиты (на период экспедиции все деревни в верховьях реки были заброшены). И дабы облегчить охотникам ношу, один предприимчивый то ли купец, то ли зажиточный крестьянин, ближе к устью Илги поставил заимку с закупочным домом, перехватив тем самым инициативу по закупке пушнины по основному пути следования промысловиков-сдатчиков до крупных населенных пунктов. «Деревня».

Композиционно-планировочным ядром музейной деревни является площадь с церковью, по периметру или вблизи (разные варианты) которой расположены общественные постройки, жилые усадьбы. Деревенская застройка однородная. На речку лицевыми фасадами выходит несколько разнообразных усадебных комплексов: с крытыми и открытыми чистыми и скотными дворами, с традиционными для Сибири типами изб – дом-клеть, дом-связь, пятистенки; различными хозяйственными постройками – амбары, скотники, стайки, навесы, ледники, бани, колодцы-журавли и пр. К усадьбам прилегают неотъемлемые обширные огороды, на которых реально выращиваются соответствующие культуры.

Амбарный комплекс. Комплексы амбаров, от трех и более, появились во многих деревнях и селах во времена коллективизации, раскулачивания путем пере-

носа хозяйственных построек, в основном двухъярусных амбаров, из дореволюционных усадеб (распространенная в Приангарье и Приленье практика сельсоветов). За основу взят хорошо сохранившийся и сегодня не используемый амбарный комплекс в жилом селе Ермаки, возможны пообъектные замены и дополнения из других сел. Рядом – подтоварник, достаточно крупное сооружение типа навеса для различных сельхозработ. В некотором удалении от комплекса установлен коллективный крупный двухъярусный амбар – мангазья (сегодня расположена на окраине жилого села Карнаухова, давно не эксплуатируется).

Погост. Организовывается не на месте старого кладбища, несет исключительно экспозиционную функцию – огороженная лесная территория в заречье со своеобразной композицией надмогильных, выполненных наново по традиционным образцам легких конструкций в виде православных крестов, советских тумб со звездами. Рядом предлагается установить кладбищенскую часовню, конкретный объект нам неизвестен, если в окрестностях не сохранилось ни одного экземпляра, возможно исполнить ее по аналогам.

Гостиничный комплекс. Расположен за границами отвода, к музейно-экспозиционному комплексу не относится, по нашей задумке должен быть коммерческим. Тем ни менее формируется из брошенных, также пере-

Амбары в заброшенных селах, деревнях, предполагаемые для комплектации музея

Варианты ворот, ограждения

возимых объектов деревянного зодчества, которые визуально, композиционно продолжают улично-речной ряд музейных усадеб. Таким образом могут появиться уникальные гостиничные

избы, усадьбы с необходимым инженерным оборудованием, совмещая тем самым крестьянскую романтику с современным комфортом, что позволит желающим погрузиться в «деревенскую жизнь». В одной из усадеб устраивается банно-оздоровительный комплекс (традиционная русская баня). Еще в одной – ресторация. Таким образом, количество гостиничных усадеб должно быть не менее 4–5, точнее определяется специальным проектом и практикой во времени, востребованностью. Перспектива развития – вдоль реки в сторону поселка Ключи.

Конный двор. Во-первых, это демонстрация одного из интересных архитектурных объектов колхозного периода – конюшни. Во-вторых, это живые музейные «экспонаты» – самые трудолюбивые и преданные много веков спутники человека. В-третьих, это по настоящему комплексный музейный объект – штатные лошади могут использоваться в хозяйственных целях (тягловая сила), в экскурсионных прогулках по музею и окрестностям, в дальних турмаршрутах, как верховых, так и тележных. В-четвертых, проектом предусмотрена учебная выездка, но уже на смежной с конным двором территории,

за границами музея, что может стать достаточно полезным и доходным делом.

Благоустройство. Музейную экспозицию также формируют неотъемлемые для деревенского сибирского быта сооружения различного назначения: бани и баньки, колодцы, колодцы-журавли, те и другие расположены как в комплексах усадеб, так и в огородах, у дороги, на берегу реки. Деревянные тротуары настланы вдоль усадеб и по проулкам. Для сравнения представлены разные типы ограждения: плотно набранные из плах заплоты усадеб, сквозные жердевые изгороди огородов, поскотин, сенокосов; внешний периметр территории музея ограждает крепкая конструкция – ..., уникальное сооружение для суровых зимних условий, не подверженное мерзлотно-сезонному выпучиванию вкопанных опор, по причине отсутствия таковых (углы ломаной линии покоятся на валунах, каменных горках). Дороги отсыпаются речным гравием, тропинки – песком и мелкой галькой. Асфальт предусмотрен лишь на въезде в музей и на автостоянке.

Береговой ландшафт будущего музея дополняют малые (и не малые) архитектурные формы благоустройства: про-

езжий (гужевой, сегодня – для пожарных машин) мост и пешеходные мостики разных конструкций, хозяйственные мостики (использовались для забора воды и стирки белья, в качестве купален для детей), скамьи и легкие беседки с видами на реку, лодочные «причалы».

Озеленение. Между огородами «деревни», которые сами по себе являются рукотворным озеленением, и амбарным комплексом, автотрассой простираются традиционные действующие покосы, стабига, несущие кроме того разграничивающую функцию экспозиционных зон, функцию буферных пространств с сохранением существующих и дополнительно высаженной древесно-кустарниковой растительностью сибирской флоры.

Эвенкийский сектор Должен давать представление о культуре аборигенного этноса – эвенков, проживавших здесь задолго до освоения Сибири русскими. Включает расположенные на некотором расстоянии друг от друга зимний (условно – стационарный) и летний станы с наборами построек из легких деревянных конструкций в виде самого доступного и распространенного таеж-

Элементы охотничье-рыболовецкого комплекса Агджени: бурдундучка, изба-чум с зимовьем

ного материала – жердей («тонкомера»). Кроме конусообразных чумов, комплексы комплектуются различными хозяйственными сооружениями (лабазы, навесы, сушилки, будки для собак и пр.), загонном для оленей.

Охотничье-рыболовецкий стан

Стационарный охотничье-рыболовецкий стан нами видится смешанным (эвенкийско-русским), развитым, с несколькими «семейными» группами. За аналог и основу предлагается стан Агджени, расположенный в труднодоступном месте на берегу горного озера, куда добраться можно только на плоскодонках мелководной рекой Хандой или зимой по снегу, льду. Состоит стан из разнообразных строений: традиционных бревенчатых зимовий, практически каждое из которых сочетается с избы-чумом (название наше) лабазов, складских, коллективного ледника для хранения рыбы и пр. Здесь же обязательно – эвенкийские лодки-поскодонки (местное название – бурундучка), которыми до сих пор пользуются, в том числе и русские рыбаки, охотники. Тут же наглядно и практически организованы действующие копилки рыбы и мяса, готовая продукция попадает на пикниковую площадку, в трактир и гостиничный ресторан.

Имба-чум (по определению сотрудников музея – зимовье-чум) – уникальное соору-

жение, возможно, появилось только в этом регионе, на стыке двух культур – эвенкийской и русской. Представляет собой, по аналогии с русской жилой усадьбой, второе летнее (поэтому называемое еще «летником») жилище-кухню, внутри устроенное как чум (юрта) с очагом по центру и набранными мелкими жердями лежаками по периметру, а конструктивно является симбиозом невысокого, 4–6 венцов, сруба-клетки и шатровой жердевой надстройки крытой лиственничной корой с дымоходом-отверстием над очагом. Вход оформлен деревянными рамочными дверями на кожаных (тканевых) петлях. В заболоченной местности тропинки между строениями устланы жердевыми тротуарами.

Зимовья

Вдоль естественной таежной, не отсыпанной тропы между эвенкийским и охотничье-рыболовецким станами установлены отдельно стоящие зимовья – ясачное и два-три охотничьих, в сопровождении тех же лабазов. Здесь же, на тропе, рассредоточены очень интересные атрибуты эвенкийской и русской охоты – стационарные ловушки для зверя: крупного (медведя), хищников (волк, лисица) и мелкого (типа куньих). Пикниковая площадка Эта зона пассивного отдыха расположена напротив «деревни» через речку, где устанавливаются сооружения для традиционных игр, раз-

влечений – русские качели, карусель, площадка для лапты и подобные. Рядом – навесы, беседки, скамьи, другие необходимые элементы благоустройства, отдыха.

Эвенкийский комплекс, охотничье-рыболовецкий стан, пикниковая площадка дистанционно рассредоточены с учетом особенностей ландшафта, визуально разделены насаждениями, фрагментами леса. Разработанные варианты кольцевых экскурсионных маршрутов и развитая дорожно-тропиночная сеть позволят осматривать музейные экспозиции с разных сторон, разных ракурсов.

Если немного пометать и представить еще один музей деревянного зодчества под открытым небом в Иркутской области – «Ленскую деревню» – уже построенным и действующим, очевидно, что при грамотной организации он может стать не только сосредоточением хоть какой-то части спасенных, сегодня погибающих памятников народного зодчества, но и вполне доходным делом. Сочетание музейных функций и коммерческой деятельности, партнерство учреждения культуры с гостиничным, ресторанным бизнесом, представителями традиционного ремесленничества, промысловиками (охота, рыбалка), организация конных и водных, других туров по сибирской тайге, рекам...

Именно это хотят увидеть, испытать туристы, путешественники, и не только иностранные, ориентированные на экзотику. Сибирь для них и есть такая экзотика. У музея «Ленская деревня», в сравнении с «Тальцами» и «Ангарской деревней», есть ряд преимуществ из-за месторасположения: Во-первых, находится в таежной северной зоне в удалении от крупных городов, что позволяет обеспечить полное погружение в тему «Дикая Сибирь». Во-вторых, при этом находится в зоне БАМа, «Второго Транссиба» – мировой легенды грандиозного строительства страны Советов. То есть, кроме автомобильного и воздушного, есть железнодорожное сообщение. Популярности и востребованности Музея «Ангарская деревня» должно способствовать сочетание туров по БАМу (в недалеком

будущем так и будет), проживание в настоящих, древних деревянных гостиницах рядом, практически в самом музее, с погружением в «деревенскую жизнь», с русской, эвенкийской кухней на натуральных местных продуктах, туры по настоящей, еще живой тайге...

Кроме того, создание такого музея – это еще и новые места трудоустройства жителей, в первую очередь поселка Ключи, города Магистральный, райцентра Казачинское. Это перспектива. А чтобы мечта осуществилась, необходимо сделать следующий шаг – определиться с административным статусом музея, источником финансирования, заказать разработку генерального плана музея. И срочно организовать экспедиции для выполнения научной фиксации потенциально переносимых объектов, будущих музейных экспонатов и ретро-гостиниц – сделать фото, подробные обмеры, маркировочные чертежи.

Алексей Чертилов.
Графика Мария Белова,
Мария Устюжанинова,
Александра Молчанова,
Юлия Корниенко.
Фото Алексей Чертилов

Благовещенск: дальневосточная эклектика начала XX века

Благовещенск-на-Амуре познал свой недолгий звездный час, совпавший с золотой лихорадкой, разразившейся на рубеже XIX–XX веков в верховьях Зеи. Антон Павлович Чехов, путешествовавший в это время по Амуру с местными золото-промышленниками, поражался их свободомыслию, предприимчивости и чувству собственного достоинства. В своих письмах (не слишком-то оптимистичных в целом) он предсказывал Амурскому краю самые радужные перспективы. И действительно, к началу XX века Благовещенск превратился в столицу процветающей аграрной области. Намытое золото, оседавшее в городе, спровоцировало строительный бум. Однако все быстро закончилось, когда Транссибирская магистраль прошла мимо города, гораздо севернее от него. Как в свое время Томск уступил статус сибирской столицы маленькому Новониколаевску (превратившемуся позднее в Новосибирск), так и Благовещенск стал тенью Хабаровска, близ которого был возведен грандиозный по тем временам Амурский мост.

Все эти исторические коллизии, однако, помогли сохраниться в Благовещенске массовой деревянной застройке, которая, к сожалению, до сих пор не рассматривалась и не

анализировалась в профессиональной литературе. Не меньший интерес представляют и каменные постройки центра и главных улиц этого города, где историческая застройка сохраняется не единичными памятниками, а комплексно – улицами и отдельными кварталами.

Центральную площадь Благовещенска фланкируют два величественных памятника жестокой конкурентной борьбы, которую более полувека вели не только в Благовещенске, но и на всем Дальнем Востоке, а также в Маньчжурии две крупнейшие дальневосточные торговые фирмы – русская «И.Я. Чурин» и немецкая «Кунст и Альберс». Два огромных по размерам универмага, возведенных практически одновременно, являются примерами классической эклектики. Однако едва ли не самое любопытное состоит в том, что иркутский купец Чурин специально выписал архитектора из Вены и возвел свой дворец торговли в барочной европейской стилистике, а владельцы немецкой фирмы декорировали свой магазин в патристическом русском стиле. Правда, это им не помогло: спустя три года после открытия универмага владельцам было предъявлено обвинение в шпионаже, повлекшее арест и ссылку руководства, а затем и полное разорение компании.

Русский стиль Управляющий Благовещенским отделением фирмы «Кунст и Альберс» А. Клосс выкупил в 1892 году участок на углу Базарной площади, где спустя год строители заложили фундамент универмага. Основное строительство велось в 1894 году, однако сооружение еще дважды достраивалось, вплоть до 1911 года. Двухэтажное, Г-образное в плане здание представляет собой композицию из нескольких объемов, увенчанных разнообразными кровлями и шатрами. Монотонность главного фасада, вытянутого вдоль Большой улицы, оживляют четырехгранные башни, имеющие сложные шатровые завершения со шпилями и флюгерами. Башня с часами акцентирует угловой вход, ориентированный на рыночную площадь. Две другие башни фланкируют пристройку 1911 года. Здание, сложенное не из кирпичей, а из массивных каменных квадратов, оштукатурили в 1899 году в светлые тона, благодаря которым в целом громоздкое сооружение приобрело некоторую легкость. Поскольку в Благовещенске не имелось квалифицированных каменщиков, здание возводила присланная из Владивостока бригада китайских рабочих под командованием шведского плотника Г. Йохансона,

давно сотрудничавшая с компанией. В конечном итоге протяженность здания составила почти 90 м. В угловой его части, через отдельный вход торговали вином и колониальными товарами, в залах первого этажа – мануфактурой и галантереей, в пристройке – скобяными товарами и оружием. На втором этаже, помимо торговых залов с домашней и кухонной утварью, размещались главная контора, бухгалтерия, общая столовая, библиотека, билльярдная и квартира очередного управляющего благовещенским отделением Г. Скрибановича, который, впрочем, скоро построил себе особняк на Амурской улице. Во дворе находились склады с металлопрокатом, железом, стеклом, сельхозтехникой и продовольственные склады с чаем, рисом и табаком. Весь комплекс ограждал красивый забор с тройной килевидной боковой аркой, снабженной водосточными трубами.

Строительство этого здания велось в напряженной социально-политической обстановке (1894–1911 годы), поэтому выбор русского стиля, как представляется, был обусловлен официальной идеологией. Среди провинциальной эклектичной застройки это огромное в масштабах города сооружение символизировало государственную идеологию. Острый шатер угловой башни благовещенского универмага неожиданно напоминает силуэты Кремля – оплота и символа державы. Пластик же фасада и в целом объемно-композиционным решением торговый дом «Кунст и Альберс» отдаленно напоминает крупные столичные постройки конца XIX века – Верхние Торговые ряды на Красной площади в Москве (1893, арх. Померанцев), но еще в большей степени – здание Офицерского собрания армии и флота, возведенное в Петербурге, на углу Литейного проспекта и улицы Салтыкова-Щедрина (1898, арх. В.К. Гаугер). Угловой фасад благовещенского универмага также решен в виде башни с высоким острым шатром, а центральная часть выделена трапецие-

Магазин ТД «Кунст и Альберс»

Универмаг ТД
«И.Я. Чурин и К^о»

видным куполом, однако псевдоготические мотивы, присущие петербургской постройке, здесь модифицированы в элементы русского стиля. Возможно, исходным прототипом, как для петербургской, так и для благовещенской постройки стал проект здания Офицерского собрания архитектора А.И. фон-Гогена, опубликованный в журнале «Зодчий» в 1898 году и предполагавший все те приемы декора, характерные для условного русского стиля, которые в изобилии демонстрирует торговый дом «Кунст и Альберс»: сдвоенные арочные окна с кокошниками и килевидными сандриками, подоконники «полотенцами», граненая рустовка пилястр и простенков первого этажа, ниши и ширинки в межоконных простенках, бочкообразные кокошники в надкарнизной части здания, нарядные завершения труб и водосточков и т. д. Если принять во внимание, что благовещенскую постройку проектировал военный инженер капитан Э. Шефер, возможно, выбор Дома офицеров как образца при строительстве магазина оказался не случаен.

Необарокко
Наиболее полно художественная система дальневосточного необарокко воплотилась в комплексе зданий торгового дома «И. Я. Чурин и К^о», чей образ повлиял на дальнейшее развитие архитектуры торговых построек

Благовещенска. Участок, принадлежавший Чурину в Благовещенске, занимал островное положение в городской структуре: северным краем он граничил с главной базарной площадью города, южным выходил на Амурскую набережную, к «манзовскому» рынку, восточным – в Американский переулок, а западным – на Торговую улицу. Планировалось, что комплекс, воздвигнутый на столь значительном участке, будет иметь план в виде каре, по периметру охватывающий весь квартал, и два парадных фасада, обращенных один к городу, а второй к пристани. На первом этапе (1894–1897) появился

торговый дом Г-образной формы, обращенный главным фасадом на рыночную площадь, а короткой стороной – на Торговую улицу, затем в 1910 году вдоль Торговой улицы двухэтажный прямоугольный в плане чаеразвесочный магазин, где также размещался «розлив вин». Во внутреннем дворе располагался прямоугольный в плане москательный магазин (здание сохранилось), фабрика тертых красок, электростанция и пакгаузы. Поскольку дворовый фасад оказался открыт обозрению с Амурской акватории, данное обстоятельство мешало превращению внутривдворового пространства в складскую

зону, судя по старым открыткам и архивным фотографиям, участок длительное время так и оставался незастроенным. По-видимому, фирме хватало других складских и подсобных помещений, разбросанных по всему городу.

Объемно-планировочное решение и архитектурно-художественное оформление универмага «И.Я. Чурин и К^о» напоминает собой торговые здания фирмы Второва, возведенные, например, в Бийске или Чите. Двухэтажное здание универмага имеет сложное объемно-пространственное решение: по сути, это два самостоятельных кубических объема, объединенных прямоугольной вставкой. На фасаде, вытянутом вдоль площади, располагалось семь входных проемов, главный из которых находился в угловой ротонде; еще два входа размещались со стороны Торговой улицы. В советское время (1978–1982) по проекту архитектора В.В. Зорина к Чуринскому зданию пристроено Г-образное крыло. В результате этого фасад, обращенный к площади, стал симметричным и получил архитектурное завершение. Вместе с тем блок, выходящий на Торговую улицу, решен в чуждой ему стилистике брежневской эпохи, что стало серьезным препятствием для полной реализации изначально задуманного комплекса. Чаеразвесочный магазин повторяет архи-

Торговые ряды
«Мавритания».
1907–1908 гг.

«Чайная развеска и розлив вин», 1910-е гг.

тектурное оформление большого универмага ритмом членений, размерами и конфигурацией оконных проемов и, главное, композиционным приемом выделения входной группы парой куполов, в миниатюре воспроизводящих двойные купола торгового дома. В принципе он выглядит органичным продолжением универмага, однако дисгармонирует с готической стилистикой торговых рядов «Мавритания», расположенных по диагонали от него, через площадь. На старинных фотографиях и рекламных листовках немало изображений, где можно видеть здание универмага в комплексе со зданием «Чаерезвески и розлива вин», следовательно, заказчики позиционировали эти строения как единый ансамбль. Эти здания объединялись кирпичной оградой с воротами; возможно, предполагалась и сплошная застройка пустого пространства между ними, поскольку торцы, обращенные друг к другу, лишены оконных проемов.

В здании торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» в Благовещенске размещалась главная контора (штаб-квартира), управляющая всеми отделениями фирмы, поэтому репрезентативная функция этого сооружения становилась не менее важной, чем торговая. Из-за

большой протяженности фасад не воспринимается целиком, скорее, его можно трактовать как композицию из нескольких самостоятельных объемов, объединенных вставками. Роль основных акцентов играют три купола: один – большой, на угловой ротонде, и два – поменьше, уравнивающие общий композиционный замысел, – на левом ризалите. Парные купола размещены на высоких башенках квадратного сечения и поставлены на восьмиугольные барабаны, на гранях которых слуховые окна-люкарны (всего их четыре) чередуются с декором из накладных бронзовых деталей в виде листьев аканта. Все три купола разделены широкими выпуклыми полосами на сегменты и покрыты чешуйками (каждая декорирована листом папоротника). Угловой купол имеет довольно неожиданное завершение в виде реалистично выполненного ананаса на блюде. Ананас тщательно проработан, чешуйчатая поверхность и характерные листья не оставляют сомнения в идентификации этого объекта, но его символика не идет дальше намека на экзотические колониальные товары. Парные купола увенчаны фигурными флагштоками (кстати, на всех старых фотографиях и открытках над зданием развешаются флаги).

В оформлении фасадов чуринского универмага используется стандартный набор знаковых компонентов, указывающих на условно-историческую традицию: стены сплошь покрыты горизонтальной рустовкой по штукатурке, расшивка вокруг окон-витрин первого этажа имитирует замковые камни, этажи разделены широкой полосой двойного карниза, входы оформлены сдвоенными полуколоннами, большому проему первого этажа соответствуют сдвоенные окна второго, обрамленные полуколоннами дорического ордера межоконные простенки зафиксированы тумбами парапетов, все свободное пространство заполнено лепными и накладными элементами. Особенно выразительны кариатиды, размещенные в межоконных вставках центральной части. Лепной декор сосредоточен в следующих местах: венчающие части, обрамление порталов и окон, фронтоны, межоконные вставки. На главном фасаде по два треугольных и лучковых фронтона, на угловом – тоже два лучковых.

Для украшения торгового дома использована аллегорическая скульптура. Десять латунных позолоченных статуй венчают его парапет и фронтоны, работая на создание дворцового имиджа. Женские фигуры на парапете, задрапированные в условные туники, лишены сакральных атрибутов (крыльев, нимбов) и, вероятно, олицетворяют собой гражданские добродетели. На это косвенно указывает их оживленная жестикуляция: левая фигура высоко над головой поднимает молот, правая – призывно протягивает нечто (вероятно, факел или свиток). Возможна трактовка четырех мужских фигур, окружающих боковой купол, как персонализации Сократа, Гомера, Платона и Аристотеля, во всяком случае, угадывается некоторое портретное сходство, инспирированное не столько греческими бюстами, сколько персонажами «Афинской школы» Рафаэля. Парные скульптуры на фронтонах имеют явные эротические коннотации и композиционно восходят к гробнице Медичи Микеланджело.

Женская полуобнаженная фигура с зеркалом в руке, вероятно, Венера (широко известна ренессансно-барочная иконография Венер с зеркалами в трактовке Тициана, Пуссена, Веласкеса, Буше и т. д.). Соответственно, обнаженный юноша со свитком в левой руке и пером в правой – Эрот (возможно, и Танатос, но это – слишком мрачная версия для здания с торговой функцией), записывающий имена своих жертв. Помимо аллегорических фигур, парапет украшают чугунные вазоны, по форме близкие к античным клепсидрам и украшенные драпировками с кистями. Вазоны установлены на массивных тумбах.

Протяженный фасад чаерезвесочного магазина не имеет зафиксированной оси симметрии и ярко выраженного композиционного центра. Плоскость фасада оживляют четыре слабо-выраженных ризалита (два боковых и два центральных), оформленных рустом и полукруглыми фронтонами, фланкируемыми пьедесталами с вазонами. Центральные ризалиты акцентированы куполами. Плоскость фасада разделена рустованными лопатками на 11 частей. Окна первого яруса витринного типа и не имеют переплетов. Каждому из 11 проемов первого этажа (4 дверных и 7 оконных) соответствует пара сдвоенных полуциркульных окон второго. Центральная часть содержит три строенных арками окна второго яруса – и сдвоенные прямоугольные окна первого этажа. Вертикальный ритм членения задают лопатки, акцентированные тумбами балюстрад. Горизонтальное членение осуществляется с помощью карниза и подоконных вставок. В отличие от главного здания, фронтоны не содержат лепнины, но основной декоративный элемент – вазы – остались (теряющиеся среди декораций универмага, они играют ведущую роль в оформлении чаерезвесочного магазина).

В 1909 году на Амурской улице построен универмаг М.Т. Гурикова. Фасад этой прямоугольной в плане двухэтажной постройки повторял композиционные приемы чуринского комплек-

са: трехчастное членение, центральная часть отмечена большим плоским куполом и фронтоном криволинейных очертаний со шпилем, боковые ризалиты завершены копиями куполов чуринского универмага. Купола на постройке Гурикова не только имеют такое же чешуйчатое покрытие и окна-люкарны, как на исходном прототипе, но и увенчаны латунными статуями, имитирующими статуи на чуринском универмаге, что наводит на мысль об использовании одной и той же формы отливки. Треугольный фронтон, фиксирующий ось симметрии фасада, поддерживает пара атлантов, — насколько известно авторам, это единственное использование атлантов в архитектуре русского Дальнего Востока рассматриваемого периода. Плоскость фасада решена как витраж, разделенный рустованными перемычками. Окна витринного типа, как на первом, так и на втором этаже укладываются, что весь объем здания использовался под торговые залы. Прогрессивный прием сплошного остекления фасада резко противоречит выбранному стилю декора, локализованного в верхнем ярусе (профилированный карниз с иониками, гирляндами, модульонами), фронтоны четырех видов, парапет, состоящий из балюстрады и постаментов, увенчанных шарами и вазонами. К сожалению, этот замечательный образец архитектуры благовещенского неobarocco сгорел в рождественскую ночь 1912 года.

Ретроромантизм
В Благовещенске сохранился десяток зданий, стилистическая атрибутика которых настолько запутана, что авторы решили ввести термин ретроромантизм для объективного описания подобных архитектурных химер. Под ретроромантизмом понимается вера в то, что прошлое является источником бесспорных нравственно-культурных и эстетических образцов («раньше все было лучше, чем теперь»). Архитектурный ретроромантизм — в качестве радикального ответвления эклектики — стал наиболее обаятельной чертой форми-

рующегося в конце XIX века дальневосточного городского ландшафта. Если обычной эклектике свойственны цитатность, археологизм, узнаваемость и функциональная обоснованность используемых стилей, то ретроромантизм характеризуется полной произвольностью заимствований и алогичностью создаваемых композиций. Творческий метод ретроромантизма удивительно напоминает постмодернизм: архитектура не является средством внесения порядка в хаос действительности, но, напротив, усугубляет его. На фоне рядовой обывательской застройки Благовещенска точечное вкрапление стилистических мутантов, отягченных псевдоисторическим декором, и сегодня производит сильное впечатление.

Пожалуй, наиболее интересным примером благовещенского ретроромантизма является двухэтажный особняк М.С. Кравчинского, построенный в 1910-х годах на ключевом участке Большой улицы, напротив Благовещенского собора. Судя по историческим фотографиям, фасад этого здания перенасыщен сложной символикой, сконцентрирован-

ной в основном в верхнем ярусе. Деконструкция декора позволяет выявить исходные стилистические пласты:

— **Классицизм.** От классицизма идет общее, строго симметричное решение фасада с выделенной средней частью и расположением главного входа на оси симметрии, а также рустовка углов. Крупный руст контрастирует с мелким лепным заполнением тимпанов и межколонных вставок.

— **Готицизм:** скульптурные изображения химер (горгулий) акцентируют углы здания. Именно эти исключительно экспрессивные детали придают особняку мнемогеничность (способность запоминаться). Следует заметить, что во всей русской дальневосточной архитектуре авторам известно только два примера использования химер — анализируемый выше и здание Японского консульства во Владивостоке. Условно-готично выглядит вся центральная часть фасада, зажатая между пилонами и стремительно рвущаяся вверх (этот вертикальный импульс мастерски подчеркнут треугольными вставками).

— «Египет». Как известно, египетская мифология широ-

ко использовались в модерне (и позже в ар-деко). В данном случае помимо пилонов с треугольными вставками к «Египту» отсылает пластическое решение аттика в виде крыльев богини правосудия Маат. Шейное оперение химер также стилистически ближе к условно-египетскому (голова Гора), чем к готике. Горизонтальные складки крыльев контрастируют с вертикальными желобками каннелиру, создавая крестообразную композицию.

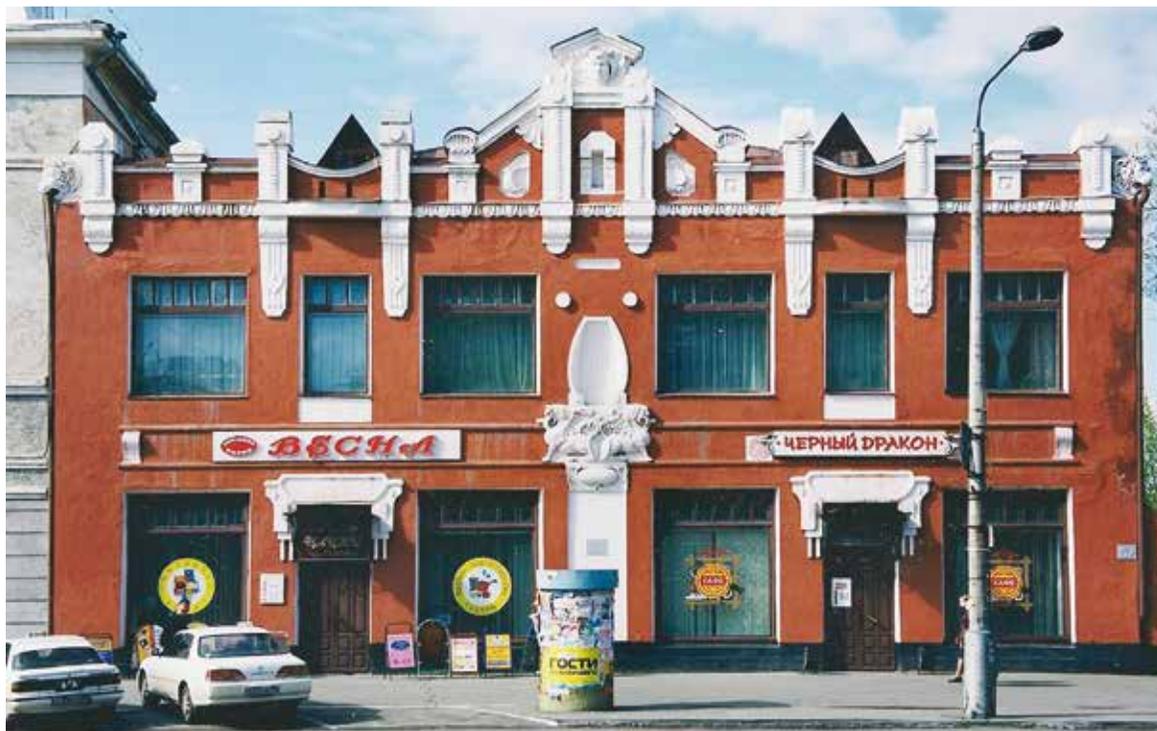
— **Геральдика.** На небольшой плоскости фасада расположено семь гербовых щитов: главный картуш, являющийся ключевым композиционным акцентом, фиксирует ось симметрии, два картуша декорируют тимпаны полуциркульных окон, четыре французских гербовых щита оформляют каннелированные вставки вертикального членения. Кроме гербовых щитов, на фасадной плоскости присутствуют две лепные маски, исполняющие роль замковых камней на полуциркульных окнах второго этажа. Миниатюрный масштаб масок противоречит крупным головам горгулий, угрожающе нависающих над посетителями магазина, расположенного в первом этаже.

— **Модерн.** Собственно от модерна в этом особняке немного: динамичный силуэт аттикового этажа, обрамленного высокими пилонами с каннелированными вставками, но свободное сочетание элементов декора, игра с масштабами и фактурами, изысканность и семантическая перегруженность композиции фасада в целом позволяют атрибутировать здание как «благовещенский модерн».

Доходный дом Ф.Ф. Коротаева (дата постройки неизвестна, ул. Амурская, 191). Композиция квадратного двухэтажного фасада в три окна полностью повторяет схему, описанную выше: ось симметрии зафиксирована главным входом и высоким фронтоном, узкая центральная часть зажата между массивными пилястрами, прямоугольным окнам-витринам первого этажа соответствуют полуциркульные проемы второго, декор локализован в верхнем ярусе, пилястры покрыты крупным француз-

Магазин Ф.Ф. Коротаева. Начало XX в.

Магазин ТД «А.А. Урманчеев с Сыновьями». Общий вид фасада

Фрагмент декора

ским рустом. Впрочем, из-за того, что широкие пилястры полностью занимают меж-оконные простенки, рустованной выглядит вся плоскость фасада. Этот дом – удивительный пример доведенного до крайности «кирпичного» стиля, модифицированного брутальными барочными элементами. Влиянием условного «туземного барокко» можно объяснить появление на фронте парных волют и оформление тимпанов полуциркульных окон в виде раковин. Отчасти «готично» выглядит сочетание круглого слухового окна, щипцового фронтона и фланкирующих пилястр с глубокими прорезями. Да и само оформление фасада красно-белым высоким кирпичным рельефом, дающим эффектную светотень, напоминает баженовские эксперименты в Царицыно. Помимо перечисленных элементов на фасаде присутствует «шахматная» межоконная вставка; вертикальные элементы отмечены не поддающемуся декодированию прорезным узором в виде перевернутой буквы Г. Подкарнизные зубчики-дентиклы слишком миниатюрны по сравнению с гипертрофированными размерами волют и руста. Этот сбой масштаба отмечен и в предыдущем примере. Однако, в отличие от

особняка Кравчинского, дом Кортаева имеет три архитектурно оформленных фасада, причем боковые стороны в три раза длиннее главной, выходящей на красную линию. Решение боковых фасадов лаконично и эффектно: чередующиеся западающие и выступающие

полосы руста создают четкую линейную графику.

Торговый дом «А.А. Урманчеева с Сыновьями» (1910–1912, ул. Большая, 157) в своде памятников атрибутируется как образец модерна, чему противоречит абсолютная симметрия фасада и общая незатейливость

объемно-пространственной композиции здания, представляющего собой обычный параллелепипед. Ось симметрии, зафиксированная треугольным фронтоном и нишей с лепным декором, делит плоскость стены на две абсолютно одинаковые части, каждая из которых воспроизводит описанную выше схему: квадратный двухэтажный фасад в три окна, ось симметрии проходит через входной проем, центральная часть более узкая и как бы стиснута элементами вертикального членения, роль которых в данном случае выполняют накладные элементы декора. Безусловную оригинальность рассматриваемому объекту придает декор, сконцентрированный в аттиковом ярусе (двенадцать вертикальных элементов и пять ниш). В особняке Кравчинского верхние углы здания акцентированы головами химер, а в данном случае эту роль исполняют львиные морды, держащие в разверстых пастьях воронки водосточных труб. Что касается клюворотых, рогатых и крылатых химер-грифонов, они также присутствуют в декоре дома Урманчеева, являясь смысловым центром композиции, лежащим в точке пересечения горизонтального (широкий межэтажный пояс) и вертикального (ниша) членений. Использование одинаковых композиционных и декоративных приемов, наводит на мысль, что автором обеих построек (дома Кравчинского и дома Урманчеева) являлся один и тот же человек.

Деконструкция декоративного решения фасада позволяет выделить следующие стилистические напластования:

– Различные версии классицизма. Орнамент из иоников и листьев аканта отделяет аттиковый ярус от фасадной плоскости; треугольный фронтон с профилированным карнизом венчает нишу, где на фоне раковины размещена женская голова, – эти детали указывают на классическую традицию. От ампира идет использование декора в виде локальных пятен, контрастирующих с гладкой поверхностью стены, для стиля неогрек характерны

использование маскаронов, грифонов и львиных морд. Однако отсутствие рустовки и несоблюдение трехчастной композиционной схемы фасада выводят этот объект из классицистической традиции.

— К югендстилю восходят геометрические, солярные и флористические мотивы лепного декора, парные изображения лебедей, оформление порталов и очертания лирообразной ниши, расположенной на оси симметрии фасада. Типичной приметой дальневосточного модерна является декор кронштейнов в виде строенных параллельных линий. Влиянием рационального модерна инспирирована прямоугольная форма проемов и рисунок переплетов.

— «Кирпичная» эстетика напоминает о себе четким горизонтальным членением фасада, неприемлемым для модерна, и приземистыми тумбами парапета.

Наиболее странным, не поддающимся дешифровке элементом декора является женская голова, размещенная в тимпане фронтона. Скуластое, одутловатое лицо, обрамленное короткой стрижкой, имеет явно портретные черты (хочется думать, что это жена домовладельца). Вместе с тем, откровенно угрожающий взгляд женщины, ее плотно сжатые тонкие губы и необычный головной убор (шапочка-ток с брошью в виде оскаленной медвежьей морды) придают изображению черты архаичной богини, возможно — валькирии (в таком случае понятно появление «вагнеровских» лебедей). На относительно небольшой фасадной плоскости сконцентрировано множество сигналов агрессии и тревоги: львы, химеры, странная богиня очага, змеевидные очертания цветочных стеблей и лебединых шей. Совокупность этих знаков генерирует угрожающее смысловое поле, противоречащее мирной торговой функции здания. Кроме того, пара круглых накладных деталей, расположенных по сторонам ниши, создает антропоморфный эффект (глаза и широко открытый рот). Дом как бы смотрит на нас, тщетно пытаясь заявить что-то важное.

Особняк Генриха Юлиуса Скрибановича, управляющего благотворительным отделением торгового дома «Кунст и Альберс» (1912, ул. Амурская, 188), был записан на имя его жены Э.Г. Скрибанович, чей вензель и сегодня читается в ажурном плетении надвратного козырька. Не имея ничего общего с архитектурой университета «Кунст и Альберс», построенного в официальном русском стиле, эта одноэтажная частная постройка несет явственный отпечаток северной готики. Главный фасад, выходящий на Амурскую улицу, производит несколько странное впечатление своей приплюснутой композицией, неожиданно увенчанной криволинейным фронтоном с высоким шпильцом. В тимпане фронтона расположен характерный для югендстиля декоративный элемент: вертикальная гирлянда из дисков с дырочками по центру («монисто»). Подобные гирлянды украшают парапетные тумбы на доме Урманчеева. Косвенным указанием на модерн является геометрический рисунок узких вытянутых окон и легкая асимметричность: вход сдвинут от оси симметрии, одновременно с большими оконными проемами используются многочисленные маленькие и проч. Тем не менее парные пилястры делят фасад на привычную трехчастную композицию, боковые части которой подчеркнуты выступающими карнизами. Кованый козырек на витых кронштейнах не имеет никакого отношения ни к готике, ни к модерну, а полностью соответствует стандарту «купеческого кирпичного стиля». Интерьеры здания, почти сто лет используемого под библиотеку, хорошо сохранились: люстры, напольные плитки, радиаторы отопления, лестничные перила и лепные детали потолка типичны для провинциального модерна.

Поскольку иностранным подданным в России не разрешалось обзаводиться недвижимостью, европейские коммерсанты записывали свою собственность на жен. Помимо особняка Скрибановича, примером подобной изворотливости является также дом Татьяны

Нино (1912, ул. Большая, 181), урожденной амурской казачки Кирличниковой, ставшей женой французского подданного, благотворительного купца Е.Ф. Нино. Небольшое двухэтажное здание кубического объема имеет только один архитектурно оформленный фасад, выходящий на красную линию главной улицы Благовещенска (остальные фасады представляют собой голые кирпичные стены, лишенные какого-либо намека на декор). Если рассмотренные выше образцы благотворительного ретроромантизма в различных пропорциях сочетали элементы классицизма, модерна, готики и кирпичного стиля, то данная постройка отмечена налетом ориентализма. Композиция фасада асимметрична, правый фланг акцентирован высоким фронтоном (чей силуэт не имеет адекватного геометрического обозначения) и фланкирован восьмигранными в сечении трехчетвертными колоннами. Шлемовидные граненые завершения придают вертикальным элементам подозрительное сходство с минаретами, но в цокольной части колонны превращаются в контрфорсы, придавая постройке готический характер.

Особняк Т.Д. Нино. 1912 г.

бость всех деталей (ниш, надоконных вставок, полуколонок, тумб парапета, карнизов, межэтажного пояса) придает объекту сходство с «новорусскими» особняками 1890-х годов. Только вензель «1912», расположенный на фронтоне, убеждает зрителя в аутентичности этой удиви-

Особняк Г.Ю. Скрибановича

Фронтон отделяет от плоскости стены два декоративных фриза: один пародирует мотив тригфонов и метоп, другой — пояс с бусами, что является явной отсылкой к классической традиции, однако оформление входа выдает знакомство архитектора с приемами модерна. Брутальная, нарочитая гру-

тельной постройки. Замысел архитектора остается загадкой для интерпретатора, но, безусловно, особняк Нино производит романтическое впечатление.

В 1898–1910 годы фирмой «И.Я.Чурин и К^о» построено довольно значительное по размерам здание с торговыми помещениями

на первом этаже и жилыми/конторскими на втором. Главный фасад, вытянутый вдоль Амурской улицы, представляет собой настоящий стилистический ребус. Набор элементов, используемых для его архитектурного оформления, поражает своей непредсказуемостью. Асимметричный фасад разделен на две неравные части; элементами вертикального членения служат пилястры, рустованные на половину высоты и увенчанные круглыми купольными завершениями, обрамленными листьями аканта. Возможно, эти завершения символизируют миниатюрные копии купола главного чуринского универмага. Но сами пилястры имеют осязательный «восточный» акцент. Складывается впечатление, что источником вдохновения архитектора (так же как при строительстве особняка Нино) послужила ныне утраченная культовая постройка – синагога или мечеть (обе располагались в соседних кварталах).

Пилястры фланкируют входную зону, акцентированную ступенчатым фронтоном в тимпане которого, судя по рекламным листовкам, располагалась лепной барельеф. Левая часть фасада, переходящая в высокий зубчатый фронтон с краббами и щелевидными прорезями, когда-то

была украшена граненым эркером. Нам представляется, что непривычная для «кирпичной эстетики» форма фронтона позаимствована с башни лютеранского костела, однако ничем, кроме интуиции, эта догадка не подкрепляется.

Оригинальным примером ретроромантизма является здание Управления Амурского общества пароходства и торговли (1910–1912, ул. Мухина, 2). Кирпичная, П-образная в плане постройка была возведена на краю офицерского городка, на берегу Амура (напротив китайского берега), символизируя, по меньшей мере, форпост европейской цивилизации. Композиция здания построена на контрасте трехэтажных башенных объемов (один из которых представляет в плане квадрат, а другой – октаэдр), соединенных двухэтажной вставкой. В декоре верхнего яруса обыгрываются элементы средневековой архитектуры: зубцы парапета («ласточки хвосты»), поставленные на аркатурный карниз, убедительно имитируют машикули, узкие бойницы освещают лестничные марши, расположенные в граненой башне и подчеркивают замковый характер постройки. Между тем, если убрать сложный карниз, то здание обнаружит свою ординарную

классицистическую основу: каждому полуциркульному окну первого этажа соответствуют окна-бифории второго, нижний ярус банально рустован (хотя, исходя из заявленной стилистики, лучше было бы использовать циклопическую кладку из дикого камня), межколонные простенки первого этажа продолжены пилястрами второго и т.д. Тем не менее на фоне деревянно-усадебного Благовещенска здание Управления Амурского общества и сегодня смотрится тамплиерской твердыней, пробуждая самые романтические ассоциации и эффектно замыкая перспективы главных улиц.

Кстати сказать, аналогичные сооружения замкового, «средневекового» характера активно строились в Приморье на раннем этапе русской колонизации (женская гимназия в Спасске-Дальнем, первое здание железнодорожного вокзала во Владивостоке, «гарнизонная» архитектура Новокиевского, Раздольного, Никольска-Уссурийского и др.). Оборонительный месседж, транслируемый этими постройками, адресовался не столько азиатским диаспорам (китайцам, корейцам и японцам), сколько англосаксам, настойчиво интегрирующимся в дальневосточную экономику.

Рассмотренные выше объекты позволяют выделить наиболее характерные черты благовещенского ретроромантизма:

– Атектоничность фасадной композиции: верхний ярус перенасыщен лепным декором. Этот прием рассчитан на восприятие постройки не с тротуара, а с середины широких благовещенских улиц, из пролетов и колясок, то есть в качестве зрителя изначально предполагался наиболее обеспеченный слой населения.

– Разномасштабность: на одной фасадной плоскости используются несколько различных масштабов. Возможно, это лучше доказательство разрушения иерархичности мировосприятия, свойственного классицизму.

– Избыточная экспрессивность композиции, никак не обусловленная утилитарным назначением построек. Это черта, идущая от модерна. Если фасады, выдержанные в рамках стандартной эклектики производят более-менее гармоничное, сбалансированное впечатление, то рассматриваемые примеры ретроромантизма выходят за рамки архитектуры, являясь чистыми жестами самопрезентации заказчиков и архитекторов.

– Литературность: фасады зданий перенасыщены «говорящим» декором и воспринимаются как театральные декорации.

Подводя краткий итог всему вышесказанному, можно трактовать благовещенский ретроромантизм как своеобразную архитектурную химеру. Недаром это эклектичное создание, объединяющее элементы грифона, льва и готической горгульи, является наиболее узнаваемой эмблемой благовещенской архитектуры. В качестве вывода следует также отметить, что в целом архитектура Благовещенска начала XX века формировалась в русле развития и других крупных дальневосточных городов. Она имеет как общие с ними черты, так и свои особенности, ставшие результатом сотворчества местных зодчих и заказчиков построек.

Алина Иванова
Николай Крадин
Фото Николай Крадин

Управление Амурского общества пароходства и торговли. 1910–1912 гг.

Колледж Купер-Юнион / The Cooper Union for the Advancement of Science and Art

Место: Нью-Йорк, США
Архитектор: Thom Mayle
Тип: образовательный, учебный корпус

В центре 9-этажного здания – серия общественных пространств, призванных связать одну из лучших американских школ дизайна и архитектуры с пространством города, а также способствовать случайным и запланированным встречам студентов между собой, что в идеале должно привести к плодотворным творческим союзам и стимулировать сотрудничество между учащимися разных специальностей. Начало этим неформальным «лаунджем» кладет первый, застекленный этаж здания. За окружающими его V-образными опорами скрывается нечто вроде галереи, где студенты могут общаться, не входя в здание. Большинство общественных пространств визуально связано с городским пространством через проницаемый для взгляда изнутри фасад, а атриум даже отмечен снаружи участком застекления, напоминающим разлом или разрыв.

Официальный сайт мастерской: www.morphosis.com

Использован материал сайта: www.morphosis.com, www.archi.ru

Комплекс Markt 11-13 / Markt 11-13

Место: Майнц, Германия
Архитектор: Massimiliano Fuksas
Тип: многофункциональный комплекс

Комплекс расположен в историческом центре Майнца, рядом с собором. Его нижние и подземные ярусы занимают магазины, кафе, учреждения бытового обслуживания. В верхней части здания расположены офисы и жилье. В центре находится застекленный атриум «Пяцетта», соединяющий разные уровни постройки.

www.archi.ru/foreign/guide

Официальный сайт мастерской: www.fuksas.it

Использован материал сайта: www.fuksas.it, www.archi.ru

Гостиница «Сибирь»: возвращение к теме

1. Здание гостиницы «Сибирь» по ул. Ленина, 18. Историческая записка / авт. ист. Р.В. Попова. 2007. Архив СООКН.
2. Там же.

Судьба уникального здания – гостиницы «Сибирь» – решается уже давно. Это один из немногих архитектурных образцов иркутского конструктивистского стиля. Гостиница десятилетиями формировала облик улицы Ленина, украшала центр города. «Сибирь» была самой лучшей гостиницей столицы Восточной Сибири, в которой останавливались великие для России люди.

Откуда есть пошла «Сибирь»
Для постройки первой коммунальной гостиницы в Иркутске был выбран незастроенный участок по улице Амурской (ныне Ленина). Здание было возведено на месте двух снесенных усадеб. Первая усадьба, угловая, находившаяся на пересечении улиц Баснинской (ныне Свердлова) и Амурской, с 1902 года принадлежала Городскому общественному управлению, а ранее – иркутскому купцу И.В. Самсонову. Вторая, располагавшаяся на углу переулка Пирожковского (Канадзавы) и улицы Амурской, до революции принадлежала Министерству юстиции, еще ранее – некоему Е.А. Бузолину. В большом городском пожаре летом 1879 года весь квартал выгорел. Территория усадеб Самсонова и Бузолина оставалась неосвоенной до 1930-х. Эта ситуация и способствовала отводу данного участка под строительство гостиницы «Сибирь». Построенное здание целиком занимало восточную часть

квартала № 22, выходя на красные линии застройки трех улиц, имеющие современные названия Ленина, Свердлова и переулка Канадзавы.

Проект гостиницы разработал иркутский архитектор Казимир Войцехович Миталь, по проектам которого в Иркутске было построено множество зданий, как до революции, так и после. В 1930-х Миталь был очень востребованным архитектором. «Перечислим его постройки: надстройка здания Иркутского городского Совета в соавторстве с В.Д. Дмитриевым, административное здание «Востокзолото» на углу улиц К. Маркса и Марата (в 1950-е годы пристроено и перестроено), «Дома партактива» в 15-м квартале... надстройка и реконструкция дома Кравца для Восточно-Сибирского крайисполкома на углу улиц 4-й Красноармейской и К. Маркса, жилой дом для сотрудников НКВД на углу Литвинова и Пионерского переулка, учебный корпус курсов марксизма-ленинизма на углу улиц Красной Звезды и Связи, Дом специалистов на ул. Марата, 29, жилой дом на углу улиц Байкальской и Тимирязева, реконструкция родильного дома на углу улиц К. Маркса и 2-й Красноармейской. При этом он вел активную общественную работу: член комиссии по сооружению памятника Ленину (1932), член архитектурно-художественной секции по благоустройству города (1934), один из основателей и учредителей Иркутского отде-

ления Союза архитекторов (1935), делегат Всесоюзного съезда архитекторов»¹.

Первоначальным владельцем (заказчиком) здания выступало предприятие коммунального хозяйства города Иркутска. С самого начала строительства гостиница стала называться «Центральная». В августе 1931 года начались работы на отведенной площадке, а в феврале 1932-го уже был возведен каркас здания. Судя по паспорту БТИ, закончено строительство было в 1933 году, а в апреле 1934-го гостиница «Центральная» вступила в строй действующих предприятий коммунального хозяйства.

В те годы это была единственная благоустроенная гостиница в столице Восточной Сибири. Среди ее постояльцев было немало известных стране и миру личностей. В период Великой Отечественной войны, во время гастролей, в ней останавливались народная артистка СССР О.В. Лепешинская, джаз-оркестр под руководством Л. Утесова и многие другие. В 1941–1942 годах здание гостиницы занимал госпиталь № 1221 общехирургического профиля, часть помещений была отдана под жилье эвакуированным артистам Киевского государственного театра оперы и балета имени Т. Шевченко².

Капитальный ремонт гостиницы планировался в 1955 году. Об этом свидетельствуют дела фонда Иркутского областного коммунального хозяйства: «...Объем капи-

тального ремонта зданий, проводимогохозспособом определен на 1955 год в сумме 265 тыс. рублей, в том числе за счет испрашиваемого кредита Цескомбанка коммунального хозяйства гостиницы «Центральная» в г. Иркутске...» Однако данных о фактическом исполнении этого ремонта не найдено. В 1956 году Иркутским Облпроектком по заказу Горкомхоза был составлен проект реконструкции гостиницы «Центральная». Судя по заголовкам чертежей, после реконструкции гостиницу предполагалось сделать для приема иностранных туристов: в чертежах она именуется «Интурист». Документов о том, что эта реконструкция состоялась, не найдено. В 1960 году этой же организацией был составлен новый план реконструкции, где гостиница по-прежнему носит название «Центральная». В техническом паспорте гостиницы за 1971 год есть дата, подтверждающая, что реконструкция была проведена в 1961–1965 годах. В техническом паспорте за 1990 год встречается дата последнего капитального ремонта части здания – 1989 год.

Время, когда гостиница «Центральная» стала называться «Сибирью», точно не установлено, но, судя по фотографиям, это произошло в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века. «Переименована в «Сибирь», вероятно, после 1965 г. в связи со строительством гостиницы «Ангара». С появлением более крупной гос-

Гостиница «Сибирь». Общий вид правого крыла здания с перекрестка улиц Ленина и Канадзавы

тиницы, находящейся также в центре, наша уже не могла называться «Центральной»³.

1995 год стал трагическим для гостиницы «Сибирь»: чудовищный пожар практически уничтожил центральную и левую (южную) части здания. «В ночь на 13 марта 1995 года на улице Ленина загорелась гостиница «Сибирь». Борьба с огнем продолжалась около 12 часов. ... Было задействовано 24 пожарных автомобиля и 171 человек пожарных и курсантов высшей школы МВД. ... Пожар постепенно превращал доставшуюся ему часть гостиницы в огромное пепелище. Бойцы службы 01 предпринимали все возможное, чтобы не допустить распространения огня в правую часть здания. А сделать это было крайне сложно: в доме сталинской постройки кирпичными были только внешние стены, все остальное было сделано из дерева, с большими пустотами, соединившимися между собой. Из-за них «Сибирь» превра-

тилась в один гигантский дымоход с чудовищной тягой, которую усиливали мороз и мартовский ветер... Последствия этого страшного пожара печальны. Как следует из материалов дела, огнем уничтожено 3 325 квадратных метров поэтажной площади. Левое крыло гостиницы впоследствии пришлось полностью снести».⁴

«... Лица небходим выраженьем»
О том, что гостиница «Сибирь» является уникальным объектом, требующим внимания и чуткого обращения, свидетельствует ряд документов. Уже в 1981 году на историко-архитектурном опорном плане Иркутска здание обозначено как характерный элемент городской среды. В следующем году в «Проекте зон охраны, зон регулирования застройки центральной части г. Иркутска» (ЦНИИП градостроительства, Москва, архитекторы Т.Ю. Соколова, С.А. Шаров, А.И. Шутова),

согласованном в 1985 году Министерством культуры РСФСР и Центральным советом ВООПИК,⁵ здание обозначено как объект, представляющий историко-культурную ценность и рекомендуемый к постановке на государственную охрану. Кроме того, здание гостиницы «Сибирь» внесено в «Сводный список вновь выявленных объектов г. Иркутска, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», согласованный Минкультом РФ 17.02.1995, и имеет регистрационный номер 337.

В том же 1995 году ТОО «Иркут-Инвест» был подготовлен «Отчет о научно-исследовательской работе по оценке технического состояния стеновых конструкций, основания и фундаментов гостиницы «Сибирь». Цель обследования – получение объективных данных для обоснования проекта реконструкции и восстановления здания после пожара. Тогда же институтом «Иркутскгражданпроект» был выполнен проект реконструкции с расширением здания гостиницы «Сибирь». В схеме историко-архитектурного опорного плана центральной части Иркутска 2000 года (ЦСН), как и в Проекте охранных зон объектов культурного наследия, разработанного Иркутскгражданпроект в 2006 году, гостиница «Сибирь» вновь обозначается как объект, представляющий историко-культурную ценность, и рекомендуется к постановке на госохрану.

Гостиница «Сибирь» представляет собой яркий образец стиля конструктивизм, творческие концепции которого стали революционными для того времени не только для России, но и для всего мира. Они утверждали функциональность, конструктивность, технологичность, геометричность форм, планировки и интерьеров. Этим постулатам конструктивизма в полной мере отвечает здание гостиницы, его объемно-планировочное решение, композиционное построение. В Иркутске такого качественного уровня объектов культурного наследия периода советского авангарда насчитываются единицы.

Конструктивная схема здания – каркасно-кирпичная. Внутренние поперечные стены имелись только в боковых крыльях, разделяя объем на три части. Лестничные пилоны, фланкирующие центральный объем, «врезались» в угловую часть пятиэтажной части здания. Колонны каркаса, мощные прямоугольного сечения (0,9?0,9 м), были установлены с шагом три метра. Комбинированная конструктивная схема здания в полной мере характерна для построек стили конструктивизм. Внутреннее ячеистое пространство гостиницы разделялось на отдельные помещения дощатыми перегородками.

Объемно-планировочное решение здания представляется достаточно органичным как с функциональной точки зрения, так и с архитектурно-конструктивной. Одна из

3. Там же.

4. Елясов В. «Гостиница «Сибирь»: полет с одним крылом» // «Копейка». 2005. 11 марта.

5. Проект не утвержден в установленном порядке.

концепций конструктивизма – целесообразность архитектурной формы – в данном случае полностью подтверждается. Удачное объемно-композиционное построение здания, выраженное в органичном соединении объемов, имеющих гармоничные пропорции, не оставляет места декоративному оформлению фасадов, которое в данном случае могло быть явным излишеством. Отсутствие декоративного убранства компенсируется динамичностью архитектурной формы здания. Выразительную пластику фасадам крыльев с улицы придавали визуально выделенные вертикальные строчки оконных проемов с заглубленными подоконными участками.

Любопытно, что современники неоднозначно восприняли архитектурные достоинства гостиницы. В том же отчете треста «Коммунальных гостиниц» за 1935 год отмечалось: «По своему внешнему оформлению фасада «Центральная гостиница» представляет плохо построенную коробку до того неприглядную на вид, что безобразит не только улицу, но центр города». В связи с этим правлению Союза советских архитекторов поступило предложение на проведение конкурса по составлению проекта на оформление фасада «Центральной гостиницы». Дальнейшая судьба решения этого вопроса неизвестна, но очевидно, что здание сохранило первозданные фасады. Данный факт еще раз подтверждает консервативность

мышления большинства и понимание того, как тяжело приходится людям, несущим революционные идеи. С течением времени все встало на свои места, и сегодняшнее положение вещей тому подтверждение. Здание стало уникальным примером постройки, выполненной в стиле конструктивизм, и явилось отражением его принципов в построении как объемно-пространственной композиции, так и в организации архитектурной формы.

В первоначальное объемно-планировочное решение здания входил центральный, Т-образный в плане объем, имеющий переменную этажность и смещенный вглубь относительно красной линии застройки. По бокам он был фланкирован пятиэтажными пилонами лестничных клеток, от которых отходили крылья, имеющие лекальную, Г-образную в плане, конфигурацию.

Подробнее рассмотрим каждый из конструктивных объемов, начиная с центрального, который можно разделить на три части.

Первая – пятиэтажная, прямоугольная в плане, продольным северо-восточным фасадом ориентирована на улицу Ленина. Все этажи равноценны по высоте. В этой части находились: на двух первых этажах – холлы с примыкающими к ним административными помещениями, на остальных располагались гостиничные номера, устроенные по обе стороны от центрального, продольно расположенного коридора. Освещали помещения прямо-

угольные оконные проемы, расположенные по горизонтали с определенным заданным ритмом и имеющие осевое поэтажное расположение. Крыша – двускатная – опиралась щипцами в продольные стены лестничных пилонов.

Вторая – двухэтажная часть – располагалась вдоль центральной поперечной оси объема, примыкая торцевой стороной к юго-западному, дворовому фасаду. На втором этаже находились обеденный зал ресторана, первый занимали службы и кухня. Расположение оконных проемов аналогично. Крыша также была двускатная с вальмой, выходящей на дворовый фасад.

Третья – полукруглая двухэтажная часть с балконом в уровне третьего этажа – располагалась со стороны уличного фасада, являясь центральной входной группой. На первом этаже вместе с вестибюлем находились парадная лестница, состоящая из двух симметрично расположенных криволинейных крыльев-маршей, смыкающихся на центральной междуэтажной площадке, ведущей на широкий лестничный марш, открывающийся в пространство холла второго этажа. Узкие оконные проемы имели вертикальное расположение, прорезая стену фасада на всю высоту этажей. Два парадных дверных проема располагались по центру.

С торцевых сторон центральный объем фланкировали доминирующие по высоте пилоны-параллелепипеды лестничных клеток,

смещенные относительно центрального объема в сторону улицы, выходя на красную линию застройки, образуя перед входом в здание пешеходную площадку. Кроме лестничных маршей здесь находились вестибюль и подсобные помещения (санузлы). Две вертикальные строчки витражных оконных проемов со стороны главного фасада освещали лестничную клетку на всю высоту. Крыши лестничных пилонов, совмещенные с чердачным перекрытием, были плоские.

К объемам лестничных клеток примыкали четырехэтажные боковые крылья, имеющие лекальную Г-образную форму. Крылья состояли из трех сопряженных между собой частей, отделенных друг от друга внутренними поперечными стенами. Центральная часть – поворотная, криволинейная в плане, две других – прямоугольные. В центральные части вели отдельные входы, внутреннее пространство занимала лестничная клетка, на первом этаже также располагался просторный вестибюль. В крыльях по обе стороны от центрального, продольного коридора располагались гостиничные номера. В торцевых частях находились эвакуационные лестничные клетки, ведущие непосредственно на улицу. Крыши над крыльями были пологие двускатные с вальмами на торцевых фасадах.

Пожар 1995 года, затронувший центральный объем, левый пилон лестничной клетки и крыло, ориентиро-

Фрагмент историко-архитектурного опорного плана г. Иркутска, квартал №22 (Проект охранных зон г. Иркутска, Иркутскаржданпроект, 2006 г.)

условные обозначения

- объекты культурного наследия регионального значения.
- здания исторической опорной постройки (объект историко-архитектурной среды)
- объект культурного наследия предлагаемый к постановке на госохрану.
- редкая историческая постройка
- здания опорная постройка советского периода.
- ★ местоположение объекта культурного наследия, действующего в процессе реставрации
- ~ красные линии исторической ценной планировочной структуры.
- ▲ объекты культурного наследия, связанные с историческими событиями.
- 5 номер квартала.
- 17 адресный номер объекта культурного наследия.
- существующие исторические сады, парки, дачи.
- территории исторических кладбищ (утраченных и существующих)
- утраченные культовые и общественно значимые постройки.
- наследуемый объект культурного наследия

ванное на пересечение улиц Ленина и Свердлова, нанес зданию существенный ущерб. На основании инженерного обследования, проведенного «Иркут-Инвестом», было принято решение о целесообразности сноса пострадавшей части здания. В настоящее время от здания остались правый пилон с лестничной клеткой и крыло, ориентированное на пересечение улиц Ленина и Канадзавы. В усеченном виде здание выглядит достаточно жалко и представляет собой «обрубок», не имеющий композиционного завершения. На месте сгоревшего крыла здания – автомобильная стоянка.

Иркутск «Сибирью» прирастать будет
Сложившаяся ситуация представляется крайне негативной с точки зрения внешнего облика города и его главной улицы, и в связи с этим все чаще появляются предложения о сносе сохранившейся части здания и сооружения на этом месте нового (например, высотного) здания. Эта позиция понятна только с коммерческой точки зрения: культурное наследие проще снести, чем восстанавливать. Неотвратимый круговорот архитектуры в природе, казалось бы, естественный процесс. Но почему-то во всем мире трогательное отношение к архитектуре и историческому наследию является показателем культурного здоровья общества. Не сохраняя то, что есть у нас, вот эти тронутые патиной времени «деревяшки» или отстраненно стоящие авангардные сооружения, мы очень рискуем стать абсолютно безликим городом, пусть даже со славным прошлым. Неужели здание, украшавшее центр города в течение шестидесяти лет, должно безвозвратно исчезнуть?

Вспоминается фантастический рассказ о том, как люди, используя машину времени, во время своего путешествия в прошлое, нечаянно раздавили маленькую красивую бабочку, и, вернувшись в свою эпоху, с ужасом обнаружили, что их мир чудовищным образом изменился, стал жестоким и невыносимым для жизни. Может быть, уничтожив малое, мы кладем бомбу замедленного

действия для следующих поколений? Что оставим мы им? «Кучерявые» коттеджи и архивные материалы, о том, что было когда-то на их месте? Вопрос сохранения наследия, причем не только «деревянного зодчества», вполне привычного для слуха обывателя, но и малоизученного иркутского конструктивизма, – злободневен.

Гостиница «Сибирь» – здание, построенное в стиле конструктивизм и отвечающее всем его принципам, – яркий пример чистого стиливого построения объемно-пространственной композиции. Архитектор Казимир Миталь, создавший данное здание, являлся ярким творцом этого стиля и, к тому же, был нашим земляком. Начав работать еще до революции, он смог вплести в себя идеи нового направления и отойти от прежних эклектичных форм, что не смогли сделать многие другие архитекторы, его современники.

Возникает логический вопрос: «Что делать с «Сибирью»?» Единственно правильное решение – это «вернуть» здание на прежнее место. Необходимо также отметить, что облик улицы Амурской (Ленина) создавался на протяжении многих десятилетий и отображает градостроительную историю развития города, является своего рода архитектурной энциклопедией Иркутска, а такие объекты, как гостиница «Сибирь», относятся к ее архитектурным жемчужинам, поэтому должны сохраняться, восстанавливаться в своем первоначальном виде. В 1995 году поступило совершенно ясное и четкое предложение о необходимости воссоздания утраченной части здания, реконструкции сохранившейся и возвращения зданию его первоначального вида. Институт «Иркутскгражданпроект» разработал технико-экономические обоснования реконструкции с расширением гостиницы «Сибирь», в котором представил несколько вариантов использования воссозданного здания. Это предложение актуально и в наши дни и пригодено для реализации.

Не обязательно использовать здание в прежнем качестве – гостиницы, как наиболее оптимальный вари-

ант возможно применение помещений под административно-офисное или другое общественное учреждение, что, в принципе, соответствует исторической функции улицы. Производственные работы должны быть в первую очередь направлены на реставрацию и приспособление сохранившейся части здания. Во вторую – на воссоздание утраченной части здания. В то же время возможно расширение здания вглубь квартала, и в связи с этим разработка проекта должна осуществляться в комплексе, быть ориентированной как на восстановление, так и на новое строительство, и осуществляться в рамках градостроительного

регламента зон охраны объектов культурного наследия центра города.

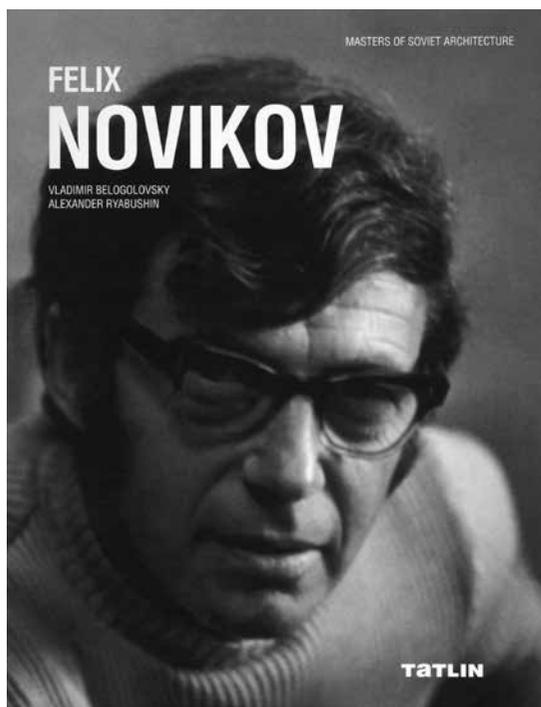
Гостиницу «Сибирь» следует восстановить как уникальный, выдающийся объект культурного наследия, представляющий редкий для Иркутска, всего Приангарья пример здания, выполненного в стиле конструктивизм. Также представляется необходимым внести это строение в государственный реестр объектов культурного наследия, притом – федерального значения, обоснование этому выполнено в 2008 году.

Алексей Бельский,
Яна Лисицина
Современное фото
Алексей Бельский

1995 г. Дворовой фасад правого крыла здания, сохранившегося при пожаре.

1995 г. Дворовой фасад центральной части здания, пострадавшее при пожаре, левое крыло снесено.

«Феликс Новиков»

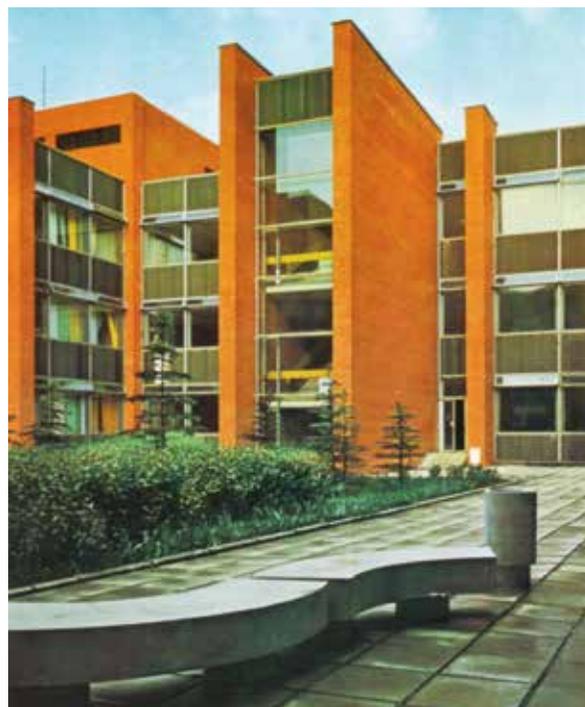
Белоголовский В., Рябушин А. Феликс Новиков.
– Екатеринбург : ТАТЛИН, 2009. – 184 с. : ил.
– (Мастера советской архитектуры).

Комплекс МИЭТ в Зеленограде, дворик учебного корпуса, 1966–1971 гг. Архитекторы Ф. Новиков, Г. Саевич, инженер Ю. Ионов. Часы – В. Тюлин, С. Чехов. Рельеф вестибюля – Э. Неизвестный

Новикова, народного архитектора СССР, лауреата государственных премий СССР, России и национальной архитектурной премии «Хрустальный Дедал», автора московского Дворца пионеров, архитектурных комплексов в Зеленограде, здания посольства СССР в Мавритании, книг «Формула архитектуры», «Зодчие и зодчество» и множества публикаций в литературных и профессиональных периодических изданиях.

Книга открывает серию монографий советских архитекторов, чья практика в своем главном содержании пришлась на период с 1955-го по 1985 год, обозначенный в истории архитектуры как эпоха советского модернизма. Это драматичное время полно талантливых проектов и любопытнейших обстоятельств, грубого вмешательства властей, недопонимания и даже упреков последующих поколений. Важно сохранить эту эпоху в нашей исторической памяти в целом и в деталях, в монументах и судьбах.

Творческая судьба Феликса Новикова оказалась

долговечнее модернистского периода. Она высвечивает время до и после. Причем все эти годы он находился в самой гуще важнейших событий архитектурной жизни и сегодня выступает как участник и свидетель этого процесса. Обладая

феноменальной памятью и талантом увлекательного рассказчика, Новиков является важнейшим источником наиболее полного и точного ощущения и понимания времени, в котором он жил.

Основу книги составили беседы с Феликсом

У макета московского Дворца пионеров. Слева направо: В. Кубасов, Э. Лихтенберг, И. Виноградский, И. Покровский, М. Хажакян, Б. Палуи, Ю. Ионов, Ф. Новиков, А. Половников

Новиковым, в которых он передает дух времени, подробно рассказывая о своей семье, учителях, соратниках, политических деятелях, а также проектах – как реализованных, так и оставшихся на бумаге. Новиков вспоминает о том, как повлияло на его творчество небезызвестное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 года, за которым последовал переход от классики к модернизму. О том, как, несмотря на полученное им традиционное классическое образование и опыт проектирования в классике, он принял новую свободную демократическую архитектуру с чистого листа и с каким неподдельным энтузиазмом создавал экспериментальную и идеалистическую архитектуру на примере проектов Дворца пионеров в Москве и жилых и научных комплексов в Зеленограде. И, конечно же, нельзя не упомянуть о драматичной истории проектирования и строительства «Красного дома» на Тургеневской площади, длившейся тридцать три года.

«Красный дом» на Тургеневской площади (высотный вариант), макет, 1966–1975 гг. Архитекторы Ф. Новиков, И. Покровский, инженеры Ю. Ионов, В. Гнедин. Проект принят к строительству. Реализация приостановлена

Ощущение свободы, предвкушение перемен, стремление к новому, оптимистический взгляд в будущее, стремление всегда следовать внутреннему голосу, высоким принципам художника и гражданина – все это объединяло поколение шестидесятников, к которому при-

надлежит Феликс Новиков. Влюбленность в архитектуру и вера в ее бесконечные возможности творить прекрасное – главный урок творчества Новикова.

В настоящее время Феликс Новиков проживает в Рочестере, штат Нью-Йорк, с супругой Галиной

Жирмунской и активно выражает свою профессиональную позицию на страницах журнала «Архитектурный вестник».

Владимир Белоголовский

Главный научный центр микроэлектроники в Зеленограде, фрагмент лестницы во дворе, 1962–1969 гг. Архитекторы Ф. Новиков, И. Покровский, В. Ларионова, Э. Лихтенберг, инженер Ю. Ионов. В начальной стадии проектирования принимали участие В. Кубасов и Б. Палуй

Свобода, которую мы потеряли

Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 464 с.: ил.

После Октябрьской революции, с появлением первых же заказов новой власти, организация проектного дела в СССР восстанавливается в тех же формах, что и ранее: «мастер» – «помощники» – «подмастерья» – «ученики». В частности, по этому организационному принципу были устроены созданные советской властью в 1918–1919 годы проектные мастерские: архитектурно-проектная мастерская Угорсельстроя, архитектурная мастерская при Совете по урегулированию плана Петрограда и его окраин, архитектурно-художественный отдел Наркомпроста, архитектурно-художественная мастерская Моссовета и др.

Но очень скоро подобная «ремесленная» организация проектной мастерской, вполне привычная и удобная для прежних российских архитекторов, оказывается неприемлема для власти, стремящейся обеспечить универсальное организационно-управленческое устройство единой системы архитектурно-проектного дела. И потому, что «единой» удобнее управлять, и потому, что этого требует принцип усиления централизованной власти.

Для того чтобы превратить архитектора из субъекта профессиональной архитектурной и градостроительной деятельности в сотрудника «государственного учреждения», власть законодательно лишает его основной составляющей творчества – «личностного знания». Это осуществляется за счет изменения содержания нормирования, которое начинает регулировать не процедуры «деятельности», а параметры «объекта проектирования», а также за счет разрушения традиционной профессиональной морально-психологической «связки»: «собственность на продукт деятельности» – «ответственность за результат деятельности». Это достигается за счет отмены главной структурообразующей составляющей дореволюционной проектной практики – «уникальности и индивидуальности проектного опыта архитектора»: советская система массовой проектной деятельности законодательно отвергает буржуазное авторское право. В принятых в 1925–1928 годах постановлениях, посвященных авторскому праву, власть вместо авторского архитектурного права вводит новые «правила»: а) безо всяких ограничений применять проект многократно (любыми ведомственными органами, везде, где это будет необходимо), причем без дополнительной оплаты автору проекта; б) передавать проектную документацию любым государственным подрядчикам, нуждающимся в ней, свободно используя проектную документацию третьими лицами (представителями ведомственно-государственных структур) с согласия заказчика (а не автора), которому и переходит право владения и распоряжения проектом; в) распространять лучшие проекты для многократного воспроизведения, превратив проектную документацию в общегосударственную собственность; г) применять проекты в тех местах, где в этом возникает потребность; при этом осуществлять привязку проекта по месту теми исполнителями, которые

находятся под рукой, без какого-либо согласования с авторами (оплату за работу по привязке проекта получает тот специалист, который ее производит); д) вносить, по мере необходимости, любые изменения в проект, приспосабливать и переделывать его под изменяющиеся задачи (опять же без ведома автора) и т.п.

Внешне, казалось бы, ничего не изменилось: «дореволюционное частное архитектурное бюро» – «советский государственный проектный институт»; «дореволюционный мастер» – «советский руководитель мастерской»; «профессиональный клуб» – «Союз советских социалистических архитекторов». Но превращение архитектора из «творческой личности» в «государственного служащего», трансформация «носителя профессии» в «штатную единицу» ставит его в жесткую зависимость от власти и приводит к массовой замене «творчества» «проектным производством».

Государственная организация архитектурной деятельности в СССР целенаправленно формировалась в 1920-е годы как механизм этой трансформации, как механизм обеспечения массового поточного производства проектной документации. Этот сложный и многофакторный процесс давно ждал углубленного изучения. Книга И.А. Казуся «Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования» наконец-то реконструировала «механику» принятия градостроительных решений в централизованной системе власти, где не профессиональные представления о рациональном градостроительстве, а политическая воля и идеологические стереотипы определяли конкретные мероприятия и программы действий.

Она показала, каким образом изменения общих идеологических и политических установок – о необходимости художественного выражения в планировке каждого поселения ансамблей основных магистралей; о значении «градообразующего» про-

мышленного объекта; об идеологических преимуществах центричной планировочной структуры; о превращении системы расселения в структуру равномерно размещенных по территории страны урбанизированных промышленно-селитебных образований; о дезурбанизации столиц и других крупных городов и т.п. – сводили роль профессионалов лишь к «планировочному оформительству» и «визуализации». В монографии описан и детально раскрыт действовавший механизм принятия архитектурных и градостроительных решений в централизованной системе власти – через формальную организацию процесса проектирования, через структуру проектной конторы и ее штатное расписание, через систему органов контроля над творчеством и т.п.

В этом отношении книга И.А. Казуся имеет бесспорную научную новизну, предлагая уникальные свидетельства истории, несущие не застывшую память, а живое напоминание, наглядно раскрывающее зависимость градостроительного и архитектурного знания от тех формальных структур коллективной профессиональной деятельности, в которых оно порождалось и употреблялось.

Данная монография способна серьезно повлиять на самоопределение профессии архитектора и урбаниста в очень непростой ситуации современной России. Она должна быть превращена в лекционный цикл, обязательный для прослушивания студентами. В том же обязательном порядке, в котором они знакомятся с фундаментальными основами профессии – архитектурной композицией или теорией градостроительства.

Марк Меерович

Константин Лидин	Памятники в нишейной полосе	131
Александр Раппапорт	Архитектура и дизайн – конфликт или мирное сосуществование?	135
Ирина Че	A vs D. Интервью с Александром Раппапортом.....	137
Ольга Железняк	Школа дизайна в Иркутске.....	142
Ольга Железняк	Архитектура против дизайна? Частное мнение	145
Роман Ушков	Нереальная архитектура.....	152
Андрей Шолохов	Дизайн... как много в этом слове.....	155
Марина Ткачева	Разговор урбаниста и дизайнера о границах архитектуры и дизайна	157
Андрей Иванов	Разговор с Тотаном Кузембаевым о дизайне и архитектуре на (и о) его скамейке в рижском яхт-клубе «Андрейоста»	161
Наталья Ушкова	Репетиция на крыльце	170
Андрей Шолохов	Метаморфозы	173
Марина Ткачева	Первый юбилей.....	174
Анна Григорьева	Summary	176

В формулировке темы этого номера, безусловно, присутствует доля провокации. Ведь вполне можно было обозначить взаимоотношения архитектура – дизайн и другими союзами. Архитектура вместе с дизайном. Архитектура вместо дизайна. Дизайн вместо архитектуры...

Мы выбрали формулу, которую можно встретить в языке судебных разбирательств. Две самые авторитетные области, придающие форму и структуру нашей повседневной жизни, сегодня увлеченно судят друг друга. За архитектурой – тысячелетняя культурная традиция. За дизайном – мощь промышленного способа производства. У каждой стороны есть свои адвокаты, и свои прокуроры, и мировые судьи. Однако пытаться вынести окончательный приговор, что важнее, так же нелепо, как сравнивать красное с длинным. Вопрос неподсуден логическому анализу.

Мы не пытались рассудить отношения архитектуры и дизайна. Но порассуждать на эту тему – посчитали нелишним. Процесс пошел. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Елена Григорьева

Certainly, the topic for this issue contains a bit of provocation. We could have named the relations between architecture and design in other words. Architecture together with design. Architecture instead of design. Design instead of architecture...

We have chosen the formula used in the trial language. These two competent spheres that give form and structure to our everyday life are judging each other with enthusiasm. Behind architecture there is a thousand-year cultural tradition. Behind design there is a mighty industrial production. Each party has its own lawyers, prosecutors and justices of the peace. However, the endeavor to pronounce sentence on which is the most important is as absurd as the comparison between red and long. This item is outside the jurisdiction of logical analysis.

We did not try to judge relations between architecture and design. But we considered it worthwhile to discuss this topic. The trial has started. Gentlemen of the jury, the ice has started breaking up!

Elena Grigorieva

Памятники в ничейной полосе

Попытки сопоставления архитектуры и дизайна первым делом упираются в расплывчатость обоих понятий. Какие бы определения мы ни использовали, все равно между двумя областями образуется значительная «ничейная полоса», которую можно отнести и туда, и сюда. Разумеется, промышленный дизайн (прикладная эстетика машин и механизмов), как и конструирование одежды, мебели, украшений, рекламы, – область однозначного дизайна. Проектирование зданий и сооружений, а также групп зданий и сооружений, ансамблей – область архитектурная. А вот куда отнести оформление фасадов, интерьеров, общественных пространств?..

Существование спорных территорий неизбежно порождает и заметные напряжения в отношениях между представителями обеих уважаемых профессий. Сознательно или бессознательно, некоторые архитекторы искренне полагают дизайн фрагментом архитектуры, который без должных оснований возомнил себя чем-то самостоятельным. Таких архитекторов особенно раздражает, когда стоимость проекта интерьера оказывается равной стоимости проекта здания. Буйство уличной рекламы переживается ими как хулиганское, с особым цинизмом проделанное искажение облика городов, а отношение к зданию как к машине (и соответствующие приемы формирования его облика) воспринимается как трагическая ошибка Ле Корбюзье и последователей.

Дизайнеры всячески демонстрируют свое уважение к архитектуре, но втихомолку тоже недоумевают: зачем нужен проект, если строители все равно все сделают по своему, а конечный облик среды обитания людей будет определяться ими, дизайнерами.

Тем временем оба понятия (архитектура и дизайн) приобретают новые значения в областях, вовсе не связанных с прикладной эстетикой. Привычными становятся словосочетания вроде «дизайн коллектива», «архитектура баз данных» и так далее. Применение терминов в новых областях, разумеется, только усиливает путаницу.

Единственное официально утвержденное значение слова «дизайн» предложено в середине прошлого века. По версии ИКСИД (ICSID – International Council of Societies of Industrial Design), «дизайн – это творческая деятельность, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделия, но главным образом те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя. Дизайн стремится охватить все аспекты окружающей человека среды, которая обусловлена промышленным производством»¹. Легко заметить, что такое определение оставляет на долю архитектуры пренебрежительно малую часть объектов – только то, что сооружается непромышленными (кустарными, ручными) методами.

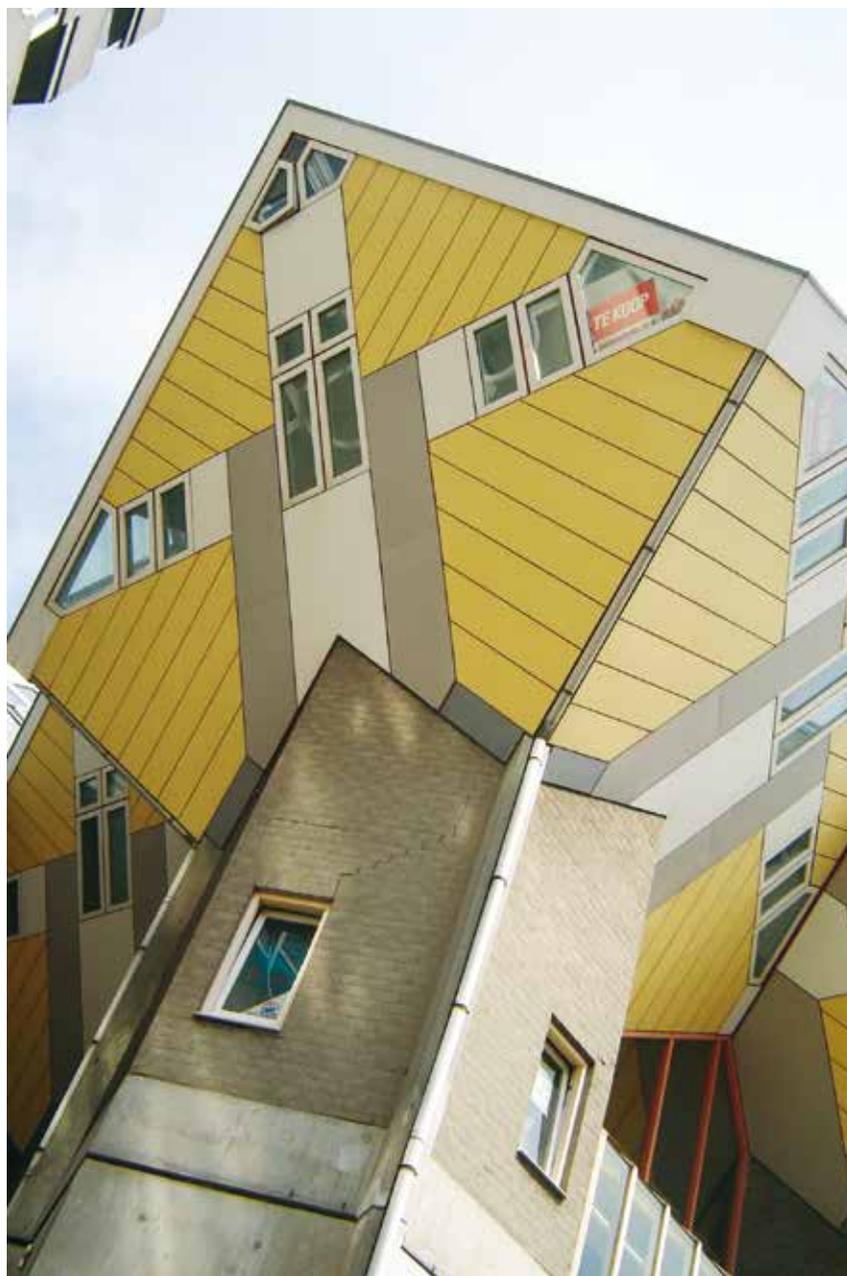
Формальные определения архитектуры тоже не блещут скромностью. Самая популярная энциклопедия Интернета, Википедия, дает такое определение: «Архитектура – одна из наиболее всеобъемлющих областей человеческой деятельности, занимающаяся организацией пространства и времени и решающая любые пространственные и временные задачи, от разработки стратегий развития агломераций до дизайна дверных ручек». Как видим, теперь не остается места для дизайна.

Надо заметить, что подобные расширенные толкования обоих понятий – достояние современности. Сто лет назад словарь Брокгауза и Ефрона сообщал: «...в настоящее время под словом «архитектура» разумеется исключительно искусство строить здания, предназначенные только для помещения людей, животных или каких-либо предметов»². Слова «дизайн» в знаменитом словаре и вовсе нет.

Большая советская энциклопедия в определении архитектуры следует за Брокгаузом и Ефроном: «Архитектура (лат. architectura, от греч. architékton – строитель), зодчество, система зданий и сооружений, формирующих пространственную среду для жизни и деятельности людей, а также само искусство создавать эти здания и сооружения в соответствии с законами красоты»³. Дизайн в БСЭ уже присутствует в следующем определении: «Дизайн (от англ. design – проектировать, чертить, задумать, а также проект, план, рисунок), термин, обозначающий новый вид деятельности по проектированию предметного мира. Дизайн возник в начале XX века как реакция на стихийное формирование визуальных и функциональных свойств предметной среды. Дизайн разрабатывает образцы её рационального построения, соответствующие сложному функционированию современного общества. Иногда под дизайном понимают лишь одну из областей – проектирование эстетических свойств промышленных изделий. Дизайн, однако, решает более широкие социально-технические проблемы

текст
Константин Лидин

Современный Роттердам. Подобные здания действительно оставляют зрителя в недоумении: к какой области отнести эту постройку – к архитектуре или к дизайну?

Храм Хатхор в Дендера. Конец птолемеевской эпохи. Более двух веков греческого владычества мало сказались на облике египетских храмов. Уклад жизни и традиционная культура египтян уважительно сохраняются иноземными завоевателями

– функционирования производства, потребления, существования людей в предметной среде. Дизайн находится в особом отношении ко всем традиционным видам проектирования, разрешая затруднения, которые связаны с внедрением в жизнь конкретных людей и общества в целом новых предметных организаций, создающих неравновесную ситуацию в предметном мире»⁴. По-видимому, именно в семидесятые годы экспансия дизайнера в разнообразные области прикладной эстетики добралась до СССР.

В 1970 году вышла книга В.Л. Глазычева «Дизайн как он есть» (недавно переизданная). Автор приводит в этой книге множество определений дизайнера, но между строк читается наиболее симпатичное ему самому понятие: дизайнер – это художник, создающий красивые, функциональные и экономичные образцы для последующего тиражирования в промышленном производстве. В этом определении дизайн приобретает тысячелетнюю историю: «...можно с полным основанием отнести к дизайну работу художников, дававших массовому производству образцы мебели или посуды. ...К дизайну с полным правом можно причислить и кораблестроительное искусство, насчитывающее тысячи лет развития. Пусть художник, принимавший участие в создании корабля, назывался по-другому, но делал-то он то же самое – достаточно прочесть описание постройки судна хотя бы в исландских сагах»⁵.

Отождествление профессии кораблестроителя и дизайнера особенно любопытно. Дело в том, что в архаическую гомеровскую эпоху древнегреческое слово «плотник, строитель кораблей», выглядело как τέκτων (тектон). Впоследствии этим словом обозначался не только строящий корабли, но и любой строитель. Начальник плотников, староста, мастер назывался ἀρχι-τέκτων (архи-тектон). Позже тем же словом стал называться любой руководитель, устроитель работ. Появилось также иносказательное понимание слова – «дающий цель», лидер. Именно от гомеровского «старосты корабельщиков» происходит современное «архитектор» и «архитектура»⁶.

Слово же «дизайн» имеет происхождение из латыни. Латинское «de-signo» (обозначать, отмечать, назначать) – производное от «signo» (в русском языке этот корень присутствует в словах «сигнал», «сигнатура» и т.д.). Смыслы

слов-предков принципиально различны. Архитектор строит, дизайнер проектирует. Архитектор работает с материалом, а дизайнер – со знаком. Объектом профессиональных усилий архитектора в конечном итоге является кирпич, дерево, бетон во всей их конкретной вещественности. Дизайнер работает с информационными сущностями, абстрактными и универсальными – формой, линией, цветом как таковыми, без жесткой привязки к вещественному носителю.

Оба слова не скрывают своего античного происхождения, но тут уместно вспомнить и различия греческой античности от римской. И греки, и римляне прославлены как великие строители. Обе культуры в свое время послужили цементирующей основой для гигантских евроазиатских империй. Но как же мало похожи эти империи!

В конце IV века до н.э. Александр Македонский подошел к границам Египта. Он не встретил сопротивления, напротив, египтяне объявили греческого завоевателя воплощением Амона-Ра и оказали ему божественные почести. После смерти Александра в 323 г. до н.э. правителем Египта становится диадох (военачальник) и близкий сподвижник императора Птолемей. Он получает прозвище Сотер (спаситель). После его отречения от престола место фараона занял Птолемей II, прозванный Филадельф (любящий сестру). Прозвище свое он получил в результате запутанной семейной интриги: сестра Птолемея II Арсиноя вышла за царя Македонии Лисимаха, также бывшего диадоха. Ее дочь, также Арсиноя, стала первой женой Птолемея II (которому приходилась племянницей), но вскоре умерла. Умер и Лисимах. Тогда-то Птолемей II и женился на вдове, собственной сестре (и одновременно теще), вошедшей в историю как Арсиноя II. Подобные кровосмесительные связи по греческим обычаям выглядели противоестественно и преступно. Однако они вполне нормально смотрятся в контексте египетской культуры. По древним обычаям Египта кровь божественного фараона слишком драгоценна, чтобы ее разбавлять. Инцест – это не преступление, а прямо-таки обязанность правителя.

Греческие правители перенимают не только уклад жизни завоеванного народа, но и его традиционные представления о красивом. Никакого навязывания греческих образцов, тем более – насильственного «огречивания». Архитектура

1. Сенькин А.Ю. Техническая эстетика и эргономика: словарь. М.: МГУЛ, 1999. 64 с.
2. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. Антидог – Асканий. СПб. – Лейпциг, изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1911.
3. Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 2. Ангола – Барзас. М.: Советская энциклопедия, 1970.
4. Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 8. Дебитор – Евкалипт. М.: Советская энциклопедия, 1972.
5. Глазычев В. Дизайн как он есть. М.: Европа, 2006. 320 с.
6. Николаев И.С. Профессия архитектора. М.: Стройиздат, 1984. 384 с.

птолемеевского Египта даже становится несколько более архаичной, чем в предшествующую эпоху Нового царства, приближаясь к образцам времен XII–XIII династий.

Уважительный подход к культуре завоеванного народа сохраняется на протяжении всего правления династии Птолемеев. И в самом конце истории самостоятельного царства Египта последние фараоны продолжают поддерживать эти традиции. Храм Хатхор в Дендера выстроен в честь легендарной Клеопатры VII Филопатры (любящей брата) – супруги своего родного брата Птолемея XIV, любовницы Гая Юлия Цезаря и Марка Антония. Греческое влияние, разумеется, можно обнаружить в этом строении, но египетская стилистика явно преобладает.

После гибели Клеопатры Египет превратился в провинцию Рима. И почти сразу же начались глубокие перестройки столичной архитектуры и всего уклада жизни на римский манер. «Данные об Александрии хотя и отрывочные, но все же позволяют представить себе, что привнесли римляне в строительные приемы и архитектурный облик столицы Птолемеев. В течение I–II веков характер города во многом изменился. Сформировалась композиция центральных магистралей, они стали шире и украсились колоннадами. Кардо и декуманум, как выше отмечалось, были акцентированы тетрапилоном. Арки ворот Солнца и Луны завершили архитектурное решение главных улиц. Амфитеатр, цирк, общественные термы, обычные в каждом большом римском городе, придали Александрии новые черты. Театр, архитектурные формы которого родились в Греции, в Александрии построен по римскому образцу, то есть театрон покоился не на склоне холма, а на сводах. Судя по фрагментам капителей, найденным в разных местах Александрии, господствующим в строительстве римского времени был коринфский ордер»⁷. Навязывание иноземного образа жизни воспринимается с большим сопротивлением. Египет сотрясают антиримские восстания, и после каждого из них все более властно подавляется традиционная культура и проводится романизация⁸.

Подобные ситуации воспроизводятся в самых разных углах греческой, а затем – римской империи. Античная греческая культура гибко приспосабливается к тем странам и народам, в которые приходит извне. Римляне подавляют

местные обычаи и насаждают свои. Греки трансформируются, становясь то египтянами, то византийцами. Римляне везде и всюду воспроизводят Рим.

В русле культурных различий по-разному выглядит и профессия зодчего. В период расцвета греческой культуры (IV–V вв д. н.э.) архитектор рассматривается как мастер, объединяющий в себе таланты строителя и скульптора. Иктин, Мнесикл и Калликрат, строители афинского Парфенона, работали вместе с Фидием, а скульпторы Скопас и Поликлет одновременно известны как архитекторы. Напротив, римский архитектор – прежде всего инженер. Витрувий начал свою карьеру в качестве строителя военных машин в армии Гая Юлия Цезаря и проектировал баллисты и скорпионы за много лет до того, как начал писать знаменитые «Десять книг об архитектуре». В своих книгах Витрувий горячо возражает греку Пифею, автору мавзолея в Галикарнассе (одно из античных чудес света), который был одновременно известным скульптором, указывая, что нет необходимости архитектору быть универсальным художественным гением. Достаточно быть грамотным инженером⁹.

Как видим, греческая античность стремится к созданию уникальных объектов, которые отражают неповторимые особенности места и времени постройки. Римская архитектура ищет универсальные приемы и элементы, которые можно воспроизводить в любом климате и в любом пейзаже.

Точно так же различаются архитектура и дизайн. Архитектура имеет дело всегда с конкретным объектом, привязанным к местности и к особенностям культурного контекста. Дизайн работает с абстрактными формулами, едиными для всего человечества. Архитектура по сути своей региональна – дизайн глобалистичен. Приобретая черты вненациональные, внеконтекстные, глобалистическая архитектура наших дней, по сути своей, превращается в «дизайн недвижимости».

Особенно ярко противоположность подходов архитектурного и дизайнерского проявляется в отношении к памятникам истории и культуры. Завоевав Грецию, Рим организовал массовый вывоз в метрополию статуй, колонн, свитков и просто образованных людей. Греческие оригиналы подвергались также массовому копированию. Ничего подобного греки не делали на завоеванных ими территориях, и вряд ли из особого гуманизма. С точки зрения греческой эстетики, извлеченный из контекста предмет (а тем более – его копия) теряет эстетическую и сакральную ценность.

Сегодняшние споры об идеологии и методиках сохранения историко-культурного наследия, в конечном счете, упираются в один общий вопрос: что, собственно говоря, надлежит сохранять? Что составляет ценность архитектур-

Ренцо Пьяно проектирует свои объекты так, что они получаются совершенно независимыми от характера окружающей среды. Такое здание с дерзкой подпоркой могло бы стоять и в Европе, и в Америке, и где-нибудь в Малайзии...

7. Чубова А.П., Касперавичюс М.М., Саверкина И.И., Сидорова Н.А. Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков. М. : Искусство, 1985.
8. Ковельман А. Б. Римский Египет // История древнего мира. Т. 3. М. : Наука. 1989. С. 80–87.
9. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М. : Архитектура-С, 2006.

Пример последовательного выполнения идеологии, заложенной в документах ИКОМОС. Церковь в Гринстеде (графство Эссекс, Великобритания) построена из дубовых бревен в X веке. С тех пор вокруг первоначального здания появилось несколько пристроек из камня и кирпича, но здание в целом сохраняет статус памятника

Храм Хорю-дзи, комплекс Кондо в городе Икаруга, – одно из самых старых деревянных строений на Земле. Не только внешний облик здания, но и материал, и технологии строительства, и, главное, уклад жизни, протекающей в здании, – все это сохраняется без принципиальных изменений в течение полутора тысяч лет

ного памятника? В плоскости отношений архитектуры и дизайна просматриваются два полярных подхода.

«Римский» (дизайнерский) подход видит ценность памятника в первую очередь в его внешнем виде, в котором воплощено стилистическое своеобразие. В данном случае стиль – это те принципы построения эстетичного образа, которые поддаются выделению, формализации и тиражированию. Иначе говоря, памятник ценен тем, что в его облике в чистом виде выражен некий канон красоты, который можно использовать для проектирования других многочисленных красивых объектов. Подобный подход совсем не нов: именно так понимали свою задачу реставраторы конца XIX века: «При реставрации повторение иконографии означало сохранение и ценности произведения как памятника древности. Сам же материал (а первоначально и детальный рисунок формы) не представлялся уникальным и неповторимым»¹⁰. Сто лет спустя «дизайнерско-декоративное» отношение к памятникам вернулось в виде проектов восстановления храма Христа Спасителя, здания Военторга и множества других. Вполне понятно, что копии памятников, к тому же выполненные в современных материалах, сильно огорчают архитекторов. Дизайнерский подход (и пришедшие к нему последователи римлян – администраторы) полагает, что новый бетонный храм ничуть не хуже старого кирпичного, если они выглядят одинаково.

Архитектурная («греческая») парадигма утверждает ценность памятника не только в его внешнем виде и даже не только в том материале, из которого памятник построен. Важны инструменты, которыми обрабатывался материал, а также крайне важно окружение, в котором находится памятник.

Казалось бы, программные документы международного сообщества реставраторов следуют именно этому, архитектурному подходу. Венецианская Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (принята 31 мая 1964 г.) декларирует вторичную ценность внешнего облика по сравнению с подлинностью материалов¹¹. Высший приоритет и конечная цель реставрации (консервации) обозначена так: «Консервация и реставрация памятников имеют целью сохранение памятников как произведений искусства и как свидетелей истории»¹². Однако более внимательный взгляд выдает половинчатость, непоследовательность этого программного документа. Наиболее спорные и конфликтные статьи хартии за номерами 10–13 определяют возможность переноса, укрепления памятника при помощи современных технологий, а также замену недостающих фрагментов. Фактически хартия допускает элементы нововдела при условии, что они а) гармонично вписываются в целое и не нарушают общее впечатление; б) отличаются от подлинных, чтобы реставрация не фальсифицировала документальность памятника; в) оставляют нетронутыми все примечательные части здания, его традиционное окружение, равновесие композиции и взаимосвязь с окружающей средой. Таким образом, объектом сохранения становится некое «гармоничное целое впечатление» – сущность, вряд ли поддающаяся сколько-нибудь объективному измерению. Еще более расплывчатые рекомендации содержит специализированный документ ИКОМОС – «Принципы сохранения исторических деревянных построек» (принят на XII Генеральной ассамблее, Мехико, 1999 г.). Только субъективное мнение эксперта способно определить степень допустимых искажений исходного памятника в процессе его реставрации, переноса, реновации и так далее. На Западе, где существует сильное сообщество независимых экспертов, такая установка приводит к избеганию любого вмешательства в имеющийся вид памятника – под девизом «Консервация – да, реставрация – нет!»¹³. У нас, за отсутствием института независимой экспертизы, царит полный произвол. Судьба каждого конкретного памятника определяется тем, как сумеют (или не сумеют) договориться между собой строители, чиновники и архитекторы.

Наиболее последовательное применение архитектурных (в первоначальном смысле этого слова) принципов по

отношению к деревянным памятникам демонстрируют, как ни странно, японцы. Почтительное отношение к духу места, восприятие памятника в его единстве с исторической средой роднит японскую культуру с греческой. Результаты впечатляют: на территории Японии сохранено несколько тысяч средневековых деревянных строений (в России – около двух сотен, в Норвегии знаменитых деревянных церквей раннего христианства осталось не более трех десятков)¹⁴. Скажем, пятиярусная пагода Хорю-дзи в городе Икаруга, префектура Нара. Храм выстроен в 607 году н.э. В 670 году из-за удара молнии случился пожар, после которого храм был выстроен заново. Несколько раз храм ремонтировали и пересобирали – в начале XII века, в 1374-м и в 1603-м годах. Считается, что только 15–20% строения Кондо сохранили оригинальные материалы храма во время реконструкции¹⁵. Тем не менее историческая и эстетическая ценность храма не вызывает сомнения: каждая перекладка строения проводилась именно в тех технологиях, в которых храм строился, с теми же требованиями к качеству древесины, инструментов и даже к душевным свойствам строителей. Очень важно и то, что храм продолжает оставаться действующим храмом, а не превращается в мертвый музейфицированный объект. Точно так же греки поступили с Парфеноном после его разрушения персами в 480 г. до н.э.

Для нас, жителей Иркутска, судьба деревянной исторической застройки является пробным камнем в отношениях дизайна и архитектуры. Дизайнерский, универсальный, глобалистический подход вкуче с «императорскими» амбициями местных цезарей уже нанесли огромный ущерб архитектурному своеобразиею города. Только уникальный объем деревянной застройки, оставленной нам в наследие предыдущими поколениями иркутян, до сих пор спасает исторический облик городского центра от окончательного стирания. Может быть, теперь пришла очередь архитекторам сказать свое слово. Объектом сохранения тогда станет не только открыточный облик нескольких «образцово-показательных» домиков. В древних и лучших традициях архитектурного искусства будет сохраняться уклад живой жизни, пронизывающий всю структуру деревянного квартала.

И вот на этой крепкой архитектурной основе и будет налаживаться сотрудничество с дизайнерами.

10. Баталов А.Л. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в русской реставрационной практике второй половины XIX века // История и теория реставрации памятников архитектуры. М.: ЦНИИТИА, 1986. С. 26–31.

11. Охрана культурного наследия в документах. Международные хартии, кодексы этики, руководящие принципы, 1960–1990-е годы / науч. ред. и сост. Н. Душкина. М., 1998.

12. Венецианская хартия, глава 3.

13. Шенков А.С. Осмысление исторического опыта и современная теория архитектурной реставрации // История и теория реставрации памятников архитектуры. М.: ЦНИИТИА, 1986. С. 4–18.

14. Прайс У. Архитектура в дереве / пер. с англ. М.: БММ, 2006.

15. Knut Einar Larsen, Nils Marstein. Conservation of Historic Timber Structures (Butterworth-Heinemann Series in Conservation and Museology). London: Butterworth-Heinemann, 2000. 140 p.

Архитектура и дизайн – конфликт или мирное сосуществование?

Заголовок предлагаемой статьи может показаться абсурдным. Принято считать, что Архитектура (А) и Дизайн (Д) связаны тысячами исторических и прочих связей. Дизайн вырастает из архитектуры, проповедуется архитекторами, крепнет и оказывает архитектуре величайшие услуги. О каком конфликте может идти речь?

Для того чтобы успокоить разгневанных, сразу скажу, что их конфликт – если таковой действительно и сложился – имеет историческую природу, и сосуществовать они могут. Но это только благое намерение (куда ими выложена дорога, известно).

Начать следует с вопроса о том, какого рода конфликт я усматриваю между А и Д и в какой сфере или плоскости бытия его можно зафиксировать. А зафиксировать его в нашей современной потребительской культуре невозможно, так как с точки зрения таковой и архитектура, и дизайн тождественны в том, что поставляют на рынок предметов и услуг некие современные средства жизнеобеспечения.

Пусть у специалистов есть много вопросов о способах размежевания их сфер влияния и способов деятельности. Это, с точки зрения потребительской культуры, не кардинальные различия. Важнее, что и А, и Д ориентированы на потребности и запросы человека-потребителя, что и А, и Д должны учитывать всевозможные факторы и функции существования человека в предметной среде, что и А, и Д существуют в ситуации рыночной конкуренции идей, что и А и Д находятся в процессе непрерывного развития, отражающего как научный, так и социально-культурный прогресс и тому подобное.

Далее, с точки зрения все той же потребительской культуры, нельзя не видеть, как активно А и Д сближаются в современном мире. Журналы по А и Д трудно отличить друг от друга: и там и тут глянецвый и гламурный контекст, оригинальные формы, технические нововведения, широкий охват проблем экологии, экономики, науки и техники. И там, и здесь господствует мода, и там, и здесь воспетывается утонченный вкус, чувство стиля, гармонии и пр.

На этом я позволю себе остановиться в усмотрении общего между А и Д. Я полагаю, однако, что любой квалифицированный архитектор и дизайнер смогут назвать в тысячу раз больше существенных общих свойств А и Д. Мне необходимо объяснить, в чем я вижу их различия и несовместимость, впрочем относительную и проблематичную.

1. Отношение А и Д к движению, его скоростям, к динамике форм, к влиянию аэродинамических форм и пр. Совершенно очевидно, что традиционной для архитектуры выступает ценность статики, неподвижности, сращенности с земной поверхностью. В дизайне эти ценности меняются на противоположные ценности – движения, свободы перемещения, культ скорости и в смысле механического движения и в смысле формальных инноваций, то есть исторической динамики форм.

Но в этом различии еще не ясно видно их взаимное исключение. Напротив, кажется, что архитектура сама с радостью вводит в свой язык динамические формы и изображает движение там, где в физическом смысле его нет. Здания принимают обтекаемые контуры, как будто они не стоят на земле, а несутся подобно автомобилям или самолетам.

2. Отношение А и Д к промышленному производству. Архитектура вырастает из ремесла (как и Дизайн) и постепенно расстается с ручным трудом мастеров, в то время как дизайн с самого своего рождения идет навстречу машине и формируется под влиянием машинной штамповки, отливки, сборки конструкций до предела стандартизированных и доступных автоматическому монтажу. Опять-таки путь дизайну проложила как раз сама архитектура (начиная с изобретения кирпичной кладки и до сборных

конструкций), она вытеснила резчика и каменотеса из своей сферы. Так что, с этой стороны, между А и Д больше связи преемственности, чем кардинальных различий.

3. Отношение к среде обитания. И А, и Д входят в среду обитания, вступая в контакт с человеком, обществом и природой в известной степени приспособляясь к ним и приспособляя их к себе. Опять-таки тут отличие лишь в том, что дизайнерские изделия обычно либо малы (меньше тела человека), либо лишены внутреннего пространства, интерьерности (впрочем, есть дизайнерские объекты похожие на здания, например вагоны, автомобили и самолеты). Можно было бы предположить, что в дизайне взаимодействие предмета с человеком, как правило, опирается на сервомеханизмы, а в архитектуре на естественные процессы циркуляции воздуха, распределения естественного света и влажности.

Заметной фигурой в истории и А, и Д был Р.Б. Фуллер, который стремился уничтожить различия между А и Д, соединив их в одном новом техническом искусстве. И Фуллер не одинок. Можно назвать много имен зодчих и дизайнеров, действовавших в этом направлении. Прежде всего, лидеров Баухауза, но в большой степени к этому же стремились русские конструктивисты или утопические изобретатели из группы «Аркигрэм».

Эти факты говорят о том, что начав с попытки противопоставления А и Д, мне пришлось наполнить еще одну страницу, свидетельствами их взаимопроникновения и историко-генетических связей. Но этот факт не отменяет первоначального намерения, хотя делает его осуществление в современных условиях сложным и, на первый взгляд, парадоксальным.

Для того чтобы противопоставление А и Д стало очевидным, мне придется высказать иное соображение, в котором ключевым словом будет тиражирование. Дизайн вырастает из идеи тиражирования, так как рождается в сфере индустриального производства XX века, а архитектура из идеи уникальности своих храмовых комплексов, сколь спорным такое утверждение ни покажется. Но почему оно может показаться спорным? Типовые сооружения и самый принцип типового начала в архитектуре имеет столь почтенную историю, что кажется, что принцип уникальности не может быть положен в качестве противопоставления архитектуры и дизайна.

Здесь я сталкиваюсь с подводным камнем, имеющем отчасти лингвистическую природу. Термин дизайн, взятый из английского языка, обозначает и рисунок, и проект, и намерение. Отказать архитектуре в рисунке, проектности или намерении невозможно, что могло бы стать аргументом в пользу тщетности самой попытки противопоставить А и Д. Но здесь скрыта историческая трудность. Исторические значения термина Д и сам Д – вещи связанные, но не тождественные. Мы привыкли называть Д то, что в англоязычных странах второй половины XX века обычно именовалось индустриальным или промышленным дизайном. Но в ходе развития дизайна как самостоятельной сферы проектирования все явственнее стали обозначать его родовые признаки, никак к рисунку, намерению или проектности не сводимые. Среди них и упомянутая склонность к динамике форм, движущимся и тиражируемым предметам. За этими предметными свойствами Дизайна начала вырастать и его специфическая стилистика с ее ценностями – легкости, эфемерности, соблазнительности, модности и пр., так что сегодня в слове дизайн слышится и представляется воображению некая образная структура, не сводимая к намерению, рисунку и проекту, хотя и покрывающая их.

Новым аспектом противопоставления А и Д оказывается их отношение к старению и руинизации. Само по себе старение дизайну противопоставлено, так как он ориентирован на сегодняшней или завтрашний день. И если уж дизайн-

ТЕКСТ
Александр Раппапорт

нерская вещь оказывается старинной, то ее смысл как дизайнерской вещи подменяется иным, а именно – свидетельством прошедшей эпохи. Иными словами, дизайнерское изделие становится историческим знаком, символом ушедшего времени и перестает быть дизайном в современном смысле слова. Архитектура же, хотя и способна тоже быть таким знаком, все же сохраняет свое присутствие в современности совершенно иначе – как действующая история, а не как ее омертвевший след.

Еще разительнее различие в отношении А и Д к руинизации. Дизайн практически исключает ценность руины, Архитектура же в качестве руины часто даже выигрывает перед новым сооружением. Разумеется, если эта архитектура не следовала сама дизайнерским принципам. Это наблюдение подводит нас к такой различительной системе ценностей, как отношение А и Д к смерти и умиранию. И здесь мы, наконец, попадаем в гораздо более существенный контекст сопоставления, чем тот, который был развернут выше. Это уже не контекст потребительской культуры, в которой смерть и умирание сводятся к медицине, фармакологии и бытовым погребальным услугам. Отношение к смерти уместно дополнить отношением к сексу.

Спрашивается, случайно ли это? В какой мере здесь сказывается просто историческая фаза потребительской культуры XX века, в которой молодость и спорт куда важнее старости и мудрости?

Приведем один наглядный пример, который можно было бы назвать визуально-средовым экспериментом, с помощью которого мы попытаемся установить темпоральные различия А и Д, то есть их различия в отношении ко времени.

Представим себе кладбище с церковью. На церковной колокольне – часы. На могильных плитах – надписи даты рождения и смерти. И тут, и там мы встречаемся с отображением времени. Теперь произведем трансформацию привычных форм. Обычно часы на колокольнях круглые, а надписи на могилах цифровые, неподвижные. Но заменим часы на колокольне дигитальными часами с бегущими цифрами секунд и минут, а на могилах установим круглые знаки времени, нечто вроде циферблатов с вращающимися стрелками, устанавливаемыми на моменты времени рождения и смерти покойного. Возникнет ощущение чего-то кощунственного, какого-то оскорбления, причем неизвестно чего – религиозных чувств, гуманистической идеологии, памяти усопшего и пр.

Казалось бы, движущаяся стрелка башенных часов сближает круглые часы с изделиями дизайна. Но на самом деле здесь куда более сложная космическая и культурная связь времен, движения и покоя. Замкнутый цикл циферблата и открытый характер цифровой записи возвращают нас к разным культурно-мифологическим концепциям времени. И менять их безнаказанно нельзя.

Быть может, в этом мысленном эксперименте можно почувствовать нечто близкое к другим мысленными экспериментами, которыми пользовался Альберт Эйнштейн в пору создания теории относительности. Эйнштейн пытался показать, что в мире нет привилегированной системы отсчета времени, что всякий отсчет времени относителен и отнесен к определенной движущейся системе. В нашем примере с колокольней мы обнаруживаем нечто подобное. Некоторые системы обозначения и демонстрации времени соотносены с системами ценностей, и произвольное их изменение в системе культуры вызывает сильный эффект несовместимости.

Мы не можем не признать, что выбор дигитальных или круглых часов не вопрос вкуса, к каковому можно отнести выбор наручных хронометров. Это уже не вкус, а система корневых ценностных ориентаций в мире человеческого существования, и изменять ее в соответствии с модой или вкусом немислимо, тут затрагиваются фундаментальные системы отсчета бытия, его энергии и смысла, а не какие-нибудь отвлеченные этой проблемы.

В этом отношении архитектура как таковая зарождается не столько в сфере изготовления жилища, сколько в сфере мифологического и религиозного, то есть смыслового и ценностного обеспечения возвращения продуктивных

сезонов и уверенности в преодолении дождливых или засушливых сезонов, расширяя эту проблематику до бесконечности человеческого и космического существования, то есть в сфере религии и бессмертия. Первым было обеспечение бессмертия богов, отвечающего за циклические процессы в биосфере, а затем уже судьбы богов и людей были уравнены в идее бессмертия душ.

Такой взгляд позволяет по-новому различать в архитектуре элементы собственно архитектурной и дизайнерской природы. Все что касается строительства домов как орудий жизнеобеспечения относится, скорее, к дизайну, ибо дизайн ориентирован прежде всего на орудийное освоение мира, а все, что касается проблем смысла жизни в ее тотальности как ценности, оправдывающей усилия длительной подготовки к отложенным результатам труда, соотносится с религиозно-мифологической и соответственно – архитектурной стихией.

Не следует думать, что эти аспекты А и Д актуальны только для первобытного человека и воплощены им в орудиях и храмовых комплексах. Энергетика ожидания и переживание осмысленности бытия актуальны и в наши дни, и поэтому, как радость и удобство орудийной деятельности, сосуществуют с проблематикой ее тотальной осмысленности в границах жизни индивида и вида.

Обобщая эти наблюдения, можно указать, по крайней мере, четыре сферы или контекста возможного несоответствия А и Д.

1. Пространство. Дизайн мобилен, архитектура стабильна и укоренена в земле.

2. Время. Архитектура ориентирована на преодоление текущего момента и устремлена в вечность, где прошлое и будущее непрерывно перетекают друг в друга. Отсюда сохранение смысла архитектурных образов в руинах.

Дизайн же ориентирован на настоящий момент и будущее, в котором он непременно умирает и сменяется новыми формами и смыслами.

3. Тиражируемость. Архитектура принципиально ориентирована на уникальность, изделия дизайнера на массовое тиражирование.

4. Знак, Тело и Энергия.

Четвертый контекст требует особых разъяснений. Он связан с принципиально различным отношением к символическим функциям архитектуры и дизайна. Изделия дизайнера в большей степени соотносятся с трудовыми и потребительскими моментами в деятельности, они облегчают труд и обостряют наслаждение потреблением. В любом случае они синхронны процессам труда и потребления. Архитектурная символика в большей степени ориентирована на преодоление разрыва в труде и потреблении, образуя как бы аккумулятор энергии и ценности, позволяющий человеку преодолевать временный (сезонный) дефицит жизненных благ и возможностей к труду.

В ином контексте мы могли бы говорить и о том, что все указанные моменты приводят к различиям в семиотической природе архитектуры и дизайна. В дизайне материальность вещи почти полностью поглощается его знаковой функцией. Речь идет не об исчезновении материальной вещи, но о доминировании и знака над материальностью или телесностью вещи. Этот момент связан с принципом экономии усилий в дизайне и приводит в итоге к эфемеризации дизайнерского мира.

Архитектура же не может оторваться от жесткой связи с землей и ее феноменологической сращенности с человеческим телом. Ее знаковая природа остается лишь частично выраженной в архитектурных формах, а сами они трансцендентно превосходят ее функциональные и символические отношения.

Этот момент – самый трудный для теоретической экспликации, поэтому мы, не претендуя на его окончательное освещение, попытаемся лишь указать на его значимость в ряде примеров.

Пожалуй, одним из самых показательных тут будет возникновение самих архитектурных или дизайнерских форм. В архитектуре со времен Древнего Египта формы соотно-

сены с какими-то трансцендентными космическими силами древнеегипетской мифологии. И в античной классике, вплоть до Витрувия, и далее в готике и Ренессансе, они так и остаются вечными и трансцендентными.

В знаменитой триаде Витрувия красота занимает совершенно иное положение, чем польза или прочность. Если и польза, и прочность связаны с бытовыми и экономическими обстоятельствами, то красота восходит к репертуару от века данных Витрувию ордерных форм, которые берутся им догматически и не подлежат ревизии. Стилиевые формы, обозначенные ордерными стереотипами, трансцендентны утилитарным соображениям и контексту.

Иными словами, архитектура органически связан с мифологией и религией, а дизайн выступает как альтернатива традиционной мифологии и религии или как новая мифология и религия потребления и наслаждения.

В XIX веке снова эти формы проблематизируются и на место традиции, трансцендентной утилитарным соображениям, ставится сначала исторический контекст, а затем и утилитарно-геометрическая аргументация. При этом именно геометрия берет на себя функции трансцендентного обеспечения стиля, связывая технические и космические (мифологические) аспекты дизайнерской формы. В некоторой степени здесь сохраняется роль веса и фактур, в меньшей степени — цвета.

Но в дальнейшем развитии дизайнерского формообразования все качества формы интегрируются в новой знаковой стихии моды и постепенно сводятся к знаку в его вещественно-материальном воплощении. Вещь становится воплощением знака стилистики потребления. Однако вещь и как воплощение знака, и как знак особого рода, в дизайне все же не обретает логической универсальности языкового знака и, выходя из употребления, старея, начинает обозначать не тот утопический и эвдемонический мир счастливого потребления, который действовал, покуда она не вышла из моды, а лишь прошлую эпоху, которая, в отличие от архитектуры, уже не ассоциируется ни с благодатной преемственностью времен, ни с вечностью и трансцендентным бытием.

Здесь обнаруживается глубокое мифологическое различие между архитектурой в ее традиционном смысле и дизайном. И это различие могло не обращать на себя внимания до тех пор, пока модернистский техницистский проект потребительской культуры был общепринятым, то есть до последней четверти XX века. Но как только он стал обнаруживать признаки моральной деградации, исчерпал свои мифологические ресурсы и начал искать новые образы в сфере наивного и инфантильного воображения («бигнес» Кольхааса, аттракционы Д. Либескинда, Ф. Гери, Г. Линна и пр.), стало ясно, что далее игнорировать мифологические различия архитектуры и дизайна уже нельзя, и следует вернуться к проблеме границ взаимопроникновения дизайна в архитектуру в совершенно новом контексте. А именно не в привычном для профессионалов контексте пространства,

среды и формы, а в контексте времени и контексте мифологических (мифопоэтических) категорий и ценностей.

Пока в современной проектной и рекламной культуре все еще доминирует «молодежная» тенденция, это не обращает на себя внимания и не вызывает больших культурных напряжений. Но, кажется, что и самая молодежная культура близка к своему концу. Она постоянно смещается в сторону инфантилизма, который едва ли может обеспечить длительный и полноценный культурный климат в глобальном мире. Заметим, что категории молодежной и инфантильной культуры связаны, прежде всего, с временем, точнее с временем человеческой жизни. Так что темпоральность как категория феноменологии человеческого сознания выступает здесь на первый план и дополняет (хотя и не отменяет) категорий пространственности и вещественности.

Не стоит считать излишним проявлением культурного алармизма опасение, согласно которому современная дизайнерская стилистика, все глубже проникающая в архитектуру, гарантирована от кризиса. Недавний финансовый кризис в США показывает, что кризисы многих захватывают врасплох. Архитектурные итоги Пекинской Олимпиады мне кажутся достаточно убедительным свидетельством того, что температура современной дизайнерской архитектуры явно перегрета, и что крушение ее ценностей — дело небольшого времени. Как только в Бильбао появится еще несколько сооружений в духе экстравагантных аттракционов Ф. Гери, станет ясно, что превращение центров городов в архитектурный балаган не может продолжаться до бесконечности, и количество очень быстро перейдет в качество.

Рассматривая все эти симптомы деградации человеческого измерения современной архитектуры как разрушение ее мифологических корней, я прихожу к выводу, что в самое ближайшее время вопросы фундаментальных ценностей, лежащих как в основе архитектуры, так и в основе дизайна, будут подвергнуты тщательному пересмотру, и сами формы сосуществования и взаимопроникновения дизайна и архитектуры сделаются темой острых дискуссий и радикальных теоретических концепций.

Разумеется, такой взгляд сегодня может быть воспринят как излишне алармистский и экстравагантный. Инерция и сила потребительской культуры будут всячески опровергать доводы такого рода и убеждать всех в том, что ситуация не внушает никаких опасений. Но даже если и на самом деле это так, проверочный анализ никому не повредит, а если это не так, то запаздывание критического анализа может обойтись человечеству не меньше, чем ликвидация кризиса ликвидности в американских банках. Ибо кризис доверия людей к доминирующим образам среды может породить чувство тревоги и отчаяния, не меньшее, чем сомнение в сохранности банковских вкладов. Вклады, которые архитектура и дизайн вносят в банк духовных ценностей, ничуть не менее важны и необходимы для нормального существования человека и человечества.

A vs D

Интервью Ирины Че с Александром Раппапортом

ИРИНА ЧЕ

Александр Гербертович, вы считаете, что архитектура сейчас активно пользуется дизайном. Она буквально съедена и поглощена им. Архитекторы либо этого не замечают, либо довольны этим. Что вы имеете в виду, когда говорите, что дизайн поглотил архитектуру?

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ

Сейчас достигнута та цель, которую ставили перед собой архитекторы 20–30-х годов прошлого века. Архитектура стала индустриальной: все делается на заводах. В результате мы имеем абсолютно точные элементы, ровные поверхности стекла, идеальную пригонку. Такой подход

мало отличается от самолетостроения: каждая пружинка и винтик там идеальны. И так как все сделано «индустриально», то вы легко можете встретить одни и те же элементы в разных концах города.

ИЧ

Какие серьезные изменения произошли в архитектуре за последнее время?

АР

Из архитектуры почти исчезла категория тяжести, веса, материальности, грузности. Она вся легкая, прозрачная, эфемерная, с тонкими скелетами. Это стремление к легко-

сти присуще дизайну просто потому, что дизайн изначально был ориентирован на производство мобильных вещей, то есть вещей в движении. А архитектура, наоборот, изначально была ориентирована на изготовление неподвижных вещей. Главным таким неподвижным предметом, который лежит в основании архитектуры, было надгробие, могила или храм, стоящий в определенном месте, на определенной точке земной поверхности, который не может быть сдвинут с этого священного места. Архитектура вобрала в себя какую-то часть земли, земной тяжести, земной сакральности. Архитектура – это освященная часть земли, которую она унаследовала генетически от надгробий.

ИЧ

Почему вы считаете, что архитектуру убивает дизайн?

АР

Говоря о смерти архитектуры, я имею в виду то, что прежде всего уничтожается эта идея неподвижности, тяжести, сращенности с определенной точкой земной поверхности. Со временем, даже если здание хорошо сделано, оно рушится. В наши дни его предпочитают уничтожить и заменить новым, но не реставрировать или сохранять в качестве руины. Это сродни дизайну: никто же не реставрирует телевизоры! А архитектуру руины украшают. Иногда они лучше самого сооружения. А руины дизайна?.. (Смеется.) Они производят омерзительное впечатление! Разъехавшиеся, расстрескавшиеся, пыльные стекла, отошедшие панели. Это все хочется поскорее снести бульдозером и заменить на новое.

ИЧ

А нужно ли человеку то архитектурное, о чем вы говорили, – сращенное с землей, тяжелое? Наверное, большинство хочет легкости даже в архитектуре...

АР

Долгое время в XX веке считали, что архитектура умерла и ее заменит дизайн. На этой волне изменения вкусов и оценок, изменения понимания архитектуры, все и строится до сегодняшнего дня. Недавно у меня возникла идея о так называемой планетарной клаустрофобии, которая, как мне кажется, станет конечным результатом такого отношения.

ИЧ

Расскажите поподробнее, пожалуйста.

АР

До сих пор клаустрофобия проявлялась в основном в локальных местах. Люди порой боятся закрытых помещений, иногда они тяготеют неизменностью своего района, но с началом космической эры возникло обострение ощущения замкнутости земной поверхности как планеты. Сначала люди рванулись в космос, еще не отдавая себе отчет в том, что их тяготит замкнутость земли. Им захотелось полететь на Марс и дальше, дальше... Через некоторое время они поняли, что скорость освоения космоса не так велика, как кажется. Сейчас этот энтузиазм начал остывать. Именно космос и космические исследования наглядно показали, что жить можно только на Земле. И даже если когда-нибудь мы полетим на другие планеты, то, скорее всего, люди будут пытаться восстановить земные условия, среду нашей планетарной земной жизни. Суть планетарной клаустрофобии, на мой взгляд, будет состоять в том, что сама эта привязанность к Земле превратится в ощущение вынужденной замкнутости и ограниченности человеческой судьбы.

ИЧ

Так в чем же проблема?

АР

Проблема в том, что замкнутость земной поверхности дизайном еще больше подчеркивается. Человек не может покинуть Землю не просто в физическом смысле, он не может ее покинуть в символическом и метафизическом смысле. И жажда бесконечности, как форма стремления к свободе, оказывается обреченной. До какого-то времени

Земля казалось ему бесконечной. Но, начиная с Колумба, мысль о том, что человечество заполнило до предела всю мыслимую территорию планеты, становится все более очевидной. Когда вы прилетаете в новый город, то вся среда – аэропорт, магазины – везде одинаковая. И это следствие единых проектных форм. Дизайн оказался средством стереотипизации земной поверхности.

ИЧ

Что конкретно вы имеете в виду, когда говорите о планетарной клаустрофобии?

АР

Во-первых, реальную физическую ограниченность планеты, а во-вторых, символическую ограниченность средств, которыми эту планету обустроивают. Мне кажется, что эта ограниченность вскоре начнет вызывать психические явления, связанные с клаустрофобией. Причем, мне кажется, что как ни парадоксально, это чувство станет проявляться уже у детей. Хотя мир детей, как известно, пространственно весьма ограничен, – это своя квартира, дом, школа, район города или село, но дети наделены острым предчувствием будущего. И они раньше или позже станут ощущать эту ограниченность земного шара как единственного места жизни. Ведь дети с младенчества поглощены идеей скорости: они обожают все, что движется с большой скоростью.

ИЧ

А на чем основана эта любовь?

АР

На потребности расширения места своего обитания. Если же дети почувствуют, что само место обитания человека имеет пределы, ограничено, то рост скоростей станет бессмысленным. Все люди на Земле окажутся запертыми пределами планеты. И дизайнерское освоение земной поверхности весьма ускоряет процесс этого исчерпания земного пространства, так как уничтожает разнообразие мест. Ощущение неповторимости, уникальности места, тяжести, неподвижности, рождает совершенно другое отношение человека к окружающему его миру. На фоне планетарной клаустрофобии начнется отторжение дизайна, вплоть до вандализма, я не исключаю такого поворота событий, когда дизайн будет вызывать не восхищение (как сегодня), а озлобление. И наоборот, все, что вросло в землю, что неподвижно, подвержено старению, начнет вызывать восхищение. Высшим критерием этих вещей будет уже не функциональность, не чистота, не аккуратность, не блеск, не гламур, а уникальность. В какой-то мере это существует уже и сегодня, и на этом ведь растет стремление к туризму и путешествиям. Но пока этот энтузиазм еще не омрачен представлением о конечных пределах этого многообразия, еще сохраняется иллюзия бесконечности планетарных сред. А когда эта ограниченность, возможно, возродятся старые архитектурные интуиции. При этом дизайн не умрет, но сузится до класса вещей, которые не могут быть сращены с землей, смысл которых в подвижности, то есть до мобильных телефонов, автомобилей, самолетов... Предметы дизайна сделаются чем-то вроде насекомых, которые, с нашей точки зрения, все одинаковые. А то, что связано с жизнью, с судьбой, с местом, где человек родился, где похоронены его предки, начнет возвращать себе ценности. Тогда изменятся тактика и стратегия архитектурного творчества. И вместо сооружения небоскребов Газпрома станут строить невысокие дома, но с уникальной планировкой и отделкой, начнется сложная, изысканная игра со светом, запахом, живыми растениями. Конечно, некоторые небольшие и подвижные вещи, органически связанные с историей и биографией человека, тоже уйдут из области дизайна и возвратятся в область прикладного искусства с его уникальностью, – таковы ювелирные изделия, костюм, изысканная парфюмерия. Из архитектурного сознания вырастет новое: духовная, физическая, интуитивная, мифологическая энергия.

Именно мифы в отличие от науки и дизайна умеют ценить неповторимое, единственное. Мы долгое время думали, что мифы ушли в прошлое, но мифологические основы культуры никогда никуда не исчезают. Они лишь на время уходят под воду, но в близком будущем, и возможно, что уже в XXI веке всплывут обратно.

Особенно мне хочется подчеркнуть, что старая эстетическая категория единства в многообразии, восходящая к древней мифологии, в XXI веке может радикально изменить свой смысл. Подлинным единством становится единство земной поверхности, а уникальность станет новым частным видом единства, так как единство и уникальность – категории одного порядка, указывающие на единственность. Мифология как-то связана с дизайном? Наиболее далекий от мифологии, но в то же время создающий свои мифы, дизайн тянется к ее остаткам для того, чтобы приобрести новую силу. В какой-то момент детская увлеченность новизной, техникой, скоростью исчезнет. И было бы печально, если бы с этими ценностями исчезала детская радость как таковая. Невозможно заставить ребенка веселиться. Но чувство радости и веселья исчезнет не только из детских игр. Оно, возможно, исчезнет и из сферы секса, так как секс сейчас активно эксплуатируется дизайном и обретает механические черты изделий массового потребления. И секс в будущем тоже может перестать радовать. Всякое обжорство может вести к апатии. Ведь многообразие в поисках партнера в равной степени строится на убеждении в бесконечности человеческих личностей и судеб. И чем меньше будет это разнообразие, тем безысходнее станет отчаяние одиночества. Так что в архитектуре, на мой взгляд, больше общего с чувством традиционной любви, в то время как дизайн культивирует сексуальные наслаждения. А в итоге все та же клаустрофобия, чувство пределов жизненного пространства и депрессия. Борьба с дизайном может вылиться в борьбу с сексуальностью, эротизмом, все это может превратиться в ненависть к наслаждению. Наслаждения слишком опасны для того, чтобы их любить, как того требует дизайн.

ИЧ

Да, но сейчас дизайн усиленно эксплуатирует тему секса, эротических чувств.

АР

Любовь в архитектурной среде и любовь в дизайнерской среде – два совершенно разных понятия. Романтическая любовь есть в архитектуре, а в дизайнерской среде ее нет, там все индустриальное. Яркий пример – это парфюмерия, которая является неизменным спутником дизайна, на который редко обращают внимание. Хотя почти все дизайнерские фирмы со временем начинают выпускать парфюмерную продукцию.

Я не сторонник ни природного, ни технического мифа. Природа есть природа, техника – техника. Их отношения не должны полностью переходить в поглощение одного другим. Здесь необходимо стремиться к разумному отношению. В дизайне природное стало поглощаться техническим, и это – естественно в эпоху невиданного развития техники. Но в будущем соотношения природного и технического, несомненно, будут вновь пересмотрены.

Запах человеческого тела так же индивидуален, как и внешний вид, выражение лица, голос. Слава Богу, сегодня еще нет средств искусственного изменения голоса, но вот манипулирование запахами уже стало тотальным. Вообще у меня такое впечатление, что в дизайнерском раю наступит тотальная смерть. И из него надо будет выбираться...

ИЧ

Куда? В архитектуру?

АР

В уникальность каждого человека. Наступит крушение института моды, хотя его конкретный момент непредсказуем. Сейчас институт моды как сила тяготения, открытая Ньютоном действует, хотя почему – никто не знает. Более

того, сейчас источником модного тяготения стала молодость, возможно, со временем героями станут не 20-летние, а взрослые или даже старые люди. Мне кажется, что архитектура, несмотря на то что сейчас она так увлечена дизайном, в своих истоках хранит те мифологические гены, которые позволят вырастить новую культурную ориентацию.

ИЧ

А есть что-то, что по своей энергетике близко дизайну, архитектуре?

АР

Единственное, что может противостоять архитектуре и дизайну, – это наркотики. Если сравнивать эти три силы в степени способности стимулировать или наоборот заглушить друг друга, то я думаю, что дизайн гораздо сильнее архитектуры связан с наркотиками по логике своей привлекательности, и наркотизация сейчас начинает активно осваиваться дизайном.

ИЧ

Например?

АР

Французский архитектор Филипп Рам уже предлагает проектировать здания, ориентируясь не на пропорции и материалы, а на бессознательное эмоциональное состояние человека. В своих проектах и сооружениях он пользуется излучениями со специально подобранными частотами, подбирает цвет по разным спектральным свойствам, использует запахи, световые мерцания, затемнения. Получается гипнотическое воздействие.

Конечно, можно заметить, что и архитектура издавна пользовалась и светом, и цветом, и пропорциями, – все дело в том, как это осуществляется технически и в какой степени гармонизация среды начинает превращаться в манипулирование сознанием. А на практике это выражается в том, что исчезает понятие уюта. Людям вместо привычного и довольно уютного интерьера дизайнеры предлагают нечто вроде жизни на витрине дизайнерского бутика.

ИЧ

Проблема в профессиях архитектора и дизайнера?

АР

Возможно. Сейчас профессия архитектора практически сходит на нет, ведь обучают дизайну. Успех у архитекторов, денежный успех – это практически дизайнерский успех: они научились быстро проектировать здания с помощью предварительно изготовленных на заводах деталей. А в истории профессия архитектора была связана с обращением к древностям, когда зодчие ездили за примерами и вдохновением в Рим или в Афины. Конечно, профессии отражают состояние дел, которое я пытался описать.

ИЧ

Почему мы любим все уникальное?

АР

Один из кошмаров – это представить, что таких, как вы, много. Ваших точных копий. Это парадокс близнецов, клонов. Почему сегодня с опасением относятся к идее клонирования человека? Потому что эту подсознательно унаследованную любовь к уникальности хотят разрушить. Дизайн в точности совпадает с идеей клонирования. Ничего единственного, все – существует и может существовать в миллионах экземпляров.

ИЧ

Вот вы живете за границей, скажите, почему там те же дизайнеры, архитекторы могут годами заниматься своим любимым делом и нормально жить, а у нас – выживать?..

АР

Мне кажется, вы несколько идеализируете ситуацию со стабильностью профессиональных традиций на Западе, там идут те же процессы, они сегодня захватили всю планету. Но за границей в последние сто лет не так сильно

разрушались сословные структуры, как в России. У нас почти каждые 50 лет перемальваются почти все сословные структуры. Поэтому люди стремительно теряют свои исторические привычки и традиции. Россия, как НЛО, меняет направление своего движения в считанные секунды, и всегда несется со скоростью света. При этом, несмотря на свой политический консерватизм, как раз в области технических нововведений и моды Россия демонстрирует невиданный энтузиазм и страсть к нововведениям.

ИЧ

Но ведь творческие профессии там востребованы гораздо больше...

АР

К сожалению, и на Западе сами по себе творческие идеи не востребованы. Вместо новаторских идей попу-

лярность обретают фантастические проекты, напоминающие о научной фантастике. Такова популярность Фрэнка Гэри, Рема Кольхааса, Даниеля Либекинда, Захи Хадид и прочих «звездных архитекторов». Их проекты пока что еще уникальны, но уже Олимпиада в Пекине показала, что в скором времени вся эта уникальность исчезнет, так как их идеи копируются с удивительной скоростью и оказываются применимы повсюду: и в Китае, и в Казахстане, и в Малайзии, и в Дубае, и в России (все тот же Газпром). Эти новые идеи и образы символизируют не человеческие ценности и традиции, а всемогущество многомиллионных транснациональных корпораций. Сейчас никакого подлинного творчества от архитекторов не требуется. Требуется стереотипизация модного движения, штампы. Художники-одиночки, которые следуют только своему вкусу, не имеют большого успеха...

Выше мы привели статью Александра Гербертовича Раппапорта и интервью с ним, спровоцировавшие тему этого номера. Нам показалось уместным задать Александру Рапппорту дополнительные вопросы в нынешнем временном континууме.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

В самом Китае архитектурные итоги Олимпиады подверглись острой критике. Не значит ли это, что пошел обратный процесс и дизайн снова уступает место архитектуре?

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ

Для того чтобы ответить на этот вопрос нужно знать китайскую ситуацию изнутри, чего я, естественно, лишен. Ведь это зависит, в частности, от того, насколько сохранились в самом Китае какие-то архитектурные традиции, или насколько Китай свободен от архитектурных влияний – в прошлом от советского соцреализма, ныне от западного постмодернизма.

Эти вопросы тесно связаны с тем, в какой мере китайские художники и архитекторы могут опираться «на собственные силы» (их любимый со времени Мао тезис) и насколько они волею неволей работают на имитации. Для этого нужно было бы знать, в какой мере сами китайские архитекторы осваивают действительные уроки Запада и в какой мере они просто открыли дорогу «экстраваганцам» западного рынка. В Иркутске, наверное, это виднее, поскольку он ближе к Китаю, чем я.

Мне не кажется, что уже пошел процесс возрождения архитектуры, тем более в Китае. Но абсурдность китайского архитектурного энтузиазма может стать поводом для размышлений тех, кто этот абсурд вдохновил на Западе, и тех, кто, как в России, остановился на полпути – для китайского масштаба нет ни сил, ни энергии, а для чего-то иного нет идей и желания. Вот и топчемся на пятачке «за и против "Охта-центра"». Москва стремительно превращается в полупекин-полудубай, и остальные города за ней поспевают, кто как может. Все это только расчищает дорогу дизайну, но ирония диалектики в том, что сам архитектурный дизайн и роет себе могилу. Наступит момент, когда всех от него стошнит и тогда... Вот что будет тогда, зависит от того, умеют ли те, у кого против этой дизайнерской вакханалии сохранился иммунитет, положить на стол что-нибудь кроме рыданий и благих намерений.

ПБ

Как могут повлиять КРИЗИС и ПОСТКРИЗИСные явления на противостояние дизайна и архитектуры?

АР

Как об этом уже писали, в том числе и я, кризис открыл дорогу как раз дизайну, причем оформительскому. Поскольку деньги перестали надежно храниться в банках, начался процесс довольно лихих трат в ресторанах, в магазинах, в туристических поездках. И все это на руку рекламе и дизайну. Привлекательный потребительский дизайн и реклама оживились.

Хотя это потребительское расточительство может помочь выйти из сиюминутного кризиса, так как возбуждает внутренний рынок, что важно для поддержания всех рыночных и производственных процессов и занятости.

Архитектура в меньшей степени подвержена такого рода рыночным зигзагам. Ей, опять-таки, остается только наблюдать и рефлектировать. Ибо сама по себе, в отличие от дизайна, архитектура представляла собой исторически нечто сверхустойчивое и менее зависимое от моды.

В свое время вопрос о моде в архитектуре был довольно актуален, и даже отечественные авторы как-то пытались ответить на вопрос, в какой мере архитектура зависит от моды. В конце XX века многие склонялись к тому, что мода всемогуща и архитектура против нее не устоит. Это предположение сегодня выглядит как один из главных аргументов дизайна против архитектуры.

Но вот события последних лет показывают, что все больше людей начинает отстаивать старую застройку против новой и вполне модной. И это происходит именно в архитектуре. Никто не станет сегодня пользоваться телевизором выпуска 1950 года, а вот в домах, построенных в 1850 году, многие хотели бы жить. Так что вопрос этот остается, по меньшей мере, открытым. Хорошая и даже посредственная архитектура ухитряется все время привлекать к себе сердца людей, и выкидывать ее на помойку никто не торопится. Во всяком случае, такое желание яснее всего проявляют только новая российская администрация вроде Лужкова. Конечно, некоторые архитекторы, вовлеченные в бюрократические структуры, эти настроения поддерживают, так как стремятся строить и извлекать из строительства все возможные эффекты.

Но вот завидная устойчивость архитектуры, даже ее руин не может не свидетельствовать о том, что у архитектуры есть какие-то глубокие силы противостоять моде и обновлять свою ценность, не взирая на перемены в стилистике и технике строительства. И если бы анализом кризисных явлений занимались не только экономисты, но и гуманитарии и историки архитектуры и искусства, то сама проблема угрозы кризисов могла бы получить и несколько иное, чем сегодня, освещение.

ПБ

Прицкеровскую премию этого года получил совсем не звездный Цумтор. Что это: кризисная мода или действительно отступает дизайн и возвращается архитектура?

АР

Могу лишь повторить то, что уже писал на сайте Московского союза в журнале «Архитектор». И эта пре-

мия и некоторые иные события в архитектурном мире, как мне кажется, свидетельствуют, конечно, о некотором замешательстве архитектурной элиты и начале какого-то нового направления мысли. Нынешняя картина архитектуры и искусства, на мой взгляд, условно может быть разделена на три русла – дизайна, легализованного китча и «монстров». Под «монстрами» я имею в виду и то, что было сделано в Пекине руками Кольхааса и Фостера. Но к «монстрам» можно отнести творения Гери, Хадид и Калатравы и прочих «стархитекторов». В изобразительном искусстве свои «монстры» – это Церетели, Глазунов, Уорхол, Кулик и теперь уже и Кабаков.

Китч проникает в основном в эти «монстры» и, в какой-то мере, в дизайн.

Все дело в том, что искусство и архитектура социально весьма зависимы от элит – политических и финансовых. Культура и вкусы нынешних элит – как политических, так и финансовых – дальше дизайна, китча и «монстров» не продвинута. Вопрос о том, когда она вырастет, не решается только в сфере профессиональной деятельности, тут нужно стечение массы иных обстоятельств. До тех пор пока нефтяные олигархи, Абрамовичи, Миллеры, Лужковы, и Матвиенки, приходят в восторг от «монстров», они будут находить архитекторов себе по вкусу. Труднее ответить на вопрос, что случилось бы, если бы они сами отказались от «монстров» и обратились к архитекторам за альтернативными идеями. Боюсь, что сегодня им бы пришлось увидеть смущенные улыбки. Ничего серьезного современная архитектурная мысль пока что взамен этих «монстров» и дизайна не выдвигает.

Кризис архитектурного творчества – вещь более глубокая, чем финансовое расточительство банков, и вылечить его за два-три года удастся вряд ли. Но нет на свете ничего невозможного. Если в среде архитекторов найдутся люди, устойчивые к заразе денежного обжорства и готовые работать независимо от политических и финансовых элит, а значит, и от государства в его нынешней бюрократической форме, – а я в это верю, – со временем им будет что сказать.

ПБ

Ровно сто один год назад вышла программная статья Адольфа Лооса, в которой орнамент и вообще всякое украшательство зданий объявлялось преступлением. Не возвращаемся ли мы сегодня снова к тому же пафосу борьбы декора с архитектурной? Или какие-то отличия той ситуации от сегодняшней все-таки имеются?

АР

Насколько я помню, Лоос считал преступлением не сам по себе орнамент, а попытки современных архитекторов изобретать новые виды орнамента. Он видел в этом возврат к архаическим временам, когда люди, по его мнению, имели право на подобное изобретение. И в этом ясно видно, что Лоос противопоставлял себя «арнуво» с его тягой к изобретению нового орнамента, преимущественно растительного. Лоос не был еще законченным конструктивистом или функционалистом и сам применял в качестве орнамента геометрические узоры, что видно из его знаменитого венского дома на Михаэльплатц.

Но развитие этой линии неизбежно вело к конструктивизму и техницизму, а дальше и к минимализму. В этих движениях функции орнамента на себя брала сама конструкция с ее графикой и геометрией, композицией и ритмом.

В этих тенденциях орнамент как форма и ритм не исключался, но он терял место самостоятельного предмета проектирования и должен был бы выступать как свойство самой конструкции.

И для того времени это было революционным и новым шагом.

При этом, однако, игнорировалась одна сторона архитектуры, а именно театральная, чисто декоратив-

ная, функция которой состояла как раз в сокрытии конструкции. Тогда казалось, что скрывать – значит обманывать, что вполне соответствует нашему словопотреблению. Но в архитектуре дело обстоит сложнее, чем в юриспруденции, и архитектурная совесть не есть стопроцентная откровенность. В архитектуре сокрытие обозначает слоистость бытия и наличие некоторой тайны. Заметьте, что простой классицистический орнамент не пытается убедить человека, что здание опирается на пилястры, его функция иная – сокрытие с напоминанием. Он напоминает человеку о великих тектонических мифах, а не выдает их за действительность. Но делать это нужно с тонким чувством меры, что не всегда удавалось в сталинском ампире или гитлеровской классике Шпеера.

Простой мыленный пример. Попробуйте содрать весь ордерный декор с Зимнего дворца и здания главного штаба – вы получите жуткую картину архитектурной «правды». Антифасадничество конструктивизма было наивной «детской» болезнью левизны в архитектуре. Но, к сожалению, альтернативы в архитектуре до сих пор нет. И единственные усилия в этом направлении – опыты Райта, Ле Корбюзье или использования материалов в швейцарско-итальянской и французской школе – это только первые шаги к восстановлению смысла декоративности и сокрытия в архитектуре.

ПБ

Есть ли основания надеяться на то, что стилистика Петера Цумтора сможет успешно противостоять дизайну (на стороне архитектуры)? Разве небольшие деревянные строения не так же легко поддаются машинному тиражированию, как и стеклянно-металлические башни?

АР

Питер Цумтор – образец той тонкой чувствительности, без которой великой архитектуры не создать. Но он еще остается в плену минимализма как переходной ступени от конструктивистской и техницистской эстетики к подлинной архитектуре. Минимализм стремится сократить зло и в гомеопатических дозах превратить яд в лекарство. Его опыт крайне важен, но не достаточен. Попытки использовать фактуры самих строительных материалов тоже крайне важный шаг в этом направлении, и Цумтор и здесь дает примеры мастерства.

Но человечность архитектуры нельзя отождествлять с аскетизмом. В архитектуре должна быть улыбочность, смех, веселость языческого мироощущения жизни. Швейцарский протестантизм сдерживает эти свойства, хотя у Корбю они порой все же прорывались наружу.

Искусство символической репрезентации, мимикрии, даже своего рода обмана («я сам обманываться рад») неотделимо от эротики и вежливости, развлечения и мечты. Тончайший сплав этих настроений жил в архитектурной классике, отчего сегодня многие призывают просто вернуться к ней, и дело с концом. Но... нет! Возврат к вершинам состоит в том, чтобы идти вперед, как бы тяжок этот путь ни был. Человечеству предстоит еще долгая жизнь (я в это верю), и это время дано ему именно для того, чтобы освоить то, что некогда было достигнуто в новых условиях. Разница же состоит в том, что прежние декорации были, как правило, чистым идеализмом небесного (то есть загробного) града. Новый идеализм ведет не к универсалиям, а к индивидуализму. Нам предстоит еще открыть смысл индивидуальности и вырастающий из него смысл декоративности бытия.

Ну а как это сделать – вопрос, который каждый архитектор ежедневно должен сам себе задавать. Иного пути я не вижу.

Дизайн же к индивидуализму относится только с точки зрения моды: индивидуализм для него есть только выбор самого модного или самого немодного, но к человеку, в его уникальности, все это имеет слабое отношение.

Школа дизайна в Иркутске

текст
Ольга Железняк

1. Преподавание по блоку художественных дисциплин (рисунок, живопись, скульптура) осуществляется квалифицированными педагогами – членами творческих союзов, заслуженными работниками культуры, доцентами кафедры: Воронько М.Д., Соломатиным П.Г., Захарчук М.Г., Малкиной Л.Н., Хомуненко В.И., Сысоевой Н.С., Аносовой С.В., Зандраевым А.Ч., Подгорным А.В., Е.В. Асалхановой – и молодыми талантливыми сотрудниками (В. Михайловым, А. Билькиной, А. Чимитдоржиевой и др.). Профессорско-преподавательский состав, обеспечивающий подготовку по общепрофессиональным и специальным дисциплинам включает докторов наук и профессором, кандидатов наук, Академиков и Чл.-корреспондентов Международной Академии Наук о Природе и Обществе (отделение Дизайна), членов Союза Архитекторов России, Союза Дизайнеров России, Союза Художников России, ведущих специалистов-практиков в области дизайна и декоративно-прикладного искусства г. Иркутска и др., в их числе – В.М. Акулов, О.В. Беседин, Т.А. Вотякова Н.В. Грогуль, М.Б. Дагданова, В.В. Дейкун, С.Б. Демков, А.А. Дурасов, Т.А. Ерошенко, О.Е. Железняк, О.А. Игнатьева, А.Д. Калиман, О.Ю. Копенкина, И.И. Котоманова, А.Ю. Ладейщиков, И. Малкин, М.Г. Меерович, С.В. Мурашова, Г.И. Охрименко, Т.П. Петрова, А.В. Поляница, Н.М. Попова, А.Н. Прокудин, Е.В. Пуляевская, Т.Ю. Смертина, И.А. Ширшков, Е.В. Шубаба, а также молодые перспективные педагоги – аспиранты и члены молодежных секций творческих союзов России (И. Дьяченко, Е. Курочкина, М. Корелина, О. Капустина, О. Пономарева и др.)

Кафедра дизайна Иркутского государственного технического университета факультета изобразительного искусства¹ сегодня – это динамичная, развивающаяся структура, обеспечивающая подготовку по двум специальностям и четырем специализациям: «Дизайн» (специализации «Дизайн среды», «Дизайн графический», «Дизайн костюма») и «Декоративно-прикладное искусство» (базовая специализация «Художественная керамика»).

Общий контингент студентов по обеим специальностям за последние годы увеличился в полтора раза и составляет свыше 350 человек.

За последние 5 лет штат кафедры значительно вырос (сегодня это – более 50 человек), при этом количество преподавателей со степенями и званиями повысилось почти в 4 раза; преподавателей – членов творческих союзов – возросло более чем в два раза².

За программы обучения дизайнеров в 2003 году кафедра представлена к Почетному знаку профессионального стандарта («Высокий дизайн»); за многолетнюю научно-педагогическую деятельность, за высокий профессионализм и большой вклад в развитие градостроительства и архитектуры Иркутска сотрудникам кафедры вручены благодарности мэра Иркутска, благодарственные письма предприятий и фирм города и области, дипломы и грамоты творческих союзов России – Союза архитекторов, Союза дизайнеров, Союза художников и др.

О качестве подготовки свидетельствуют итоги государственной аттестации, в соответствии с которой 91–95% дипломных работ традиционно защищаются на «отлично» и «хорошо». При этом большинство работ выполняется по темам, предложенным кафедрой, либо по заявкам муниципальных и частных предприятий, таких, как Институт земной коры, Лимнологический институт, ИРГТУ, Департамент образования, Комитет по градостроительной политике администрации г. Иркутска, компании «Ларис-строй», «АверсПринт», Байкало-Ангарское ГБУ и др.

Все эти годы кафедра достойно представляет Государственный технический университет и город на международных и всероссийских художественно-проектных форумах. В частности, за последние пять лет сотрудники кафедры стали лауреатами и дипломантами 53 международных, российских и региональных выставок и конкурсов. Студенческие работы за это же время получили около 300 наград, среди которых – медаль, дипломы и грамоты Министерства образования РФ; 75 наград международных конкурсов и выставок, 69 дипломов и премий российских выставок, Дипломы и грамоты творческих союзов России. Кафедрой организованы Международный вир-

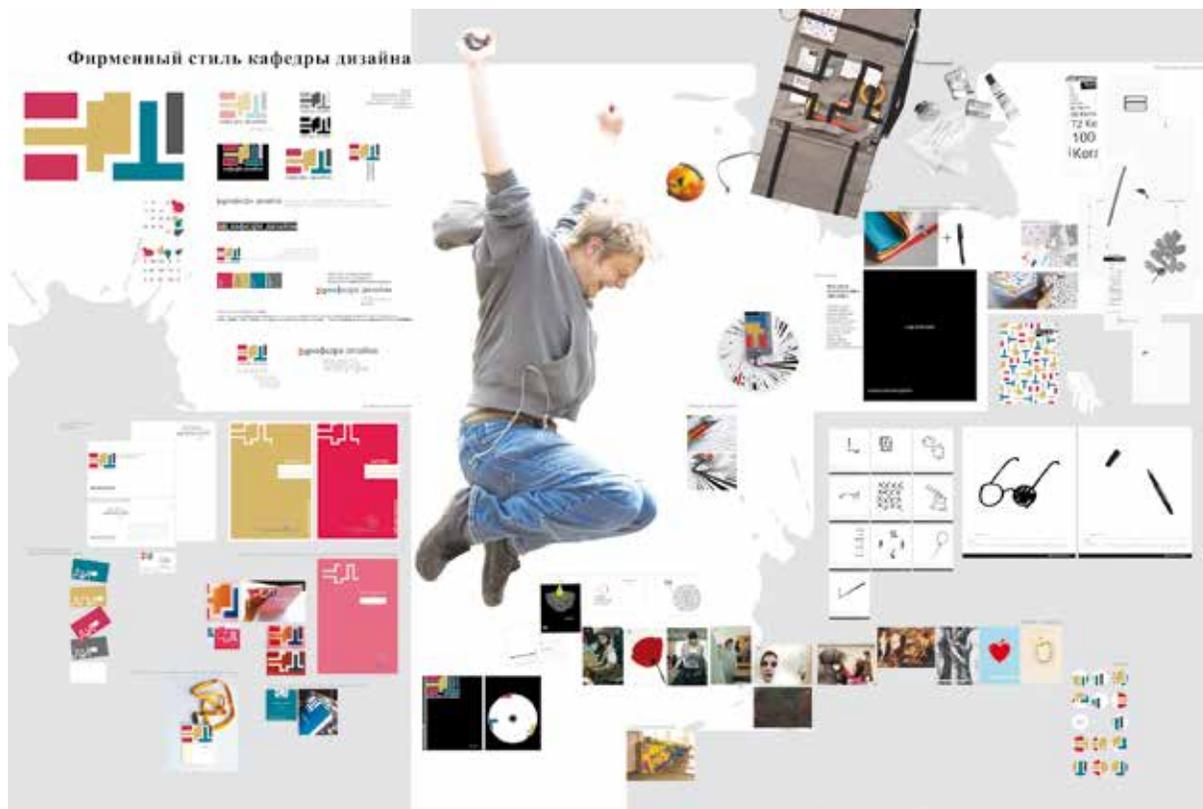

туальный форум «Художественно-проектная культура в эпоху новых информационных технологий», совместная с Корейским университетом художественно-проектная выставка в Корее; мастер-классы (в Казахстане и Корее) и другие мероприятия. Стали хорошей традицией постоянное участие кафедры в международных смотрах-конкурсах дипломных проектов по архитектуре и дизайну, в Международной ассамблее моды (Москва), выставках дизайна (Иркутск, Сибэкспоцентр) и пр.; а также проводимые кафедрой конкурсы «А-ля кутюр», представляющие собой яркую демонстрацию креативных решений. В 2007 году кафедра выиграла грант и стала участницей российско-британского проекта «Квест».

В целом данные последних лет свидетельствуют о достаточном высоком рейтинге школы в профессиональном сообществе.

Собственно процесс подготовки специалистов ориентирован на то, что профессия художника-проектировщика (архитектора, дизайнера либо проектирующего художника) – это, прежде всего, целостность и цельность мировидения, а также навыки художественно-проектного мышления, сформировав которые мы сможем интегрировать будущего специалиста в

культуру и социум как полноценную личность. (В соответствии с государственным стандартом подготовка, в частности, дизайнера должна предусматривать возможность выполнения аналитической, художественно-проектной, экспериментально-исследовательской, производственно-управленческой и педагогической деятельности.)

В целом специфика художественно-проектного мышления, на наш взгляд, должна заключаться в необходимости совместить креативность и навыки художественно-образного композирования с концептуально-прогностическим «прозрением». Именно формирование основ такого мышления является главной задачей фундаментальной профессиональной подготовки.

Говоря об идеологии становления и развития художественно-проектного мышления, мы опираемся на представление его как особого типа мышления, соединяющего в себе образное, пространственное и конструктивно-технологическое начала, а также «способность к прогнозированию, концептуальному проектированию, выстраиванию прогностических систем». По сути своей это специфическая форма профессионального сознания и деятельности, означающая непрерывный «акт

творчества», созидание новой системы образов и/или стратегий деятельности, основанных на знаниях, умениях, навыках владения профессиональным ремеслом и на «осознанием», профессиональном «видении» окружающей действительности. Такое специальное «художественное видение» предполагает осознание реалий современного мира и истории как системы образов, ситуаций, композиционных сюжетов и пр.

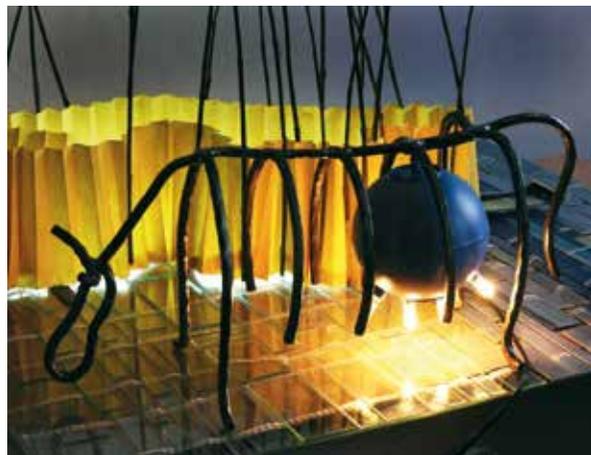
Формулируя основные направления подготовки, важно акцентировать внимание на необходимости воспитать у будущего специалиста интерпретационное мышление, характерное видение окружающего мира, умение выражать различные художественные образы, проектные идеи, конструктивные решения. Исходя из этого, процесс подготовки специалиста должен быть направлен на развитие объемно-пространственного воображения и специфического «отбирающего» взгляда связанного с умением профессионально видеть существующую и создаваемую/проектируемую «натуру», и в зависимости от цели по-разному интерпретировать ее, находя соответствующую форму и технику изображения. Это в целом развивает художественное «зрение», пробуждает и возвращает подлинно творческое мышление будущего специалиста.

Основы такого художественно-проектного «видения» формируются как в блоке художественных дисциплин, так и в курсах общепрофессиональных и специальных дисциплин, например в заданиях на трансформацию в курсе «Основы композиции» (О.Е. Железняк, Т.Ю. Смертина) или

2. Преподавание по блоку художественных дисциплин (рисунок, живопись, скульптура) осуществляется квалифицированными педагогами – членами творческих союзов, заслуженными работниками культуры, доцентами кафедр: М.Д. Воронько, П.Г. Соломатиным, М.Г. Захарчук, Малкиной Л.Н., Хомуnenko В.И., Сыsoевой Н.С., С.В. Аноsoвой, А.Ч. Зандраевым, А.В. Подгорным – и молодыми талантливыми сотрудниками. Профессорско-преподавательский состав, обеспечивающий подготовку по общепрофессиональным и специальным дисциплинам включает докторов наук и профессоров, кандидатов наук, академиков и членов-корреспондентов Международной академии наук о природе и обществе (отделение дизайна), членов Союза архитекторов России, Союза дизайнеров России, Союза художников России, ведущих специалистов-практиков в области дизайна и декоративно-прикладного искусства г. Иркутска и др., в их числе – В.М. Акулов, О.В. Беседин, Т.А. Вотякова, Н.В. Грогуль, М.Б. Дагданова, В.В. Дейкун, С.Б. Демков, А.А. Дурасов, О.А. Игнатьева, О.Е. Железняк, А.Д. Калихман, О.Ю. Копенкина, И.И. Котоманова, А.Ю. Ладейщиков, И. Малкин, М.Г. Меерович, С.В. Мурашова, Г.И. Охрименко, Т.П. Петрова, А.В. Поляница, Н.М. Попова, А.Н. Прокудин, Е.В. Пуляевская, Т.Ю. Смертина, И.А. Ширшков, Е.В. Шубаба, а также молодые перспективные педагоги – аспиранты и члены молодежных секций творческих союзов России.

«Алфавитах города» – как новом взгляде на окружающую среду в рамках мастер-класса В.В. Дейкуна и С.В. Мурашовой; и необходимости «увидеть» цветовую структуру стихотворения или цветовой образ запаха в курсе «Цветоведение и колористика» (О.Е. Железняк) и др.

Вместе с тем «художественно-проектное видение», преобразованное со временем в «визуальное мышление» являет собой уникальный вид художественно-образной рефлексии, служащей отправной точкой для формирования языка новых образов.

Методологическая основа для формулирования концепции художественно-проектного образования строится на четырех основополагающих, на наш взгляд, компонентах становления и развития творческой личности: развитие творческого потенциала субъекта; сложение особого «художественного видения»; приобретение базовых навыков художественно-проектного ремесла; формирование основ проектного мышления. Выделение таких направлений очень актуально для процесса воспитания творческой индивидуальности в пространстве сов-

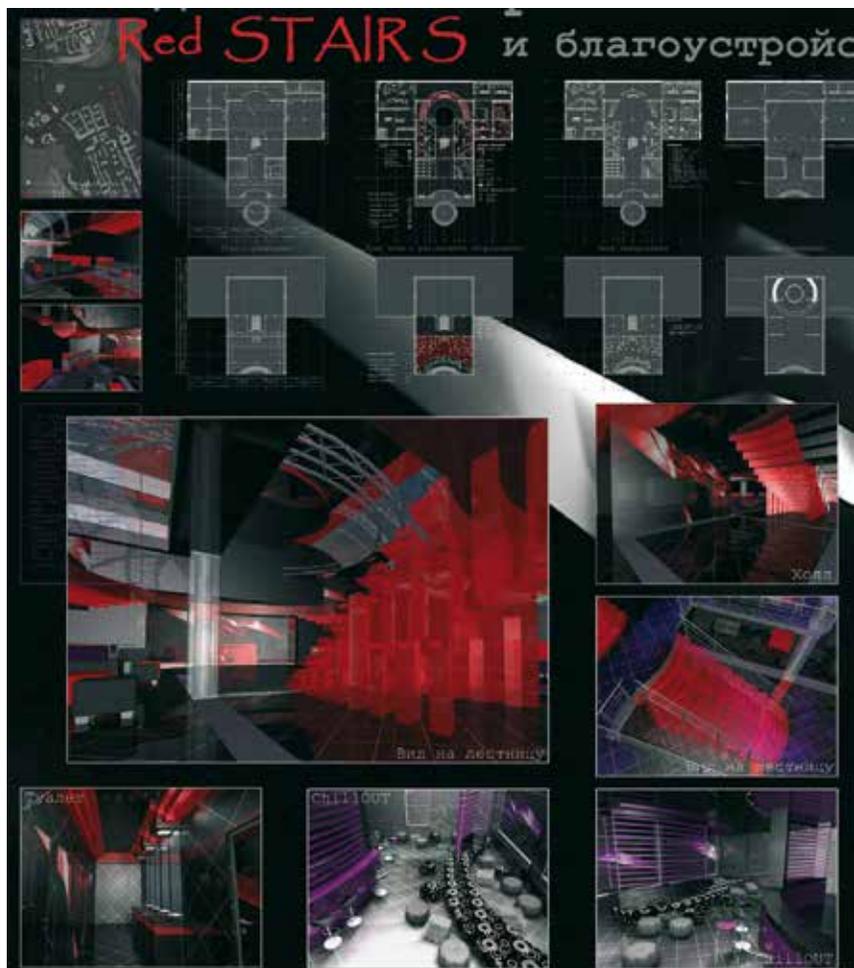
ременной художественно-проектной культуры, для раскрытия внутреннего потенциала будущего специалиста в целом и его способности к креативному мышлению в частности. Это крайне важно для личности, занятой проектированием, композированием, художественным конструированием или другим видом художественно-проектной (или просто творческой) деятельности. В то же время подобная направленность образовательного процесса дает возможность «технически» подготовить учащегося и дать ему основы профессионального ремесла.

Развитию креативного мышления посвящены не только базовые курсы проектирования со специальными заданиями и/или курсовыми работами, например декоративные «салфетки» – эксклюзивный арт-объект, созданный для конкретного дома и индивидуального хозяина (педагоги доц. С.В. Мурашова и М.Б. Захарчук); театральное пространство с авторской версией сценографии (доц. В.М. Акулов, ст. преп. И.В. Дьяченко, О.В. Капустина); авторский светильник как «реакция» на интерьер дома и образ жизни обитателей (доц. В.М. Акулов, ст. преп. И.В. Дьяченко); образ исторического персонажа (доц. С.В. Мурашова, ст. преп. И.В. Дьяченко), нестандартная упаковка для хрупких предметов (доц. А.А. Дурасов, О.А. Игнатьева). Циклы спецкурсов, такие, как «Дизайн без определенного места жительства» (В.В. Дейкун, С.В. Мурашова), «Дизайн и рекламные технологии» (И. Малкин), «Макетирование» с заданиями на формообразование и нетрадиционное использование материалов – поролона, стекла, бумаги и пр. (С.В. Мурашова, М.Б. Дагданова, О.В. Капустина), концепции игрового пространства в курсах пропедевтики (О.Е. Железняк, Т.Ю. Смертина) и другие курсы и дисциплины с заданиями, предлагающими «необычный взгляд на обыкновенные вещи», также ориентированы на становление творческой индивидуальности будущего профессионала.

Целостность осознания культурного пространства профессии определяет выбор основных методов обучения, исследования и проектирования, которые интегрируются в общую систему через призму профилирующих дисциплин. По сути, в процессе обучения разговор всё время идёт (прежде всего) о профессиональном сознании: как оно формируется и что с ним происходит в различных сферах профессиональной деятельности, под влиянием различных внешних факторов, из чего складывается идеальное профессиональное сознание, как они подпитываются и/или разрушаются.

Важной методологической основой образования является органичное сочетание художественно-проектных, гуманитарных и технических знаний и перевод их в плоскость профессионального языка. Так, особенностью современной подготовки – процесса формирования художественно-проектного мышления – является учет общей дигитализации профессионального проектного сознания. Этот факт, став реальностью современной жизни и культуры, имеет свои положительные и отрицательные стороны, но их обсуждение требует отдельного разговора.

Отражая внутренние истоки становления новой ментальности, основную суть влияния (или вторжения?) цифровых технологий на художественно-проектное сознание, сегодня образовательная система, связанная с формированием

навыков художественно-проектной деятельности (будь то архитекторы, дизайнеры, и/или художники), с одной стороны, должна вести речь о необходимости и востребованности традиционной художественно-проектной подготовки в целом, с другой стороны, — о системах сосуществования классической художественной подготовки с современными технологиями и общей «дигитализацией» художественно-проектного сознания. И, вероятно, это тоже нужно обсуждать в профессиональной печати.

Обращение к «интуиции» как важному акту творческой деятельности также представляет интерес для методики развития художественно-проектного мышления.

В то же время высшая школа представляется как часть профессиональной реальности; как одна из определяющих структур этой системы, которая формирует профессиональный менталитет будущих специалистов, несет художественно-проектную идеологию, задает нормы профессионального осмысления социо-культурной, экономической и политической реальности и методы профессиональной работы с ней. Для Иркутска такую роль в профессиональной художественно-проектной реальности города играет школа дизайна ИргТУ. Подобная интерпретация во многом порождена тем фактом, что наша школа — наиболее комплексная и целостная в Иркутске и области система подготовки специалистов по дизайну и прикладному искусству.

И мы говорим о тождественности и общих позициях, объединяющих задачи образования при подготовке архитекторов и дизайнеров, — и это, прежде всего, формирование художественно-проектного мышления, которое сопровождает процесс становления и последующего развития художественно-проектной культуры в целом и различных сфер и областей деятельности, ее составляющей, в частности.

Иллюстративная часть, демонстрируемая здесь, раскрывает широкий диапазон возможностей, представляемых предлагаемыми методиками, техническую оснащенность авторов-студентов, творческий потенциал и способность к нестандартному мышлению-видению, оригинальным авторским интерпретациям. Полученная в процессе обучения подготовка охватывает все возможные сферы проектной деятельности и открывает для выпускников широкие перспективы в современном профессиональном мире.

Архитектура против дизайна?.. Частное мнение

«Съедает» ли дизайн архитектуру, противостоят ли они друг другу и нужно ли их противопоставлять друг другу...

На наш взгляд, интонация «против» недостаточно продуктивна для обсуждения такого сложного комплекса проблем индивидуальности развития и взаимного влияния, целостности единого профессионального пространства и уникальности сфер деятельности архитектуры и дизайна, для определения, что сегодня стоит за понятием проектная культура и как проявить специфику ее составляющих — архитектуры и дизайна. Более того, подобная оппозиция в немалой степени провоцирует конфликт между этими, в общем-то, родственными сферами деятельности, не разрешая по существу ни одной из назревших проблем. Соответственно, для конструктивного обсуждения своеобразия современной художественно-проектной деятельности и культуры, напротив, необходимы интонации содействия, взаимодействия, выявления пространств пересечения и внутрипрофессиональной локализации, что способно привести к более позитивным результатам.

Несомненно, проблемы «соперничества», подмены одной формы деятельности другой зачастую имеют место в жизни профессионального сообщества, и их нельзя игнорировать. Однако во многом это спровоцировано не только

тотальностью дизайна как культурного феномена, в рамках которого «все люди — дизайнеры» (если следовать концепции В. Папанека¹), но и реалиями профессионального архитектурного сознания.

Отражая состояние современного сознания общества в целом и художественно-проектной культуры в частности, в реалиях архитектуры и города сегодня происходит изменение роли и статуса архитектуры и, нередко, базовых парадигм. Так, в отдельных случаях она утрачивает свое основное качество, отличающее архитектуру от всех других средовых и пространственных искусств и видов профессиональной деятельности. Это способность быть вневременной и долговечной. Кроме того, нарушаются также и основополагающие принципы архитектуры — соответствие, взаимная соотносительность формы и содержания архитектурного объекта.

В культуре и профессиональном сознании признание этих фактов по сути своей утвердилось, когда на Международном конгрессе архитекторов в Барселоне в 1996 году предельно остро и точно круг ключевых проблем современной архитектуры и градостроительства был очерчен пятью теоретическими категориями, предложенными для обсуждения. При этом основное внимание профессии

текст
Ольга Железняк

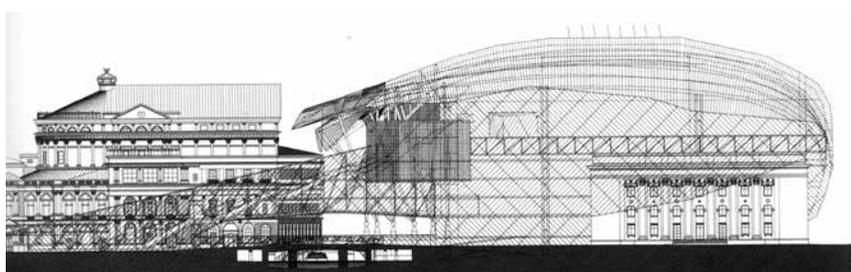
1. И в то же время — говорить о профессиональных смыслах и содержании понятия дизайн, а не популистских «довесках» в виде слова «дизайн» к различным видам деятельности и ее результатам.

2. См.: Present and Futures. Architecture in Cities. Barcelona: Ignoprint, SA, 1996. P. 228.
3. Ignasi de Sola-Morales. Present and Futures. Architecture in Cities // Present and Futures. Architecture in Cities. Barcelona: Ignoprint, SA, 1996. P. 18.

онального сообщества оказалось сосредоточенным, прежде всего, на следующих четырех категориях: mutations – представление города и архитектуры как непрерывного процесса мутации пространств различных уровней в результате «постоянного и абсолютного» взаимодействия всех компонентов городской системы; containers – идея формы способной к бесконечной внутренней трансформации и приспособлению к самым различным функциям; «terrain vague» – неясные территории, городские пространства с не проявленными свойствами, открытые к новому, нестандартному прочтению и использованию; flows – потоки, акты и процессы непрерывного движения, множественность форм потоков, «распространение» как феномен городской культуры. Формы изменения (мутации), формы обмена (контейнеры), формы отсутствия («terrain vague»), формы движения (потоки), очерчивая поле теоретических размышлений, с одной стороны, и отражая реальность архитектурно-градостроительной жизни развитых стран и стран третьего мира – с другой, задают идеологию современного архитектурного движения.

Механизмы и типы обмена (материального или символического) и формы распространения во многом определяют способность современных культурных стереотипов (в том числе и архитектурных) к видоизменению, развивая потребность в трансформации и мобильности. Динамика форм и разнообразие способов движения и коммуникаций в городе формируют идею непрерывных изменений. При этом мутации как органичная эволюция среды и как автономные и/или спонтанные процессы, исходящие из внутренней логики независимо от логики

окружающей среды, позволяют исследовать и проектировать эти трансформации, что наряду с идеологией «потоков» ведет к нарушению и частичной утрате качеств стабильности архитектуры, изменению представлений о пространстве, его параметрах и формах осуществления, совмещая эти категории с существующими в других сферах деятельности, в частности в дизайне.

Немалый интерес в этом плане представляют, например, новые версии библиотек как пространств «информационных супермаркетов», создающих «расширение присутствия за счет виртуального пространства». Описывая свои эксперименты с «медиа-джунглями», Тойо Ито сравнивает архитектуру таких объектов с личиной «медиа-костюмов». Воздействие таких объектов подобно «облаку разума, выплеснутому в пространство», а «удвоенность» мира, переплетенность его физического и виртуального форматов выглядит как норма. Возникающее вследствие этого информационное пространство позволяет «перемещаться по информационным слоям, стараясь контролировать внешний мир с помощью внутреннего, медийного», трансформируя традиционные представления об архитектуре, стирая границы между архитектурой и дизайном.

Непрерывность метаморфоз и обращение к неясным, не проявленным свойствам территории, идеи «место- и медиа-пространства», концептуальные градостроительные проекты и пр., составляя специфику современной архитектурной реальности, как правило, не образуют строгую систему или жестко сформулированную идеологию, являются существенными для понимания траекторий современного развития архитектуры и города, общих тенденций становления проектной культуры.

Особое внимание в контексте обсуждаемой темы следует уделить категории «контейнер», представляющей здания и сооружения как возможное «вместилище» разных функций, когда уже не форма следует за функцией, а любая форма может вмещать любую функцию. При изучении «архитектурной феноменологии» контейнера в некоторых интерпретациях истоки возникновения «идеи архитектуры-как-объекта, здания, выглядящего как «коробка» или архитектурный контейнер»², по мнению отдельных исследователей, восходят к Ренессансу, с его «независимостью фасадов». Прокладывая «свою дорогу в современную культуру», слово «контейнер» не только расширяет свои смыслы, но и функции, в частности все большую роль приобретает коммуникационная функция. Сегодняшняя идеология «контейнера», кроме того, очень тесно связана с формами обмена (и потребления), по сути своей возведенными в ритуал, так как «в обществе потребителей продуктивная деятельность зависит от форм обмена»³. Такими местами обмена – контейнерами – становятся как общественные, так и частные пространства, к которым Ignasi de Sola-Morales относит «музей, стадион, торговый молл, дом оперы, тематический парк, историческое здание, сохраненное для того, чтобы стать посещаемым, туристи-

ческий центр», то есть практически все типы архитектурных объектов.

Соотнесение архитектуры с контейнером, содержание (функция) которого не зависит от формы и со временем может меняться (нередко на почти противоположное), представление архитектуры в качестве некоего вместилища-контейнера для разных жизненных функций становится актуальным для профессионального сознания дискурсом, влияющим на формирование образов современной городской реальности. Введение этой парадигмы, которое, впрочем, оказывается формальной теоретической фиксацией реальных обстоятельств, фактов и событий, не только лишает архитектуру ореола вечности, но и нарушает ключевые позиции, уже признанной в качестве классической, триады «польза-прочность-красота», принципы соответствия формы и содержания в архитектуре, утвердив их возможную независимость. В то же время идею временности подчеркивает и сама категория «контейнер», трактуемая как специфическая коробка для хранения, нередко напоминающая упаковку по форме и собственно формообразующим концепциям. Образ этого «контейнера» далеко не всегда задается конкретной функцией и содержанием происходящих в нем процессов, он свободен от этого и диктуется другими правилами: это может быть и идея «места», и космоса, и любой другой авторский сюжет. В целом идея «несоответствия», свободы формы от содержания, создания образа формы как концепции свободного формотворчества является важной позицией, определяющей становление современных образов. При этом выживает или нет функция в данном месте и в данном «контейнере-вместилище», зависит от соответствия внесенной функции конкретному месту, что делает стратегии «самовывживания», «прорастания» содержания в нейтральном архитектурном пространстве-контейнере немаловажным положением профессиональной идеологии.

Трансформация («мутация» – в окончательном варианте, если быть абсолютно точным), объявленная «категорией» для теоретического обсуждения и проектных размышлений на XIX конгрессе, в качестве отдельных направлений присутствует и в программе XX конгресса в Пекине. «Мутации» и «потoki», усиливающие «деконструкцию» традиционных представлений, трансформируют основную суть архитектуры – идеалы ее «вне-временности», «существования на века». Внедрение новых современных материалов в отделке архитектурных сооружений также влияет на формирование ценностей непрерывной изменчивости и потому «временности» архитектуры, еще больше уподобляя ее временным «коробкам-упаковкам» и лишая архитектуру качества материальности (вечности и устойчивости). Не менее существенной особенностью и специфической чертой современной архитектуры, приближающей ее к объектам дизайна по внешнему виду и качеству, является появление крупномасштабной шрифтовой графики на фасадах зданий, фактически заменяющей архитектурные детали. Ну и конечно, «декорирование» фасадов рекламой и/или превращение их в гигантские, постоянно трансформирующиеся медиа-экраны. Развитием идеи трансформаций служит и отмеченная выше категория «контейнер».

И все это вкупе оказывает непосредственное влияние на изменение ключевых парадигм архитектуры и «присвоение» ей свойств объектов дизайна. Более того, при обсуждении концепции контейнера, круга понятий и смыслов, связанных с этим положением, было отмечено, что «архитектурный контейнер» / «контейнер в архитектуре» нельзя исследовать, исключая «понятия, берущие начало из мира дизайна».

Особенностью российского дизайна, во многом предопределившей его последующую популярность, является сам исторический процесс становления сферы дизайна в российской художественно-проектной культуре. Будучи изначально запрещенным (и старательно заменяемым различными терминами) и уже потому интригующим и таинственным, дизайн постепенно вторгается в профес-

сиональную сферу, формируя собственную нишу в пространстве между архитектурой и искусством, на границе между интуитивным и сознательным, иррациональным и предельно рационализированным, втягивая в нее (эту нишу) и уже сложившиеся виды деятельности – техническую эстетику, художественное проектирование, производственное искусство и др.

К 70–80-м годам XX века дизайн в России в профессиональном сознании и культуре представляет собой своеобразное обозначение профессионализма, выступает как некий критерий художественно-проектного качества объекта – результата профессиональной деятельности и собственно профессиональной деятельности, что, вероятно, и породило современное состояние «всеядности» термина, форм его «околопрофессионального», а нередко и просто непрофессионального употребления (как особого «знака качества»). «Идеальное представление» о дизайне как профессиональной деятельности сегодня – это, на наш взгляд, рафинированность и чистота идеи и формы, креативность, стильность, технологичность и модность/актуальность/современность (что в значительной степени предопределяет временность, непрерывную трансформацию и сменяемость эталонов).

Сегодняшний день дизайна – это не просто модный брэнд, а действительно огромная сфера деятельности, затрагивающая самые различные области жизни и деятельности. Но и модность брэнда, и широкие возможности дизайна вольно или невольно провоцируют экспансию сфер влияния и деятельности дизайна, размывая границы понятия и объекта деятельности, нередко подменяя этим понятием традиционно принятые названия, объекты и

формы деятельности, чаще всего абсолютно не имеющие ничего общего с дизайном, девальвируя тем самым само представление о дизайне.

Безграничность и неопределенность реалий употребления термина «дизайн» не только обесценивает дизайн как результат и процесс деятельности, но и порождает противоречия, проблемы взаимодействия между смежными сферами деятельности, сложности в определении границ деятельности и пр.

Наряду с этим, новые теории неклассической науки (с представлением неопределенности будущего, хаоса, необратимости и пр.), тотальность дигитальной культуры, категории нелинейности, привнесенные в профессиональную культуру, производят своеобразный сдвиг вседозволенности во всем – новых формах, материалах и конструктивных решениях, типологиях объектов и способов их освоения. Не исключено, что это – всего лишь попытка освоить новые парадигмы науки, осознать идеи бесконечности границ порядка и хаоса, относительной иллюзорности существующих определений «порядка» и «хаоса», смещение всех суждений о границах, а также и новые технологические возможности, и материалы, новые инструменты и средства проектирования, общую свободу нарушений разного масштаба. И это касается как архитектуры, так и дизайна.

Старая песня о главном

Об отношении дизайна и архитектуры член редколлегии журнала «Проект Байкал» Марина Ткачева беседует с главным дизайнером Иркутска в 2004–2006 годах, главным архитектором ООО «Компания Альтера», членом Союза дизайнеров России Александром Петровичем Картопольцевым.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Тема очередного номера нашего журнала – «Дизайн versus архитектура». То, что мы привычно называем «дизайнерские решения», – это оформление, организация пространства вне зданий. А как «изнутри» этой деятельности, с точки зрения практикующего дизайнера, строятся отношения современной архитектуры и современного дизайна? В Иркутске и в мире?

АЛЕКСАНДР КАРТОПОЛЬЦЕВ

Противостояние дизайна и архитектуры для сегодняшнего Иркутска – актуальная тема. О других городах я исчерпывающей информации не имею, поэтому о них говорить не буду. Наверное, для нас это детская болезнь, доставшаяся с советских времен, когда даже слово «дизайн» было ругательным. «На дизайнеров» не учили, специальность именовалась «художественное проектирование». Потом в конце концов появилось слово «дизайнер». Стали появляться даже должности главных дизайнеров городов вместо существовавших ранее главных художников. Думаю, это правильно. То, что требует согласования главного дизайнера города, зачастую и относится к объектам дизайна. Дизайн – это нечто тотально распространенное в городской застройке. Другое дело, что дизайн у нас сырой, специалистов только начали выпускать. Я на кафедре архитектурного проектирования ИрГТУ проработал 14 лет и эту проблему знаю изнутри. У нас специальность «Промышленный дизайн» открылась в 1998 году, а специальность «Дизайн архитектурной среды» несколькими годами раньше. И на тот момент никто из преподавателей не горел особым желанием преподавать на этих специальностях, потому что у многих просто не было опыта дизайнерской работы, все были архитекторами. Специалистов в городе тоже не было, работали архитекторы либо художники. Понятно, чтобы вести такие группы, надо готовить методические материалы, которых тоже не было. У привлеченных художников (Сергея Элояна, например) методика своя, другая, отличная от нашей традиционной.

И они со своей стороны формировали дизайнеров от живописи и скульптуры, а архитекторы – дизайнеров от архитектуры. Получались совершенно разные по навыкам и возможностям специалисты – выпускники одного факультета.

ПБ

Мне один дизайнер говорил, что видит, где работы дизайнера – архитектора в прошлом – и работы художника в прошлом. Это вообще разные типы мышления.

АК

Да, это так. Когда в 2004 году я перевелся из ИрГТУ на работу в администрацию города, тогда еще не сформировалась некая стабильная система подготовки дизайнеров городской среды, тем более промышленного. Когда шла реорганизация структуры ИрГТУ, кажется, в 2001 году, специальность «промышленный дизайн» передали на факультет изобразительного искусства, а на архитектурном остались только дизайнеры городской среды. Хотя нечто похожее готовят на факультете изобразительного искусства тоже. Мое мнение: до сих пор полноценных дизайнеров у нас в городе не готовят. Есть либо художники, которые занимаются городской средой, либо архитекторы. Но в любом случае памятники и мемориалы, значительные и масштабные фрагменты городской среды должны, на мой взгляд, разрабатываться командой профессионалов необходимых узких специальностей. Весь мир, по моим ощущениям, движется к узкой специализации. У нас же с момента создания факультета выпускают специалистов широкого профиля. В МАрХИ узконаправленных специализаций много: там выпускают и градостроителей, и ЖОСовцев, и дизайнеров. Когда создаются значимые объекты, ведущим в команде должен быть архитектор, а под его началом собраны специалисты ландшафтного дизайна, просто дизайнера, художники, «технари» и многие другие. Тогда, мне кажется, будет нормальный результат. Когда же за это дело берется человек, который считает, что он на все руки дока, то мы получаем то, что в большинстве случаев видим в городе.

Работа в городской администрации дала мне новый опыт, позволила познакомиться с людьми в городе, которые являются лучшими представителями творческих профессий. И у меня есть ощущение, что я могу предложить заказчику практически все. Мы своим заказчикам предлагаем объект «с

нуля под ключ»: архитектурное проектирование, разработку дизайна интерьеров, графический дизайн фирменного стиля, декорирование, оформление произведениями монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства, ландшафтный дизайн, разработку дизайна униформы для персонала. Вплоть до проведения презентации (открытия), реализованного объекта в натуре, с элементами театрализованного шоу. Все это разрабатывается узкими специалистами в рамках единой концепции. Тогда мы получаем целостную вещь. Вот так и должны формироваться современные объекты. Не важно, здание это или просто открытое пространство. Беда заключается в том, что заказчиков готовых оплатить такую комплексную работу пока очень и очень мало.

ПБ

Вы говорили о ведущей роли архитектора, под началом которого работает команда. Теперь же вы говорите, наоборот, о цепочке специалистов, которые объединяются в одну команду. Они объединяются не ради одного архитектора, а ради конечного результата: целостности среды жизни, целостности деятельности в этой среде, целостности восприятия этой среды.

АК

Да, верно. Но руководить должен архитектор. Он главный, а другие члены команды – узконаправленные специалисты. Даже по учебным программам подготовки архитекторов в вузе, по количеству и перечню изучаемых дисциплин, количеству часов хорошо видна эта особенность. Он находится на вершине организационной пирамиды, на стыке инженерии, искусства и многих других специальностей. И он должен достаточно знать обо всем потому, что обязан правильно координировать деятельность других специалистов. Он должен генерировать и направлять осуществление концепции. Скульптор-монументалист, например, или дизайнер, в отличие от архитектора, уж точно «не проходили» основы теории градостроительства и инженерную организацию территории. Архитектор – это как дирижер в оркестре или философ в науке.

ПБ

Очень отчетливая точка зрения. Есть еще один вопрос. Я не раз слышала мнение, что современная архитектура – голые конструкции, а дизайн агрессивно внедряется в сферу деятельности архитекторов и все больше отхватывает их функции. Архитектура, дескать, создает костяк, в котором кости начинают заменяться дизайнерскими суррогатами.

АК

На мой взгляд, спорный тезис. Я не утверждал бы так однозначно, происходит это или нет. Видимо, нужно рассматривать каждый отдельно взятый объект. Причем не ограничиваться только иркутскими примерами. Часто сложно провести границу, где еще архитектура, а где уже дизайн. Мне кажется, эта граница в каждом отдельно взятом объекте «плавает». Каждый объект сформирован индивидуально. В одном случае он может на 80% быть сформирован языком и средствами архитектуры, на оставшиеся 20% – средствами языком дизайна и декоративно-прикладного искусства. А в другом, наоборот, на 90% может быть сформирован средствами дизайна. Это все зависит от концепции авторов. Если архитектор как автор обладает здоровыми амбициями, то он может «не тянуть одеяло на себя» и сделать объект на 10% архитектурным языком, а остальное отдать дизайну ради блестящего конечного результата. Это черта настоящего профессионала.

ПБ

От воли архитектора зависит, сколько власти отдать дизайнеру?

АК

Да, но это теоретическая, абстрактная модель. В реальной жизни все может быть наоборот: «скромные» архитекторы и «бесцеремонные» дизайнеры, которые влезают в сферу компетенции архитектора. И если заказчик этому способствует, то может случиться все что угодно. У нас нет сформировавшейся культуры проектирования в современных условиях. Сейчас делают заказы и принимают решения те люди, которые имеют

деньги, но иногда не имеют даже высшего образования, не говоря уже об элементарном эстетическом воспитании

Я думаю, что ситуация улучшится в следующем поколении, когда их дети выучатся в наших вузах, Сорбонне или Оксфорде и будут воспитаны в лучших эстетических традициях.

ПБ

А как делились обязанности главного архитектора и главного дизайнера в тот период, когда вы работали в администрации? В чем была разница профессиональных обязанностей, чем ваши функции главного дизайнера отличались от функции главного архитектора?

АК

Я, как главный дизайнер города, был одним из заместителей начальника Управления архитектуры и градостроительства. А значит, отвечал только за одно из направлений деятельности главного архитектора. Проще говоря, все, что не относилось к капитальному строительству, было в моей компетенции: произведения монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства, реклама, вывески, цветочное оформление, колористика фасадов, праздничное оформление города и выставок, городская мебель, полиграфия и т.д.

ПБ

Как, по-вашему, существуют ли национальная архитектура и национальный дизайн?

АК

Архитектура, конечно, да. Национальные особенности архитектуры существуют и никогда полностью не исчезнут. Временами архитекторы и дизайнеры обращаются к этническим мотивам. Другое дело – насколько это уместно и профессионально сделано. Интерес к некоему космополитизму, интернациональности в архитектуре рано или поздно остывает. Чтобы твой объект выделялся, но и гармонично вписывался в окружающую среду, нужно либо придумать новый стиль, либо обратиться к истокам культуры, этническим и национальным особенностям местной архитектуры. Нужно «насытиться» изобразительным, образным, фактурным языком. Мне кажется, что сделать что-то новое и интересное без этого крайне сложно. Это происходит в любой сфере искусства: новое направление в стиле, которое появляется и все захватывает, становится модным, через определенное время превращается в неактуальное. На смену приходит другое направление. А то, первое отходит на второй план, занимает свою определенную нишу, но не исчезает совсем.

ПБ

Национальные традиции касаются больше архитектуры или дизайнерских решений?

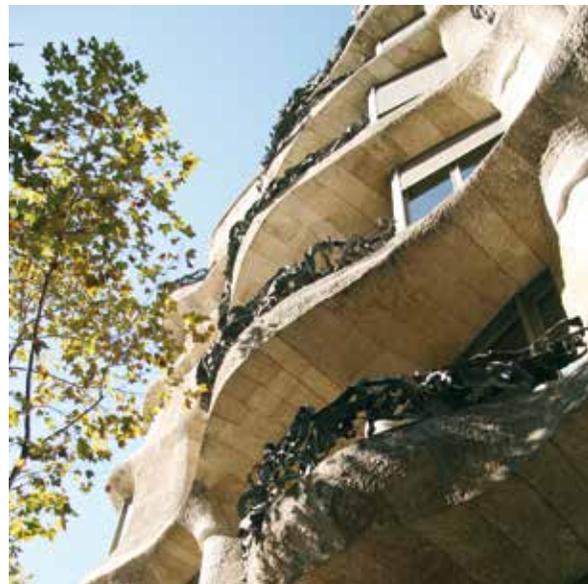
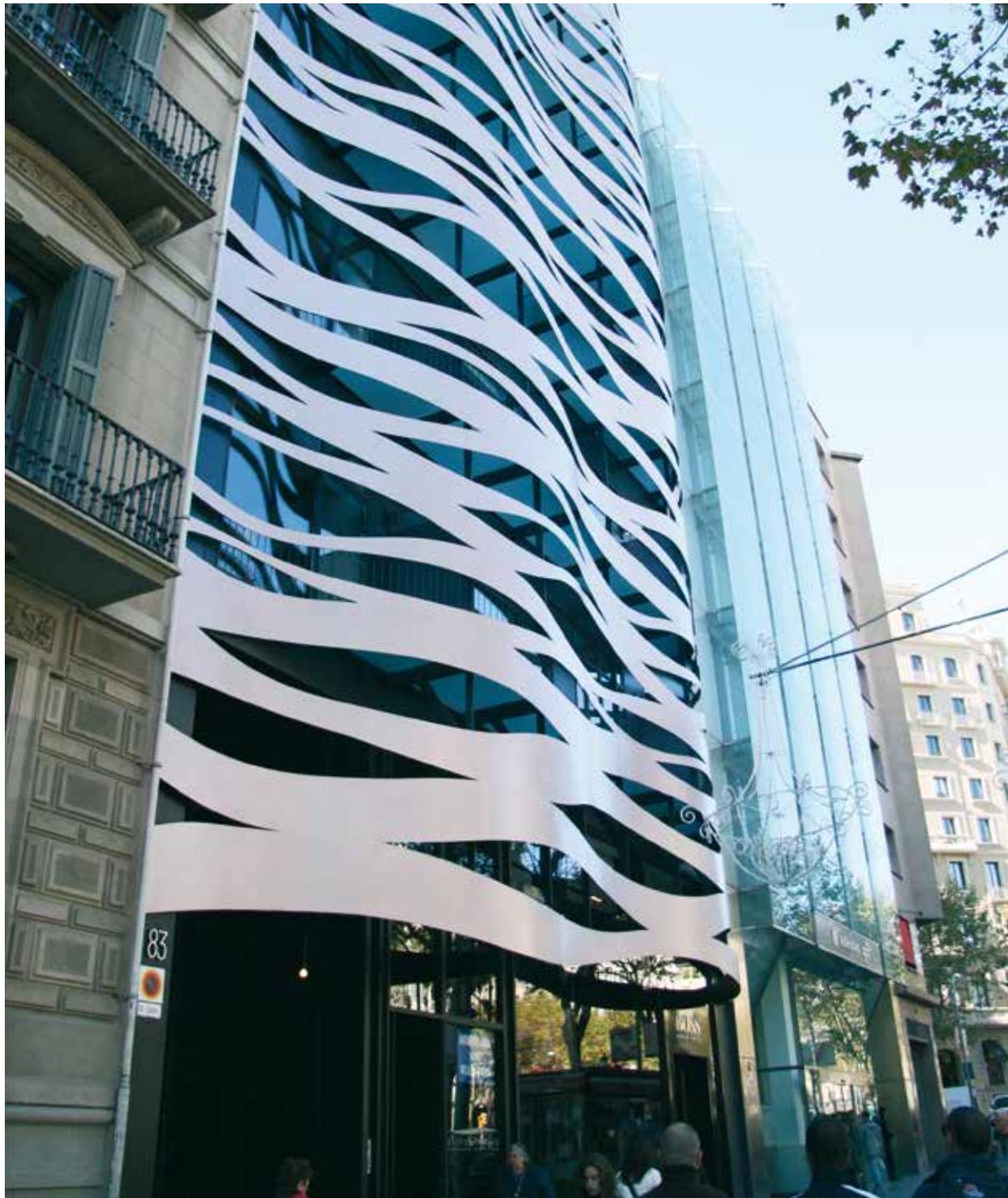
АК

Архитектура как искусство институционализировано существует и изучается давно. Понятие «дизайн» появилось гораздо позже, хотя окружающие нас предметы быта и среды обитания существовали и раньше. Одежда, интерьеры, предметы создавались с осязательным этническим акцентом. Но о современных школах дизайна, относящихся к разным странам, сложно сказать. В архитектуре национальное есть, но не каждый архитектор хочет воплощать национальные черты, да это и не нужно. В целом же прослеживается тенденция к интернационализации. Доля национального будет снижаться, но полностью никогда не исчезнет. В архитектуре это больше осязательно, чем в дизайне. Современные предметы дизайна «кочуют» по миру, они меньше «привязаны» к национальной почве, их можно переносить куда угодно. А в архитектуре... я с трудом представляю, чтобы в джунглях Амазонки могла появиться русская изба. Это будет странно, не может быть закономерным или являться долговременной тенденцией. В архитектуре этнические элементы будут появляться там, где они родились и имеют длительную историю.

Рано или поздно неизбежно все будет хорошо. Есть точка зрения, что мир катится к разрушению, но я – оптимист и по профессии созидатель и верю, что рано или поздно все утрясется и обустроится.

Париж. Офисное здание в квартале Аустерлиц. Фото Александра и Игорь Козак

Испания. Барселона.
Улица Грасия напротив
дома «Casa Batlló».
Современное «цитирование»
мастера. Стекланный
параллелепипед накрыт
алюминиевой ажурной
оболочкой, очень
напоминающей кованные
балконы Антонио Гауди.
Фото Александра
и Игорь Козак

Нереальная архитектура

текст
Роман Ушков

Скриншоты взяты с портала www.ag.ru, которому автор выражает благодарность

Grand Theft Auto 4 во всей красе демонстрирует нью-йоркские виды от лица прохожего, водителя и даже пилота вертолета

Если присмотреться, то не так уж сложно заметить сходство в процессах создания компьютерной игры и реализации архитектурного проекта.

Впрочем, это сходство можно найти между любыми созидательными процессами, окрашенными творчеством. В любом случае, все начинается с задумки, ну или, как теперь модно выражаться, концепта. А потом некие талантливые трудоголики вдохновенно берутся за дело – чертят планы, рисуют эскизы, делают расчеты, создают 3D-модели будущего шедевра... И в конце концов получают нечто.

Именно нечто, ведь для авторов проекта здание или игра – это не тонны камня и штукатурки, не километры программного кода и миллионы полигонов с текстурами, это живое существо. Которое эволюционировало, росло в сознании человека, менялось им и меняло его. Совершало детские шалости (вроде недопонимания с заказчиком) и подростковые глупости (пытаясь сорвать к чертям все сроки), а став взрослым, вдруг оказалось самостоятельным, обзавелось личной жизнью и дурными привычками (ну вроде багов).

И хотя в одном случае получается реально существующий объект, который даже на карту наносят, а в другом появляется нечто, существующее лишь в недрах винчестера в виде единиц и нолей, тем не менее и то, и другое существует, радует или огорчает нас, отражает время, в которое мы живем, становится произведением искусства или серой поденщиной, а если уж совсем в целом – является продуктом жизнедеятельности нашей цивилизации. А будучи таким – заслуживает нашего внимания.

Однако если архитектура, имея тысячелетнюю историю, уже стала столь привычной деталью нашего окружения, что для большинства даже не особо заметна (зато как заметно ее отсутствие!), то компьютерные игры только-только пытаются стать неотъемлемой частью жизни человека. И если понаблюдать за их развитием и продвижением, то на ум приходят довольно любопытные параллели. Скорее всего, наших далеких предков, которые задумались вместо проживания в холодной пещере, собственноручно построить теплый шалаш, тоже порицали за бесполезную растрату своего времени и средств. И скандалы, скорее всего, тоже были, ведь шалаши, землянки и прочие первобытные сооружения время от времени обрушивались на головы своих владельцев. Разве это не повод заявить, что придумывать новое – глупая затея? Ведь можно же было спокойно сидеть в пещере у костра, жарить пойманного бизона и не маяться всей этой новомодной шалашной дурью...

Но время и прогресс были неумолимы. Теплое и красивое жилье с хорошими коммуникациями, близко расположенными магазинами и другими элементами инфраструктуры, плечами, локтями и зубами пробило себе место к первым позициям в рейтинге человеческих потребностей. Архитекторское дело стало весьма уважаемой в социуме специальностью, обросло строительными отраслями, и теперь вот даже как-то трудно представить, что могло существовать время, когда люди не строили жилые дома, храмы, здания городского совета и прочие изящно-выложенные объекты из камня, дерева, стекла, пластика и металла.

Сейчас трудно сказать наверняка, произойдет ли нечто подобное с компьютерными играми, но шансы действительно неплохие. Развитие проектирования и строительных технологий сделало более комфортным наше физическое существование, а компьютерные игры стараются сделать более комфортным наше психологическое существование. Ведь именно они дают шанс простому человеку стать тем, кем он даже и быть не мечтал, – героем, злодеем, убийцей или отважным стражем порядка, да хоть фиолетовой Кракозьяброй с планеты X, прилетевшей на Землю с твердым намерением аннексировать все очистные сооружения планеты...

Игры дают человеку возможность быть собой или, что более желаемо, быть кем-то еще. Совершать то, чего в жизни совершить нельзя в силу разных ограничений, далеко не все из которых можно обойти. Отдохнуть от серых будних дней методом погружения и участия в водовороте событий, калейдоскопе эмоций и многообразии ситуаций (большинство из которых мы не хотели бы пережить в мире реальном).

При этом игры не разрушают наше тело как сильнодействующие наркотики, не требуют особых физических данных, как экстремальный спорт, не претендуют на роль инструкции на любой случай жизни, как, например, религия. И, вопреки расхожему заблуждению, игры не поглощают все время и внимание человека.

Конечно, есть энное количество людей, которые, поиграв за компьютером, перестанут сознавать грань между тем миром и этим, потеряют контроль над собой и, предавшись развлечению, забудут есть, пить, принимать душ и т.д. Но ведь точно так же есть люди, которые повредились умом, поглядев на одно широко известное произведение Да Винчи, или увидев на чистом столе след от кофейной чашки, или просто, сидя дома у телевизора, вдруг решили, что неплохо бы взять пистолет и пойти кого-нибудь застрелить...

Но с большинством людей таких вещей, к счастью, не случается. Даже многочисленные эксперименты социопсихологов доказали, что между демонстрацией насилия и ростом преступности связи нет.

Как бы там ни было, все это затянувшееся вступление направлено на то, чтобы подготовить читателя к мысли, что компьютерные игры это не зло, вселившееся в ваш ПК или игровую приставку. Это многогранный продукт, который может быть произведением искусства и тем, что делает нашу жизнь лучше, интереснее, разнообразнее.

Ведь часто встречающееся в статье сравнение игровых форм и архитектурных не случайно, поскольку изрядную часть фона в большинстве игр составляют именно произведения архитектуры. Нереальной архитектуры.

Правда, стоит отметить, что момент для подобного экскурса не самый удачный. По весьма банальной причине. Мировой финансовый кризис не единственный кризис, который происходит на наших глазах. Есть еще и кризис творческий. Этот уже крепко поразил кинематограф, славно припечатал по литературе и, среди прочих заслуг, вогнал в застой игровую индустрию. Вот уже года три как мы видим совершенствование технологии графики, физики, даже озвучки (хотя, казалось бы, чего там совершенствовать?). И все лучше понимаем, что эта новая графика показывает нам все то, что мы уже видели два года назад, пять лет назад и ранее. О сюжетах даже упоминать не стоит, тут вообще что-то новое если и появилось за последнюю сотню лет, то явно не успело к эпохе видеоигр.

В играх сейчас плохо с оригинальными идеями, свежими шедеврами и новыми идолами, призванными затмить старых. Однако будем надеяться, что, как это обычно бывает в природе, за периодом застоя последует бурный рост.

Но вернемся к архитектуре в игре. Архитектуре, которая уже прошла путь от банального задника в двумерной аркаде (где зачастую сложно было понять, происходит ли дело в средневековом замке или все-таки на улицах современного мегаполиса) до полноценного 3D-моделирования, текстурирования, шейдеров, постоянного роста количества полигонов на каждую модель, над которыми трудятся целые студии работников мыша, карандаша и клавиш... и команды художников... И во всем этом изобилии теперь образуются свои фантастические архитектурные стили, невозможные в реальном мире, но уже ставшие классикой в мире виртуального. Впрочем, фантастика всегда была жанром на любителя. А большинство все-таки предпочитает знакомые декорации. И чем более знакомые, тем лучше.

Такова, например, игра «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля», разработанная и таки выпущенная («Сталкера» делала шесть лет, за что в народе проект получил прозвище «Ждалкер») украинской студией GSC Game World, стала практически самым ожидаемым хитом в России и на постсоветском пространстве с первого же анонса. Просто потому,

что нет для русского игрока большего кайфа, чем увидеть в игре то, мимо чего каждый день на работу ходишь. Ту самую характерно советскую застройку. Стройные ряды словно клонированных пятиэтажек, похожие, как братья-близнецы, дворы, заправки и хозпостройки. Тем более что в игре эта застройка представлена не в первозданном – «свежестроенном» виде, а в стадии разрухи и упадка. Именно в той стадии, в которой эта застройка сейчас стоит во многих российских городах.

Старые, потертые лозунги на стенах, здание и территория НИИ «Агропром» – небольшая часть заброшенного после аварии на ЧАЭС города Припяти. Ну как все это могло не покориť сердце русского человека? Конечно, посмотреть и прогуляться по виртуальному Нью-Йорку со всеми его авеню и небоскребами приятно, но кому нужна эта американщина, когда тут предлагают турне по практически родным местам? Еще и с нашими Ваньками, украинской природой, таинственной историей секретных разработок, мутантами, природными аномалиями и верным «калашниковым» в руках.

Кстати, еще немного об архитектуре в игре: вся она не просто абы как выдумана. Объекты полностью перенесены с реальной местности. Ради этого команде разработчиков потребовалось неоднократно посещать зону отчуждения с уймой фотооборудования и, надо полагать, со счетчиком Гейгера.

Вообще, стоит отметить, что воспроизведение реально существующих зданий, улиц и даже целых населенных пунктов не такая уж редкость для игр.

К примеру, в жанре экшен есть целый ворох продуктов, посвященных Второй мировой войне. Первоначально историческая достоверность архитектуры и событий была далеко не на первом плане. Куда больше игроделов, да и самих игроков волновало качество графики, физики, уровень продуманности и сбалансированности геймплея, ну или, говоря по-русски, самого игрового процесса. Но время шло, технологии не стояли на месте, а конкуренция в жанровой нише росла. Теперь для привлечения искушенной аудитории мало дать возможность укладывать нацистов штабелями с помощью разной военной машинерии, холодного и огнестрельного оружия, пси-способностей главного героя и старой доброй лопаты. Теперь надо, чтобы все это было исторически достоверно (ума не приложу, как можно исторически подтвердить пси-способности и вмешательство в военные конфликты пришельцев, но что я в этом понимаю?). Поэтому лучшим способом воссоздания духа времени стала виртуальная реставрация архитектурных объектов, в том числе разрушенных во время войны.

И вот тут разработчикам очень важно не допустить досадных промахов. А то ведь современные игроки – люди дотошные и необязательно молодые да безграмотные. Если что-то не так, то по всем форумам пойдут шутки

Ностальгическая атмосфера «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля», в которой неожиданно органично слились между собой советская застройка, мрачная сказка о секретных разработках сверхоружия, мутанты, радиация и теория ноосферы

А вот так, по мнению авторов Mirrors Edge, выглядит город будущего. Хотя на самом деле это просто слегка модифицированный и покрашенный Токио

об исторической достоверности, когда в вашем блокадном Сталинграде на заднике видны постройки начала 70-х. Или, наоборот, ни с того ни с сего появится здание, снесенное до Октябрьской революции. Которое, к тому же, стояло в другом городе.

Конечно, основная доля ляпов приходится на оружие, форму и сами события, но эти ляпы просто более очевидны. Архитектурные промахи менее заметны для большинства игроков, а жаль. Ведь это говорит о том, что в обществе куда больше знают об огнестрельном оружии того времени, о личностях генералов и командующих, чем о том, что там за памятники архитектуры разнесло артобстрелом. Скорее всего, сказываются пробелы в школьной программе.

Впрочем, полное, достоверное и выверенное копирование требуется редко. Ведь город или район, где происходят события игры, должен быть интересным, адаптированным под нужды гейм-дизайнеров. Так появилось другое направление – копирование реально существующей архитектуры с коррекцией скучных и банальных мест.

Вот, например, Grand Theft Auto 4. Действие игры происходит в Либерти Сити, в котором каждый узнает Нью-Йорк. Кстати, измененное название города, статуи Свободы и других объектов в игре связано не с опасениями исков по авторским правам на название от администрации города, а со стремлением подчеркнуть отличность виртуального объекта от реального. Так вот, город воспроизведен достаточно достоверно. В нем есть все главные улицы, особо известные здания, узнаваемые и не очень (для тех, кто ни разу не посещал Нью-Йорк) детали. Однако из него сознательно убраны скучные, однообразные кварталы, угрюмые многоквартирные дома и прямо-таки клонированные подворотни. Невозможно понять, зачем это сделано – авторы и не скрывают своих намерений, так прямо и пишут в аннотациях: «Мы сознательно не стали переносить в игру «неинтересные места», зачем они вам в игре? Захочется банальщины – посетите нью-йоркские трущобы вживую».

«Коррекционное» направление меняет и даже пародирует реальность (в G.T.A.4 у статуи Свободы (в игре – статуя Любви) в поднятой руке вместо факела пластиковый стакан с кофе). Часто бывает, что образ, от которого отсеки лишнее и скучное, становится более реальным на вид, чем его прототип. Поневоле задумываешься, зачем в реальности строят все эти неприглядные здания, когда можно сделать нечто изящное и красивое? При том не менее функциональное...

Что еще делают с архитектурными объектами в игре? Копированием и заимствованием из реальности дело не ограничивается. Иногда сюжет и колорит игры просто исключает эти приемы. Как, например, можно скопировать эльфийский поселок, когда они, эльфы, у нас не живут? Ну не климат им и все. Или вот архитектура межгалактического корабля-города... где найти под нее прототип? Не брать же реально существующие шатлы и космические станции – там и развернуться-то негде, не то чтоб войну с пришельцами устроить.

Тут обычно происходят две вещи: либо авторы, скрипя извилинами, находят-таки прототип, пусть даже его придется скомбинировать из нескольких образов, либо включают фантазию и творят такое... Мне кажется, чтобы привиделось подобное, обычному человеку требуется солидная доза запрещенных препаратов.

Впрочем, совсем уж невероятные и невиданные чудеса встречаются крайне редко. Как известно, выдумать что-то новое из ничего, если не невозможно, то уж точно чрезвычайно трудно. В связи с этим разработчикам компьютерных игр приходится расширять свое образование. Порой в совершенно неожиданных направлениях.

Если действие игры происходит в альтернативном средневековье, мало ознакомиться с историческими данными, необходимо также перелопатить гору фантастики, комиксов, познакомиться с кинолентами и фантазиями разных художников на эту тему. Или, скажем, действие происходит в Вавилоне времен Персидской империи (Prince Of Persia: Two Thrones). Ну как тут не создать характерные для региона узкие и высокие улочки, дворцы, от внутреннего величия узкие и высокие улочки, дворцы, от внутреннего величия башню, видимую с любой точки города в игре.

Делали игру в канадской студии, в подразделении французского издателя-разработчика Ubi Soft. Тем не менее восхитительный антураж в игре и в ее архитектуре концентрированно восточный.

Грамотный разработчик волей-неволей еще и просветитель, причем очень-очень массовый.

Жаль, конечно, что не все так поступают. Многие по старинке делают какие-то непонятные, квадратно-прямоугольные сараи, в которых даже не разобрать: где тут здание правительства, а где жилой дом.

Работа с образами великого прошлого еще не самое трудное дело.

О прошлом у человечества, в общем-то, данных хватает. А вот с заглядыванием в далекое (и не очень) будущее у нас пока неважно. Скажем прямо – совсем неважно.

И что делать разработчику, если надо построить город будущего?

Популярный рецепт таков: взять за основу самый современный город мира – Токио, поменять большую часть материалов в постройках на стекло, пластик и металл. А потом спустить с поводка цветовую фантазию.

Что получается? Симулятор паркура Mirrors Edge.

Подводя итог нашему скромному обзору нереальной архитектуры, необходимо отметить, что архитектура в играх пока еще только бледное отражение своей реальной матери-матери. Во многих играх это по-прежнему лишь серый задник, но дело явно идет к улучшению. Фотореалистичная графика позволяет рассмотреть виртуальный мир во всех подробностях. А если уж призвание игрового мира – усладить наше психологическое (эстетическое, эмоциональное, интеллектуальное и проч.) бытие, то совершенствование жизненного пространства неизбежно.

Дизайн... как много в этом слове...

История – это правда, которая становится ложью.
Миф – это ложь, которая становится правдой.
Жан Кокто

В 1957 году на I конгрессе Международной организации дизайнеров ICSID (International Council of Societies of Industrial Design) термин «design» был признан наилучшим для обозначения всей области деятельности, связанной с художественным конструированием промышленных изделий. Тем самым профессиональное сообщество сформулировало задачу понять, что такое дизайн. В 1964 году Томасом Мальдонадо было предложено и принято IV конгрессом ICSID определение: «Дизайн – это творческая деятельность, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешне черты изделия, но главным образом те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя. Дизайн стремится охватить все аспекты окружающей человека среды, которая обусловлена промышленным производством»¹. Однако это не внесло ясности: кроме приведенного выше определения, было предложено огромное число других, количество которых со временем только увеличивается.

Современная практика дает еще больше поводов для попытки выявить специфические качества этого вида деятельности. Так, русскоязычный поисковик «Google» на слово «дизайн» дает один миллиард двести тридцать миллионов ссылок, в том числе: футуро-дизайн, нейл-дизайн, мусорный дизайн, ленд-арт дизайн, бикини-дизайн, кустарный дизайн, сайнс-дизайн, фито-дизайн и т.д. При этом не очень понятно, что объединяет создание разнообразных и чрезвычайно нефункциональных композиций из акрила на ногтях (нейл-дизайн) и создание объектов из мусора (sustainable design), использование научных достижений в проектировании (сайнс-дизайн) и интимную стрижку (бикини-дизайн).

Столь широкое и разноплановое употребление термина вызывает очевидные проблемы как на концептуальном, так и на методологическом уровнях, поскольку «в ряде случаев предмет теоретической концепции оказывается хотя и в пределах сферы дизайна, но где-то на периферии, или же лишь частично захватывает профессиональное ядро»². Стремление назвать дизайном явления социальной и культурной деятельности, которые имеют собственное инвариантное смысловое наполнение, только усугубляет эти проблемы, приводя к разворованию смысла понятия «дизайн»: ведь смысл изменяется в зависимости от того, в каком контексте используется термин. Контекст определяет имплицитное содержание дефиниции, вызывая при этом определенный кризис идентичности и в профессиональном сообществе, и в восприятии массовой аудитории.

Кажущаяся легкость работы в разнообразных программах компьютерного моделирования и графики при стремительных процессах компьютеризации всех сфер человеческой жизни размывает грани между профессиональной и любительской работой. Широкое многообразие технологий, материалов, проектных концептов и задач требует от дизайнера широкого диапазона навыков. Он достаточно часто выступает и как художник, и как проектировщик, и как менеджер, и как рекламист, и как конструктор, и как технолог, и как психолог, и как социолог: «Дизайнер вслушивается в мир, в шум отовсюду поступающих сообщений, обрывков разговоров, наконец, просто звуков с тем, чтобы задать звучанию вещей определенную интонацию»³. Однако терминологическая размытость, содержательная неадекватность порождает проблемы в методологии дизайн-деятельности, что приводит подчас к плачевным результатам на практике. Почему «слово «дизайн» стало встречаться так часто, что сделалось почти бессодер-

жательным и связанным»⁴? Как случилось, что «дизайн» трактуется предельно расширительно и далеко выходит за рамки обозначения деятельности художника по решению задач промышленного производства⁵? Эти вопросы являются наиболее важными и широко дискутируемыми.

Попытки выяснить действительную природу понятия «дизайн», анализируя посвященную ему литературу, наталкиваются на довольно большие сложности: «дизайн» трактуется как форма проектной деятельности в рамках проектной культуры⁶; при этом условия функционирования дизайна и его содержание рассматриваются параллельно, а не в пересечении с социокультурной средой его функционирования⁷.

Тем не менее пример с поиском в «Google», приведенный в начале нашего изложения, показывает, что «дизайн» глубоко и широко интегрирован в современное социокультурное поле. При этом в качестве его основного атрибута выступает процессуальный характер актуализации формы, реализуемый как преобразование в области предметно-пространственного преобразования среды, в области морфологии социокультурных и производственных процессов.

Понятно, что каждая область материальной и духовной деятельности характеризуется не только общей направленностью процесса развития всей системы, но и обусловленными этим развитием методами и приемами формализующей деятельности. Однако дизайн для достижения желаемого результата может вторгаться во многие области, что серьезно затрудняет поиск и вербализацию общего концепта и методологии дизайн-деятельности. Более того, появление новых явлений в социальной и культурной действительности приводит к появлению как новых видов дизайн-деятельности, так и новых подходов к самому дизайну.

Дизайн в современном мире стал не только инструментом или технологией изменения предметно-пространственной среды, но и своеобразным трансформатором социальных отношений, направляя свои усилия в область институционализации и продуцирования культурных мифов и кенотипов.

Дизайн в начале XXI века обладает «культуротворяющей энергией» (термин Арнольда Гелена), он превратился в фактор, определяющий современное состояние культурного поля социума как искусственным обработанного человеком и приспособленного к нему мира. Вектор приложения этой энергии на протяжении истории человечества изменялся под влиянием присущей человеку деятельной активности – от модификации предметно-пространственной среды к мифотворчеству, как метко определял Э. Кассирер, человек – это не столько Homo sapiens – человек разумный, сколько Homo symbolicum – человек символический⁸.

В таком ракурсе современное научное сообщество стало рассматривать дизайн не очень давно. Однако эти исследования касаются по большей части результатов деятельности, актуализирующих принципы отношений человека и вещи. Между тем современная практика показывает, что дизайн давно трансформировался из художественно-инженерной деятельности в деятельность, направленную на достижение успеха (коммерческого в том числе), что достигается включением в трансформирующие усилия дизайнера дополнительных символических качеств.

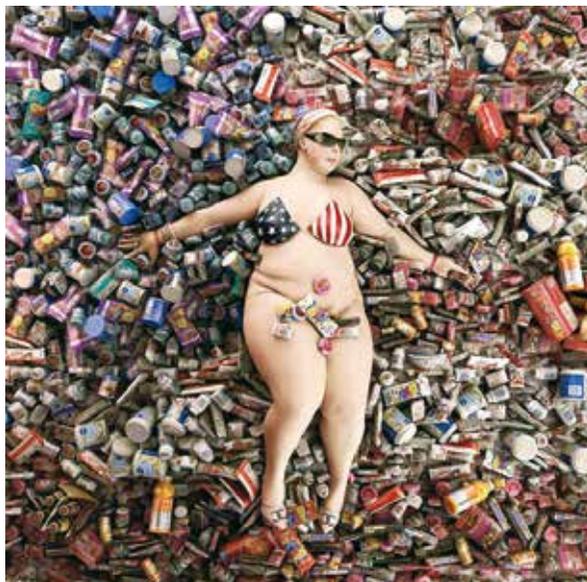

текст
Андрей Шолохов

1. См.: Краткая стенограмма семинара в Брюгге. М.: ВНИИТЭ, 1964.
2. Хан-Магомедов С.О. К проблеме специфики дизайна. Эстетические проблемы дизайна. М.: ВНИИТЭ, 1978. С. 86.
3. Лола Г.Н. Дизайн. Опыт метафизической транскрипции. М.: МГУ, 1998. С. 41.
4. Аронов В.Р. Предисловие к книге: Михайлов С.М., Михайлова А.С. Основы дизайна. Казань: Дизайн-квартал, 2008. С. 10.
5. См.: Глазьев В.Л. Дизайн как он есть. М.: Европа, 2006.
6. См.: Сидоренко В.Ф. Эстетика проектного творчества. М.: ВНИИТЭ, 2007.
7. См.: Глазьев В.Л. Дизайн как он есть. М.: Европа, 2006.
8. См.: Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: СПб.: Университетская книга, 2002.

Близкое к идеальному решение функциональной задачи приводит к созданию идеальной формы ее воплощения. Подобные примеры встречаются достаточно часто: американские «Шаттлы» и российский «Буран», болиды «Формулы-1», а также обыкновенные ложки, которые за всю историю человечества практически не изменились. В случае, когда задача заключается в создании идеального воплощения некоей функции, она решается средствами научного и инженерного инструментария, без какой либо «дизайнерской» специфической проработки

Дизайнеры против культуры потребления (октябрь 2009 года, по материалам сайта: www.omnibusdesign.ru)

Коммерческая функция дизайна потребовала придать товару добавочный смысл, увеличивающий его ценность. Суть коммерческого подхода в том, чтобы, вложив в производство продукта как можно меньше, продать его как можно дороже. Дизайн стал той технологией, тем «магическим средством»⁹, которое позволяло минимизировать затраты на увеличение номенклатуры продаваемых изделий и достигнуть коммерческого успеха через придание символического значения не столько предмету, сколько самому «дизайну» как атрибуту престижа.

В современном мире оказывается совершенно не важно, насколько предлагаемые потребителю вещи или услуги красивы или функциональны. Важно, как это предложение оформлено, какая история создана вокруг его. В этом смысле присвоение вещи статуса «дизайнерской» создает необходимый флер престижа, избранности. Дизайн становится таким мифом потребления. Обладая «дизайнерской» вещью, покупатель получает возможность подтвердить свой статус в глазах окружающих, показать свою как бы принадлежность к некоей элите.

Сравните цену абсолютно не функциональной, но абсолютно «дизайнерской» соковыжималки Филиппа Старка и любой другой. Способность «дизайна» для извлечения дополнительной прибыли превращает обычные предметы в культовые и есть основной критерий его состоятельности. Естественно, дизайнеры были не первыми, кто использовал мифологизацию как проектный принцип.

Первым ее продемонстрировал Марсель Дюшан, который писал в 1962 году: «Я швырнул им в лицо полку с писсуаром, и теперь они восхищаются их эстетическим совершенством». Реди-мейды Дюшана продемонстрировали, что художественные качества произведения не имеют никакого значения; важно то, насколько мощный миф вокруг него создан.

Эта идея получила свое логическое завершение в дизайне, поскольку мифологизация, как концепт, затронула не только результат деятельности дизайнера, но и самого дизайнера. Само понятие «дизайн» стало мифологическим концептом, который как в теории, так и на практике повлек за собой необходимость адекватного изменения средств проектирования, направив их на сам процесс актуализации.

Однако, как писал Р. Барт, «мифические концепты лишены всякой устойчивости: они могут создаваться, изменяться, разрушаться и исчезать совсем»¹⁰. Поэтому дизайн занимает положение транслятора и модификатора товарно-денежных отношений в современном социуме, выступая фактически как статусный идентификатор в парадигмальном поле коллективной идентичности. Другими словами, обладание дизайнерской вещью, наличие в названии технологии, профессии или предмета слова «дизайн» придает им дополнительные коммерческие предпочтения.

Собственно, потребность обозначить эту сферу деятельности возникла именно тогда, когда возникли реальные сложности в сбыте товара. Пронесшиеся по миру разнообразные социальные и технические революции создали условия для резкого увеличения промышленного производства.

Тогда же возникает и потребность в персонализации товара, поскольку разные производители не могут выпускать товары, выглядящие одинаково. Появляется необходимость в «дизайне». Собственно, таким образом «дизайн» актуализировался как проектная практика.

В США с укоренившимся там прагматизмом «дизайн» и «стайлинг» к середине XX века были полными синонимами; дизайн трактовался изначально как технология сбыта. В Европе же под влиянием Готфрида Земпера, Уильяма Морриса, художественной группы «Стиль» (нидерл. De Stijl), функционализма «дизайн» — это скорее технология социальных преобразований через художественно оформленную предметно-пространственную среду. Понятно, что такая трактовка была довольно утопичной и, как всякая утопия, очень далекой от действительности. Примером могут являться широко известные и практически сами превратившиеся в своеобразный миф коммерчески ангажированный «Веркбунд», элитарный по своей сути Баухауз, идеологизированный ВХУТЕМАС.

Однако европейский опыт позволил интегрировать «дизайн» в художественный контекст. Собственно, достигшую наибольшего накала к середине XX века дискуссию, является ли дизайн формой искусства или нет, можно расценивать как великолепный PR-ход (выражаясь современным языком), который позволил мифологизировать известные ранее виды прикладной деятельности в области предметно-пространственной среды.

«Дизайн» фактически монополизировал идею проектного принципа формообразования, суть которого — польза, прочность, красота — была сформулирована еще Витрувием. При этом красота трактовалась как красота, понятная массовой аудитории, легитимность которой должна быть подтверждена и профессиональным сообществом. Для этого учреждаются разнообразные знаки и звания. Например, знак «Gute Form», многие годы использующийся в Швейцарии и Германии (после одноименной выставки в 1949 году организованной Максом Биллом в Базеле и Ульме), «Bel Design» (красивый дизайн) — в Италии, Good Design (хороший дизайн) — в США, Contemporary Style (современный стиль) — в Великобритании и т.д. В конечном итоге эти статусные по своей сути атрибуты выполняют роль дополнительного маркетингового средства.

А.Н. Туполев, знаменитый авиаинженер, говорил, что «красивые самолеты хорошо летают», имея в виду тождественность красоты и функционального совершенства вещи. В области предметного производства всегда существовала интуитивная связь между идеально-утилитарным и эстетическим, функцией и образом.

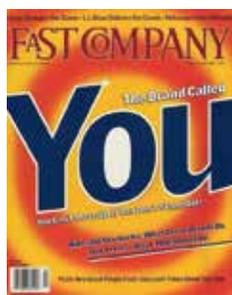
Идеальное или близкое к нему решение функциональной задачи приводит к созданию идеальной формы ее воплощения. При этом форма всегда содержит в себе и эстетический образ; соответственно, идеальные автомобили, самолеты, стулья и т.д. должны быть абсолютно одинаковыми и красивыми.

Этот пример актуализирует одно действительно важное свойство дизайна, возможно, претендующее на онтологический статус — функцию присвоения, адаптации и институционализации разнообразных форм художественной, социальной, культурной деятельности. Выступая своеобразным фреймом, рамкой, отсекающей лишнее с точки зрения коммерческого эффекта, «дизайн» придает новым явлениям и ранее известным практикам мифологический статус через символическую интерпретацию себя.

Таким образом, дизайн — это лишь мифологический признак вещи, созданный методами и средствами искусства, являющийся, прежде всего, средством увеличения спроса на промышленную продукцию, средством завоевания потребителя. При этом конкретные способы реализации задач имеют уже минимальное значение. «Дизайн» приобретает качества надкультурного невербального языка общества всеобщего потребления, воспринимая свои проектные задачи как социально-эстетические.

На обложке Fast Company (август-сентябрь 1997 года) надпись «Бренд — это Вы» на фоне легко узнаваемой пачки порошка Tide. В номере — статья Тома Петерса (Tom Peters). Он пишет, что люди могут позиционировать себя как бренд для того, чтобы выделиться и развиваться в профессиональном плане (по материалам сайта: skiv.hiblogger.net)

Банка супа «Campbel» получила мировую известность как арт-объект эпохи поп-арта, символ эпохи массового потребления, став источником вдохновения для серии работ художника Энди Уорхола. На обложке Esquire в мае 1969 года он тонет в банке томатного супа. Обложка символизировала собой упадок эпохи поп-арта (по материалам сайта: skiv.hiblogger.net)

Его знаковая семантика «рождается из знаковой семантики бытовых вещей и выражает идеи времени на языке массовой повседневности»¹¹. При этом прагматика языка дизайна является формой маркетинга, его синтаксис берет начало в техническом проектировании, семантика заимствована из художественного дискурса. «Дизайн» как символ престижного потребления является катализатором глобализационных процессов современного социума, за счет своей принципиальной «всеядности» нивелируя национальную идентичность до аморфного состояния всеобщего масскульта.

Обращение к массовому сознанию и массовой культуре через мифологизацию самой дефиниции становится для современного дизайна основным проектным концептом.

Э. Кассирер утверждает, что символы можно только истолковать, познать их нельзя. Придавая понятию «дизайн» символический смысл, становится возможным рассмотреть его в более широком контексте. Дизайн, в своем стремлении приобрести дополнительные предпочтения, пытается занять место изобразительного искусства в массовом сознании,

что вступает в противоречие с его изначальным концептом. Преодоление этой имманентной по своей сути проблемы по существу превращает проектные технологии дизайна скорее в технологии маркетинга, психологии и социологии, нежели художественной и инженерно-конструкторской практики.

Дизайн, сублимируя в себе эти технологии, практически исчезает как проектная практика, превращаясь в одну из технологий продвижения. Это позволяет ему выполнять двойную роль – увеличивать рынки сбыта и повышать собственный статус как «магического» средства достижения безусловного коммерческого успеха. Тем самым актуализируется нелегкая проблема поиска компромисса между эстетическими представлениями художника и эстетическими представлениями массового потребителя, колебаниями его вкуса, модой.

Таким образом, можно говорить о том, что в историческом развитии «дизайн» трансформировался от художественно-проектной практики до чувственно-конкретной персонификации престижного потребления, по существу растеряв свои родовые признаки во время этого процесса.

9. См.: Глазычев В.Л. Дизайн как он есть. М.: Европа, 2006.

10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 86.

11. Жердев Е.В.

Художественное осмысление объекта дизайна. М.: Аутоплан, 1993. С. 60.

Разговор урбаниста и дизайнера о границах архитектуры и дизайна

В октябре 2009 года в Иркутске прошли Дни архитектуры. Специалист в области городского менеджмента Андрей Иванов прочел в Центре независимых исследований и образования (ЦНСИО) лекцию о проблемах сохранения деревянной застройки как элемента городской жизни. После его обсуждения состоялась беседа Андрея Иванова и иркутского дизайнера Андрея Шолохова.

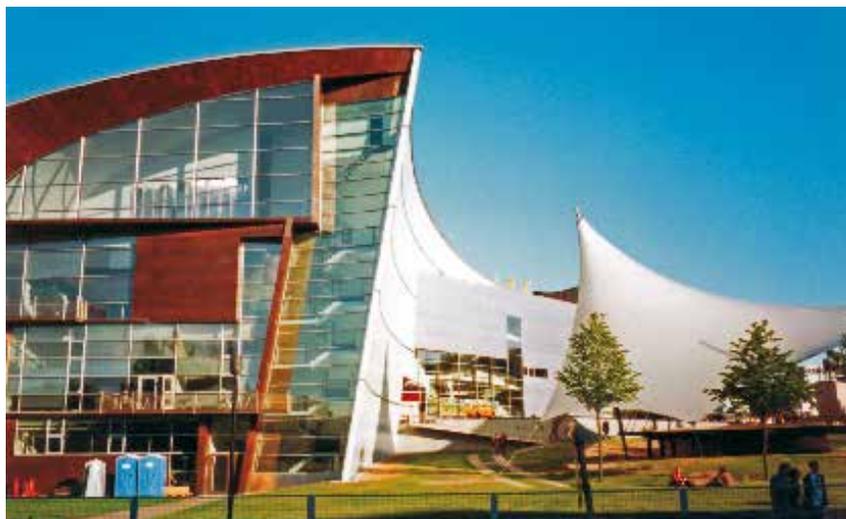
АНДРЕЙ ШОЛОХОВ

Тема нашего номера – «Дизайн и архитектура». В связи

с этим я хотел бы задать наивный вопрос: что вы считаете архитектурой?

АНДРЕЙ ИВАНОВ

Мне трудно отвечать, потому что в последнее время я считаю себя не архитектором, а градостроителем или урбанистом. По образованию я архитектор, но всю жизнь занимался градостроительством в том или ином виде. Наконец, в 2005 году я защитил диплом магистра городского менеджмента и развития в голландском институте IHS. И теперь я урбанист дипломированный – таких пока у нас не очень много. Я буду говорить

Археологический музей
(укрытие для римских руин),
г. Хур, Швейцария. Арх.
Петер Цумтор. Фрагмент.
Фото Г. Ивановой, 2008

банальные вещи. Архитектура занимается организацией человеческого пространства, пространства человеческой жизнедеятельности.

АШ

А чем тогда занимается дизайн?

АИ

И дизайн вроде бы занимается тем же самым, но в меньшем масштабе.

АШ

Вернемся к теме вашей лекции. Что такое по сути своей реставрация? Это воссоздание некоей формы, того пространства, которое было уже создано давно. Сейчас речь идет о создании, воспроизведении новой формы. Не есть ли это предмет дизайна?

АИ

Внутренне я все же не согласен, что дизайн – то же самое, что архитектура, а тем более, градостроительство. Наверное, у него какой-то другой предмет. Я понимаю его как некое дополнение к архитектуре. Тоже организация пространства, но...

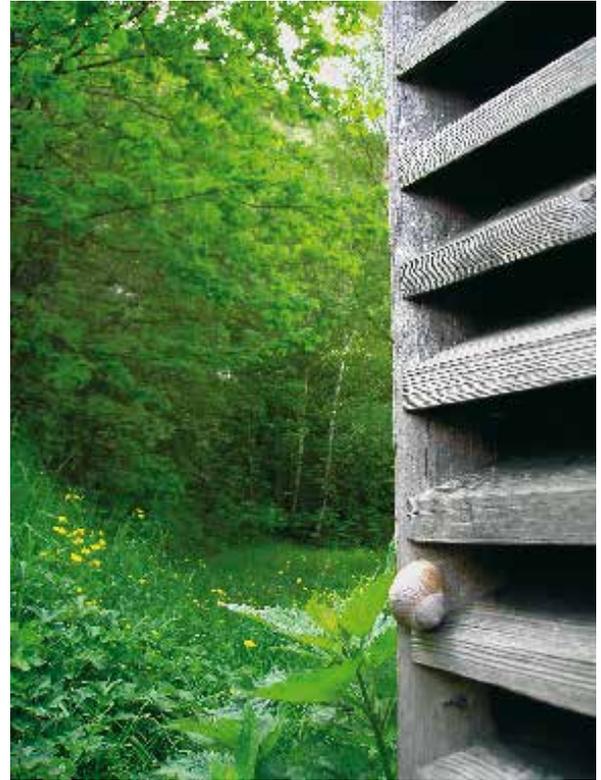
АШ

...Прилагается к архитектуре. Дизайн – вещь прилагательная...

АИ

Да, наверное, так.

Площадь у Троицкой
церкви, Копенгаген.
Благоустройство и дизайн
– арх. Ингер и Йоханнес
Экшнеры, ландшафт. арх. С.-И.
Андерссон, 1985. Фото А.
Иванова, 2005

АШ

А современная архитектура – это дизайн или архитектура?

АИ

Для меня имеет смысл говорить только о хорошей современной архитектуре – тогда это архитектура. Например, здания Петера Цумтора. Там есть философия, размышление о человеческой жизни.

АШ

А Норман Фостер?

АИ

И у Фостера в лучших проектах – тоже архитектура. Правда, она другая. Сложное, умное здание. Она не проста: она экологически устроена, тщательно продумана, в ней предусмотрена естественная вентиляция и т.д. Но не хотелось бы, чтобы из моих слов выходило, что архитектура – это что-то хорошее, а дизайн – что-то неважное, второстепенное. Для меня хорошая архитектура – просто больше, чем дизайн.

АШ

Это сложное сооружение в исторической среде.

АИ

Я видел, например, музей Kiasma Стивена Холла в Хельсинки – вот это хорошая архитектура в полном смысле. Она прекрасно встроена в город, очень точно фиксирует важнейшую городскую точку, которая до этого была не зафиксирована и не обработана. Это здание, которое сработано на город. При этом отлично выполняет свою функцию музея и привлекает людей, вовлекает их в сложное пространство, побуждая к современному восприятию мира.

АШ

Я делаю вывод, что, по-вашему, архитектура – это то, что работает с пространством, то, что формирует пространство, формирует социальные связи, что ориентировано на создание системы пространственно-временных координат. И мы уже договорились, что архитектура – стержень, к которому что-то прилагается. Каким образом и где к этому стержню присоединяется дизайн?

АИ

Вот раковины или светильники в «Киазме». Их тоже делал Холл. Но здесь он работал, как дизайнер для своего

собственного здания. Он придумал архитектуру, а детали интерьера в принципе мог бы делать кто-то другой. Но так как он специалист универсальный и всесторонне талантливый, то создал для этого здания собственный правильный дизайн. Дизайн – не только предметное наполнение: там, например, особая игра со светом во всем.

АШ

Получается, что архитектура работает с пространством, дизайн – то, что работает с предметом конкретно...

АИ

...И помогает работать с пространством. Там свет сделан так, что он помогает понять своеобразие и логику архитектуры. Он правильно ее дополняет. Казалось бы, светильники – вещь нейтральная. А тут они становятся частью архитектуры. Дизайн – часть архитектуры, это уже, но очень важно.

АШ

Вернемся к городу. Общеизвестно, что существуют три подхода к архитектуре в городском контексте. Первый – архитектура входит в городской контекст на отношениях «нюансных». Второй – они взаимодействуют по принципу контраста. Третий – это то, что происходит повсеместно: игнорирование, при котором для архитектуры контекста как бы и не существует. Нас интересует третий, наиболее экстремальный и широко распространенный вариант. В этом случае дизайн может быть своеобразным посредником, который приведет архитектуру в более-менее гармоничные отношения с контекстом. Можно ли представить такой вариант?

АИ

Да, конечно, можно.

АШ

А если посмотреть на зарубежный опыт?

АИ

Наверняка, такие примеры есть. Но чтобы понять, сравнить, как было и что изменилось с помощью дизайна в городской среде, как именно удалось повысить качество места, надо там жить. Мы же чаще всего видим у них лишь результат.

АШ

Это может стать позитивным направлением исследования. Например, так называемая городская мебель.

АИ

Я должен вспомнить. Скамейки и мощение на площади перед Круглой башней и Троицкой церковью в Копенгагене. Это сделал очень тонкий датский архитектор Йоханнес Экшнер (Johannes Exner), мне посчастливилось с ним немного общаться. Это мудрец, философ, знающий о жизни больше нас, и это знание ему удается передать в его работах. Скамейки из старых плит со «звериным» орнаментом, взятых с балюстрады церкви при ее реставрации – один из самых поэтичных примеров городского дизайна, которые я видел.

Или вот «Дыра в земле» в Роттердаме, где я жил, подолгу бродил по центру и потому только ее и нашел. Это такой стеклянный люк с экраном внутри, где видно то, что происходит у антиподов в Австралии.

АШ

Я вообще считаю, что дизайн в его нынешнем понимании, как форма предметной деятельности, по большому счету не существует. Есть архитектура малых форм, например. Даже городская мебель проектируется по архитектурным законам. Существует графический дизайн, который функционирует по законам изобразительного искусства. И так далее. Но как существует понятие, можно все-таки попытаться его определить. Мне кажется, что это не проектная деятельность, а скорее форма мышления. И тогда становится понятным, например, термин «административный дизайн». Но тогда в чем заключается это мышление? Архитектор – человек, который получил классическое образование и усвоил определенную форму мышления. А что такое дизайнер? Какая у него форма

Интерактивный проект «Дыра в Земле», Роттердам. Дизайнер Маки Уэда (Япония). Фото А. Иванова, 2004

мышления? Ведь в дизайне могут появляться такие вещи, как китч 60–70-х годов, в котором форма вещи совершенно не связана с ее содержанием. Или, например, знаменитая выжималка для апельсинов Филиппа Старка, которой невозможно пользоваться. Какое это мышление? Вот вопрос.

АИ

Честно говоря, я никогда не задумывался над такими вещами, потому что я архитектор, сконцентрированный в основном на городе. В мире столько интересного, и невозможно думать обо всем.

АШ

Думаю, в вашей последней фразе и есть весь смысл. В нем проявляется некий снобизм архитекторов по отношению к дизайнерам.

АИ

Я согласен, некий снобизм есть.

В рамках Международного дня архитектуры, 5 октября 2009 года, Балтийский архитектурный центр и яхт-центр «Andrejosta» на территории яхт-клуба открыли созданную по проекту знаменитого российского архитектора Тотана Кузембаева портовую скамейку.

текст
Балтийский
архитектурный центр

5 октября на территории рижского яхт-центра «Андрейоста» состоялось открытие портовой скамейки, созданной известным российским архитектором Тотаном Кузембаевым. Металлические детали технической сложной конструкции скамейки-винт изготовлены латвийским производством «ENT dizains», деревянные части скамейки также изготовлены в Латвии, компанией «AGF Pluss».

Скамейка¹ послужит символом сотрудничества между архитекторами, дизайнерами и, конечно, яхт-клубами Латвии и стран СНГ, которое началось благодаря успешно состоявшемуся в конце августа первому международному фестивалю архитектуры, дизайна и яхт Baltic Breeze. Аналогичную скамейку планируется разместить в престижном подмосковном яхт-клубе «Пирогово». В мероприятии в Андрейосте приняли участие Янис Дрипе, главный архитектор города Риги; Виктор Логвинов, президент Союза московских архитекторов; Александр Корбут, председатель Белорусского союза архитекторов; председатель Союза архитекторов Литвы Линас Науйокайтис и другие.

Отметим, что автором застройки самого комплекса яхт-клуба «Пирогово» также является Тотан Кузембаев, награж-

денный за одно из зданий комплекса престижной международной премией в области архитектуры Dedalo Minosse. В рамках фестиваля Baltic Breeze в Рижской думе была также открыта персональная выставка работ Тотана Кузембаева.

Замысел о размещении портовой скамейки в Андрейосте появился еще в ходе разработки программы фестиваля Baltic Breeze и проходившего в рамках фестиваля дизайнерского конкурса на создание лучшего проекта портовой скамейки. Целью конкурса было привлечь внимание общественности и производителей к роли дизайнера в развитии прибрежных территорий, а также его значению для привлечения туристов и создания узнаваемости конкретного места.

В ходе мероприятия была достигнута договоренность о проведении в 2010 году следующего фестиваля Baltic Breeze не только в Риге, но и в российском городе-курорте Анапе. Как и в этом году, в рамках международного фестиваля, посвященного развитию прибрежных территорий, пройдут круглые столы и конференции с участием ведущих архитекторов, дизайнеров, представителей городских администраций и специалистов градопланирования, конкурсы для дизайнеров и архитекторов, а также масштабная яхтенная регата.

1. См. статью Андрея Иванова в главной теме этого номера ПБ.

Разговор с Тотаном Кузембаевым о дизайне и архитектуре на (и о) его скамейке в рижском яхт-клубе «Андрейоста»

текст
Андрей Иванов

АНДРЕЙ ИВАНОВ

Тотан, есть такой журнал в Иркутске – «Проект Байкал», и тема их следующего номера – «Дизайн vs архитектура», представляешь?

ТОТАН КУЗЕМБАЕВ (Уважительно.)

Да?

АИ

Лично для меня эта тема очень сложная. Меня там, в Иркутске, спрашивали недавно: что такое дизайн, как он соотносится с архитектурой. Я сказал, что могу только о городе рассказывать. А вот тебе, наверное, проще будет, ты же постоянно работаешь на грани, переходишь из одной из этих сфер в другую...

ТК

Вот поэтому я хочу сказать сразу: архитектура – это продолжение дизайна.

АИ

То есть дизайн первичен?

ТК

Дизайн первичен, потому что он малозатратный. Поэтому в нем эксперимента больше. Архитектура – очень емкое дело в денежном отношении. Чтобы реализовать проект, посмотреть, получится – не получится, оправдается ли идея, нужны миллионы. А дизайнерский образец стоит гораздо меньше.

АИ

Но все-таки, смотри: маленький дом, о-очень маленький дом – это что: дизайн или архитектура?

ТК

Это архитектура.

АИ

Все-таки архитектура?

ТК

Конечно. Я понимаю дизайн как предметный дизайн – аксессуары, мебель, интерьерные вещи. А архитектура – это организация пространства. Не важно, маленький или большой дом, все равно тут ты работаешь с пространством.

АИ

Хорошо, архитектура – это организация пространства. А дизайн – это организация чего?

ТК

Ну я же сказал: дизайн предметен, это больше похоже на скульптуру, эргономика, и т.д. Удобна вещь или не удобна, как она воспринимается снаружи. Архитектура же воспринимается изнутри. Ты можешь в ней ходить, говорить... А дизайн ты потребляешь, это более утилитарные вещи.

АИ

Ну а можно ли тогда обойтись без дизайна? Вот ты, когда проектируешь дом, ты ведь как архитектор можешь вообще ни о каком дизайне не думать. Или нет?

ТК

Ну да, можно обойтись без дизайна. Наверное, скучно будет, но обойтись можно. Но можно обойтись и без архитектуры. Понимаешь, все о чем я говорил, дизайн там, мебель, компьютеры, телевизоры – они ведь как дополнение живут. Такая развлекательная часть. Для удобства – стулья, кровати...

АИ

Попытаюсь тогда вернуться: ты же говоришь, что дизайн первичен. Но как же он может быть первичен, если без него можно обойтись?

ТК

Нет, все-таки в отношении эксперимента, в смысле формотворчества – дизайн первичен. Там больше поиска, фантазии, больше пробников можно делать, и многие, наверное, согласятся попробовать выпустить стул, на котором нельзя будет сидеть. Стоить это будет ну тысячу долларов. А сделать дом, в котором жить нельзя, – тут уже задумаются, за миллион-то... просто ради эксперимента...

АИ

Но ты же проектировал дом, который качается, как кресло-качалка?

ТК

Так ведь его и не построили. Наверное, из-за того, что в нем было бы трудно жить, он и остался проектом... Это как раз и подтверждает мою мысль.

АИ

Давай теперь вспомним твою историю. Ты когда вообще-то узнал, что бывает дизайн?

ТК

Конечно, в институте.

АИ

То есть ты узнал про архитектуру раньше, чем про дизайн?

ТК

Да нет, и про архитектуру – в институте. Я когда пришел в МАрХИ поступать, вообще не знал, что такое архитектура.

АИ

Но все-таки ты же пришел именно в архитектурный институт?

ТК

Ну вообще-то я хотел художником стать. Но туда надо было принести натюрморт. А так как никто из моего окружения не знал, что такое натюрморт, и я не знал, а в архитектурном этого не было, то и поступил в архитектурный. Вроде бы там тоже надо рисовать, и в общем-то те же предметы, как мне тогда казалось... Но сначала я не понимал, что такое архитектор. Когда походил по коридорам и посмотрел на висящие по стенам проекты, и увидел там миллион линий, я пришел в ужас и понял, что никогда так не смогу. Это же невозможно запомнить. Мне казалось, что это связано скорее с наукой, что это такая высшая математика или физика, что надо учить какие-то законы, помнить формулы, а это я не любил.

АИ

Никакой красоты ты не увидел в этом?

ТК

Никакой. Я видел ужас в этих линиях. Мне казалось, это какая-то очень сложная наука. Но делать было нечего. Я уже пришел. Надо было попробовать. И вот только в процессе обучения я начал понимать, что это очень интересно. Уж точно интереснее, чем быть художником. А дизайн – я, наверное, курсе на втором, может быть, начал

Частный дом «Родовое гнездо». Подмосковье, 2002

узнавать, что это такое. Да ведь в России и не было дизайнеров, насколько я помню.

АИ

Был Институт технической эстетики.

ТК

Ну про это знал тогда мало кто. Я, например, не знал. А что такое «техническая эстетика», для моего ума тогда совсем непонятно было бы. Вот на втором или третьем курсе мне попала одна книга о дизайне автомобилей. Я ее рассматривал – там была очень красивая графика, мне страшно нравилась. Вот тогда начал понимать что-то про дизайн...

А все предметы советского дизайна, советского быта, – мне казалось, что там вообще не участвует никакой художник, да и вообще какой-то творческий человек. Это просто были сугубо утилитарные вещи, да ведь они так и выглядели.

АИ

А вот интересно, в детстве тебе встречались красивые вещи, которые ты ценил бы именно как красивые вещи? Чашка там, что-то другое. Были такие?

ТК

Да, я помню, очень красивым мне казался чайник, в котором заваривали чай, кумган.

АИ

Медный?

ТК

Да, были медные, а были еще из олова, что ли. И мне он казался очень красивым, изящным, очень нравился. Пиала тоже...

АИ

А юрта?

ТК

Ну юрта, понимаешь, какого-то эстетического наслаждения не доставляла. Только, может быть, потому, что она удобная... С точки зрения практики воспринималась. И когда мы жили уже в капитальных домах, мне казалось, что такой дом лучше, чем юрта, здесь удобнее, печку затопил, дыма нет...

АИ

Ну ваши капитальные дома, как я их представляю, были вообще вне эстетики, скорее, чисто утилитарны.

ТК

Да, очень утилитарны. Простые. Саманные стены, плоская кровля, маленькие окна. Покрашены белым внутри. Но зато там лежали красивые ковры, кошмы.

АИ

Мебель была?

ТК

Нет, мебели не было вообще. Сидели на полу, ковры, подушки разные. Вот они были сделаны из таких материалов красивых. Как понимали родители красоту. И я вспоминаю,

что эти вещи были очень скромные, неяркие. Вот сейчас, после приобретения независимости Казахстана, там начали надевать какие-то чапаны (халаты), украшенные желтым, сначала только по краям был яркий орнамент, потом он перешел на спину, а теперь уже весь покрыт таким орнаментом, как-то аляповато, по-моему, просто безвкусица.

Мне казалось, в моем детстве никто никого не обучал, но вещи – одежда, те самые кошмы, какие-то стеганые наряды – были очень изящные. Были орнаменты, но они были не яркие.

АИ

А кто же все это делал?

ТК

Сами делали, мама делала.

АИ

То есть в каждой семье делали свои вещи? Не покупали?

ТК

Понимаешь, не продавались они тогда.

АИ

А ковры?

ТК

И ковры вручную ткали.

АИ

Сами?

ТК

Да, ковры, кошмы вручную делали. Я даже в этом процессе участвовал. Сначала стригли овец, потом анилиновыми красителями красили шерсть в разные цвета. Сушили. Потом били такой палкой, чтобы она пушистой стала. Потом собирались женщины, раскладывали шерсть разных цветов в разные орнаменты, потом закручивали в такую циновку, заливали горячей водой и потом отдавали нам. И мы ее так пинали по степи, от аула до аула.

АИ

Вот этот рулон?

ТК

Да. Пойдешь в соседний аул к родственникам, там чай попьешь, потом обратно... И все – кошма готова.

АИ

Это дизайн!

ТК

Ну, это такой «народный дизайн». Но, понимаешь, они классные получались. Настолько свободные в рисунке, и цвета были такие умеренные, не яркие, благодаря анилиновым красителям.

Циновки тоже делали, с другими орнаментами, более геометричными. Я сам и циновки делал...

Помню, стояла такая штука с перекладной, через нее перекидывались вот эти циновки, они были привязаны к

Проект реконструкции центральных общественных пространств г. Зеленограда «Информационный город». Т.Кузембаев, И.Пищукевич, С.Коробов. 1988-1989. Башни информационного города

камням, и камыш через нее перекидывался, потом следующий камыш, потом веревки с камнями... (Процесс изготовления циновки остался для меня все же не очень ясен, обращайтесь к Тотану. – А. И.)

АИ

Это как-то повлияло на твоё творчество? Ты же потом делал такие плетеные картинки?

ТК

Конечно, повлияло. Как бы сказать... Это же, как с молоком матери, у тебя в памяти остается... Конечно, выплывает потом. И само воспитание. Родители заставляли работать, что-то делать... И вот осталось, что я очень люблю руками работать – больше, чем чертить. Руками быстрее получается.

Ну и еще были какие-то наклонности, наверное. Я помню, в детстве все время рисовал. Каких-то шайтанов, еще что-то. Все двери, стены были изрисованы дома.

АИ

Чем рисовал?

ТК

Карандашом. Такие были – химические. Все губы были зеленые – без конца рисовал.

АИ

Вот значит, откуда все берется.

ТК

Ну да, мне это нравилось. И не то чтобы родители говорили «будешь художником», они и не знали, что есть такая про-

фессия. Не мешали просто. Ну и в школе рисовал. Портреты друзей, портрет Ленина, портреты писателей для библиотеки. Стенгазету выпускал. У меня это как-то получалось, в отличие от других. Учителям просто надо было делать наглядную агитацию, а у меня получалось. И они не думали, что этим меня развивают, и я ни о чем таком не думал. Все получалось как-то естественно. Вообще по жизни, когда все естественно получается, это хорошо. Такой естественный отбор.

АИ

Первые твои вещи, которые были реализованы? В архитектуре, в дизайне. В Зеленограде, наверное?

ТК

Да, в Зеленограде. Делали проекты – МЖК, что-то еще. А одновременно заказ на интерьер магазина появился. Там был такой энтузиаст, председатель горисполкома, человек, равнодушный к своему городу. Все переживал, что Зеленоград похож на все остальные города, хотел что-то необычное сделать. И он сам по вечерам к нам в мастерскую приходил, разговаривал, смотрел, как мы конкурсы делали – я, Игорь Пищукевич, Сергей Коробов. И начал что-то реальное заказывать. Помнишь наш «Информационный город», – так информационную башню, кукольную башню даже начали изготавливать, представляешь? Но первый реализованный объект – пальмы в «Детском мире». Были поражены тогда работами Холляйна, с металлическими деревьями. Ну и мы попробовали такие сделать, спроектировали, придумали, как собирать, с использованием высоких секретных зеленоградских технологий. Стояли в натуральную пальмовую величину в

Лестница конного клуба.
Подмосковье, 2008

Гостевые дома («красные домики»). Курорт «Пирогово», Подмоскowie, 2003–2004

«Детском мире», тоненькие листочки от сквозняка колыхались, народ приходил в восторг...

АИ

Фото остались?

ТК

Если и остались, надо искать. Может, у Игоря...

А потом сделали бар. Барная стойка была такая: гора палочек, и на концах у каждой – лампочки горели...

Еще придумали латунные лампы с серпом и молотом как противовесом – можно было регулировать по высоте... Смешно было.

АИ

То есть первые реализации были – дизайн?

ТК

Ну да, как я говорил, они же менее затратны – поэтому.

Мы же тогда еще офисную мебель делали. Целую стенку сделали. Все в стиле супрематизма – круги, кресты. Тоже в одном экземпляре построили наши партнеры докеры (зеленоградская компьютерная фирма «ДОКА». – А.И.).

АИ

А вот если бы «Информационный город» все же реализовали, что бы это было? Архитектура? Дизайн? Там ведь были и элементы чистого дизайна, и городские элементы – аркады вдоль улиц, и т.д.

ТК

Там все было смешано. Дизайн смешан с архитектурой. Тогда, в конце 80-х, это было как-то модно. Если помнишь, многие архитекторы тогда проектировали всё сразу – от дома и до ключа. И мы попробовали. Было похоже на арт-нувошников, типа Морриса, или Отто Вагнера, который и дома, и обои, и одежду жене рисовал... И тогда казалось, что начался какой-то второй круг. Нам было это интересно, и мы тоже придумывали все – улицы, как градостроительную задачу,

потом перешли на объем, и дошли до предметного дизайна. Светильники, мебель и т.д. Значки даже. И графическим дизайном занимались тоже – придумывали слоганы, буклеты, плакаты... Все в одном флаконе. Такой комплексный подход.

АИ

Интегральный?

ТК

Да, сейчас говорят «интегральный», а тогда это называлось «комплексный подход». Я представляю, как сейчас было бы скучно это все. Если один человек придумал все от начала до конца – какая бы тоска была. Наверно, лучше, когда каждый занимается своим делом. Архитектор строит дома, а дизайнер делает мебель, аксессуары...

АИ

Но вы не могли строить дома...

ТК

Но тогда же мало кто этим занимался, Казались себе такими первооткрывателями. А на самом деле повторяли все ошибки, которые делали наши предшественники...

АИ

Ну а потом был период каминов, лестницы в «конюшне» у Александра Ежкова (давний заказчик Тотана. – А.И.)?

ТК

Да, период каминов... когда работы не было... Помнишь, мы же в начале 90-х долго работали как художники, большие картины делали, выставки за границей – «Время пирамид» и т.д. Спроса на архитектуру-то не было. Многие ушли в рекламу, многие – в торговлю, бизнес... Вот именно из нашего поколения – мало ведь в архитектуре осталось... Ну а мы – в чистое искусство... Сначала ничего, нравилось, а потом как-то тесно там стало... Ну если б там остаться, – может, и приспособился бы, как-то уже приглашали художники на свои тусовки, начинал вписываться...

Но тут пришел Игорь, сказал: давай вернемся в архитектуру, есть заказы, нужны рельефы, каминь. А я мог делать и то, и другое, и это – реальные деньги. Так и начал делать рельефы на каминьх...

АИ

Это был дизайн? Или оформительство? Или что?

ТК

Я не знаю, что это было. Это были части интерьеров. Все же скорее мы выступали как художники. Те каминьы ведь не дизайнерские – именно художественные. Мы придумывали, как состарить гипс, как из гипса сделать «камень»... Тогда во всех журналах каминьы были готовые, типовые. А мы начали делать необычные – а ля Пиранези, какие-то архитектурные фантазии, смешано со скульптурой, и еще состарено, выглядело как будто сто или двести лет назад сделано. Но и какой-то юмор в этом был. Были как бы классические рельефы, где древние римляне в тогах, но кто-то из них вдруг говорил по мобильнику. Заказчики когда замечали, возмущались: «Как? Тогда же не было такого?» А потом

смеялись, им тоже нравилось... Одной даме, помешанной на Египте, сделали огромный «египетский» рельеф, чуть ли не 10х5 м. А в конце она отказалась брать: один из ее консультантов сказал, что там могут быть тексты из «Книги мертвых». И она испугалась. Мы говорим: смотрите внимательно – это же не египетские знаки. У нас были нарисованы вилки, ложки, мобильники, ножницы вперемешку с иероглифами. Но общее впечатление было – Египет.

АИ

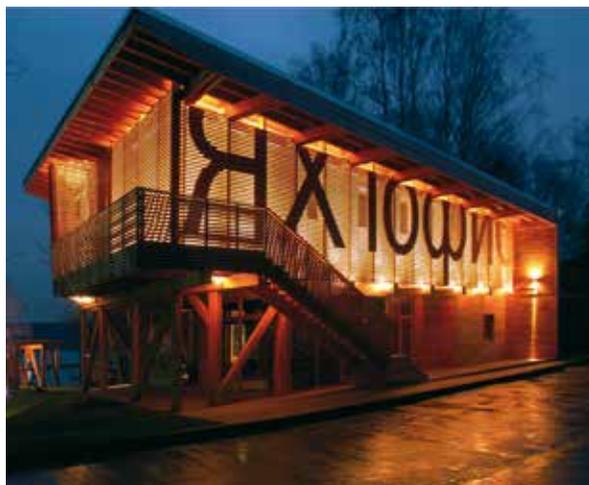
Но как только появилась возможность заниматься архитектурой, стал ею заниматься? И никакого дизайна?

ТК

Ну да, амбиции-то остались. Мечта осталась. Когда мне предложили сделать лестницу, так обрадовался. Наконец, хоть маленькая, но архитектурная задача, не декораторская. Долго придумывал, делал макет. Заказчик согласился, а когда сделали – восторгу не было предела. Хорошая вещь получилась. И я понял, что можно что-то сделать. Ну а дальше – я уже всем рассказывал – Ежков всякий раз приходил

Яхт-офис-2. Курорт «Пирогово», Подмосковье, 2006

и говорил: «Ну давай теперь сделаем что-то побольше». И делали: его дом («родовое гнездо») – там еще много «дизайна» было, я понимал это как такую скульптуру, смешанную с архитектурой. Там нужно было все деревья сохранить, и дом их все обходил, поэтому сложная форма, навесы дизайнерские... Потом пришел другой заказ, большой, на 100 га (бывший пансионат «Клязьминское водохранилище», сейчас курорт «Пирогово». – А.И.). И когда начал его делать, понял, что подход «от дизайна» или «от скульптуры» тут не годится, тут надо с архитектуры начинать. И перешли наконец на свой родной язык – начали работать с пространством. И это так захватило.

Хотя Ежков потом признался: «Я думал, ты будешь делать дома с колоннами, с лепниной... а мне-то тогда все равно было». Но когда получил проекты совсем в другом стиле, удивился, но согласился. Доверял. Тем более, когда начал получать отклики, хорошие... Ведь мы долгое время про Пирогово ничего не рассказывали, стеснялись, что ли. Ведь

Камины. Подмосковье, 1990-е годы

«красные домики» появились примерно тогда же, когда Брод (А. Бродский. – А.И.) свой ресторан («95 градусов») сделал. Про ресторан сразу все узнали, а про наши домики никто не знал же. Пока Е. Асс не сказал: «Давай покажем». Это же он пригласил меня на первую «Арх-Москву».

АИ

Так это Асс твои домики раскрутил? Я не знал... Молодец. Ну ладно, тут мы пропустим большой период твоего творчества и обратимся к скамейке в Риге. Как это все получилось?

ТК

Это Айвия Барда, директор Балтийского архитектурного центра. Она хотела проводить там разные конкурсы, семинары для молодежи. На какой-нибудь объект в Риге. Я сказал ей: «Ты проведешь конкурс, и останутся бумаги. Молодежь не сможет сделать большой объект хорошо за короткое время. Надо же чем-то заинтересовать. Поэтому надо сделать маленький конкурс – на городской дизайн. Лавочка, светильник. А тот, кто займет первое место, получит реализацию. Молодым интересно, с удовольствием сделают, будет стимул. Понравится и спонсорам – будет видимый результат. И город получит новый объект, который дополнит его ландшафт. Всем будет приятно». Айвии идея понравилась, и она сказала: «Так, как ты это предложил, то ты первый такой объект и сделаешь. Мы его построим, и это будет как заправка первого конкурса Baltic Breeze (первый Международный фестиваль архитектуры, дизайна и яхт Baltic Breeze – 2009, проходил с 22 по 26 августа в Риге. – А.И.). А в самом конкурсе будешь участвовать как член жюри».

АИ

Так на что же был конкурс?

ТК

Было три номинации – скамейка, барная стойка и яхт-клуб в Андрейоста – большой объект. За три дня приехавшие из разных стран молодые архитекторы все сделали. В основном проекты были сыроваты. Но вот парень-рижанин, занявший 1-е место по яхт-клубу, сделал вполне серьезный проект, его и построить можно. В ситуацию хорошо вписал, объем целостный, простой и какой-то убедительный.

По скамейке – тоже местные девушки – архитектор и ландшафтница – придумали интересно: скамейка из волн,

которые могут быть и зелеными, и деревянными, и из чего хочешь. Оказывается, Городская дума Риги выпустила указ, что на газоне сидеть нельзя. «Ну тогда мы сделаем скамейку из газона, на которой можно сидеть», сказали девушки. Отличная идея, по-моему.

А вот российские проекты – не очень. Девушки из Строгановки предложили пластиковые скамейки. Все уже борются за экологию, говорят, что пластик надоел, тошнит от него, не знают, куда от него деваться, все переходят на натуральные материалы, а наши почему-то из пластика. Какая-то в этом отсталость, даже обидно за Россию стало.

АИ

Но к конкурсу твою скамейку построить не успели?

ТК

Да, сделали только металлический каркас, подвел мастер по дереву: когда увидел проект, сказал, что за такое короткое время сделать это не сможет – не хочет спешить и делать халтуру. И делал на два месяца дольше. А я видел на месте только фундамент с закладными и металлический каркас.

АИ

А когда ты увидел фотографии готовой скамейки, как доволен?

ТК

Ну, что сказать... Были в проекте какие-то места интересные, которые они, может быть, не поняли...

Но подожди. Ты вот меня спрашивал о сильных впечатлениях детства. Еще одно было – это бескрайняя степь. Вот все говорят: море, море. Что там море, скучно же море. У нас степь была как море. До горизонта. И небо. Вот это на меня производило впечатление. Маки до горизонта...

АИ

Минимализм?

ТК

Да, настолько это мощно было, когда перед тобой до горизонта – красный цвет. И небо. Или ковыль, серебристый как вода. Перед тобой: ш-ш-ш-ш... Или еще звездное небо, настолько яркое... С белой полосой Млечного пути...

АИ

То есть ты любовался степью?

ТК

Да, любовался, на сто процентов. Я тогда не понимал, что такое «красиво». Но вот эта красота – это просто было безоговорочно. До сих пор у меня тоска по этой бескрайней степи...

АИ

А можешь ты добиться в своей работе такой же степени выразительности, как эта пара – степь и небо?

ТК

Хотелось бы... Хотя это, конечно, сложно. Масштабы разные...

АИ

Ну ладно, а что же в скамейке-то не понравилось? Что-то не так сделали?

ТК

Да нет, все понравилось. Единственное, там были такие дырки, круглые, в металле, в каркасе, а они туда поставили такие крышки деревянные. Показалось, не совсем уместно.

АИ

Зачем?

ТК

Не знаю зачем. Может, мастер не понял: проем воспринял как крышки. А должны были быть дырки, и должны были быть видны внутренние конструкции.

АИ

Может, чтобы мусор не бросали?

ТК

Может быть. Не знаю, почему он закрыл.

АИ

Но это же стоит в закрытом месте?

ТК

Да, это в яхт-клубе.

АИ

Там-то должны быть аккуратные люди.

ТК

Да. Но вот вроде в Риге думают, что, может быть, где-то в городе стоит ее поставить. Такая мысль у Айви как-то прозвучала.

АИ

Но яхт-клуб-то, наверное, не захочет отдавать ее?

ТК

Не знаю. Я же не знаю, чьи там деньги. Яхт-клуб-то перестраивают, куда ее девать?

АИ

Что-то на Домской площади я не представляю эту скамейку.

ТК

Ну не на Домской, может, в каком-то другом месте. Например, на набережной. Есть же у них такая большая набережная Даугавы, огромное пространство, народу много гуляет...

Дом-телескоп. Курорт «Пирогово», Подмосковье, 2004

Выставка-инсталляция
«Время пирамид».
Т. Кузембаев, И. Пищукевич.
Сингапур, 1992

АИ
На набережной хорошо, тема винта...
ТК
Да, там можно было бы поставить, там есть куда посмотреть. (Скамейка вращается. Усталый фланер может, не сходя с места, сделать круг и оглядеться, отталкиваясь ногой от земли. – А.И.) А есть и новый центр города, на другом берегу, тоже хорошее место. Я когда ее делал, представлял именно публичную набережную, вот как в Хельсинки, где яхты стоят, и там где-то вдалеке стоит такая скамейка, вот интересно было бы сидеть у этой марины и смотреть – на город, на море, вдоль берега... А когда увидел, что будет поставлена за забором и на такой маленькой площадке... Не совсем для нее место правильное...

АИ
А в Пирогово что будет? Там будет такая же скамейка?
ТК
В Пирогово – такая же. Айвия сказала, что раз они как бы провинились, не смогли вовремя сделать, то хотели бы искупить свою вину, сделать вторую такую же и поставить в Пирогово. С этой идеей она пришла к Ежкову. Он это воспринял с радостью и даже сказал, что готов заплатить, за перевозку, изготовление... Это будут такие побратимы-яхт-клубы – Андрейоста и Пироговский. Хороший знак? Хороший, добрый, мне кажется.

АИ
Да. Но в Пирогово на ней мало кто будет сидеть, по моему.

ТК
Почему? Когда тусовки, там много народу. На большой платформе перед рестораном, когда соревнования – развернул ее в сторону воды, а когда оркестр играет – в сторону ресторана.

АИ
Она морозоустойчива?

ТК
Понимаешь, вот это проблема. Когда мне Виктор Николаевич Логвинов (председатель СМА. – А.И.), который был на открытии уже готовой скамейки в Риге, звонил оттуда в октябре, он сказал: «Мы тут напряженно думаем, как ее зимой сохранить». Я-то как раз считал, пусть она стареет, ржавеет потихоньку – я же не знал, как она будет сделана, а она настолько сделана качественно, так отшлифована и покрыта, по-моему, яхтенным лаком. Это такая яхта стоит, что действительно, может, ее надо чем-то накрывать на зиму, не знаю...

АИ
А вот этот механизм, который крутится?

ТК
Мы сначала хотели заложить там какой-то электрический механизм, чтобы она так медленно постоянно крутилась. Потом поняли, что, наверное, не совсем это правильно, если кто-то рядом стоит, то может его шибануть. Надо иначе: человек, который на ней сидит, может сам легко ногой оттолкнуться

АИ
Как карусель?

ТК
Да. И мы заложили подшипники. А потом поняли, что с подшипниками, если ее раскрутить – а она где-то тонну весит, – то остановить ее будет невозможно. И мы сговорились с мастером, кто ее делал и тоже про это подумал, сделать без подшипников, чтобы нужно было какое-то усилие приложить для раскручивания. Ну и в итоге должны были сделать, чтобы она крутилась, но не легко. А когда я увидел фото готовой, то она и правда похожа на какую-то современную яхту, очень эргономична, эротична, такая скульптура на тему яхты получилась.

АИ
Ну вот это-то дизайн?

ТК
Да, это дизайн. Это чистый дизайн. Я уже говорил, дизайн – это когда внешнее пространство не входит внутрь. А в архитектуре внешнее и внутреннее пересекаются. Сейчас многие делают коробки, а потом навешивают на них какой-то декор. Это не здорово. Хороший, профессиональный архитектор делает не так: у него улица входит в дом, дом в улицу, и все еще вписано в ткань города органично.

АИ
А вот я представляю, что какая-нибудь Заха Хадид могла бы сделать такую форму в сто раз больше, и это уже был бы дом.
ТК
Да, когда я делал, тоже думал, что похоже на Хадид, ну и как теперь быть – не делать, что ли, из-за этого?

АИ
Ну тебя похожест на кого-то никогда не смущала...

ТК
Да. Мне кажется, что когда вещь сделана к месту, не придумана ради самой формы, если она не просто подражание, если форма вытекает из функции – ну тогда что же, раз так вытекла... Ну и что же – Заха Хадид, ну и что? Или когда Г. Ревзин написал, что наши деревянные дома – это реплики 20-летней давности домов зарубежных архитекторов (ссылка на рецензию на выставку российской деревянной архитектуры в МУАРе в октябре 2009 г. – А.И.), я просто возмутился. Ну что мы с Чуми содрали? Красный цвет, что ли? Кроме цвета, у наших объектов с Чуми ничего

общего. У Чуми очень много декоративных вещей, которые никакой функции не несут. У нас же – чисто функциональные вещи. А сказать, что красный цвет придумал Чуми?! Наши конструктивисты тоже многое в красный цвет красили. Или вот наш «Дом-телескоп» сравнивают с «Махоркой» Мельникова. Ты видел «Махорку»? Мы с Ю. Аввакумовым делали когда-то выставку – макет мельниковского павильона в Париже, а кто-то параллельно делал «Махорку», и это в макете – просто односкатный 3-этажный дом. И все. Там ничего больше нет: ни кривого угла, как у нас, ни выступающего цилиндра. У него-то круг просто нарисован.

АИ

С другой стороны, почетно, что тебя сравнивают с великими?

ТК

Но Ревзин-то говорит, что я повторил. Сказал бы, что я творчески переработал, – тогда ладно.

АИ

Ну давай вернемся к дизайну. Что бы еще из своих работ ты мог причислить к дизайну?

ТК

Делал одежду. Костюмы из кубиков деревянных, или из шахмат. Просто деревянный костюм. Из эпоксидки. Столы были, мебель. Светильники делал... да много еще. Шалмину подарил однажды гитару – он музыкой увлекался, и я сделал ему такую гитару – конторские счета с гитарным грифом. И получился очень актуальный инструмент – играешь на деньгах...

АИ

А вот этот приз для премии Building Award – металлический уровень. У тебя фото есть?

ТК

У меня он сам есть. Я же ведь его и получил, самый первый. Мы его придумали, и я же получил – первый образец, который сделан был правильно. После этого начали его штамповать, сейчас сделали упрощенный вариант, а у нас находится первый образец, который сделали точно по проекту.

АИ

Музейный экземпляр?

ТК

Ну можно и так назвать. Но здесь мы же ничего нового не придумали. Уровень – он же всегда был. Мы просто предложили сделать из этого награду. Идея премии была в чем: есть три составляющих – девелопер, строитель и архитектор. И когда они находят взаимопонимание, получается хороший результат. И знак должен был выражать эту идею. Вот мы и предложили уровень, у которого есть три показателя: вертикальный и два горизонтальных. Чтобы дом вышел правильным, они должны показывать ровно.

АИ

А за что тогда тебе дали премию?

ТК

За второй Яхт-офис. Тогда в жюри были большей частью иностранцы, и мы получили три премии – главную, за конструктив, и еще за что-то.

АИ

Тотан, а ты хоть какого-нибудь российского дизайнера знаешь вообще? Понятно, зарубежных мы знаем – Старк и т.д. А вот российский? Что-то я сейчас не могу даже вспомнить.

ТК

Ну, я могу вспомнить А. Ермолаева.

АИ

Но это такой специфический дизайн – на самом деле не дизайн, по-моему. Это ведь арт-объекты, то, что он

делает, да? Дизайн же все-таки должен воспроизводиться, наверное?

ТК

Ну да, предметный дизайн должен в серию входить...

АИ

Ну можно модельеров назвать, но это тоже другое, скорее, некий бизнес...

ТК

Нет, ну что-то я не могу вспомнить, может, просто не знаю хорошо...

АИ

Почему в России нет дизайнеров? Технологии плохие? Или думать не умеем?

ТК

Это опять же культура. Понятие дизайна вообще очень долго у нас отсутствовало. А теперь, когда мы отстали, многие люди, даже и производители, просто не понимают, что именно от дизайна может зависеть успешность бизнеса. Ему легче купить что-то итальянское или китайское, продать и не думать об этом. Не повезло российскому дизайну. Если не было советской архитектуры мирового уровня, то хоть что-то все-таки было. По необходимости – ты же не купишь готовый итальянский дом и не привезешь сюда. Это недвижимость. А дизайн – движимость – легче там купить, чем здесь пытаться делать. Ну и так как этой культуры не существовало, то что-то сделать сейчас очень трудно. Ведь ни заводов нет, ни людей, ни мастеров... Это же не просто кто-то на коленке придумал и один раз что-то сделал. Должна же быть целая индустрия, которая все это готовит, дорабатывает, и еще же должна быть коммерческая составляющая – правильные бизнес-планы, позиционирование товара, убеждение потребителя... Вот этого всего нет. А мы же привыкли, что мы – художники. Как учили нас в МАрХИ, а может быть, и в Строгановке так учат – главное придумать, ты же художник, ты не бизнесмен. А мне кажется, что западных дизайнеров учат не только придумывать, их учат бизнесу, как продать свой товар, как правильно представить, как организовать производство – они должны в совокупности изучить весь процесс.

АИ

Значит, архитектор может стать дизайнером или быть им иногда, вот как ты. А наоборот?

ТК

Да, может. Старк вот дома проектировал.

АИ

Но это все же реже бывает.

ТК

Но бывает. Карим Рашид тоже и интерьеры, и какие-то дома делает. Всегда же есть соблазн: если я дизайнер, почему я не могу архитектором быть? И архитектор тоже так считает – это ж легко. Ну у некоторых получается, у некоторых нет.

АИ

Просто границ на самом деле нет жестких.

ТК

Да, жестких нет. Потому что в одном случае внешняя организация пространства, а в другом – внутренняя... Сложнее, например, если ты архитектор-градостроитель – вот тогда найти себе применение в области дизайна труднее...

АИ

Ну что же, Тотан, спасибо тебе. От «Проекта Байкал».

А минут через сорок после окончания беседы Тотан позвонил и добавил: «Знаешь, в чем главное отличие: архитектор работает с пространством – с душой человека, а дизайнер с предметами – с телом».

Памятный знак премии ARX Award – металлический уровень. 2006

Репетиция на крыльце

текст и фото
Наталья Ушкова

Иркутск. Эпоха «культуры-два» оставила нам примеры уважительного и парадного отношения к крыльцу, даже когда входная группа совсем минимальна по объему

Крыльцо – ср. крылечко умалит. крылец м. вост. крыльчик, наружный вход в дом, лестница с пристроем, навесом, или по себе; каменная или дощатая площадка перед домом, со ступенями. Красное крыльцо, переднее, приемное, нарядное; а черное, заднее, с выходом на двор. Крылец крытый, на резных столбиках. Чесалась свинья и о боярские крыльца.

Не всякий гость к переднему крыльцу (в передний угол). Переднее крыльцо круто. Заднее крыльцо положе. Зайти с заднего крыльца, через хозяйку, с гостинцем. Крыльцовый, крылечный, до крыльца относящийся. Крыленка ж. пск. твер. ступенька крыльца, приступок. Крылечник м. крылечный сторож, служитель; швейцар. // Сев.-вост. горница, боковая комната, прируб к красной или богатой избе, кроме передней и задней избы.

В.И. Даль

Вот если окна здания традиционно сравнивают с глазами, то какая же метафора будет уместна для крыльца? Входная дверь похожа на рот, значит, крыльцо – это борода...

А у подъездов жилых домов обычно две двери (одна собственно в дом, а вторая в подвал). Такой вход больше смахивает на ноздри. Тут воображение охотно кивает сравнениями: действительно, бывает, что подъезды сопят, храпят, гундят, шмыгают, вздыхают, стонут и даже хмыкают. Входные зоны нередко покрыты... гм... прыщами, а сами подъездные козырьки весьма выразительны профилем: крючковые, обвислые, гордо-прямые, поросшие кустиками, блестящие оправой...

Да, сравнение крыльца с подбородком многое дает для удобства описания образа объекта: твердый, волевой, скошенный, побитый, небритый...

Но, шутки шутками, а если все-таки двигаться в глубь вопроса и продолжить аналогию входа и его атрибутов с другими, более сакральными отверстиями человеческого тела, то невольно проникаешься важностью и ответственностью, с которой стоит относиться к входной зоне. Ведь наше подсознание каждую дверь и каждый тоннель (в том числе подъезд, коридор) невольно отождествляет с тем потрясающим путешествием, которое каждый из нас уже совершил, – с актом рождения.

И еще эти символы (крыльцо, ступени, дверь, вход) будоражат в нас знание о путешествии, которое неизбежно предстоит каждому, – об умирании.

Поэтому, соответственно нашему личному опыту рождения и нашему уникальному представлению о смерти, есть входы и двери, которые мы обожаем, – они влекут, манят, зовут, они всегда желанны и волнующи. Есть лестницы, крылечки и двери, которые способны развеять самое черное настроение. Это волшебные врата, под сводами которых мрачные ожидания превращаются в светлые надежды. Сами линии и наклоны этих лестниц и дверей вселяют уверенность, что в мире есть любовь, здоровье, счастье, справедливость, наконец. Наверняка вы ощущали нечто подобное, поднимаясь по ступеням храма, университета, дворца или музея. А кое-кому повезло и на работу по такому крылечку ходить.

В чем секрет удачной входной зоны?

Ответ и прост и сложен, как все, что связано с душой человека: по-настоящему качественный вход содержит элемент тайны и уважения. Божественный секрет рождения и смерти не ждет разгадки от пытливого человеческого ума, он лишь требует признания и уважения. Каждый человек достоин

Москва, Южное Бутово.
Входная группа жилого дома
решена в ярко выраженной
стилистике мавзолея

Новосибирск. Фото из коллекции Натальи Ивановой.

Иркутск, район улицы Советской. Крыльцо из железных прутьев, вход в здание замаскирован рельефом фасада... Входная зона решена как нечто незначительное, мимо чего не грех и пробежать, не заметив

Крыльцо с претензией на эстетичность выглядит как заплатка на облупленном фасаде

Предельно облегченный вариант крыльца. Вход и Выход – это нечто несерьезное, изящное и невесомое. Что нам стоит умереть-родиться?

уважения уже тем фактом, что преодолел сакральные двери и вошел в мир. Наше рождение – чудо. А наша смерть – тайна.

Конечно, прагматичный труженик архитектурной нивы в праве задать вопрос: в каких же конкретно элементах конструкции содержится отражение чарующей одухотворенности, о которой пафосно толкует автор? И, знаете, мне есть что ответить.

Если проектировщик стремится именно к гармонии высших ценностей, желает сделать вход в здание чем-то значительным, чем-то настраивающим людей на волну порядка, правдивости, целостности и душевного покоя, можно использовать один простой принцип: входной зоне противопоказан хаос. То есть сочетание элементов конструкции и декора, не совпадающих стилистически между собой или с обликом здания в целом. Особенно актуально это требование для общественных зданий, функционально связанных с вопросами жизни, смерти и порядка, – для аптек, поликлиник, училищ, вокзалов, магазинов. Да-да, магазинов. А как вы думаете, беспорядки в магазине – это полезно?

Анализируя множество примеров современных входных зон, можно заметить именно отсутствие целостности решения. Даже типовые крылечки, по-быстрому приставленные к пролому в пятиэтажке, не дают примера стилистического единства и функциональной правдивости. Сочетание «богатых» материалов «под мрамор», «под бронзу», «под дикий камень» с крохотным объемом крыльца настраивает саркастически. Сочетание «парадно-дворцовых» конструкций с унылым фасадом типовой пятиэтажки, только что отметившей бриллиантовую свадьбу с первым и последним капремонтом, мягко говоря, не добавляет светлых мыслей в голову посетителя. О зверствах тех, кто врезает железо и пластик в живое старое дерево, даже говорить не стоит, – за такими отчаянными решениями стоит абсолютная убежденность в том, что завтра будет хуже, чем вчера.

Да, в повседневной жизни мы стараемся не думать о смерти, и о рождениях вспоминаем с трудом. Поэтому и большая часть входных зон – невнятные, нелепые, смазанные. Быстренько запеленали... Быстренько закопали... Колесо воплощений крутится все быстрее, увлекая участников этой круговерти сменой событий и впечатлений. Похоже, современный человек действительно надеется «проскочить» собственную смерть по ходу дела, до обеда в воскресенье. В его ежедневнике уже есть соответствующие записи: «воскресенье: умереть» и «понедельник: родиться». Люди не уделяют времени, чтобы порадоваться рождению ребенка. Модные журналы с восторгом рассказывают о знаменитых мамах и папах, которые через несколько недель, а

то и дней уже живут и трудятся, как будто ничего не случилось. Ах, знаменитая балерина поехала-таки на гастроли через три недели после рождения сына! Ах, деловая леди, руководитель корпорации, отложила на несколько часов кесарево сечение, чтобы закончить важную сделку! Ах, известные путешественники уже лезут на Эверест с месячной дочкой в рюкзаке!

И еще люди не уделяют времени своему горю. Мы не знаем, что сказать человеку, у которого случилось несчастье. Единственное утешение, которое ему предлагается: не плачь, сегодня уже другой день, мы едем дальше...

Это так странно. Человечество, которое веками, да что там веками, тысячелетиями училось переживать центральные события своей жизни – рождение и смерть, в наше время решило просто не придавать значения Великим Переходам.

Но бессмертие получилось какое-то мелкое. Суевливое, болтливое мельтешение – хаос, первичный бульон, в котором и впрямь не имеет значения тот или иной надувшийся и лопнувший пузырь.

Те, кто просто работает сегодня и лепит этот хаос в виде крылечек, лесенок и дверок, – дело не в них. В бессознательном состоянии творческий человек становится абсолютным орудием среды. Он ловит поток и отражает именно то, чем болеет (простите, живет) сейчас общество. Общество живет хаосом и надеется, погрузившись в хаос, обрести бессмертие. Да, безличное, да, бессмысленное. Но зато прямо сегодня можно не думать о том, почему улица Советская упирается в рекламу бюро похоронных услуг. Кстати, вы заметили? Больше никто не говорит «похоронных услуг», и в рекламе так не пишут. Следует писать «ритуальных». Вот. Рождение и смерть не более чем ритуал. Так почему не сделать его покороче и попроще? Ритуалы, они же такие скучные и бессмысленные...

Ворота, двери, крыльца – традиционно зоны, нагруженные глубоким символическим смыслом. Японские тории, европейские триумфальные арки, парадные крыльца кремлевских дворцов напоминают душе о важности Входа и Выхода. Взаимодействуя с входными зонами, мы каждый раз репетируем Приход и Уход в этот мир. А крылечки, которые мы оставим следующим живущим, расскажут о наших экзистенциальных проблемах лучше любой энциклопедии.

Первый юбилей

текст
Марина Ткачева

26–29 ноября 2009 года в Братске состоялся пятый, юбилейный фестиваль рекламы, дизайна и архитектуры северных городов «FRESH», став, по сути дела, всероссийским.

Организатор, идейный вдохновитель и бесценный директор фестиваля Николай Самсонов считает, что северные города России имеют характерные черты: суровый климат, сдержанность в цветовом оформлении, ограниченный выбор архитектурных объектов и т.д. Именно Братск как центр северных территорий Иркутской области и город с богатой историей строительства может и должен стать экспериментальной площадкой для обсуждения и воплощения свежих творческих идей молодых специалистов. «Акцент на творчестве молодых дизайнеров и рекламистов сделан не случайно: в Братске два вуза (филиал Иркутского госуниверситета и Братский политехнический университет) готовят дизайнеров и специалистов PR. Это чрезвычайно креативные и амбициозные молодые люди. А возможности применять профессиональные навыки после окончания вузов были достаточно ограничены. Поэтому Братск терял молодых способных дизайнеров: им негде было развернуться. Шесть лет назад я, как главный художник города, предложил идею фестиваля. Руководство Братска, мэр С.В. Серебренников поддержали проект», — сказал в интервью члену редколлегии журнала «Проект Байкал» Марине Ткачевой Николай Самсонов.

Формат фестиваля отличается от «Зодчества Восточной Сибири»: его приоритетом является синтетический подход к оформлению города, когда усилиями дизайнеров, рекламистов и архитекторов утверждается Свежий (FRESH) Взгляд и на его сегодняшнюю жизнь, и на историю. Директор национального фестиваля рекламы «Идея!», руководитель отдела РА «Мелехов и Филюрин» (Новосибирск) Елена Кардаш назвала фестиваль «FRESH» уникальным: это единственный фестиваль в стране, объединивший усилия трех направлений творческой деятельности — архитектуры, рекламы и дизайна. Миссия фестиваля — подъем профессионального уровня рекламы, архитектуры и дизайна у молодых специалистов, продвижение на уровне города, региона и страны наиболее талантливых авторов; стимулирование профессионального творчества молодых профессионалов и студентов для развития благоустройства городского пространства и архитектуры северных городов; эффективной социальной рекламы; развитие положительного имиджа, известности и инвестиционной привлекательности города Братска, Иркутской области и северных городов России. Организаторы подчеркивают его некоммерческий, социальный характер, заинтересованность горожан и городских властей в его проведении.

Основной конкурс проектов впервые проходил в режиме электронного доступа: конкурсные проекты выкладывались

на сайте фестиваля. Это удлило время его проведения, уменьшило стоимость и соответствовало менталитету большинства молодых россиян, зачастую ограниченных в средствах, но стремящихся к самореализации и инициативе.

В 2009 году конкурсная программа фестиваля «FRESH» проходила по 16 номинациям: «Телевизионная реклама», «Наружная реклама», «Малые архитектурные формы», «Реклама на радио», «Печатная реклама», «Реклама в Интернете», «Социальная реклама», «Нестандарт (Ambient)», «Выставочная деятельность и промо-акции», «Графический дизайн», «Реклама на транспорте», «Этикетка и упаковка», «Сувенирная продукция», «Реклама в интерьере», «Детское творчество», «Конкурс концепций информационных кампаний Года Молодежи в России». Кроме этого, в программе появилась новая номинация — «Детское творчество».

Кроме конкурсной программы, во время фестиваля проходили круглый стол «Состояние наружной рекламы в России», научно-практическая конференция, мастер-классы и кинопоказ «Лучшая мировая реклама — 2009». Культурная программа тоже вызвала одобрение участников и гостей концептуальностью и хорошим уровнем актерской подготовки участников.

В фестивале принимали участие дизайнеры и архитекторы Братска, Москвы, Новосибирска, Иркутска. По словам директора компании Inventis, эксперта в области профессиональных сетевых сообществ, соавтора руководства по созданию профессиональных интернет-сообществ (Москва) Михаила Чепова, фестиваль продемонстрировал отнюдь не провинциальный уровень экспозиции и современный подход к решению профессиональных проблем.

Работа секции «Архитектура» открылась экспозицией завершенных за истекший год проектов ведущих архитекторов Братска. Особый интерес вызвала впервые проводимая

в рамках «FRESH» передвижная выставка работ лауреатов Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири — 2009». В секции «Архитектура» состоялась встреча братских архитекторов, архитектурной общественности и студентов с почетными гостями фестиваля. Перед собравшимися выступили вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН и МААМ, лауреат Госпремии России в области архитектуры Елена Григорьева, председатель правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России Игорь Козак, ответственный секретарь правления ИРО САР Инна Дружинина, а также председатель комитета по градостроительству администрации Братска Алексей Бельков и заслуженный архитектор России, председатель правления Братской организации САР Виктория Астраханцева.

Большой интерес вызвала сделанная Еленой Григорьевой презентация нового проекта «Реконструкция квартала 130» в городе Иркутске, который сегодня является объектом внимания губернатора Иркутской области Дмитрия Мезенцева. Она вызвала немало вопросов, которые касались самых разных

тем – от технических деталей транспортной развязки проекта реконструкции до перспектив благоустройства внутридворовых территорий в Братске.

Доклад о перспективах развития города, сделанный главным архитектором Братска А. Бельковым, участие представителей городской администрации в мероприятиях фестиваля придали особый статус «FREШу». Во второй день фестиваля состоялось расширенное заседание Братской организации союза архитекторов России. Помимо членов БОСАР и почётных гостей фестиваля, в нем принимали участие преподаватели и студенты вузов города, художники и горожане. Одной из интересных новых тем для братских архитекторов, наряду с сообщениями о 3-м пленуме САР, Международном фестивале «Зодчество-2009» в Москве, о смотре-конкурсе «Градостроительство-2009», стала информация о создании правового центра при САР для оказания квалифицированной помощи и правовой защиты профессиональной деятельности его членов. Очень своевременным оказалось сообщение Игоря Козака о том, что буквально накануне Байкальское общество архитекторов и инженеров, объединившее архитекторов Восточной Сибири, получило статус саморегулируемой организации.

Дискуссионным было обсуждение нового закона «О тендерах и закупках», который непосредственно коснулся и архитекторов: зачастую при выборе проекта теперь проводятся тендеры, а не традиционные архитектурные конкурсы. «Новый закон имеет ярко выраженную антикоррупционную направленность и предписывает чиновникам при проведении тендеров ориентироваться на низкую стоимость и быстрые сроки выполнения заказа. Стоит ли говорить, что в архитектуре при подготовке проектов тех или иных объектов скорость и дешевизна не самые лучшие показатели, если не наоборот, – сказала Е. Григорьева. – Не знаю, как для вас, но для нас, для общества и государства новый порядок утверждения проектов – это больной вопрос. Мы говорили об этом министру культуры Авдееву, когда он в августе приезжал в Иркутск. И продолжаем говорить на всех уровнях о том, что хотя бы для бюджетных объектов следует организовывать конкурс на архитектурное решение еще до того, как объявлен тендер. Это необходимо, чтобы увидеть, какие проекты самые экономичные, самые рациональные, экологически самые совершенные, прогрессивные, посмотреть их эстетические качества. Иначе нельзя. И наша задача как профессионалов – доказать властям, обществу, что это связано с вопросами безопасности».

В конце встречи председатель комитета по градостроительству администрации Братска Алексей Бельков наградил победителей и призеров недавно завершившегося городского архитектурного конкурса. Е. Григорьева и председатель правления БОСАР В. Астраханцева поздравили новых членов САР А. Леухина и С. Баублиса и вручили им значки и билеты членов САР.

Председатель жюри креативный директор Центра рекламных исследований Grand Prix, ведущий в России эксперт по социальной рекламе и оценке эффективности рекламы и новых медиа Владимир Вайнер (Москва) особо отметил социальный пафос фестиваля, востребованность его миссии и жизнеспособность фестивальных инициатив.

Summary

Page 32

“SOCIAL SUSTAINABILITY OF HISTORICAL DISTRICTS” in SEOUL

The Social Sustainability of Historical Districts program intends to establish the UNESCO Chair in Yonsei University about ‘Social Sustainability in Historical Districts’ mainly focused on East Asian cities. The Chair professor will cooperate with other universities and research group in order to enhance the research field and disseminate and share its result with other countries. In most developed countries, while dealing with the historical parts of a city, main emphasis has been placed on the topic, how to preserve the remaining things. Therefore these historical districts are unable to develop themselves and sometimes they become obstacles for the urban expansion in general. This program isn't trying to turn the architecture, streets, ruins or cultural heritage into a museum but to reinforce the urban identity. It is focusing on a program using these districts as resources. This plan, which is interrelated and mutually supplementary, will provide necessary base for the scientific development and professional education which we want to achieve. The system of visiting professors, visiting students, special studios, and international workshops will be used to reinforce the contents of this program. Website and publication is the way of visibility of this research to the public and continuous updates will be carried out.

The historical city of Seoul and its social and cultural heritage

The value of historical and cultural resources becomes more important as cities evolve. Seoul City which has declared “Vision 2015, Cultural City Seoul” is being transformed little by little each day. This is happening through qualitative urban regeneration of post-industrialization of advanced cities. UNESCO, which officially designates and protects world cultural heritage is now taking much interest in Seoul's historic districts. This is indeed a welcome development. In particular, the “UNESCO Chair Social Sustainability of Historic Districts in Seoul” program presented by the UNESCO department of Social and Human Sciences is very timely. And I believe maintaining harmonious urban revitalization through balanced preservation of historical and cultural resources, economic development, and social integration will become one of the greatest challenges of this era.

The four ancient gates of Seoul are the border points of the old fortress city surrounding the five royal palaces: Gyeongbokgung, Changdeokgung, Changgyeonggung, Gyeongheegung, and Deoksugung. The historic district of Seoul, the ancient capital for 600 years, not only includes well-protected designated cultural properties (palaces), but also includes places that are gradually becoming more appreciated by the day. They include cities like Bukchon, Samcheong-dong, Insadong, and Jeong-dong which are known for their positive historic and cultural ambience. Other significant places that will be inducted into the historic district include places like Iksun-dong and Chebu-dong. These are filled with densely lined hanok and traditional housing in rather shabby surroundings. The very narrow and secluded Donhwamoonro Street of Pimgil and Gongpyeongdong as well as Nakwon Arcade and Sewoon Arcade, reflect traces of modernization but are on the verge of extinction. The so-called “octopus alley” of Mugyo-dong is also less well-known.

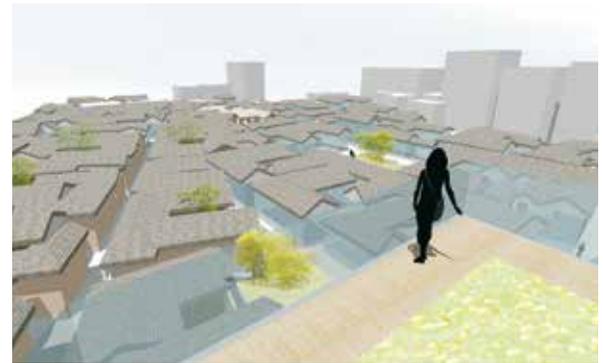
A new starting point in Asian urban studies

Since the Habitat II Conference, Istanbul, 1996, the UNESCO Sector of Social and Human Sciences has developed tasks and

discussion points related to urban revitalization of historical districts. International research on “Social Sustainability of Historical Districts” began during the second World Urban Forum, Barcelona, 2004. The theme in 2004 was “Cities: Crossroads of cultures, inclusiveness and integration”. Currently, a variety of research projects on historical districts are under way. These include: MOST (Management of Social Transformation) in Latin America; Small Historical Coastal Cities in the Mediterranean; and Revitalization Project in Former Communist Countries in Central Europe.

Now, in 2009, the program of the UNESCO Chair Social Sustainability of Historical Districts for Asian cities is in Seoul. Hosting this international workshop & symposium is a great honor for this 600-year-old capital city. I propose the creation of a historical city from sustainable and integrated perspectives that accommodate social needs while maintaining the unique characteristics of Seoul. This should lead to a change from the past inflexible perspective that saw only museumlike preservation of historical districts. The truth is that museum-like preservation, without social consensus, only delays the disappearance of preservation efforts. This, then, leads to thoughtless “instant” development. Quick development places a heavy burden on public organizations' annual budgets. With the exception of some historical districts that must be preserved, an “inclusive approach” is needed for most historical districts. This will lead to preservation and development of cultural values, daily life conditions, and economic survivability of each district. Therefore, “Social Sustainability of Historical Districts” is significant because it simultaneously studies the historical and social aspects of the cities. Particularly for Asian cities, research has become all the more important as many cities are currently experiencing rapid urbanization.

To create authentic historical and cultural cities
The UNESCO Chair Social Sustainability of Historical Districts Program will continue to extend its effort to other major

cities of Asian countries: Vietnam, North Korea, India and Japan. The opening year of this program is in South Korea. The Paris-based UNESCO headquarters is taking keen interest in this program. This is an important research project studying Asian cities. It is highly concerned with historic district research from the new social sustainability perspective. Moreover, this program not only features close collaboration between Asian countries and their cities but with world-class universities and research institutions in the United States, the United Kingdom, and France. The program will be carried out in diverse forms encompassing international workshops and symposiums, regional seminars, exchange programs for professors and students, etc. All this raises anticipation and excitement as I look forward to a successful program.

An international workshop on the “Social Sustainability of Historical Districts in Seoul” took place on February 14-21 and an international symposium was held on February 22.

The international workshop and symposium invited 60 professors and students from eight universities around the world, including students of University College London led by Professor Claudio de MAGALHAES, students from Tongji University led by Professor SHA Yongjie, students from the University of the Philippines led by Professor Jose Danilo SILVESTRE, students from the National University of Singapore led by Professor WONG Chong Thai students from King Mongkut’s Institute of Technology Ladkrabang led by Professor Poon KHWANSUWAN, students from Hanoi Architectural University led by Professor NGUYEN Hong Thuc, and students from Seoul’s Yonsei University led by Professor SHIN Chun-gyu, Professor CHOI Yoon-J., Professor Haven KNIGHT, and Professor CHOI Choon and CHO Jae-Won.

Also It gives me a great pleasure that the International Workshop on “Social Sustainability of Historical Districts in Seoul” has delivered an excellent outcome. The panel of judges – Brigitte COLIN, Marina FAETANINI, JIN Hee-sun and myself – had difficulty selecting the winners from the unique and outstanding proposals.

Adhering to the UNESCO’s set rule of choosing only three works, the judges decided on the final three winners after two rounds of deliberation. Although some students conducted pre-research¹, these feats have been achieved as a result of joint collaboration among professors and students of different cultures within a short period of time. This is certainly a noteworthy outcome of this UNESCO event.

Twelve projects that presented concrete measures for the improvement of the historical districts in Seoul have been proposed, particularly on palaces and Korean traditional hanok housing. The Jongno-gu district, where modernity and the contemporary are blended, includes: Donhwamun-ro Street, Ikseon-dong, Insadong and Nakwon Arcade. The twelve projects are: “Importance of the Local Population for Social Sustainability,” with the participation of Ph.D. students adopting a theoretical approach; <Flow; Making a New DonHwaMun-Ro Street Experience>, <Hiding & Un- Hiding>, and <Cultural Wall> that were themed on Donhwamunro; <Balance>, <Connecting The Dots>, <Rediscovery of Ik-sun> that featured Ikseon-dong; <Nakwon Street> and <Extension and Attraction> that highlighted the Nakwon Arcade; <Cultural Line in Insadong>, <Traditional Connectivities-Beyond the Commercial

Axis> and <Inside Insadong> that featured Insa-dong. Projects on Donhwamun-ro, a landmark street, mainly focused on refurbishment of buildings on the street and networking with the volume of old buildings and inserted cultural programs to facilitate interaction with neighboring areas and its revitalization.

The projects present different solutions in consideration of historicity and sociality of respective sites. Although there were difficulties due to the high standards of the “Social Sustainability of Historical Districts” program itself and working beyond barriers of different cultures, it is deemed that the multicultural collaborative project

served as a good opportunity helping view the Korean city from broader and more varied perspectives, departing from narrow-minded, goal-oriented perspectives. As Seoul is entering a post-industrialization era of culture, like other advanced cities, the UNESCO direction that seeks a realistic balance of “social sustainability,” neither simple conservation of historic and cultural resources nor another development with a cultural image, offers significant implications that renew the Korean people’s perceptions on historical districts.

LEE, Sang Leem

Page 131

Monuments in Nobody’s Zone

The ancient Greek culture used to be flexible while adapting itself to the nations it conquered. The Romans suppressed local traditions and brought in their own. The Greeks transformed to become at one moment the Egyptians, and at another the Byzantines. The Romans reproduced Rome everywhere.

Thus, Greek antiquity aims at creating unique objects reflecting peculiarities of the building area and time. Roman architecture searches for universal techniques and elements to reproduce them in any climate and landscape.

Architecture and design differ the same way. Architecture always deals with a certain object tied to the territory and peculiarities of the cultural context. Design works with abstract formulas universal for the whole humankind. Architecture is regional by nature, and design is global. Acquiring extranational and extracontext features, the today's global architecture turns into "the real estate design".

The contrast between architectural and design approaches is most demonstrated in the issues of historical and cultural monuments. Having conquered Greece, Rome exported a great number of statues, columns, scrolls and educated people to the mother country. Greek originals were also copied in bulk. The Greeks did nothing of that kind on the occupied territories, and it was hardly due to their humanism. From the point of view of Greek aesthetics, a thing taken out of the context (particularly its copy) loses its aesthetic and sacral value.

Present-day disputes on ideology and methods of preservation of historical and cultural heritage finally turn on a common question: what is to be preserved? What makes an architectural monument valuable? In the sphere of relations between architecture and design there are two diametrically opposed approaches.

The "Roman" (design) approach considers a monument valuable first of all regarding its appearance – the embodiment of stylistic peculiarity. In this case the style involves the principles for making an aesthetic image that can be singled out, formalized and replicated. In other words, a monument is valuable because its appearance presents a pure canon of beauty to be used for designing a big number of other beautiful objects.

The architectural ("Greek) paradigm contends that the monument's value is not only in its appearance or building material. The tools used for processing the material and the monument's environment are of great importance as well.

For us, the Irkutsk citizens, the destiny of historical wooden houses is a touchstone of relations between architecture and design. The design, universal and globalistic approach together with "imperial" aspirations of the local caesars have already caused a great damage to the architectural image of the city. The historical features

of its center are still saved from obliteration only due to the unique volume of wooden houses inherited from the previous generations. Maybe it is time for architects to make their presence felt. Then the preservation object will be not only a postcard-like appearance of a few "exemplary" houses. The way of vital life permeating through the whole structure of a block of wooden houses will be maintained in the best ancient traditions of architectural art.

This will be a firm architectural basis for arranging cooperation with designers.

Konstantin Lidin

Page 135

ARCHITECTURE AND DESIGN: A CONFLICT OR A PEACEFUL COEXISTENCE?

It is customary to assume that Architecture (A) and Design (D) are linked by thousands of historical and other ties. Design arises from architecture, it is propagated by architects, it grows stronger and renders architecture great services. What conflict is meant then?

There are at least four spheres or contexts of possible contradiction between A and D.

1. Space. Design is mobile, and architecture is stable and grounded.

2. Time. Architecture is aimed at overcoming the current moment and directed towards eternity, where the past and the future are constantly flowing into each other. Therefore architectural forms preserve their sense in ruins. Design is present-moment and future-oriented. It is destined to die and to be replaced by new forms and senses in the future.

3. Repeatability. Fundamentally architecture is uniqueness-oriented. Design products are for mass replication.

4. Sign, Body and Energy. Design products are more related to labor and consumer activities, they lighten the labor and heighten the consumer's pleasure. Anyhow, they are synchronous with processes of labor and consumption. Architectural symbolism is mostly aimed at overcoming the gap between labor and consumption. It makes a kind of energy and value accumulator enabling a human being to overcome a temporary (seasonal) deficit of creature comforts and opportunity to work.

In design the sign dominates over materiality or corporality of a thing. It is concerned with the least-effort principle in design and finally leads to ephemerization of design world.

Architecture cannot break off its rigid connection with the ground and its phenomenological fusion with a human body. Its sign-oriented nature is only partially expressed in its forms. The architectural forms transcendently surpass its functional and symbolical relations.

Architecture implicates mythology and religion, and Design acts as an alternative to a traditional mythology and religion or as a new mythology and a religion of consumption and luxury.

Considering all the signs of degradation of human evaluation of modern architecture as destruction of its mythological roots, I come to the conclusion that in the nearest future the fundamental values serving as a basis both for architecture and design will be thoroughly revised. The forms of coexistence and interpenetration of design and architecture will become a sound topic for fierce disputes and radical theoretical conceptions. If such stocktaking is too slow, it may cost the humankind no less than elimination of liquidity crisis in American banks. For the crisis of people's confidence in dominating forms of environment may give rise to anxiety and despair, no less than doubt in safety of bank deposits. The contributions made by architecture and design to the intellectual values bank is no less important and necessary for normal existence of a human being and humankind.

Alexander Rappaport, Latvia, Russia

Франция. Париж. Школа. Жан Нувель. Стеклопанельная стена изолирует пространство внутреннего двора школы от улицы, в то же время становясь местом самовыражения учеников – картиной, афишей, граффити. Фото Александра и Игоря Козак.

Marina Abdullina – journalist (Irkutsk)

Vladimir Belogolovskiy – architect and curator, Professor of the International Academy of Architecture (Moscow Branch), American correspondent of the magazines “Architecturniy Vestnik” and “TATLIN and SPEECH” (New York)

Alexei Belsky – architect as project manager, II category architect-restorer (Irkutsk)

Yuri Volchok – Professor of Moscow Architectural Institute

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

Inna Druzhinina – head of the architectural bureau-2 of the Irkutskgrazhdanproject open JSC, architect as project manager, member of the Board of the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Alexander Ershov – leading architect of the OOO “ADM” (Krasnoyarsk)

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design of the Faculty of Fine Arts at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers of Russia, member of the Union of Architects of Russia, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Art and Industrial Design Branch)

Andrei Ivanov – city planner, Master of City Management and Development (Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands), deputy editor-in-chief of “Architecturniy Vestnik” magazine (Moscow)

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Design at Pacific State University (Khabarovsk)

Leonid Kogan – Doctor of Architecture, head of the sector on social and town planning of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)

Alexandra Kozak – architect, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Lyudmila Kozlova – post-graduate student of the Architectural Faculty at Irkutsk State Technical University

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, professor of Khabarovsk Academy of Construction and Architecture

Alexander Levintov – Ph.D. in Geography, expert of the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Sang Leem Lee – UNESCO Chair Professor at Yonsei University (Seoul)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Yana Lisitsyna – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Artists of Russia, member of the Union of Journalists of Russia

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, research officer of the Museum of Architecture at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University

Alexei Myakota – director of the OOO “ADM”, head of the Town Planning Unit of the Krasnoyarsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Artem Olshevich – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Anastasia Potapova – undergraduate of the Faculty of Architecture and Design at Irkutsk State Technical University

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Moscow Union of Architects, member of the Union of Designers, observer of the internet magazine “Architector” of the MUA website, member of the International Association of Architectural Critics

Boris Rodoman – Doctor of Geography, leading research officer of D.S.Likhachev Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Mikhail Sklyarevskiy – archeologist, head of the archeology department of the Service for Protection of Cultural Heritage of the Irkutsk Region

Alexander Slabukha – head of the department of Town Planning of the Siberian Federal University, Ph.D. in Architecture, Professor, chairman of the Krasnoyarsk regional branch of the All-Russian Society for Preservation of Monuments of History and Culture (VOOPiK), adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Irina Teplyakova – architect (Irkutsk)

Vladimir Tikhonov – Ph.D. in Culturology, director of the Architectural and Ethnographic Museum “Taltsy” (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Eduard Tovmasyan – chairman of the judges of the competition of the children’s architectural and art works at the XVII International Festival “Zodchestvo 2009”, member of the Board of the Union of Architects of Russia, honorary architect of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)

Roman Ushkov – specialist in computer games (Moscow)

Natalia Ushkova – psychologist, journalist (Shumen, Bulgaria)

Xavier Fabre – director of the architectural bureau “Fabr/Speller”, author of the renovation project of the Mariinsky Theatre Concert Hall in Saint Petersburg (Paris)

Tatyana Chebotareva – architect (Irkutsk)

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University, federal (free-lance) expert of the Rosokhrankultura Federal Service, head of the Cultural Heritage Sector of “Irkutskpromstroiproject” open JSC, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize 1996, member of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites), member of the Union of Architects of Russia

Andrei Sholokhov – designer (Irkutsk)

Редакция журнала «Проект Байкал» приносит свои извинения читателям и Ольге Железняк за неверную информацию, данную Алексеем Чертиловым в интервью «Желтый-Белый дом, Серый город» в ПБ19.

Ольга Евгеньевна сообщила нам, что она не выполняла проект цветового решения заповедной улицы Карла Маркса в Иркутске, как об этом говорит в своем интервью «Желтый-Белый дом, Серый город» А. Чертилов, тем более с теми «историческими ошибками», на которые указывает автор. Концепцию колористики Иркутска разрабатывал Всесоюзный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (ранее – Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА)), руководитель авторского коллектива А.В. Ефимов, ведущий специалист по исследованию и проектированию колористики города в нашей стране. Этот же институт выполнил цветовое проектное предложение улицы Карла Маркса. Проект в свое время был принят администрацией города и частично реализован.

Абдуллина Марина Ринатовна – журналист (Иркутск)

Белоголовский Владимир – архитектор и куратор, профессор Международной академии архитектуры (Московское отделение), американский корреспондент журналов «Архитектурный вестник», ТАТЛИН и SPEECH (Нью-Йорк)

Бельский Алексей Павлович – главный архитектор проектов, архитектор-реставратор II категории (Иркутск)

Волчок Юрий Петрович – профессор Московского архитектурного института

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Дружинина Инна Евгеньевна – главный архитектор АПМ-1 ОАО «Иркутскгражданпроект», ответственный секретарь Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Ершов Александр Валерьевич – ведущий архитектор ООО «АДМ» (Красноярск)

Железняк Ольга Евгеньевна – профессор, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства Иркутского государственного технического университета, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (отделение «Художественный и индустриальный дизайн»)

Иванов Андрей Владимирович – градостроитель, магистр городского менеджмента и развития (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), Москва

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, зав. сектором социально-градостроительных проблем Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, почетный член Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Козак Александра Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Козлова Людмила Валерьевна – аспирантка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Тихоокеанского государственного университета, дважды лауреат Губернаторской премии (Хабаровск)

Левинтов Александр Евгеньевич – кандидат географических наук, эксперт Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (Москва)

Ли Санг Лим – профессор кафедры ЮНЕСКО в Йонсейском университете (Сеул)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Лисицына Яна Юрьевна – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, член Союза художников России, член Союза журналистов России

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Мякота Алексей Дмитриевич – директор ООО «АДМ», руководитель секции «Градостроительство» Красноярской региональной организации Союза архитекторов России

Ольшевич Артем Юрьевич – студент архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Потапова Анастасия Васильевна – магистрант факультета архитектуры и дизайна Иркутского государственного технического университета

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Родоман Борис Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Москва)

Скляревский Михаил Яковлевич – археолог, начальник отдела археологии Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области

Слабуха Александр Васильевич – заведующий кафедрой градостроительства Сибирского федерального университета, кандидат архитектуры, профессор, председатель Красноярского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), советник Российской академии архитектуры и строительных наук

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологии, директор архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Томвасьян Эдуард Ованесович – председатель жюри смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества на XVII Международном фестивале «Зодчество-2009», член правления Союза архитекторов России, заслуженный архитектор России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Ушков Роман Николаевич – специалист по компьютерным играм (Москва)

Ушкова Наталья Николаевна – психолог, журналист (Шумен, Болгария)

Фабр Ксавье – директор архитектурного агентства «Фабр/Спеллер», автор проекта реконструкции Концертного зала Мариинского театра в Санкт-Петербурге (Париж)

Чеботарева Татьяна Юрьевна – архитектор (Иркутск)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, эксперт Федеральной службы Росохранкультуры, руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутский Промстройпроект», лауреат Премии губернатора Иркутской области, член ICOMOS (Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест), член Союза архитекторов России

Шолохов Андрей Викторович – дизайнер (Иркутск)

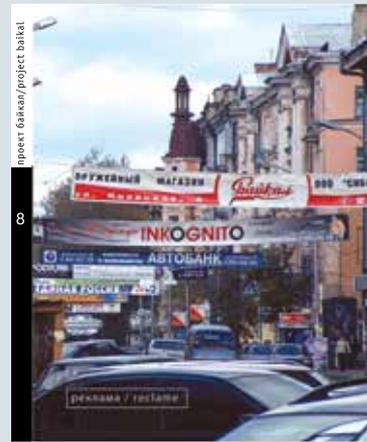
6

проект байкал/project baikal

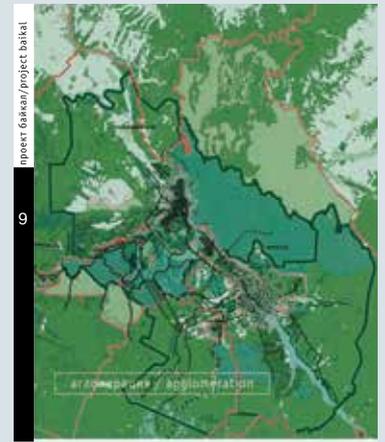
7

проект байкал/project baikal

8

проект байкал/project baikal

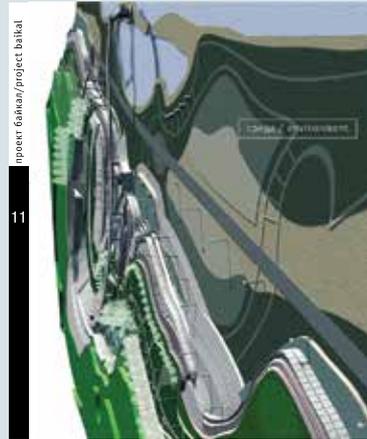
9

проект байкал/project baikal

10

проект байкал/project baikal

11

проект байкал/project baikal

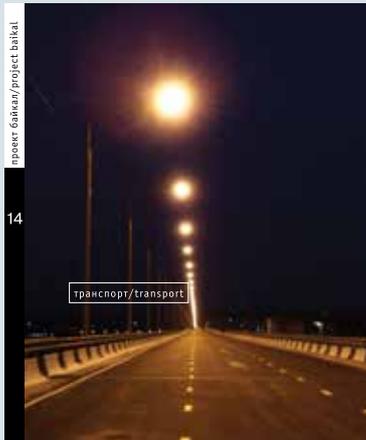
12

проект байкал/project baikal

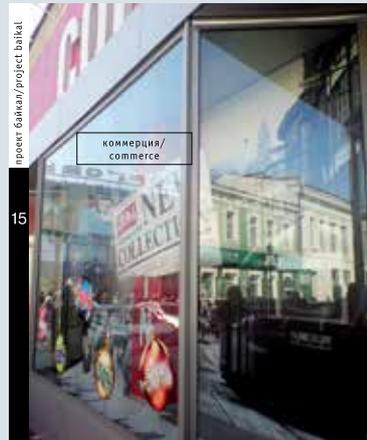
13

проект байкал/project baikal

14

проект байкал/project baikal

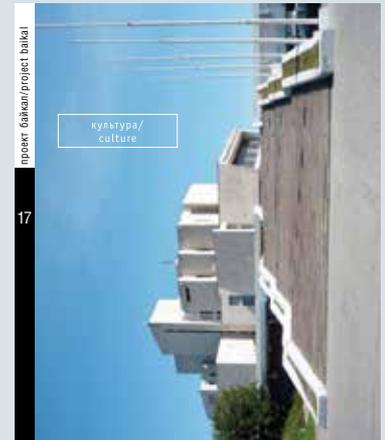
15

проект байкал/project baikal

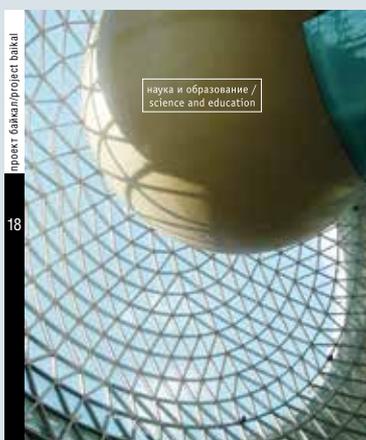
16

проект байкал/project baikal

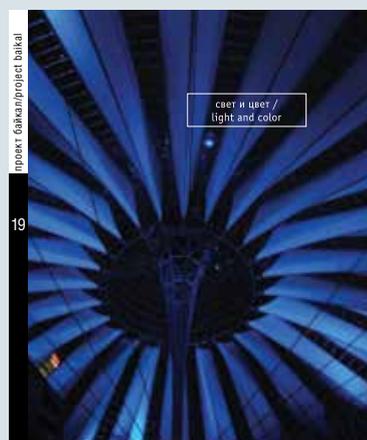
17

проект байкал/project baikal

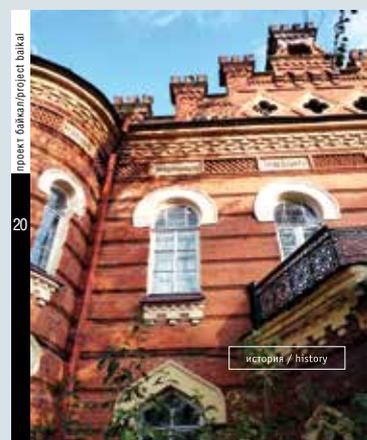
18

проект байкал/project baikal

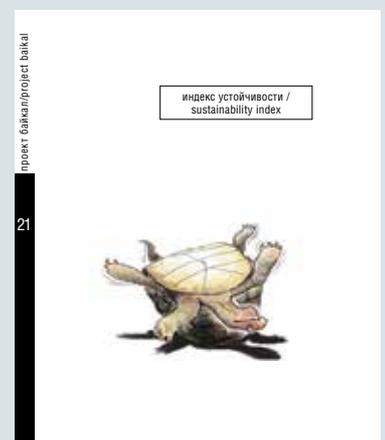
19

проект байкал/project baikal

20

проект байкал/project baikal

21

проект байкал/project baikal

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Приобрести журнал можно: Дом архитектора, пер. Черемховский, 1а
«Иркутскгражданпроект», ул. Степана Разина, 27, оф. 701
ИрГТУ, архитектурный факультет, методический кабинет